A photograph of a white building with a red-tiled roof, situated on a grassy hillside. The building has a small arched window and a stone path leading to it. The background shows a forested valley and distant hills under a blue sky with light clouds. The text is overlaid on the top left of the image.

Д. Ю. ВАЩЕНКО
А. А. ПЛОТНИКОВА

ЯЗЫК И НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА
ГРАДИЩАНСКИХ ХОРВАТОВ
ВЕНГРИИ (XX-XXI ВВ.)

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

*Д. Ю. Ващенко
А. А. Плотникова*

ЯЗЫК И НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА
ГРАДИЩАНСКИХ ХОРВАТОВ ВЕНГРИИ
(XX–XXI ВВ.)

Москва
2024

УДК 811.163.42

ББК 81

Рецензенты:

д. фил. н. К. В. Лифанов,
к. фил. н. Г. П. Пилипенко

Ващенко Д. Ю., Плотникова А. А.

В 23 Язык и народная культура градищанских хорватов Венгрии (XX–XXI вв.). – М.: ИСл РАН, 2024. – 272 с., ил., карты.

ISBN 978-5-7576-0505-0

DOI: 10.31168/7576-0505-0

Монография представляет собой обобщение данных полевых этнолингвистических экспедиций к градищанским хорватам Бургенланда в 2017–2019 гг. Рассматривается терминологическая лексика и традиционная духовная культура градищанских хорватов, проживающих преимущественно на территории западной Венгрии. Исследуются основные мотивы народного календаря, особенности семейной обрядности и характеризующие ее основные лексико-тематические группы, специфика сохраняющихся народных мифологических представлений и соответствующая диалектная лексика. Важная часть монографии посвящена анализу градищанскохорватской частной переписки начала XX века. Определяются графика, орфография и иные особенности писем жителей одного из сел Северного Градища – Чунова, находящегося в настоящее время на территории Словакии. Особое внимание уделено топонимам и заимствованиям (немецким и венгерским), а также терминологической лексике народной культуры, которая обнаруживается в исследуемой частной корреспонденции.

Книга адресована специалистам разного профиля – диалектологам, историкам языка, этнолингвистам, лексикологам, социолингвистам, фольклористам, этнографам, а также всем, кто интересуется славянскими языками, их развитием и современным состоянием, традиционной народной культурой славян.

© Д. Ю. Ващенко, А. А. Плотникова,
Текст, 2024

© ИСл РАН, 2024

ISBN 978-5-7576-0505-0

Оглавление

Предисловие	5
Глава I. Заметки о полевых исследованиях	
Предварительные замечания	20
I.1. Среднее Градище на пограничье с Австрией	24
I.2. «Водные хорваты» между тремя мирами.....	33
I.3. Южное Градище в окружении венгерских и немецких сел	42
Глава II. Народная традиция градищанцев Венгрии: архаические черты и заимствования в языке и культуре	
II.1. Народный календарь	53
II.2. Семейная обрядность: особенности традиции и дифференциация терминологической лексики	84
II.2.1. Свадебная обрядность.....	84
II.1.2. Родинная обрядность	100
II.1.3. Похоронно-поминальная обрядность	103
II.3. Специфика народной мифологии	116
Глава III. Анализ письменного источника начала XX века: градищанскохорватская частная переписка	
Предварительные замечания.....	140
III.1. Графика, орфография и иные особенности писем.....	145
III.2. Заимствования (германизмы).....	149
III.3. Топонимы.....	177
III.4. Терминология народной духовной культуры	195
III.5. «Святое письмо» в частной переписке	214
Заключение	220
Принятые сокращения имен	221
Литература и источники	223

Указатели

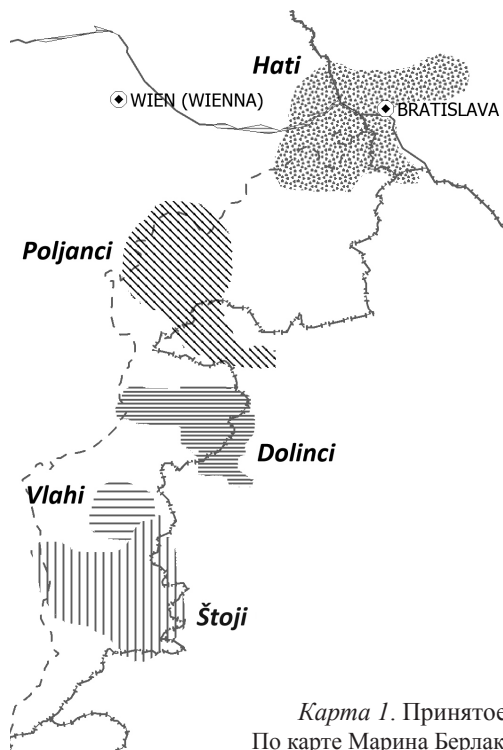
Лексический указатель.....	236
Указатель топонимов.....	253
Тематический указатель.....	256
<i>Список карт</i>	267
<i>Список иллюстраций</i>	268

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателю книга продолжает серию монографий, созданных на основе полевых обследований языка и традиционной народной культуры по этнолингвистической программе для изучения южнославянских и балканских ареалов [Плотникова 2009]. В ряде из них для монографической работы авторы обращаются к какой-либо части традиционной народной духовной культуры, например, к весенней обрядности [Голант 2014] или к целым фрагментам традиционной культуры и отражающей их лексике, например [Плотникова 2016], в частности – в карпато-балканском ареале [Plotnikovová, Uzeňovová 2018]. В данном случае поводом к объемному исследованию послужили три экспедиции – 2017, 2018 и 2019 гг. к градищанским хорватам Венгрии и Словакии (в села на самом юге Словакии, входившие в состав венгерского государства до окончания Второй мировой войны).

Специфика данной территории состоит в том, что до Второй мировой войны и последовавших за ней перемен в социально-общественной жизни все села теперешних градищанцев Венгрии были тесно связаны как с хорватскими анклавами на территории Австрии, так и с селами на Дунае, расположенными в непосредственной близости от Братиславы и принадлежащими сейчас территории Словакии. Наиболее подходящим принципом деления Бургенланда или, в хорватском варианте, Градища – региона, растянувшегося узкой полосой вдоль австрийско-венгерской границы, является его условное членение на три части – Северное, Среднее и Южное Градище (см. **карту 1**). Несмотря на то, что хорваты с первичной территории проживания приходили на северные австро-венгерские земли группами из разных мест Хорватии в течение нескольких веков, сложившееся разбиение на три основные указанные выше группы наиболее удобно для описания локальных явлений и процессов в языке и традиционной народной культуре.

В этом вопросе мы следуем за теорией П. Хоутзагерса о том, что, несмотря на значительные внутренние различия внутри хорватского Бургенланда, существует много характерных лингвистических черт, которые объединяют все или большинство этих диалектов, очень часто включая и кайкавские села (эти общие черты могут быть лексическими,

Карта 1. Принятое членение Градица.
По карте Марина Берлаковича (Marin Berlakovich),

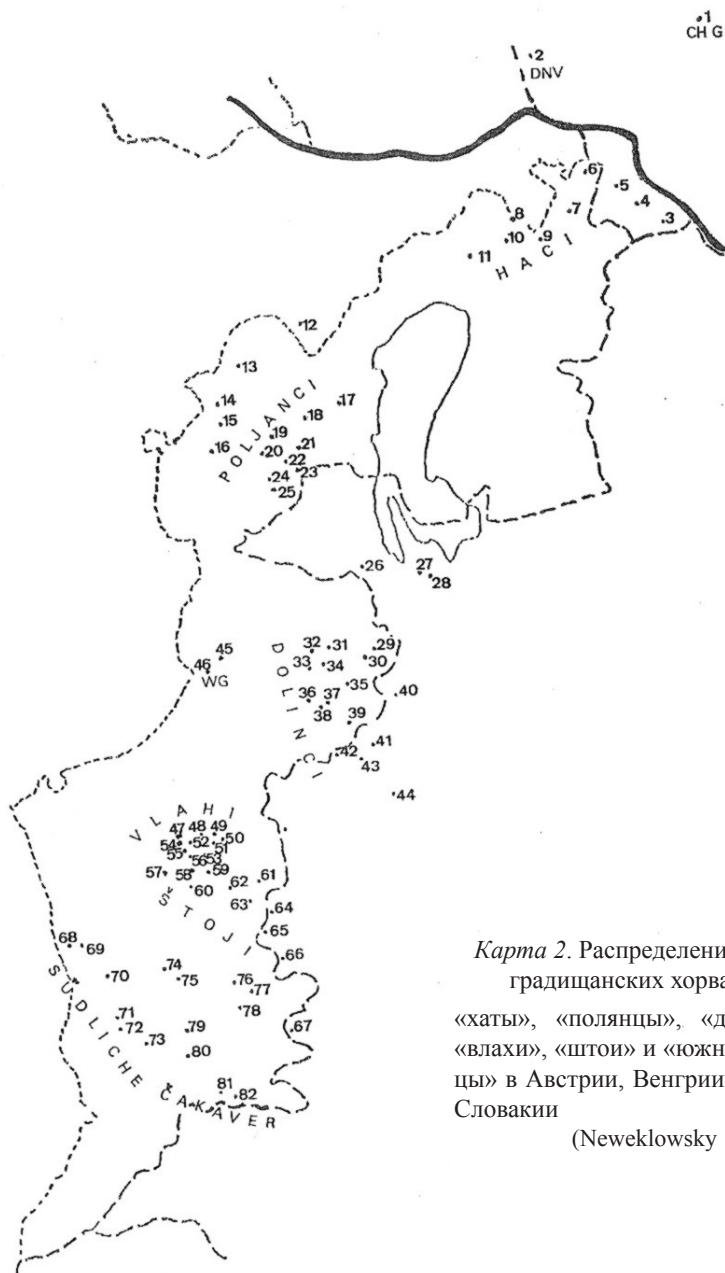
морфологическими или фонологическими). Учитывая различное происхождение типов этого общего бургенландского хорватского языка, такое положение можно объяснить только интенсивными контактами и взаимным влиянием в течение длительного периода [Houtzagers 1999: 26]. В этих формулировках ученый исходил из глубокого комплексного обследования лингвистических черт только двух кайкавских сел в Венгрии (Ведешина и Хомока), но выводы о том, как эти села вписываются в общий контекст «хорватского бургенландского» следует считать очень значительными. При попытке объяснить сложившуюся ситуацию П. Хоутзагерс пишет, что частично ее можно списать на «лингвистическое влияние церкви и школы»: до середины XIX века были говорящие по-хорватски священники (а также и школьные учителя), все они могли быть родом из любой хорватской деревни епархии [Houtzagers 1999: 26]. Важным фактором влияния стало и формирование зачатков литера-

турного языка бургенландских хорватов, основанного на икавско-екавских чакавских диалектах трех самых северных чакавских групп – «хатов», «полянцев» и «долинцев». Этот письменный язык был известен в двух кайкавских селах Венгрии очень рано, как это видно «из ряда документов, написанных там между 1661 и 1710 гг.» [Houtzagers 1999: 27]. В свете указанного влияния говора северных чакавцев на венгерских кайкавцев можно предполагать и общее влияние литературного градищанскохорватского на все группы хорватов в Австрии и Венгрии.

Рассматривая языковые и культурные явления в традиции бургенландских хорватов следует учитывать и тот факт, что после разделения территорий на австрийскую и венгерскую части большее число градищанскохорватских сел осталось на территории Австрии, а меньшее – на территории Венгрии (см. **карту 2**). После Трианонского мирного договора, вступившего в силу в 1921 г. основной массив хорватских сел (80) оказался на территории Австрии и меньшее число (20) – в Венгрии, кроме того, несколько сел попали в границы тогдашней Чехословакии. Крупнейшие культурно-просветительские учреждения градищанских хорватов также расположены в Австрии; на венгерской стороне поддержанию традиции в большей мере способствуют отдельные энтузиасты из местной интеллигенции. Как следствие подобного дисбаланса, наиболее подробно охарактеризованной в отношении разных уровней языка оказалась австрийская часть (работы Г. Невекловского, Х. Кошат, И. Сучича и др., см. прежде всего основательную монографию Г. Невекловского, посвященную всем частям Бургенланда с подробным анализом языковых явлений, снабженным картами их распределения [Neweklowsky 1978]). В меньшей степени проанализированной оказалась венгерская зона (а именно, чакавская и штокавская области, находящиеся на севере, включая «центр» – Среднее Градище, и на юге, соответственно). Это особенно заметно при обращении к лексике, архаичной и заимствованной, тем более – терминологической лексике из сферы традиционной народной духовной культуры. Многие лексические явления, отражающие фрагменты традиционной народной духовной культуры в селах градищанских хорватов на территории Австрии, представлены в специальном разделе книги одного из авторов настоящей монографии (см. [Плотникова 2016: 114–168]).

Хорваты-чакавцы составляют наиболее многочисленную группу градищанцев и Австрии, и Венгрии (преимущественно Северное и Среднее Градище), затем следуют штокавцы (или *štoji*, по их собственной терминологии), которые проживают на юге Бургенланда, и только

Карта 2. Распределение групп
градищанских хорватов:

«хаты», «полянцы», «долинцы»,
«влахи», «штои» и «южные чакав-
цы» в Австрии, Венгрии, Чехии и
Словакии

(Neweklowsky 1978: 347)

Населенные пункты:

1. Chorvátsky Grob
2. Devínska Nová Ves
3. Čunovo
4. Rusovce
5. Jarovce
6. Kittsee
7. Pama
8. Potzneusiedl
9. Gattendorf
10. Neudorf bei Parndorf
11. Parndorf
12. Au am Leithaberge
13. Hornstein
14. Steinbrunn
15. Zillingtal
16. Sigleß
17. Oslip
18. Trausdorf an der Wulka
19. Wulkaprodersdorf
20. Antau
21. Siegendorf im Burgenland
22. Zagersdorf
23. Klingenbach
24. Draßburg
25. Baumgarten im Burgenland
26. Kópháza
27. Hidegség
28. Fertőhomok
29. Nikitsch
30. Kroatisch Minihof
31. Kleinwarasdorf
32. Großwarasdorf
33. Langental
34. Nebersdorf
35. Kroatisch Geresdorf
36. Unterpullendorf
37. Großmutschen
38. Kleinmutschen
39. Frankenau
40. Und
41. Peresznye
42. Ólmod
43. Horvátsidány
44. Tömörd
45. Kaisersdorf
46. Weingraben
47. Rauhriegel
48. Oberpodgoria
49. Parapatitschberg
50. Althodis
51. Unterpodgoria
52. Rumpersdorf
53. Weiden bei Rechnitz
54. Mönchmeierhof
55. Allersgraben
56. Allersdorf
57. Spitzzicken
58. Podler
59. Zuberbach
60. Miedlingadorf
61. Schachendorf
62. Dürnbach im Burgenland
63. Schandorf
64. Narda
65. Csatar
66. Horvátlovő
67. Szentpéterfa
68. Hackerberg
69. Stinatz
70. Stegersbach
71. Heugraben
72. Eisenhüttl
73. Rehgraben im Burgenland
74. Neuberg im Burgenland
75. Güttenbach
76. Harmisch
77. St. Kathrein im Burgenland
78. Kroatisch Ehrendorf
79. Kroatisch Tschantschendorf
80. Hasendorf im Burgenland
81. Großmürbisch
82. Reinersdorf

для двух сел характерно кайкавское наречие, причем именно эти села расположены в Венгрии. Таким образом, на территории сегодняшней Венгрии представлены все три диалекта – чакавский, штокавский и кайкавский. Два кайкавских села – Ведешин / венг. *Hidegség* (Хидегшег) и Умок / венг. *Fertőhomok* (Фертёхомок) находятся недалеко от Шопрона и, отметим, несколько обособлены от соседнего чакавского села Кольноф (венг. *Kópháza*), имеющего более тесные связи с селом Унда. В свою очередь, села Унда (венг. *Und*), Присика (венг. *Peresznye*), Хорватский Жидан (венг. *Horvátzsídány*) и Плайгор (венг. *Ólmod*), расположенные вдоль венгерско-австрийской границы, имеют тесные связи с австрийскими селами Филеж (нем. *Nikitsch*), Мьеново (нем. *Kroatisch Minihof*), Гериштоф (нем. *Kroatisch Geresdorf*) и др.

Начало полемики по вопросу о том, какой именно диалект должен лечь в основу литературного градищанскохорватского (чакавский или штокавский) знаменовало процессы, связанные со стандартизацией этого малого литературного языка (середина XIX в.). Длительный период его становления завершился лишь в 1987 г., когда Австрийский конституционный суд признал стандартный (литературный) градищанскохорватский язык вторым официальным языком земли Бургенланд (Градище), подробнее см. [Плотникова 2016: 117]. Современный литературный градищанскохорватский язык имеет чакавскую основу и икавско-экавский рефлекс «ять» (*díte – lěto*).

Хорватские села, обследованные в ходе первой экспедиции в Венгрии (2017 г.) и второй на территории нынешней Словакии (2018 г.), по основным языковым признакам относятся к чакавско-икавскому массиву сел, расположенному в Среднем и Северном Градище. Начало полевому обследованию хорватских сел на территории Венгрии было положено изучением традиции «долинцев» – трех тесно связанных между собой сел Хорватский Жидан, Присика и Плайгор и чуть отстоящего на север села Унда, которое в свою очередь имеет связи с более близким к Шопрону селом Кольноф (обследование которого удалось осуществить уже только дистанционным методом в 2022 г., подробнее см. I.1.).

В Северном Градище были выбраны придунайские села Яровце и Чуново, которые в настоящее время не входят в состав Венгрии. Эти села «хатов» были присоединены к Словакии лишь после Второй мировой войны (в 1945 г.). Их жители традиционно активно контактировали именно с окружающим немецким и венгерским населением, а также с градищанцами Австрии. В результате их язык и культура не

испытали такого сильного словацкого влияния, как в других градищанских селах Словакии (Девинска Нова Вес, Ламач, Хорватский Гроб), которые отошли по Трианонскому договору к Чехословакии, сильно словакизировались и в настоящее время остаются за рамками нашей работы. Обособленность сел Яровце и Чуново (а также и расположенного между ними с. Русовце) от остальной территории Словакии имеет и географические основания – это единственная территория Словакии, которая находится на правом берегу Дуная, тем самым от массива словацкого этноса их отделяет внушительная водная граница. Вместе с тем, традиция Яровце и Чуново по целому ряду параметров оказывается соотносимой с традицией других хорватских сел Северного Градища, расположенных на территории Австрии и обследованных А. А. Плотниковой в 2007–2014 гг. (здесь уместно вернуться к нашему изначальному тезису, инициированному П. Хоутзагерсом, о том, что многие языковые изоглоссы по тем или иным признакам объединяют разные части Бургенланда, по сути показывая его единство).

В Южном Градище, где на территории Венгрии проживают штокавцы-икавцы (см. [Neweklowsky 1978]), экспедиция 2019 г. во многом опиралась на более раннее, пилотное, обследование двух сел из этой части, предпринятое А. А. Плотниковой – с. Нарда (венг. *Narda*) в 2007 г. и с. Петрово Село (венг. *Szentpéterfa*) в 2014 г.¹ Совместная с Д. Ю. Ващенко экспедиция 2019 г. помимо компактного куста сел Нарда, Горни Четар и Хорватские Шице на территории Венгрии охватила также и Петрово Село, сильно удаленное от трех первых и в силу многих причин имеющее существенные отличия в традиционной народной культуре и корреспондирующей терминологической лексике.

Наши полевые наблюдения во время этнолингвистических экспедиций в Венгрию показали определенное сходство социолингвистической ситуации во всех градищанскохорватских селах. Представители старшего и среднего поколения билингвально, хорватский язык используется ими для внутрисемейного общения, а также для коммуникации в пределах села и при общении с жителями окрестных славянских сел. Все надписи на табличках административного порядка

---

¹ Отметим, что в 2007 г. беседа с информантом из с. Нарда проходила в с. Чемба в Австрии, куда его любезно привезли на машине из родного села коллеги-градищанцы И. Сучич и Н. Бенчич, а в с. Петрово Село А. А. Плотниковой удалось приехать из Пинковаца (нем. *Güttenbach*) в 2014 г. вместе с историком Р. Хайсаном, уроженцем Пинковаца и директором Паннонского института в этом селе.

(название села, на зданиях администрации и дома культуры и т. д.), как правило, представлены на двух языках. В градищанскохорватской речи жителей на территории Венгрии заметно определенное количество унгаризмов, касающихся вводных слов (например, *hogy* ‘итак’), бытовой лексики окружения (например, *bolta* ‘магазин’ и др.), а в окрестностях Сомбатхея – еще и германизмов. Это обусловлено тем, что хорватские села юго-западной Венгрии тесно взаимосвязаны не только с собственно венгерскими селами, но и с окрестными немецкими деревнями Вашкерестеш (венг. *Vaskeresztes*, нем. *Grossdorf*) и Порноапати (венг. *Pornóapáti*, нем. *Pernau*), которые юридически относятся не к Австрии, а к Венгрии.

Поскольку обследованные два села градищанцев (Яровце и Чуново) вошли в состав Словакии только после Второй мировой войны, социолингвистическая ситуация там во многом схожа с охарактеризованной выше, но здесь жители трилингвальны: помимо своего родного градищанскохорватского и официального словацкого, старшее поколение свободно владеет венгерским языком; ряд представителей среднего поколения, которые научились венгерскому от своих родителей, также владеет им пассивно, на уровне понимания обращенной речи. В традиционной народной культуре наряду с архаическими чертами градищанскохорватской специфики прослеживается и современное влияние словацкой народной традиции.

Следует отметить, что проведенные экспедиции лишней раз уточняют существующие карты современных хорватских сел в иноязычных анклавах. Например, два села, нанесенные на карту Г. Невекловским [Neweklowsky 1978: 347; см. **карту 2** на с. 8], в настоящее время можно из этой карты исключить. Во-первых, речь идет о селе *Tömörd*, которое перестало существовать как хорватское – его хорватские жители либо сменили самоидентификацию на венгерскую, либо перебрались в более крупный хорватский сельский центр – Хорватский Жидан. Другое село, практически исчезнувшее с современной карты хорватских сел в Словакии – с. Русовце (словац. *Rusovce*, хорв. *Rosvar*, венг. *Oroszvár*). Из села Русовце после 1946 г. было массово депортировано местное немецкое и венгерское население, последовал приток словацких жителей, тем самым была утрачена этническая специфика этих мест, в связи с чем характерны высказывания местных жителей: «Росвар был немецким селом»; «сначала после войны Росвар опустел, были немцы, да уехали, а потом в их пустые дома заселились словаки». Однако, именно в Росваре традиционно, еще с XIX века, находилась школа, где

обучались хорваты из Яндрофа и Чуново, причем и после присоединения к Словакии тоже. В связи с наличием богатых владений в селе там собирались хорваты на сезонные работы, работала почта и т. д., отметим, что до сих пор Росвар, или в современном варианте – Русовце, остается важным местом встречи хорватов из Яровце и Чуново, чему способствует как историческая традиция, так и его географическое положение между двумя хорватскими селами.

Специфика славянского островного ареала внутри иноязыковой и иноэтничной общности на территории Венгрии накладывает отпечаток не только на язык, но и на традиционную культуру хорватов, переселившихся на эти земли более 500 лет назад из разных частей первичной территории проживания. Вместе с тем, с течением десятилетий и даже столетий язык и традиционная народная культура не только сохранили свою основную специфику, но и приобрели некоторое своеобразие по месту жительства хорватов относительно координат – юг / север. В частности, на юге произошло взаимодействие со словенской народной духовной культурой, что отложило определенный отпечаток на всю традицию. Для самой северной части также можно говорить о большей степени адаптации к немецкоязычной традиции, чем в Среднем Градище, где, например, особенно хорошо сохраняется народная мифология (насколько это возможно в настоящее время). Описывая традиции хорватов на территории современной Венгрии и современной Словакии, мы будем далее опираться на основное различие между такими частями Градища, как Северное, Среднее и Южное². При этом за скобками работы остаются так называемые подравские хорваты, которые также находятся на территории Венгрии.

---

² При подготовке монографии были использованы – переработаны и значительно дополнены – следующие статьи и материалы авторов: *Плотникова А. А.* Этнолингвистическое исследование градищанских хорватов Венгрии // *Славянский альманах*. 2017. № 3–4. С. 408–421; *Плотникова А. А.* Основные мотивы в народной культуре градищанских хорватов // *Вестник славянских культур*. 2018. Т. 47. С. 106–119; *Плотникова А. А.* «Водные хорваты» и специфика их традиции: обзор этнолингвистической экспедиции // *Славянский альманах* 2018. Вып. 3–4. С. 344–357; *Плотникова А. А., Ващенко Д. Ю.* Этнолингвистическая экспедиция в градищанскохорватские села Западной Венгрии (окрестности Сомбатхея) // *Славяноведение*. 2019. № 6. С. 88–98; *Плотникова А. А.* Градищанские хорваты Австрии, Венгрии и Словакии: этнолингвистическое исследование // *Славянские архаические ареалы в пространстве Европы*. / Отв. ред. С. М. Толстая. М., 2019. С. 114–133; *Плотникова А. А., Ващенко Д. Ю.* Градищанские хорваты между Бе-

* * *

Обширная литература по хорватам Бургенланда издавалась и издается в Австрии, где в настоящее время сосредоточено самое большое число сел, при этом широко известен такой важный центр градищанских хорватов, как основанный в Трайштофе (нем. *Trausdorf an der Wulk*) Научный институт градищанских хорватов (*Znanstveni institut Gradišćanskih Hrvatov*), где выходит в свет лингвистическая и историческая литература (в том числе и электронный переводной градищанскохорватско-немецкий словарь), регулярно проводятся лекции ученых и т. д. Издаваемые в Австрии и в самой Хорватии научные труды, посвященные градищанцам, в основном охватывают такие гуманитарные дисциплины, как история, лингвистика, частично – этнография, см. например, объемную монографию «Градищанские хорваты», изданную в Загребе (1973 г.) [GH]. Общим вопросам истории, языка и культуры хорватов Бургенланда посвящено обобщающее монографическое исследование Б. Вранеш-Шолян «Градищанские хорваты: между традицией и современностью» [Vranješ-Šoljan 2005]. Что касается хорватов Словакии, упомянем работу К. Кучеровой «Хорваты в Центральной Европе» [Kučerová 1998], которая посвящена истории

чем, Пожонем и Шопроном: язык и письмо // Девяты́е Римские Кирилло-Мефодиевские чтения. Материалы конференции. Сер. «Slavia Christiana: Язык – текст – образ». М., 2019. С. 24–28; *Плотникова А. А.* Календарные обходы у градищанских хорватов Венгрии: архаика и ее воспроизведение // Центральноевропейские исследования. 2019. Выпуск 2 (11). М., 2020. С. 250–267; *Плотникова А. А.* Эпистолярный жанр: «святое письмо» в кросскультурном контексте // Десяты́е Римские Кирилло-Мефодиевские чтения. Материалы конференции. Сер. «Slavia Christiana: Язык – текст – образ». М., 2020. С. 116–121; *Плотникова А. А., Ващенко Д. Ю.* Специфика славянской топонимики Австро-Венгрии начала XX века в письмах современников // Вопросы ономастики. Т. 19. № 3. С. 102–125; *Ващенко Д. Ю., Плотникова А. А.* Стратификация германизмов в градищанскохорватской частной корреспонденции начала XX в. // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Т. 67. С. 187–208; *Ващенко Д. Ю.* К специфике варьирования в структуре надгробных надписей у градищанских хорватов Южной Словакии и Венгрии (по материалам полевых исследований) // *Slavica Slovaca*. 2020, № 3–4 (55). S. 359–367; *Ващенко Д. Ю.* Лексика похоронной обрядности градищанских хорватов Венгрии и Южной Словакии в ареальном аспекте // Славянские архаические зоны в пространстве Европы / Отв. ред. С. М. Толстая. М., 2019. С. 134–147; *Ващенко Д. Ю.* Градищанскохорватская терминология свадебных чинов в ареальном ракурсе // Славянские архаические ареалы в пространстве Европы. 2 / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2021. С. 51–62.

миграций хорватов в Центральную Европу и формированию современных градищанских анклавов. В целом, большее внимание ученых уделяется основному массиву градищанских хорватов, находящемуся на территории Австрии (подробнее см. [Плотникова 2016: 117–122]), поэтому в настоящей монографии мы постараемся в большей степени основываться на работах, которые описывают венгерских градищанцев, т. е. те села, которые нам удалось обследовать в 2019–2022 гг. (см. Главу I).

Отметим, что большой блок лингвистических работ посвящен Среднему Градищу в Венгрии, уже потому, что именно там расположены «эксклюзивные» кайкавские хорватские села: Ведешин (венг. *Hidegség*) и Умок (венг. *Fertőhomok*). Фонетические, грамматические и лексические особенности местных говоров описываются в современных работах голландского слависта П. Хоутзагерса. В статье «О развитии говоров Ведешина и Умока» [Houtzagers 2004] сначала рассматривается система вокализма, затем автор пишет о влиянии венгерского языка на местный градищанский идиом, причем как в области влияния венгерского слогового сингармонизма (ср. *s tí pòvamì kònjamì*, s. 10), так и в лексике, в области отдельных заимствований. Более ранняя работа «Кайкавский диалект Ведешина и Фертёхомока» [Houtzagers 1999] представляет собой обширное монографическое описание фонетической и морфологической системы диалекта данных сел, предваряемое тезисами о специфике переселения изучаемого населения на севере Австро-Венгрии и о современном состоянии хорватского языка на территории Бургенланда в целом; в конце работы приводится небольшой диалектный словарь двух кайкавских сел. В 2008 г. появляется обобщающая работа П. Хоутзагерса «К хорватским изоглоссам Бургенланда» [Houtzagers 2008], посвященная анализу изоглосс на территории всего Бургенланда. Анализируя большой корпус литературы, в центре которой – монография Г. Невекловского «Хорватские диалекты Бургенланда и смежных областей» [Neweklowsky 1978] и свои полевые исследования языка хорватов бывшей Австро-Венгерской республики, ученый приходит к важному выводу о том, что после миграции хорватов на новые территории происходило лишь незначительное ареальное перераспределение диалектных черт по всей территории, тогда как масштабное распространение каких-либо диалектных особенностей было довольно общим явлением на юге (и было гораздо более ограниченным в других частях Бургенланда) [Houtzagers 2008: 315]. К своей статье автор прилагает 15

карт языковых явлений на территории Бургенланда в сопоставлении с предполагаемым местом первичного расположения переселенцев в Хорватии. Й. Маресич в статье «О лексике градищанскохорватских кайкавцев» [Maresić 2004] анализирует лексику кайкавского говора Градища, разграничивая архаику и результаты более поздних межъязыковых контактов.

Что касается чакавских «долинцев», то существует магистерская диссертация Э. Фабианкович «Многоязычность, языковая ассимиляция, меняющиеся стратегии выстраивания идентичности у градищанских хорватов в селе с венгерским населением», в которой исследуются вопросы сохранения языковой и культурной идентичности жителей с. Кольноф [Fábiánkovits 2021]. Работа посвящена главным образом языковой ситуации в свете процессов ассимиляции в селе; помимо устных нарративов, а также вопросов деятельности хорватских масс-медиа, исследуются двуязычные надписи в Кольнофе, а также эпитафия с местного кладбища.

Народная традиция сел Среднего Градища Венгрии, вблизи Шопрона, описана достаточно отрывочно. Так, календарная обрядность с. Кольноф в сравнении с лежащими к югу селами Унда, Присики и Хорватский Жидан отчасти представлена в статье И. Хорвата «Обычай и поверья, связанные с календарными праздниками, у хорватов Западной Венгрии» [Horváth 1978]. Отдельные былички из сел Умок и Ведешин можно найти в книге «Тексты верований» под общей редакцией Э. Поч [Pócs 2012]. Некоторым аспектам народной традиции в с. Умок / Фертёхомок посвящена дипломная работа Ж. Хорватне Серегни «Культурные ценности у представителей хорватской национальности в Фертёхомоке в 21 веке» [Horváthné 2021]. Кроме того, с. Умок, единственное из венгерского Градища, было картографировано в «Общеславянском лингвистическом атласе» [ОЛА 2015]; в частности, отсюда можно почерпнуть ряд терминов из сферы календарной и семейной обрядности, а также народной мифологии.

Работы, посвященные Среднему Градищу, описывают главным образом народную традицию с. Хорватский Жидан – здесь мы имеем в виду в первую очередь две фундаментальные статьи Ивана Хорвата начала 70-х гг. – уже упомянутую статью 1978 г., посвященную календарной обрядности, а также более раннюю «Верования в Хорватском Жидане» [Horváth 1973], где приводятся мифологические нарративы из Хорватского Жидана, сгруппированные по типам персо-

нажей (вила, ведьма, огненный человек и др.)³. Еще одним ценным источником сведений по хорватской народной мифологии Среднего Градища является сборник сказок «Сказки и легенды бассейна реки Репце» [Répce 1996]. Важно отметить, что книга состоит из двух частей – градищанскохорватской, включающей былички из сел Присика, Хорватский Жидан, и венгерской, содержащей сказки и иные нарративы, записанные от местного венгерского населения, что особенно ценно для предпринимаемого анализа схождений и различий в традиционной народной культуре двух соседствующих этнических групп Венгрии.

Схождения между локальной хорватской (речь идет в первую очередь о традиции с. Хорватский Жидан) и локальной венгерской календарной традицией упоминаются в работе «Рождество, Пасха, Троица» [Bálint 1989]. Достаточно полно описана обрядность жизненного цикла, а именно – свадебная и отчасти похоронно-поминальная. Свадебные обычаи хорватов, проживающих в Западной Венгрии, представлены в ранней статье «Свадебные обычаи хорватов Западной Венгрии» [Szegedy 1921], однако ввиду того, что в статье не приводится атрибуция населенных пунктов, о которых идет речь, ее крайне сложно использовать в этнолингвистической работе с традицией конкретных регионов и сел.

Что касается Южного Градища в Венгрии – четырех штокавско-икавских сел: Нарда (венг. *Narda*, гр.-хорв. *Narda*), Горни Четар (венг. *Felsőcsatár*, гр.-хорв. *Gornji Četar*), Хорватские Шице (венг. *Horvátlovő*, гр.-хорв. *Hrvatske Šice*) и Петрово Село (венг. *Szentpéterfa*, гр.-хорв. *Petrovo Selo*), то можно констатировать, что народная традиция проживающих здесь хорватов обследована достаточно фрагментарно, гораздо менее подробно, чем традиция Среднего Градища. Так, традиции с. Нарда посвящены статьи Ш. Хорвата, в частности: «Межэтнические связи в сфере календарной обрядности у градищанских хорватов» [Horváth 2012], см. его же статью о процессах языковой и культурной ассимиляции хорватов Южного Градища в Венгрии «Примеры ассимиляции градищанских хорватов в XVI–XX в.» [Horváth 2005]. Ряд сведений о хорватской народной традиции региона содержится в дипломной работе Ю. Бошич «Обычаи в моем родном селе, в

---

³ Обзор трудов выдающегося градищанскохорватского писателя и этнографа И. Хорвата представлен в современной дипломной работе П. Фейгла «Жизнь и творчество этнографа Ивана Хорвата» [Feigl 2008].

Нарде» [1998], а также в обширной монографии, посвященной истории и культуре с. Хорватские Шице «История села Хорватлёвё и сокровищница его этнографии» [Horvátlovő 2015]. В силу компактности расположения всех сел Южного Градища, и на австрийской, и на венгерской стороне – например, села Нарда, Горни Четар очень близки территориально к Чембе (нем. *Schandorf*) и Чайте (нем. *Schachendorf*) в Австрии – многие лингвистические явления, характерные для этой языковой территории, описываются в общих работах по фонетике и грамматике градищанского языка (см. [Neweklowsky 1978; Kinda-Berlakovich 2003] и др.).

Особого внимания заслуживает научная литература об обследованных нами селах Северного Градища, находящихся в настоящее время на территории Словакии. Здесь традиция описания хорватских диалектов связана в первую очередь с именем чешских лингвистов, прежде всего – В. Важного «Икавизмы и экавизмы в кайкавском хорватском наречии Хорватского Гроба в Словакии» [Vážný 1926], где говор данного села сопоставляется с речью жителей сел Девинска Нова Вес, Дубравка и Ламач (последние два впоследствии слились с Братиславой). Статья «Чакавское наречие в Словацком Подунавье» [Vážný 1923] посвящена подробному анализу говора сел Дубравка и Девинска Нова Вес. В послевоенное время изучением речи хорватских жителей с. Девинска Нова Вес активно занимались как хорватские, так и словацкие авторы. В статье «Грамматические исследования хорватских говоров в Словакии» [Lončarić, Jozić 2003] дается подробный обзор исследований, посвященных грамматике хорватских говоров Словакии. Упомянем здесь и фундаментальный «Словарь села Хорватский Гроб» [Такаš 2004], который содержит более 8000 слов, а также основанную на полевых исследованиях монографию «Говор Хорватского Гроба в Словакии» [Vulić, Petrović 1999], где автор относит диалектный идиом села «к восточной группе континентального поддиалекта средне-чакавского диалекта...». Этнограф Я. Ботик в своей статье «Этнокультурное развитие хорватов в Словакии» дает общий очерк этноязыковой ситуации словацких хорватов, см. [Botík 1998].

Вопросам языковой самоидентификации хорватов (в том числе сел Хорватский Гроб, Девинска Нова Вес, Яровце, Чуново) посвящена статья «Концепция родного языка в общинах хорватов Бургенланда в Австрии и Словакии» [Šćukanec, Čagalj 2018]. В том же ключе выполнена работа Ю. Домарацкой о похоронной обрядности и надписях на над-

гробных памятниках из сел Яровце и Чуново «Погребальная обрядность в сёлах с хорватским населением в Словакии» [Domaracká 2001].

Народная традиция хорватов из сел, расположенных на территории Словакии, служила предметом описания прежде всего в работах под общей редакцией Я. Ботика (напр. «Хорваты в Словакии» [Botík 1996]), а также в его монографии «Словацкие хорваты» [Botík 2001]. Что касается изданий, посвященных обследованным во время нашей экспедиции селам Яровце, Русовце и Чуново (и, в большинстве случаев, подаренных нам жителями и представителями локальной администрации), то следует прежде всего обратить внимание на работы местных краеведов «Яровце. Вилла Бан» [Hradsky, Mallinerits 2008]; «Чуново. Т. 1. Наше село и наш край» [Maász, Mallinerits 2012], которые содержат информацию не только об истории края, но и о некоторых календарных и семейных обычаях. Особую признательность выражаем Й. Маасу и Г. Ференчаковой за второй том книги о Чуново, в котором опубликованы письма жителей начала XX века – эта частная корреспонденция легла в основу третьей части настоящей монографии.

В заключение краткого обзора существующей литературы следует добавить, что к нашей работе над народной традицией и терминологической лексикой хорватов Венгрии широко привлекалась фольклорно-этнографическая литература о градищанских хорватах, в которой те или иные фрагменты посвящены изучаемым нами селам: статьи журнала *Etnografija Hrvata u Mađarskoj; Riječ: Časopis za književnost i kulturu Hrvata u Mađarskoj* и другие работы, значимые для исследования традиционной народной культуры. Особо отметим двуязычную книгу М. Йорданича «Народные обычаи градищанских хорватов» [Jordanić 2009]. В этой монографии календарные обычаи представлены в главах по месяцам, и практически во всех главах имеются подразделы, посвященные обычаям того или иного села, например, в теме «Сочельник» даются рассказы о ходе и специфике праздника не только в селам Биело Село, Мьеново, Узлоп, Ново Село, Филеж, Чемба, Шушево (Австрия), но и Унде (Венгрия) [Jordanić 2009: 140–144], а в теме «Св. Люция» особое место отводится народным обычаям и представлениям из Чунова и Унды [Jordanić 2009: 135–137] и т. д. Подробно представлена традиция семейной обрядности из сел Яровце, Присика, Мала Нарда (свадьба), Кольноф (свадьба и похороны), что лишний раз свидетельствует о единой традиции изучения австрийской и венгерской частей хорватского Бургенланда.

Глава I

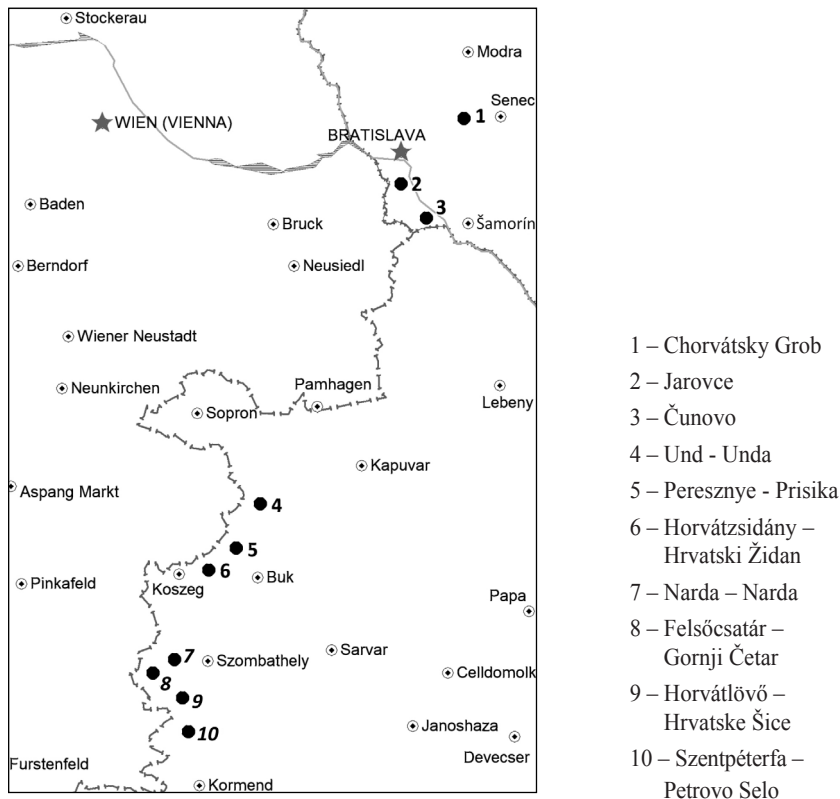
Заметки о полевых исследованиях

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Разделы настоящей главы представлены в порядке следования экспедиций в разные части Бургенланда.

Первая экспедиция была проведена в Среднее Градище (Бургенланд) на территории Венгрии. Такой выбор был обусловлен тем, что проживающие тут «долинцы» определенным образом аккумулировали черты народной духовной культуры, которые имеют распространение и в Северном Градище у «хатов» и «полянцев», и отчасти – в Южном Градище – у «чакавцев» (Австрия) и «штокавцев» (Австрия и юго-западная Венгрия). При этом штокавские села в южной части Градища на территории Венгрии изначально представлялись как особенные и сильно отличающиеся от основного массива по ряду характеристик из сферы языка и народной традиции, тогда как чакавские села «долинцев», «полянцев» и «хатов» условно объединены и по многим сходным чертам из сферы народной культуры, что не опровергает и ряда различий между «долинцами», с одной стороны, и «полянцами» и «хатами» (составляющими «север»), с другой. Вместе с тем, предполагалось, что какие-то общие особенности будут наблюдаться у «долинцев» и «полянцев» в противоположность «хатам» и у «полянцев» и «хатов» в противоположность «долинцам». Поскольку исследование терминологической лексики и соответствующих явлений в языке было уже проведено на территории Австрии в 2007–2014 гг. (подробнее см. [Плотникова 2016]), то первоначальный замысел экспедиций был связан со Средним Градищем – селами южнее Шопрона.

Вторая экспедиция была предпринята к градищанским хорватам, проживающим на юге Словакии, в ту часть, которая до окончания Второй мировой войны входила в состав Венгрии. Именно эти села на Дунае оказались сначала на территории (Австро-)Венгрии, потом – на территории Словакии. Дунай также послужил значительной изоляции

Карта 3. Села, обследованные в экспедициях
(сост. А. А. Плотникова).

этих сел от других хорватских сел в Словакии. Эта часть главы так и называется «“Водные хорваты” между тремя мирами», что подразумевает сохранение их идентичности в контакте с германоязычной, венгерской и словацкой культурами.

После двух проведенных экспедиций к градищанским хорватам на севере нельзя было оставить без внимания и еще один градищанско-хорватский анклав на территории Венгрии, и здесь уже речь пойдет об экспедиции на запад от Сомбатхея – к «штокавцам» на юге Бургенланда, где они окружены с одной стороны венгерскими селами, с другой – немецкими (глава «Южное Градище в окружении венгерских и немецких сел»), см. общую карту экспедиций (карта 3).

Один из основных вопросов предпринятого этнолингвистического обследования – каким образом сохраняется архаика¹ в традиции островного славянского ареала на западе Венгрии. Как и в случае фольклорных произведений, решающую роль играет передача многочисленных элементов традиции от поколения к поколению, но при этом нельзя забывать и о вторичном воспроизведении ряда важнейших культурных контекстов, внедряемом в культуру села так называемыми проводниками. Употребляя словосочетание «проводник в народной культуре», обратим внимание на научные исследования С. Е. Никитиной: всесторонний полевой опыт работы позволил ей в многочисленных лекциях и докладах говорить не только о «стратах» в том или ином этнокультурном сообществе, но также и об отдельных людях, своего рода «проводниках» для сторонних исследователей в иноязычных, инокультурных и иноконфессиональных анклавах².

В селе Унда (Среднее Градище) проводниками для нас стали Штефан Колошар, художественный руководитель местного фольклорного ансамбля, а также поэтесса Мария Фюлёп-Хулев, которая прежде работала в Унде учительницей, а также какое-то время была старостой села. В селе Присика нашей экспедицией заинтересовался хорватский священник Штефан Думович, который познакомил нас с жителями, представляя как своих гостей, ученых-славистов. Штефан Думович – фигура, знаковая для Среднего и Северного Градища, поскольку он не только проводит богослужения на хорватском языке в регионе, но и является основателем католического градищанскохорватского музея в с. Присика, где собрана и богатейшая коллекция книг на градищанском языке. Кроме того, в с. Хорватский Жидан, помимо Ш. Думовича, много времени с нами провела Терезия Хорват, в прошлом учительница, прекрасно знающая местные народные традиции.

В северном Градище у хорватов Словакии в селе Яровце мы прежде всего познакомимся с его старостой Павлом Шкодлером, который сориентировал нас в ситуации постепенно затухающей местной хорватской традиции (к селу уже совсем близко подошли городские застройки Братиславы, постепенная урбанизация приводит к тому, что

---

¹ Под термином «архаика» в данном случае понимаются элементы славянской народной традиции, соотносимые с наивной картиной мира, попытка реконструкции которой, в частности, предпринята в масштабном труде Московской этнолингвистической школы «Славянские древности. Этнолингвистический словарь». Т. 1–5. М., 1995–2012.

² См., например, [Никитина 2019].

в настоящее время можно собрать лишь отрывки воспоминаний о ряде народных ритуалов и представлений). Тем не менее и сам староста, и рекомендованные собеседники нам очень помогли в сборе материала по народной духовной культуре этой части Градища в Словакии. В селе Чуново нам посчастливилось завязать дружеские, благожелательные отношения с Йоханом Маасом, математиком по образованию, который основал и поддерживает в Чуново музей традиционного народного быта, бережно хранит исторический и фольклорный архив (последний собирався в 60-е годы сотрудниками Института этнографии и фольклора Хорватии во главе с М. Бошкович-Стулли). Вместе с сотрудницей местной администрации Марией Брос (согласно словацкой традиции, ее фамилия – Бросова) они не только оповестили жителей села о нашем приезде и целях экспедиции, но и подарили изданную при их поддержке замечательную книгу о селе из двух частей – первая посвящена истории села, вторая содержит опубликованную частную переписку жителей села в первые десятилетия XX века, анализ которой представлен во второй части настоящей монографии.

В градищанскохорватском селе Нарда проводником стал для нас ученый-этнограф, работающий в Университете г. Сомбатхей, Шандор Хорват. А в крошечном селе Хорватские Шице, где также замечательно сохраняется и поддерживается традиция, знатоками местной народной культуры считаются венгр Ласло Ковач и его супруга Дьёрди Ковач (градищанская хорватка), издавшие краеведческую книгу о селе [Hogvátlövő 2015], в которой традиционным обрядам и поверьям уделяется особое внимание. Разумеется, опора на передачу сведений «из уст в уста» и от старших к младшим (в каждой семье есть свои устои и обычаи, откуда высказывания «испокон века в нашем доме делали так-то»; «мой отец / моя мать / бабушка мне говорили» и подобное) укрепляет общую коллективную традицию, вместе с тем очевидны тенденции, исходящие от школы, церкви, местной интеллигенции, прежде всего в лице учителей, а также патриотов своей традиции любой профессии. Неудивительно, что воспитательница детского сада в с. Нарда в свое время писала курсовую работу «Обычаи в моем родном селе Нарда» в Высшей педагогической школе в Сомбатхее по специальности «хорватский язык» [Bosits 1998], в которой попыталась представить, собрав воедино, все исполнявшиеся в селе обряды календарного и семейного цикла.

Данный раздел содержит краткий обзор всех обследованных нами хорватских сел Венгрии (и южной Словакии). Здесь же будет

обрисован своеобразный портрет тех сел, в которых ввиду изменившейся внешнеполитической обстановки не удалось провести полевой опрос – впрочем, они обладают сильной социально-языковой спецификой и в принципе заслуживают отдельного исследования. Будут даны комментарии относительно языковой ситуации в селах, а также, в качестве некоторой «фоновой» информации, будут продемонстрированы особенности местного языкового и культурного самосознания, имеющие отношение к предмету нашего исследования. Подробный анализ соответствующей проблематики мы здесь приводить не будем, поскольку для этого потребовались бы иные методы сбора материала.

В качестве статистических показателей мы приводим данные венгерской и словацкой переписей населения, проведенных в 2011 г., поскольку ко времени осуществления экспедиций именно она являлась актуальной. В 2022 г. в Венгрии была проведена следующая перепись, однако ее результаты мы не указываем ввиду того, что она осуществлялась уже в «постковидную» эпоху и ее результаты требуют отдельного комментария. Результаты переписи 2011 г. взяты нами из следующих официальных источников: «Перепись населения 2011 г. 3. Территориальные данные. Район Дьёр-Мошон-Шопрон» [Népszámlálás 2013a] и «Перепись населения 2011 г. 3. Территориальные данные. Район Ваш» [Népszámlálás 2013b]. При ответах на вопрос о национальной принадлежности жителей предполагалась возможность выбора более одной национальности, поэтому сумма численности лиц венгерской и хорватской национальности в большинстве случаев будет превышать общее число жителей в конкретном селе. Сначала мы будем приводить хорватское название села, затем венгерское и словацкое.

I.1. Среднее Градище на пограничье с Австрией

Хорватское Градище в целом рассматривается учеными как единое в языковом и этнокультурном отношении сообщество, которое по этноязыковым признакам делится на Северное, Среднее и Южное Градище – соответственно, «полянцев» и «хатов» на севере, далее «долинцев» и, наконец, проживающих на юге «штюев», среди которых выделяются «влахи» (эти села расположены только на территории Австрии) и «южные чакавцы» (см. **карту 2** на с. 8). Это условное географическое деление узкой полосы сел вдоль границы сохраняется и для градищанцев на территории Венгрии: рассказывая о себе, сво-

ем прошлом и настоящем, жители обследованных сел указывали на свою принадлежность к Среднему Градищу, противопоставляя себя жителям южных сел Нарда, Петрово Село (см. I.3) и, наоборот, расположенных гораздо севернее – «чакавского» Кольноф (хорв. *Koljnof/Kojnof*, венг. *Kópháza*), и «кайкавских» – Умок, или Хомок (хорв. *Umok / Homok*, венг. *Fertőhomok*) и Ведешин (хорв. *Vedešin*, венг. *Hidegség*). См. карту 4.

Во время экспедиции 2017 г. было обследовано четыре приграничных хорватских села – Унда (хорв. *Unda*, венг. *Und*), Присика (хорв. *Prisika*, венг. *Peresznye*), Хорватский Жидан (хорв. *Hrvatski Židan*, венг. *Horvátzsídány*) и Плайгор (хорв. *Plajgor*, венг. *Ólmod*). Как и две другие экспедиции, это обследование также было направлено на выявление и оценку состояния архаических элементов традиционной народной духовной культуры и обслуживающей ее терминологической лексики в островном южнославянском ареале Венгрии. Интервью во всех четырех селах осуществлялись на хорватском и венгерском языках.

Карта 4. Обследованные села в Среднем Градище
(сост. А. А. Плотникова).

Из четырех чакавских сел Среднего Градища, обследованных нами в ходе этой экспедиции, одно, Унда, юридически относится к району Дьёр-Мошон-Шопрон с центром в г. Шопрон, а три других, Хорватский Жидан, Присика и Плайгор – к району Ваш с центром в г. Сомбатхей. Такое административное деление никак не мешает общению жителей как между собой (есть регулярный транспорт), так и с близлежащими селами на территории Австрии: Гериштофом (нем. *Kroatisch Geresdorf*), Фраканавой (нем. *Frankenau*) и другими соседними селами на пограничье. Кроме того, можно говорить о том, что Хорватский Жидан, Присика и Плайгор, расположенные совсем близко друг от друга, составляют некий единый куст сел по своей традиции (с учетом определенной обособленности Плайгора на самой границе с Австрией). Село Унда находится в десяти километрах севернее основного «куста» сел (в стороне от основной дороги Шопрон – Сомбатхей), что не мешает активному социальному, культурному и религиозному взаимодействию его жителей с другими хорватскими соседями как на территории Венгрии (например, в селах Хорватский Жидан, Плайгор и Унда общий хорватский священник), так и на территории Австрии (Унда находится всего в трех километрах от соседнего хорватского Филежа по другую сторону границы, откуда постоянно приезжают гости, торговцы, коммерсанты, а также родственники хорватов; наблюдается и активный обратный процесс регулярного посещения Австрии градищанскими хорватами).

Тесная связь между селами Хорватский Жидан и Присика отражается в разного рода нарративах о том, как жители сел соревнуются, чтобы удачнее подшутить друг над другом, что в конце концов принимает устойчивые вербальные формы выражения – общие названия жителей одного и другого села. Наиболее известны прозвища: *Židanci – presni žganci* (букв. «жители Жидана – несоленые шкварки»), *Prisičani – čani* и/или *kuzovi* (букв. «жители Присики – отвороты на сапогах»), что связано не только с рифмующимися словами, но и с историями о том, как разыгрывали друг друга соседи. Собеседники из Присики и Хорватского Жидана рассказывали, что когда парни были на посиделках в Жидане, им кто-то отрезал отвороты на сапогах, оставленных без присмотра, после чего пришедшие на свадьбу в Жидан «присичане» тайком на кухне подсыпали в бутылку с лучшим для праздника вином шкварки с плиты, где готовились блюда для свадебного стола (ср. то же в [Leopold 2013: 14–15]).

Хорватские жители всех обследованных сел билингвальны, градищанскохорватский идиом используется главным образом для внутрисемейного общения, а также для коммуникации в пределах села, при этом у старшего и среднего поколения владение местным идиомом является активным, тогда как у младшего – преимущественно пассивным, на уровне понимания речи. Старшее поколение ориентируется в общении на локальную градищанскую диалектную норму, тогда как среднее – на градищанскохорватский литературный язык. Коммуникация старшего поколения с младшим осуществляется уже на венгерском языке. Для рассматриваемого куста из трех сел основным городом, через который осуществляется коммуникация с «большим» миром, является небольшой по численности (11 666 жителей) Кёсег (венг. *Kőszeg*, хорв. *Kiseg*), где также проживает некоторое количество хорватов (263 человека по данным переписи 2011 г.), и куда ездят учиться в школу местные хорватские дети.

В Унде (венг. *Und*) на 2011 г. проживало 310 жителей, из них моложе 15 лет – 28 человек, в возрасте от 15 до 39 – 93 человека, от 40 до 59 – 87 жителей, представители старшего поколения в диапазоне 60–69 лет составляли 45 человек, и старше 70 – 57 граждан. Подавляющее большинство жителей (268 человек) исповедовали католичество. Венграми себя считали 169 человек, хорватами – 190, т. е. число венгров и хорватов в Унде было примерно одинаковым. В селе действует католический храм св. Мартона (построен в середине XVIII в.) Унда традиционно была связана с лежащим к югу венгерским селом Жира (венг. *Zsira*), традиция которой (несмотря на худшую ее сохранность) имеет ряд корреляций с той, что представлена в Унде.

Население Присики (венг. *Peresznye*) составляло 645 жителей, из них моложе 15 – 87 человек, в возрасте от 15 до 39 лет – 173 человека, возрастную группу 40–59 лет представляли 190 граждан, в возрасте 60–69 лет 89 жителей, старше 70 лет – 106. Католической веры придерживались 527 человек. В данном селе процент венгерского населения, вернее, процент лиц с венгерской национальной самоидентификацией, был выше, нежели в Унде: венграми считали себя 570 человек, хорватами 231, немцами 16, т. е. число венгров здесь более чем в два раза превышало число хорватов. Показательным является также достаточно высокий (относительно соседних сел) процент пожилого населения в Присике. Село тесно связано в первую очередь с Хорватским Жиданом. Изначально Присики упоминается в документах как *Prezena*, *Paraznya*, в XVI веке здесь появляются хорватские переселенцы. Местный като-

личный храм обрел свой архитектурный облик в 1727 году и посвящен св. Эгидию. В селе работает Католический музей градищанских хорватов, здесь представлена главным образом градищанскохорватская богослужебная литература. К числу крупных архитектурных памятников в селе относится построенная в стиле барокко усадьба Сечени с прилегающим парком, которая в настоящее время используется как дом престарелых. Школы в селе нет, работает детский сад.

Хорватский Жидан (венг. *Horvátzsídány*) представлял собой достаточно крупный по локальным меркам населенный пункт, где проживало 795 жителей, из них дети – 94 человека, взрослые в возрасте 15–39 лет – 255 человек, в возрастной группе от 40 до 59 лет – 247 человек, пожилые люди в возрасте 60–69 лет – 102 человека и старше 70 – 97 человек. Католической веры придерживались 670 человек. Соотношение венгры / хорваты здесь наблюдалось примерно такое же, как в Присике: венграми считали себя 729 граждан, хорватами – 440, немцами – 15 и словенцами – 3 человека. Впервые упоминается ещё до прихода хорватов в 1223 году под именем *Terra Sydan*. Местная церковь построена в 1836 г. и носит имя Св. Иоанна Крестителя. В селе работает начальная школа. Это центральное село Среднего Градища в Венгрии местные жители для краткости называют «Жидан», связывая это наименование со словом *zidan* «построенный» (если читать название, не учитывая надстрочный знак), иногда – с *žito* «хлеб», *život* «жизнь», придавая такой народной этимологии значение особой духовности.

Наконец, Плайгор (венг. *Ólmod*), тесно связанный с Хорватским Жиданом через местность Фратровац (подробнее о Фратроваце см. II.3) и расположенный поодаль от шоссе, представлял собой небольшую деревню с населением 95 человек. Венгерскую самоидентификацию указали 83 гражданина, хорватскую – 48. Католической веры в селе придерживались 72 человека. Хорватское название Плайгор происходит от немецкого *Bleigraben*, *Pleigraben* досл. ‘свинцовая канава’, местная почва была свинцового цвета; венгерское название Олмод с внутренней формой ‘свинец’ является переводом немецкого. В селе действует храм Св. Мартина, построенный в 1772 г.

В настоящее время диалект градищанских хорватов, проживающих вдоль австро-венгерской границы, испытывает сильное влияние со стороны национального языка страны проживания (соответственно, немецкого или венгерского). В градищанскохорватских селах Венгрии носителей автохтонного диалекта остается очень немного,

молодые жители уезжают учиться хорватскому языку в Загреб или же в венгерские учебные славистические центры университетов в Сомбатхее или Будапеште. Не раз приходилось слышать от пожилых жителей, говорящих на диалекте, признания, что если их дети все еще говорят с ними по-хорватски, то внуки хорватского языка уже не знают и общаются с родными только по-венгерски. В экспедиции был зафиксирован нарратив об исчезнувшем хорватском селе Тимерье (хорв. *Timérje*, венг. *Tömörd*), ставшем в настоящее время полностью венгерским: хорватка родом из этого села говорила своим подругам из соседнего Хорватского Жидана, что «их ждет та же участь через 50 лет». При этом носители градищанскохорватского диалекта 1930–1940 гг. рождения характеризовали языковую ситуацию в их селах в середине XX в. как противоположную: по их словам, в детстве они венгерского языка не знали и первый раз его слышали за партой в начальной школе.

По особенностям языка и народной культуры обследованные села отличаются друг от друга. Если Хорватский Жидан, соседнее село Присика и находящийся рядом с Жиданом (на расстоянии 3 км) Плайгор составляют общий «куст» сел, то расположенная несколько севернее Унда имеет свои особенности как в говоре (прежде всего – сохранение слоговых плавных в группе *TRЪT, *TЪRT (при их утрате в других говорах), например *krst*, а не *kerst*, *krčma*, а не *kerčma* ‘корчма’, *vrtanj*, а не *vertanj* ‘свадебный хлеб в форме плетеного кольца’; специфические лексемы, например *prže*, *prlje*, а не *pervo* ‘раньше’ и т. д.), так и в народной традиции (например, троицкие «королевские» обходы девушек, несущих платок или скатерть над самой маленькой – главной, называемой *krajica* или *andjel*; возжигание пасхального костра на кладбище и др.).

К сожалению, ни в этой, ни в последующих экспедициях пока не удалось охватить более северные хорватские села – Кольноф, Умок и Ведешин (два последних являются кайкавскими селами на территории Венгрии). Тем не менее Д. Ю. Ващенко смогла осуществить виртуальную экспедицию в чакавское село Кольноф, которая велась с помощью технических средств общения с жителями дистанционно³.

³ Пандемия внесла свои коррективы в полевую работу, в условиях закрытых границ исследователи все чаще обращаются к опосредованному опросу по видеосвязи через электронный мессенджер (в нашем случае Skype). Д. Ю. Ващенко было проведено два подобных интервью длительностью около часа каждое, объем записанных текстов составляет 120 минут. Первый разговор состоялся 10 авгу-

Село Кольноф (венг. *Kópháza*) расположено в западной Венгрии, в 6 км к югу от г. Шопрон. Название села происходит от фамилии Петера Колба, которому поместье принадлежало около 1354 г.; первоначально населенный пункт упоминается под немецким названием *Kolbenhof*: именно этот вариант, с учетом фонетического упрощения, является хорватским названием села. В 1429 г. оно первый раз упоминается как *Kópháza* в венгерских источниках. После турецкого нашествия деревня опустела, и около 1530 г. здесь появляются первые хорватские поселенцы, которые со временем составили в нем этническое большинство. Население Кольнофа, согласно переписи 2011 г., составляло 2081 человек, из них около 44 %, то есть примерно половина жителей, идентифицировало себя как хорваты. В селе находятся две церкви – храм св. Мартина и построенная во второй половине XVIII в. церковь Встречи Святой Девы Марии, главная для хорватского населения. Диалект села описан в нескольких работах, среди которых выделяется статья П. Хоутзагерса [Houtzagers 2008], где дается краткая характеристика фонетики Кольнофа: чакавский диалект, рефлекс *ě в виде *i* (так называемая икавица), наличие дифтонгов – все эти и другие фонетические черты были представлены и в тех фрагментах интервью, где нам удалось зафиксировать хорватскую речь информантов.

Дистанционное интервью в Кольнофе проводилось на двух языках – хорватском и венгерском. Беседа о деталях исполнения того или иного обряда велась на венгерском языке, так интервьюеру и информанту было проще формулировать свои мысли, что особенно важно в ситуации опосредованного общения. Кроме того, венгерский язык позволял точнее провести некоторые важные сопоставления с местной венгерской традицией. Вместе с тем вопросы терминологического характера «как называлось у вас X» или «было ли у вас Y» задавались на хорватском, в ряде случаев информанты исполняли по-хорватски пасхальные или свадебные песни, приводили благопожелания и другие словесные клише. К положительным моментам подобной беседы следует отнести тот факт, что к разговору подключался «проводник» (в данном случае – человек, который договаривался с информантами и помогал осуществлять видеосвязь). Он также интерпретировал реплики интервьюера, сам задавал информантам наводящие вопросы, мог что-то напомнить или подсказать своим односельчанам.

ста 2021 г., второй — 19 сентября 2021 г., в первом принимало участие три информанта, во втором — два.

По поводу двух кайкавских хорватских сел в Венгрии на сегодняшний день мы можем дать только официальную информацию. В с. Умок (венг. *Fertőhomok*) в 2011 году проживало 605 жителей, из них моложе 15 лет – 93 человека, от 15 до 39 лет – 187 человек, в возрасте 40–59 лет – 172 человека, старшее поколение в возрасте 60–69 лет – 78 человек и старше 70 лет – 75 человек. Католичества придерживалась только половина жителей села, при этом в селе насчитывалось только 12 реформатов и 10 евангелистов, остальные жители не могли четко идентифицировать собственную конфессиональную принадлежность. Венграми считало себя 458 человек, хорватами – 103, немцами – 54, т. е. в данном селе пропорция венгры / хорваты составляет приблизительно 4 / 1. В селе действует церковь св. Анны, построенная в 1901 г.

Еще в одном кайкавском селе Ведешин (венг. *Hidegség*) в 2011 году проживали 361 человек, из которых дети составляли 53 человека, взрослые в возрасте 15–39 лет – 107 человек; в диапазоне 40–59 лет – 101 человек. В селе было 54 жителя в возрасте 60–69 лет, и, наконец, 46 жителей старше 70 лет. Католичество исповедовало 263 человека. Венгерскую национальность указало 336 человек, хорватскую – 70, немцами считали себя 32 человека и поляками – 4; здесь наблюдается соотношение венгры / хорваты – 5 / 1, т. е. процент хорватского населения в данном случае еще меньше, нежели в Умоке. В селе находится церковь св. Андраша с фресками XIII века, средневековое здание было перестроено в 1713 г. В селе действует начальная школа, однако преподавание в данное время ведется только на венгерском языке.

В настоящей монографии привлекался лексический и иной материал из указанных двух «кайкавских» сел – Умок и Ведешин – по материалам монографии П. Хоутзагерса [Houtzagers 1999], в которой имеется диалектный словарь с толкованиями и даже необходимыми для народной духовной культуры пояснениями.

* * *

В первой экспедиции, как и в последующих, обследовались и кладбища: прежде всего обращалось внимание на надгробные надписи на памятниках. В Среднем Градище это кладбища в Хорватском Жидане и Присике. Отмечено, что в хорватских надписях чаще представлен порядок следования «имя + фамилия»: *Matija Stefanich 1924–1999 / Marija Gangler 1929–2016 / i naši roditelji / bože budi nam milostivan* «Матия Стефанич, Мария Ганглер и наши родители, Боже, будь к нам милостив». Кроме того, многочисленны хорватские сопроводительные

надписи на памятниках, например, в Хорватском Жидане, где в формуле «здесь покоятся» глагол дается в форме *počivadu* (при общей *počivaju*), ср.: *Ovde počivadu u miru Atanazije Horvath 1892–1950 / Franjevac Ivan Horvath 1888–1957* «Здесь покоятся с миром Атаназие Хорват, Франевац Иван Хорват».

Предложно-падежное оформление в самой конструкции может быть разным – *u miru* или *va miru*, как в следующих примерах: *Ovde počivadu va miru Mertin Horvath 22 okt.1957 – 16 okt.1918 / Rozalija rođj. Vlasich 4 okt.1862 – 11 marc.1936 / na spominak sinu Eduardu ki je na bojnom polji svoj mladi žitak za domovinu aldoval 1 okt.1894 – 2 febr.1915 / Ferenc 1887–1968 / svitlost vekovečna neka njim sviti* «Здесь покоятся с миром Мертин Хорват, Розалия урожденная Власич, в память о сыне Эдуарде, который на поле боя свою молодую жизнь за родину положил (букв. ‘пожертвовал’), Ференц, свет вековечный пусть им светит».

В Среднем Градище в сопроводительных надписях фигурирует именно форма *im* а не *jim*, как в Северном и Южном Градище: *ovde počivadu va miru Ivan Vlasich 1895–1948 i hižna družica Maria Dvorak 1900–1983 bog im daj pokoj vekovečni* «Здесь покоятся с миром Иван Власич и его супруга Мария Дворак, дай им Боже вечный покой».

Важной особенностью Среднего Градища, отличающей его и от Северного, и от Южного, является обозначение жены усопшего терминами *hižna družka*, *hižna družica*, букв. ‘подруга по дому’ ср.: *Ovde počivadu u miru Matija Luxl 1924–1981 i hižna družica Julianna Csizmazia 1926–2010* «Здесь покоятся с миром Матия Луксл и его супруга Юлианна Чизмазия»; *Peter Bölcs 1950–2012 / Bog je ljubav / vítěz Bölcs Ferenc 1888–1955 / hižna družica Agnjica Horvat 1895–1988 / sin u Kijevu Bölcs János ...–1943...*: «Петер Бёлч, Бог есть любовь, воин Бёлч Ференц, его супруга Агница Хорват, сын в Киеве Янош Бёлч...»; в следующем примере имя мужа записано в немецком варианте: *Andreas Horvath 1923–1995 i hižna družica Ilona Lagler 1928–2014 i roditelji Horvath* «Андреас Хорват и его супруга Илона Лаглер и родители Хорват».

При передаче хорватских фамилий на [ič] основной для хорватских надписей является финаль *-ich*, в венгерских находим также финаль *-its*, ср.: *Dombovári Gregorich Család / Jézusomnak szívén megnyúgodni jó* «Семья Домбовари Грегорич, хорошо упокоиться в сердце Иисусовом»; *Ferenc Kumánovich 1922–1968 i hižna družica Marija Czrumpf 1928–2010* «Ференц Куманович и его супруга Мария Црумф»; *Ivan Győrvári 1914–1922 i hižna družica Katarina Vlasich 1922–1979 / Bog im daj po-*

koj vekovečni! «Иван Дьёрвари и его супруга Катарина Власич, Боже, дай им покой вековечный!», в венгерских надписях: *Milisich Istvánné 1863–1953 / Váradí Györgyné Milisich Johánna / béke poraikra!* «жена Милишича Иштвана, жена Варади Дьёрдя Милишич Юлианна, мир праху их!».

В следующем примере с венгерской сопроводительной надписью в хорватских фамилиях представлена финаль *-ich*, а имена записаны в венгерской орфографии с характерными диграфами *cs* и *sz*, причем в девичьей фамилии пишется начальная буква *W*, а не *V* (как было бы по-венгерски), т. е. в рамках немецкой орфографической системы: *Kacsich Janosne Wlasznich Ágnes 1898–1983 / leánya Mária / rapax* «жена Яноша Качича Власнич Агнеш, ее дочь Мария, мир»; Ср. также *Czipetits Lőrinc 15/2 1940* «Ципетич Лёринц»; имена в этом случае также записываются в венгерском варианте: *Jambrits József 1888–1954* «Ямбрич Йожеф», *neje Metlesits Erzsébet 1886–1965* «его жена Метлешич Ержебет»; *Barasits Katalin 1926–1914 es nagymama* «Барашич Каталин и бабушка»; *Ragasits Ignác 1854–1924 / neje Kövér Rozália 1852–1914 / béke hamvaikra / Ragasits Ignác 1914–1987 / neje Orel Pona 1918–2003* «Рагашич Игнац, его жена Кёвер Розалия, мир праху их, Рагашич Игнац, его жена Орел Илона»; *Lovranits család / nyugodjanak békében* «семья Ловранич, покойтесь с миром».

Сопроводительные надписи на венгерском могут быть довольно развернутыми, как в следующем примере, где в фамилии жены сына также представлен венгерский вариант финали, т. е. *-ics*: *itt nyugszik a hazaért hősi halállal halt Kutrovits Pál / élt 42 évet / megh. 1917 aug.23 / Áldás poraira! Gyászolja szerető neje és gyermekei / neje Luif Rozália 1881–1935 / Kutrovits István 1906–1997 / neje Ambrics Mária 1904–1983* «Здесь покоится вернувшийся домой погибший героической смертью Кутрович Пал, жил 42 года, умер... Благословение праху его! Скорбите любящая жена и дети. Его жена Луиф Розалия, Кутрович Иштван, его жена Амбрич Мария».

I.2. «ВОДНЫЕ ХОРВАТЫ» МЕЖДУ ТРЕМЯ МИРАМИ

Особенность хорватских сел, находящихся к югу от Братиславы, на перекрестке австрийской, венгерской и словацкой территорий, состоит в том, что эти земли были присоединены к Чехословакии лишь после Второй мировой войны (в 1947 г.), в отличие от поселений градищанских хорватов к северо-западу (Девинска Нова Вес, Дубравка,

Ламач)⁴ и востоку (Хорватский Гроб)⁵ от центра столицы, которые вошли в Словакию почти век назад, после Первой мировой войны (в 1921 г.). В результате достаточно позднего вхождения в состав Словакии территории, на которой расположены Яндроф (хорв. *Jandrof*, словац. *Jarovce*, венг. *Horvát Jarfalu*), Чуново (словац., хорв. *Čunovo*, венг. *Dunacsún*) и Русовце (словац. *Rusovce*, хорв. *Rosvar*, венг. *Oroszvár*), в двух первых селах до сих пор сохраняется этнокультурная традиция градищанских хорватов, сопоставимая с той, которая отмечается в других анклавах на территории как Австрии, так и Венгрии. См. карту 5.

В этих селах наблюдается специфическая культурно-языковая ситуация, которая определяется их достаточно сложной исторической судьбой на протяжении XX века. Три села, Яровце, Русовце и Чуново, входившие до Второй мировой войны в состав Венгрии и переданные Чехословакии лишь в 1947 году в рамках Парижского мирного договора, сразу вошли в состав столицы, и соответственно, государственным языком для местных хорватов стал не венгерский, а словацкий. При этом были резко оборваны все прежние связи жителей Яровце и Чуново с немецкими селами, оставшимися по другую сторону границы, и прежде всего с соседним, этнически немецким, селом Ракиндроф (хорв. *Rakindrof*, венг. *Rajka*, нем. *Ragendorf*) на территории Венгрии.

Село Русовце (хорв. *Rosvar*)⁶, которое расположено между Яндрофом и Чуново, до конца XVIII века также было хорватским, однако затем подверглось значительной германизации, и уже к началу XX века было

---

⁴ Эти три поселения были обследованы В. Важным после Первой мировой войны и описаны в обширной монографии, включающей описание особенностей диалекта, а также словарь диалектных слов, см. [Vážný 1923]. В монографии отмечаются и отдельные схождения языка этих сел с говором села Хорватский Гроб.

⁵ Один день нашей экспедиции 2018 г. был полностью посвящен посещению и интервью в селе Хорватский Гроб (хорв. *Hrvatski Grob*, словац. *Chorvátsky Grob*, кайкавское село со специфичным рефлексом «ять»: *dite / leto*, см. карту в [Newekłowsky 1978: 462]) для проведения сравнительного анализа традиции; там были опрошены четыре информанта, как выяснилось, достаточно слабо владеющие градищанскохорватским. Язык, на котором говорили информанты, ими самими характеризовался как «хорватанка», т. е. смесь градищанскохорватского (по мнению самих жителей – кайкавского диалекта хорватского) и словацкого. Одна из собеседниц – Анна Галович (1964 г. р.) – сразу призналась, что выучила литературный хорватский язык, чтобы чувствовать себя уверенно в общении с носителями хорватского языка на любой территории.

⁶ От хорватов также можно слышать венгерское название этого поселения *Oroszvár* (*Rosvar*), реже – немецкое *Karlsburg*.

Карта 5. Обследованные села в Северном Градище (Словакия)
(сост. А. А. Плотникова).

преимущественно немецким и венгерским по этническому составу. При этом на противоположном берегу Дуная еще осталась локальная память о его хорватском населении. В этом участники экспедиции смогли убедиться лично, когда услышали из уст пожилой венгерки, вышедшей замуж в Хорватский Гроб из местечка Подунайске Бискупице (с другой стороны Дуная от территории Русовце, Чунова и Яровце), уверенное утверждение о том, что в Русовце проживают хорваты и что именно там с ними можно поговорить по-хорватски⁷ («Вы поселились в Росваре? Так там полно хорватов»). Среди жителей Русовце обнаружилось достаточно много носителей хорватских фамилий, говорящих по-словацки и не ощущающих себя хорватами; при этом некоторые говорили о прабабушках и прадедушках, которые еще идентифицировали себя как хорватов. Местное кладбище изобилует надписями на памятниках с хорватскими, венгерскими, немецкими и словацкими фамилиями.

Дунай играет важную роль в локальном самосознании: с одной стороны, он в числе прочих факторов способствует изоляции хорватов от словацкого влияния, с другой – жизнь этих хорватских сел традиционно была связана с большой рекой рядом с ними. Еще одним значи-

⁷ Ср. также карту хорватских сел Г. Невекловского (карта 2 на с. 8), включающую Русовце. На карте можно видеть и соседние села *Kitsee* и *Pama* на территории Австрии, которые часто упоминают в своих рассказах жители Яровце.

мым фактором, который по-своему повлиял на сохранность локальной традиции вблизи столицы, является наличие неподалеку (между сс. Чуново и Райка / Ракиндров) пограничного перехода, который в социалистическую эпоху предполагал довольно жесткий контроль – в связи с этим хорватские села оставались до известной степени изолированы от общения с основной массой словацкого населения и соответственно от словацкого влияния⁸.

В настоящее время село Русовце в силу своего географического положения между двумя хорватскими селами – Яровце и Чуново, через которые проходит дорога в сторону Венгрии, – по-прежнему остается центром культурной жизни окрестных сел. Знаковым местом для Росвара является огромная, ныне заброшенная усадьба местного графа, вокруг которой раскинулся огромный парк, а также и местные культурные достопримечательности (развалины римского поселения *Gerulata*, центр SLUK – *Slovenský Ludový Umelecký Kolektív* – Словацкий Народный Художественный Коллектив, труппа которого занимается постановками из области словацкой народной культуры и пр.). В локальной традиции село, всегда бывшее местным центром «высокой» культуры, носит неофициальное название *mali Bječ* ‘маленькая Вена’.

Несмотря на значительные перемены в социально-политической и культурной жизни нынешних сел «водных хорватов», локальная память о прошлом этническом окружении хорватов сохраняется: в Яндрофе есть венгерская улица, куда переселились венгры, ранее жившие в небольшом поселении в ближайшем лесу и разводившие фазанов для графа Зичи. Частотными являются нарративы о том, что до присоединения сел к Словакии местные женщины ездили на работу в Вену. Венгерский язык используется в качестве «тайного языка», пожилые жители села, как правило, еще изучали его в начальной школе, ср. высказывания собеседницы из Чунова 1937 года рождения: «прежде мы были венгры»; «я учила венгерский два года в начальной школе». По словам еще одной информантки, она раньше иногда практиковала венгерский с соседкой, однако та умерла и говорить на этом языке стало не с кем.

В Яндрофе на 2011 год проживало 1438 человек, из них католичества придерживались 72,13 % населения. Словацкую национальность

---

⁸ Характерно, что проведение границы практически не нарушило структурирование локального пространства: недалеко от Чуново есть локус *Pri bohu* – место в лесу, где прежде стоял крест, снесенный в ходе проведения новой государственной границы; при этом люди даже во времена социализма ходили молиться на это место, и до сих пор данная точка остается значимой в сознании информантов.

указывало 1044 человека, венгерскую – 122, чешскую – 9, немецкую – 8, хорватскую – 220⁹.

В Чуново по данным переписи 2011 года проживало 1014 человек, из них дети 144, взрослые в возрасте 15–59 лет – 606, старшее поколение – 264. Село является преимущественно католическим: 77,52 % жителей определяли свое вероисповедание как католическое. Словаками считали себя 778 человек, венграми – 66, чехами – 13, немцами – 9, хорватами – 124 человека.

В селах Яровце и Чуново были проведены интервью с 15 информантами, от которых были записаны сведения об исчезнувших и сохраняющихся обрядах, обычаях и обслуживающая их лексика традиционной духовной культуры из области народного календаря, сельскохозяйственной обрядности, семейных обычаев (рождение, свадьба, смерть) и народной мифологии. Были записаны и легенды о происхождении названий сел, рассказы о взаимных шуточных прозвищах соседей, что связано с тесными, порой даже родственными, взаимоотношениями жителей обоих хорватских поселений. Примечательно, в частности, что «яровчане» и «чуновчане» ходили в одну и ту же, единственную в округе, школу, расположенную в Русовце, т. е. в месте, находящемся между селами Яровце (в трех километрах) и Чуново (в пяти километрах) на одной дороге. Необходимо еще раз подчеркнуть, что оба градищанскохорватских села в настоящее время формально находятся в черте города Братислава, что существенно облегчает связи между всеми тремя селами: между ними обеспечено непрерывное транспортное сообщение, четко работает администрация (*obecný úrad* «муниципалитет»), развита сеть магазинов и туристического обслуживания в связи с непосредственной близостью Дуная и электростанции в Габчикове, Чуновских озер, парка и замка в Русовце, расположенных в пойме Дуная на его многочисленных рукавах. Было тем более удивительно обнаружить, что, несмотря на наличие практически городской структуры, в Чуново и Яровце сохраняется язык и традиции градищанских хорватов.

По своим особенностям язык градищанских хорватов в Чуново и Яровце примыкает к большой группе чакавского диалекта с икавско-экавским рефлексом *ě* («ять»), распространенным среди хорватов Северного Градища в Австрии (так называемые «хаты», см. [Newekłowsky 1978: 347] – в этой работе данная традиция отнесена к Северному Градищу).

⁹ Данные по словацким селам взяты из Википедии (дата обращения 16.10.2024).

Впервые в этих селах (первый раз мы услышали об этом в Чуново) было зафиксировано необычное самоназвание градищанских хорватов *Wasserkroaten* «водные хорваты», объясняемое тем, что якобы «все» градищанские хорваты переселялись ближе к Дунаю, поэтому по-немецки их так и называли. На самом деле в полном смысле слова такое название применимо лишь к «чуновчанам», поскольку именно Чуново расположено ближе всего к Дунаю¹⁰, который дугой огибает его с северо-востока (ср. название села *Dunavčun*, отмеченное в адресе на одном из частных писем, показанных нам во время экспедиции). Хорватское название села *Čunova* самими жителями справедливо трактуется как производное от *čьlnь ‘челн, средство переправы через воду’¹¹, поскольку во время многочисленных наводнений лодки были главным средством передвижения по затопляющему местность Дунаю.

Географический ландшафт¹² послужил источником шуток в адрес друг друга в соседствующих селах. Именно близостью к Дунаю обусловлено именование чуновчан со стороны яровчан «комарами», говорили также, что когда-то к куполу костела в Чуново «был привязан большой комар»¹³, что и послужило дополнительным поводом ироничного именованья жителей села «чуновскими комарами». В свою очередь чуновчане жителям Яровце адресовали прозвище «яндрофские гнилушки» (*jandrofski purhi*), поскольку в окрестностях села не

---

¹⁰ По рассказам местных жителей, наиболее старая часть села была расположена ближе к Дунаю («прежде село было там, где у нас улица *Na hradzi*», туда пришли римляне, и первое поселение было там). Однако затем, ввиду того что эта территория часто затапливалась, центр сельской жизни сместился, и уже эта, заново отстроенная часть, получила название «село»: соответственно, «новое село», где селятся уже словаки, расположено еще дальше, т. е. ближе к Русовце: прежде, по утверждениям информантов, там были яблоневые сады.

¹¹ Ср., например, [ЭССЯ 4: 142].

¹² На «мифологической карте» территории опасным местом считался остров между «Большим» и «Малым» Дунаем, куда ведьмы якобы перенесли ночью человека из Чунова, вытащив ему одно ребро; бедняга вынужден был оставаться на острове, пока его утром не нашли рыбаки.

¹³ Подробности о привязанном комаре или о том, что его напоминало окружающим, отсутствуют. Возможно, такое «воспоминание» – лишь вымысел, хотя подобную фразу о привязанном когда-то к костелу комаре можно сегодня услышать и в Чуново, и в Яровце. То же фиксировали и ученые из Загреба (Институт народного искусства, собиратель – М. Бошкович-Стулли), проводившие экспедицию в 1966 г. и передавшие копии своих записей местным жителям: «Про чуновцев говорят, что у них комар к куполу привязан. Но его никто никогда не видел».

было леса, а «только одни трухлявые деревья». В Чуново при сильном урагане было принято говорить, что «в Яндрофе кто-то повесился». В самом же Яндрофе (Яровце) считалось, что черные градоносные тучи идут «из Бабьего угла» (*zis Babinog kuta*) – с северо-запада, где находятся уже градищанские села Австрии.

Характерной особенностью опроса жителей в этой экспедиции стало то, что в настоящее время сами носители хорватской традиции – жители сел Яровце и Чуново – при рассказе о сохранившихся обычаях сопровождают свои слова указанием на то, какие именно обычаи в их народном календаре являются словацкими заимствованиями (реже – венгерскими или немецкими), т. е. сохраняется различение элементов внутри собственной традиции по типу «свой – чужой». Нельзя не упомянуть, что иная ситуация в селе Хорватский Гроб, где почти все бытующие там обряды и обычаи считаются жителями градищанско-хорватскими, свойственными именно этому селу, несмотря на очевидный местный словацкий субстрат – возможно, культурный диалект, бытовавший здесь до прихода хорватов и освоенный ими в полной мере (например, комические похороны контрабаса на Масленицу, выпекание «оплаток» на Рождество и др.)¹⁴.

* * *

Надписи на надгробных памятниках в Чуново и Яровце отличаются предельной вариативностью. Так, язык сопроводительной надписи может быть хорватским, венгерским или немецким – см. надписи на этих языках, которые содержат хорватские фамилии на [ich']¹⁵: *Odve počivaju va miru Matilda Strecková 1911–1979 / Fabian Streck 1905–1983* «Здесь покоятся с миром Матилда Стрекова, Фабиан Стрек»; *Itt nyugszik Istenben boldogult Kovacsics család / Kovacsics Ilona szül. Dunay 1925.6.18. Nyugodjanak békében* «Здесь покоится почившая с Богом семья Ковачич, Ковачич Илона урожденная Дунаи. Пусть покоятся с миром»; *Hier ruhet in Gott Paul Hönigmayr 25.III.1893–31.XII.1974 / Helena Hönigmayr geb. Bogovich 30.VII.1904–27.XII.2005 / Stefan Puhovich 20.IV.1932–21.I.2005 / Ruhet sanft* «Здесь покоится с Богом Пауль Хёнигмайер, Хелена Хёнигмайер, урожденная Богович, Штефан

¹⁴ Ср. описание подобных словацких обрядовых действий и обрядовых реалей в книге [Валенцова 2016].

¹⁵ Транслитерацию антропонимов на русский язык мы даем соответственно орфографии сопроводительной надписи.

Пухович. Вечный покой». Словацкие надписи, как правило, появляются уже в новой части кладбищ, где похоронены словаки, – ср.: *Tu odpočívajú Ľudovít Bajnok a manželka Rozália / Jozef Matlák / odpočívajte v pokoji* «Здесь покоятся Людовит Байнок и его супруга Розалия, Йозеф Матлак, покойтесь с миром».

Иноязычный элемент в составе хорватских надписей встретился нам только один раз, в составе эпитафии из Яровце, где палатальное [nʹ] передается венгерским диграфом *ny* (вместо хорватского *nj*), ср.: *Ovde počívaju va miru Alžbeta Warenichová 1926–1977 / Šimon Warenich 1916–1997 / Sladko srdce Ježuševo smiluj se nyim!* «Здесь покоятся с миром Алжбета Вареничова, Шимон Варенич. Милосердное сердце Иисусово, смилуйся над ними!».

Порядок расположения имени и фамилии в составе антропонима чаще является невенгерским («имя + фамилия»), однако обратный, характерный для венгерской традиции, порядок «фамилия + имя» также возможен в эпитафиях с хорватской рамкой¹⁶: *ovde počívajú va míru Zsidedek Gyula 1920–1992 a Mária rod. Brosz 1924–2008 / Zsidedek Gyula 1881–1946 / Zsidedek Katarína 1880–1966 / Gospodine smilujimse* «Здесь покоятся с миром Жидек Дюла и Мария урожденная Брос, Жидек Дюла, Жидек Катарина. Господи, смилуйся над ними». В венгерских надписях данный порядок представлен практически повсеместно в т. ч. в эпитафиях с очевидно хорватскими антропонимами: *Itt nyugszik Istenben boldogult Kovasich Stefan 1910–1989 és neje Kovasich Terézia 1911–1993* «Здесь покоятся почившие с Богом Ковашич Штефан и его жена Ковашич Терезия».

Феминитивы в Северном Градище представлены в составе хорватских антропонимов довольно широко, при этом больше распространены словацкие феминитивы на *-ová*, которые фигурируют в том числе в составе эпитафий с хорватским сопровождающим текстом, ср.: *Tu odpočívajú v pokoji Štefan Warenich 17.2.1918–6.2.1985 / Agneša Warenichová 6.1.1918–30.12.1988* «Здесь покоятся Штефан Варенич, Агнеша Вареничова»; *Ovde počívaju va miru Rafael Teklits 1920–1986 / Katarína Teklitsová 1928–2008* «Здесь покоятся с миром Рафаэл Теклич, Катарина Текличова». Венгерские феминитивы в сочетании с хорватскими рамками представлены сравнительно редко, ср. примеры из Чученово, где венгерский феминитив сочетается с венгерской фамилией и при этом с хорватской рамкой: *Počivali u miru Božjem Stefan Bros*

¹⁶ Под термином «рамка» здесь и далее имеется в виду сопроводительная надпись при имени усопшего.

20.3.1958–24.7.2016 / *Besenyei Kalmanné B.Z. Maasz Julianna 1910–1964* «Упокоились в мире Божьем Штефан Брос, жена Кальмана Бешенеи Маас Юлианна».

Значительную проблему в Северном Градище представляет написание финали в фамилиях на [ić], поскольку в Яровце и Чуново представлен большой спектр возможных для региона соотносительных орфографических вариантов: *-ić, -its, -ich, -ics, -ič*. При этом данные финали могут по-разному сочетаться с языком сопровождающей надписи. Наиболее распространена тут финаль на *-ich*, появляющаяся в эпитафиях с хорватской, венгерской и немецкой рамкой, ср.: *Ovde počivaju va miru Štefan Poropatich 1874–1946 / Štefan Poropatich 1903–1989 / pokoj vekovečni daj im Gospodine* «Здесь покоятся с миром Штефан Поропатич, Штефан Поропатич, покой вековечный даруй им, Господи»; *Hier ruhet in Gott Paul Hönigmayer 25.III.1893–31.XII.1974 / Helena Hönigmayer geb. Bogovich 30.VII.1904–27.XII.2005 / Stefan Puhovich 20.IV.1932–21.I.2005 / Ruhet sanft* «Здесь покоятся с Богом Пауль Хёнигмайер, Хелена Хёнигмайер урожденная Богович, Штефан Пухович. Вечный покой» (досл. 'покойтесь мягко'); *Itt nyugszik Poropatich Peter 1907–1980 és néje Kajtar Erzsébet 1909–2006 / Kürti József 1933–¹⁷ / Anna 1933–2009 / béke hamvaira* «Здесь покоятся Поропатич Петер и его жена Кайтар Эржебет, Кюрти Йожеф, Анна, мир праху их». Достаточно распространена (в наших материалах встретилась 25 раз) также финаль *-its*, представленная главным образом в эпитафиях с хорватской рамкой: *Ovde počivaju Štefe Jankovich 1897–1932 / zet Štefe Jankovits 1924–1970 / Klára Jankovitsová 1927–1999 / srdce jezušovo smiluj im se* «Здесь покоятся Штефе Янкович, зять Штефе Янкович, Клара Янковичова, сердце Иисусово, смилуйся над ними»; *Ovde počivaju va miru Mate Bartolits 6.III.1899–12.X.1952 / Katarina Bartolits 8.IV.1915–3.V.19 / Mate Bartolits 10.I.1936–... / Bog jim daj pokoj vekovečni* «Здесь покоятся с миром Мате Бартолич, Катарина Бартолич, Мате Бартолич... дай им, Боже, покой вековечный». Остальные орфографические варианты финали, т. е. собственно хорватская *-ić*, венгерская *-ics*, а также словацкая *-ič* встречаются на кладбищах Яровце и Чуново лишь спорадически, в наших записях каждый из них представлен тремя-четырьмя примерами. Ср.: *Ovde počivaju va miru Božjem Ján Kaušič 1919–1996 / Mária Kaušič rod. Kovašič 1920–2008 / Šimon Kovašič 1896–1968 / Agneša Kovašič*

¹⁷ Отсутствие года смерти в этом и других случаях означает, что человек жив, но поставил себе памятник с надписью на кладбище заранее.

1891–1976 / *srdce Jezuševo smiluj im se* «Здесь покоятся в мире Божьем Ян Каушич, Мария Каушич, урожденная Ковашич, Шимон Ковашич, Агнеша Ковашич, сердце Иисусово, смилуйся над ними»; *Jan Dedovič ovde počivaju va miru nar. 30.11.1899 zom. 13.2.1962* «Ян Дедович здесь покоятся с миром, родился... умер ...»; *Ovde počivaju va miru Božjem Terézia Hirsich, rod. Flink 1880–1943 / Peter Hirsich 1877–1963 / Mária Bodics rod. Hirsich 1912–1976 / František Bodics 1919–1995 / pokoj vekovečni daj im Gospodine* «Здесь покоятся в мире Божьем Терезия Хирсич, урожденная Флинк, Петер Хирсич, Мария Бодич урожденная Хирсич, Франтишек Бодич, покой вековечный даруй им, Господи».

При этом в Яровце и Чуново одна и та же фамилия может широко варьироваться как в пределах кладбища, так и в пределах одной и той же надписи, ср.: *Ovde počivaju Štefe Jankovič 1897–1932 / zet Štefe Jankovičs 1924–1970 / Klára Jankovitsová 1927–1999 / srdce jezušovo smiluj im se* «Здесь покоятся Штефе Янкович, зять Штефе Янкович, Клара Янковичова, сердце Иисусово, смилуйся над ними»; *Ovde počivaju va miru Rozina Kaderičova 13.V.1921–5.VIII.1981 / Štefan Kaderič 15.X.1914–4.XI.2005 / Ferdinand Kaderič 8.IX.1952–28.V.1998* «Здесь покоятся с миром Розина Кадеричова, Штефан Кадерич, Фердинанд Кадерич»; *Hier ruhet in frieden Štefan Jankovič 20.VIII.1903–17.IV.1974 / Elisabet Jankovič geb. Warenits 18.XI.1904–15.VI.1988 / Ján Pauhof 15.I.1932–29.VI.1995 / Franc und Elisabet Bruk* «Здесь покоятся с миром Штефан Янкович, Элисабет Янкович урожденная Варенич, Ян Паухоф...» и др.

1.3. ЮЖНОЕ ГРАДИЩЕ В ОКРУЖЕНИИ ВЕНГЕРСКИХ И НЕМЕЦКИХ СЕЛ

Венгерское Южное Градище было обследовано нами в ходе последней состоявшейся экспедиции, в мае 2019 г. Удалось осуществить полевое этнолингвистическое изучение градищанскохорватских сел, условно относимых к Южному Градищу: с. Нарда (венг. *Narda*, гр.-хорв. *Narda*), Горни Четар (венг. *Felsőcsatár*, гр.-хорв. *Gornji Četar*), Хорватские Шице (венг. *Horvátlövő*, гр.-хорв. *Hrvatske Šice*) и Петрово Село (венг. *Szentpéterfa*, гр.-хорв. *Petrovo Selo*)¹⁸. Эти села образуют

¹⁸ Экспедиция к градищанским хорватам западной Венгрии (окрестности Сомбатхея). 14–22 мая 2019 г. // Институт славяноведения РАН. URL: <https://inslav.ru/event/ekspediciya-k-gradishchanskim-horvatam-zapadnoy-vengrii-okrestnosti-sombatheya> (дата обращения: 30.12.2019).

Карта 6. Обследованные села в Южном Градище
(сост. А. А. Плотникова).

единый «куст» с селами Чемба и Чайта, расположенными на территории соседней Австрии, тоже вблизи границы, разделившей в 1921 г. по Трианонскому мирному договору (1920 г.) два государства бывшей Австро-Венгрии (см. карту 2 на с. 8). Как видим, градищанскохорватские села Нарда, Горни Четар, Хорватские Шице и Петрово Село находятся на юге Западной Венгрии в окрестностях г. Сомбатхей (карта 6).

Для хорватских сел Южного Градища характерна, во-первых, близость достаточно крупного города, каковым является Сомбатхей (население 78 тысяч жителей), села входят в состав т. н. «сомбатхейской агломерации» и связаны с городом регулярным и достаточно оживленным автобусным сообщением. При этом сквозное автобусное сообщение между с. Нарда, Горни Четар и Хорватские Шице, с одной стороны, и Петровым Селом – с другой, – отсутствует, несмотря на то что все эти села фактически расположены на одной и той же дороге вдоль границы. Это связано с тем, что граница сильно изрезана и в венгерскую территорию «вклинивается» австрийская. По этому поводу у местных хорватских жителей существуют шуточные выражения типа «границу мышь погрызла» и под. В связи с этим контакты хорватских жителей Петрова Села с обитателями других градищанскохорватских сел Венгрии существенно ограничены, что, в свою очередь, накладывает отпечаток на сохранение и особенности народной традиции в этом

селе¹⁹. Во-первых, ощущается больший приток унгаризмов в речь жителей Петрова Села, во-вторых, здесь сохраняются некоторые ритуалы и поверья, не характерные для других градищанцев рассматриваемого «куста». Следует заметить, что в настоящее время при действующем Шенгенском соглашении коммуникация между селами значительно упростилась, и местные жители в случае необходимости легко пересекают «австрийский клин» (12 км) на личном автотранспорте.

Все обследованные села относятся к так называемым верным деревням, в венгерской исторической терминологии – *hűséges falvak*, как называют населенные пункты, которые по Трианонскому соглашению сначала были переданы Австрии, однако через некоторое время были возвращены Венгрии по результатам референдума, проведенного в 1922 г. среди местных жителей. Определенная историческая память об этих событиях сохраняется в среде местного населения: так, рассказывая о пространственной организации села Горни Четар, местные жители утверждают, что одна половина села сразу оставалась в составе Венгрии, тогда как другая вернулась уже после референдума – что не вполне соответствует реальным фактам и отражает определенную мифологизацию событий начала XX в. в сознании нынешнего населения.

Для венгерских хорватов Южного Градища свойственны активные контакты с местным немецким населением, причем не только и не столько собственно австрийским, но с немцами, проживающими «на венгерской стороне» – хорватские деревни, расположенные на дороге, проходящей с севера на юг, перемежаются немецкими Вашкерестеш (венг. *Vaskeresztes*, нем. *Grossdorf*) и Порноапати (венг. *Pornóapáti*, нем. *Pernau*).

Кроме того, для всех обследованных сел характерно достаточно интересное бинарное структурирование локального пространства, когда фактически существуют два тесно связанных населенных пункта, противопоставленных по какому-либо признаку и при этом в настоящее время либо искусственно объединенных, либо искусственно разъединенных по административным соображениям. Нарда состоит из двух частей, Большая Нарда и Малая Нарда, прежде представлявших собой самостоятельные населенные пункты, противопоставленные географически: Большая Нарда находится на холме, в то время как Малая – у его

---

¹⁹ Кроме того, в статье [Horváth 2005], где рассматриваются основные факторы, влияющие на культурную и языковую ассимиляцию градищанцев Венгрии, указано, что жители Петрова Села чаще ездили на сезонные работы в Будапешт, а не в Вену, как большинство хорватов Бургенланда.

подножия, каждая экс-деревня имеет собственную церковь и собственное кладбище. По словам местных жителей, изначально в Большой Нарде проживали более зажиточные крестьяне, в то время как в Малой селились бедняки. Указанное противопоставление дополнительно маркируется в узусе хорватских жителей: Большую Нарду чаще называют по-хорватски, т. е. *Velika Narda*, а Малую – по-венгерски: *Kis Narda*. По словам представителей среднего поколения (происходящих из Большой Нарды), Большая и Малая Нарда также различаются в языковом отношении: в языке жителей Малой Нарды, по словам жителей Большой Нарды, больше германизмов, например: «мы говорим *livici*, а они *štaglička* (хлев)... это из немецкого». Сходным образом устроено село Горни Четар (досл. «Верхний Четар»): в настоящее время в одно село объединены деревни Верхний Четар (венг. *Felsőcsatár*, хорв. *Gornji Četar*) и Нижний Четар (венг. *Alsócsatár*, хорв. *Dolnji Četar*). Верхний находится на холме, и считалось, что там селились бедняки, а Нижний – в долине возле реки Пинка, там исконно проживали представители более обеспеченного слоя. В отличие от Нарды, в селе всего одна церковь и, соответственно, общее кладбище. В настоящее время реставрируется часовня св. Девы Марии, находящаяся на еще более высоком холме среди местных виноградников, именно оттуда видна панорама всех окрестных сел, чередующихся по принципу хорватское / немецкое село. Село Хорватские Шице демонстрирует несколько иную ситуацию, когда, во-первых, соположенные населенные пункты противопоставлялись не по географическому, а по этническому признаку, и во-вторых, они были не объединены, но разъединены «сверху». Речь идет о «парных» селах Хорватские Шице и Немецкие Шице (хорв. *Hrvatske Šice* и *Nimške Šice*, венг. *Horvátlövő* и *Németlövő*, дословно: «хорватские стрелки» и «немецкие стрелки»). После референдума 1922 г. данные села оказались в составе разных государств – соответственно в Венгрии и в Австрии, однако окончательно связь между ними была прервана уже после Второй мировой войны. В относительно изолированном Петровом Селе двухчастная структура также формируется по национальному признаку, и, хотя село в данном случае представляет некоторый единый массив, пространственные координаты здесь задают, как и в Нарде, две церкви, в терминологии местных жителей: «внешняя церковь», расположенная за пределами села, и «внутренняя церковь», которая находится непосредственно в селе. При этом внешняя церковь маркирована как хорватская, а внутренняя – как венгерская.

Язык местного населения – икавская штокавщина (Neweklowsky 1978: 462), однако и Г. Невекловский, и его последователи называют говоры «штоев» в целом также и переходными штокавско-чакавскими, подробнее см. [Lončarić 2008: 4]. При полевом обследовании сел этого края бросаются в глаза яркие фонетические особенности, связанные с судьбой слогового *r* – так, в Нарде регулярно в диалекте: *Hervat* (хорв. *Hrvat* «хорват»), *kerst* (хорв. *krst* «крест»), *kerv* (хорв. *krv* «кровь») и под., тогда как в с. Петрово Село встречаем: *Harvat*, *karst*, *s'arce*, *s'arp* и др.²⁰

Социолингвистическая ситуация в обследованных селах в целом сходна с той, что представлена в других хорватских селах на территории Венгрии, обследованных в 2017 г. Представители старшего и среднего поколения билингвальны, хорватский язык используется ими главным образом для внутрисемейного общения, а также для коммуникации в пределах села. Представители младшего поколения владеют хорватским языком скорее пассивно, на уровне понимания обращенной речи. В градищанскохорватской речи при этом представлено определенное количество унгаризмов, среди которых выделяются: дискурсивные слова, например *legalab* (< венг. *legalább* 'по крайней мере'), *hat* (< венг. *hát* 'ну, да, вот') и др.; названия предметов быта, частей одежды, например *hاتیžak* 'рюкзак' – "*s hاتیžakom na hrbatu*" 'с рюкзаком на спине' (< венг. *hاتیžsák*), *vankuš* 'подушка' – "*tanac (s/ is) vankušom*" ('свадебный) танец с подушкой' (< венг. *vánkos*), *falat* 'кусочек' – "*falat odriže*" 'отрежет кусочек' (< венг. *falat*) и под.; обозначения некоторых общественно значимых мест и явлений, например *bolta* 'магазин' "*idem u boltu*" 'иду в магазин' (< венг. *bolt*), *aram* 'электричество' – "*tam je bio aram*" 'там было электричество' (< венг. *áram*) и некоторые другие.

В терминологической лексике традиционной народной духовной культуры унгаризмов значительно меньше, при этом они более частотны в относительно изолированном градищанскохорватском селе Петрово Село: *babona* 'поверие, суеверие' (< венг. *babona*), *pirjac*, *perjac* (из венг. *perec* 'свадебный хлебец в форме кренделя')²¹; *buča* /

²⁰ Поскольку подробное описание фонетических и грамматических черт говоров в наши задачи полевого этнолингвистического исследования не входило, то в данном случае приводятся те лексемы, которые были записаны в нарративах на темы этнолингвистического вопросника.

²¹ В венгерском языке соответствующая лексема считается заимствованием из верхненемецкого *Preze, Bretze* [Benkő 1993: 1144].

bičura ‘праздник церкви’ из венг. *bucsú* (тюркского происхождения, см. [Benkő 1993: 142])²². Нередко такая лексика заимствуется вместе с соответствующими культурными контекстами: *sureti* ‘праздник сбора винограда’ из венг. *szüreti (felvonulás)* досл. ‘относящийся к виноградному суслу, связанный с виноградным суслom’ (Горни Четар), *vánkoštánc* ‘свадебный танец с подушкой’ (Хорватские Шице). Во всех обследованных селах отмечены германизмы, связанные с «обрядовым деревцем» на Рождество и 1 мая: *majpat / majpan* ‘майское деревце’ (< нем. *Maibaum*), *kriskinglin* ‘рождественская елка’ (< нем. *Christkindl*), причем первый термин широко распространен и в Бургенланде на территории Австрии, тогда как в градищанских селах Венгрии известна также и калька на славянском (*majuško drivo*).

Население Нарды (хорв., венг. *Narda*) на 2011 г. составляло 469 жителей, из них 49 детей, 143 человека в возрасте 15–39 лет, 141 – в возрасте от 40 до 59 лет и представители старшего поколения: 64 человека в возрасте 60–69 лет и 72 гражданина старше 70 лет. Католичества придерживались 394 человека. К венгерской национальности относилось 416 человек, к хорватской – 291, к немецкой – 10. В селе действуют две церкви – храм Воздвижения Креста Господня в Большой Нарде (построена в средневековье, перестроена в конце XVII в.) и Храм Скорбящей Девы Марии в Малой Нарде (*Fájdalmas Szűzanya templom*).

По численности²³ с Нардой соотносимо следующее село, Горни Четар (хорв. *Gornji Četar*) / Фелшёчатар (венг. *Felsőcsatár*), население которого по результатам переписи 2011 года составляло 459 жителей, из них дети (до 15 лет) – 76 человек, взрослые в возрасте 15–39 лет – 139 человек, в возрасте 40–59 лет – 144 человека, 60–69 лет – 70 человек, и, наконец, старше 70 лет – 30 жителей. К католикам относилось 315 человек. 364 человека в качестве своей национальности ука-

²² В другой части обследованных сел Венгрии, Словакии и Австрии праздник имеет традиционное градищанскохорватское наименование *kiritof* (ср. нем. *Kirtag* ‘день церкви’).

²³ О процессах ассимиляции в хорватских деревнях Южного Градища подробнее см. [Balizs 2015]. В частности, в работе указано, что из всех хорватских сел Южного Градища именно Петрово Село наиболее стабильно в плане поддержания хорватской идентичности жителей. Здесь же приводятся данные по количеству жителей с двойной национальной идентификацией (хорватской / венгерской) у венгерских хорватов Южного Градища: Нарда – 48,6 %, Горни Четар – 5 %, Хорватские Шице – 57,9 %, Петрово Село – 31,5 %.

зали венгерскую, 199 – хорватскую и 21 – немецкую. В селе работает средняя школа. Действует храм св. Миклоша (Николая).

Население следующей по направлению к югу деревни, Хорватские Шице (хорв. *Hrvatske Šice*) / Хорватлёвё (венг. *Horvátlovő*), составляло 190 жителей, из них дети – 33 человека, лица в возрасте от 15 до 39 лет – 61 человек, от 40 до 59 лет – 56 человек, среди старшей возрастной группы в деревне проживало 19 человек в возрасте 60–69 лет и 21 человек старше 70 лет. Католичество исповедовали 159 человек. Венграми считали себя 148 человек, хорватами – 110 человек, немцами – 15 человек. Здесь мы видим соотносимое число венгров и хорватов. Действует храм св. Анны.

Достаточно крупным населенным пунктом является Петрово Село (хорв. *Petrovo Selo*) / Сентпетерфа (венг. *Szentpéterfa*), население которого в 2011 году насчитывало 987 жителей. Из них дети составляли 144 человека, взрослые от 15 до 39 лет – 355 человек, лица в возрасте 40–59 лет – 279 человек, в старшей возрастной группе в селе проживало 132 человека в возрасте от 60 до 69 лет, и 77 – старше 70 лет. Католической веры придерживалось 905 человек. В плане национальной принадлежности 881 человек идентифицировали себя как венгры, 792 – как хорваты, и 25 – как немцы. В данном селе мы видим, во-первых, сравнительно небольшой процент лиц пожилого возраста, и во-вторых, практически равное или как минимум соотносимое число венгерских и хорватских самоидентификаций, при том, что в большинстве обследованных населенных пунктов (за исключением сс. Унды и Хорватские Шице) здесь наблюдается соотношение 2/1.

* * *

При обследовании местных кладбищ Южного Градища выяснилось, что языком надгробных надписей, которые сопровождают указание имени и фамилии умерших, в подавляющем большинстве случаев является венгерский, крайне редко представлены немецкие сопроводительные надписи, и сравнительно редко (однако чаще немецких) – хорватские.

Приведем примеры венгерских надписей – из Нарды: *Csercsics Károly 1899–1967 / neje Bauer Katalin 1904–1999* «Черчич Карой, его жена Бауэр Каталин»; *Osztrosits Istvánné szül. Csercsics Rozália 1924–1996 / adj Uram örök nyudodalmat nekik* «жена Острошича Иштвана урожденная Черчич Розалия, дай, Боже, им вечный покой», из Горни Четара: *Lakics András 1901–1981 / Polczer Gizella 1905–1981 / nyu-*

godjanak békében «Лакич Андрач, Полцер Гизелла, пусть покоятся с миром», ср. также надпись межвоенного периода из с. Хорватские Шице: *Kotrosits István 1845–1932 / neje Schneider Mária 1869–1918 / nyugodjanak békében* «Котрошич Иштван, его жена Шнайдер Мария, пусть покоятся с миром». В с. Горни Четар хорватские надписи практически отсутствуют. В с. Петрово Село венгерские надписи часто являются довольно длинными и, кроме того, отличаются разнообразием, ср.: *Itt nyugszik Pessenhofer József 1885–1949 és neje Geosits Gizella 1888–1970 / Nehéz volt az elválásunk / reményünk a viszontlátás* «Здесь покоится Пешшенхофер Йозеф и его жена Геошич Гизелла. Трудным было наше расставание, в новой встрече наша надежда». См. также редкий пример памятника с немецкой сопроводительной надписью, который встретился нам именно в с. Петрово Село и относится к межвоенному периоду: *Hier ruhet Stefan Teklits 1923–1940. Teklits Istvánné sz. Hajszán Mária 1899–1938 / Ruhe sanft!* «Здесь покоится Штефан Теклич, жена Теклича Иштвана урожденная Хайсан Мария. Вечный покой!».

Ср. также отдельные примеры хорватских сопроводительных надписей из Нарды: *Csercsics Vilmos 1917–1989 / Horváth Terézia 1922–2016 / nepozabljivi* «Черчич Вилмош, Хорват Терезия, незабвенные»; *Pezenhoffer Antal 1934–1992 / neje Horváth Izabella 1936– / Počivajte u miru!* «Пезенхоффер Антал, его жена Хорват Изабелла. Покойтесь с миром!».

Отдельные венгерские орфографические элементы в составе собственно хорватских надписей встретились нам в с. Хорватские Шице, ср.: *Ovde počivaju naši ne pozabljene starije Habetler Simon 1861–1937 marc. 4 / Habetler Mária rodjena Weszelits 1867–1949 dec. 4 / Bog jin daj pokoj vekovecni ovoje amerikanyszki szpaminak* «Здесь покоятся наши незабвенные старики Хабетлер Шимон, Хабетлер Мария урожденная Веселич. Боже, им дай покой вековечный, это американский памятник»; *Ovde počiva Weber Eva rođj. Peischler / poterla je va 71. leti starosti / 1932 leta 13ga marciusa / Bog nyoj daj pokoj! Postavan od Bugnits Karoline* «Здесь покоится Вебер Эва урожденная Пайшлер, умерла в 71 год. Боже ей дай покой! Поставлен Бугнич Каролиной»; *Ovde pociva Jozef Schneider 1899–1965 / nyegova i zena rodjena Karolina Wölfinger 1906–1965 / pokoj vekovečni* «Здесь покоится Йозеф Шнайдер и его жена урожденная Каролина Вёльфингер, покой вековечный». Некоторые слова здесь записаны по нормам венгерской орфографии – прежде всего это касается диграфов *ny*, *ly* для

обозначения палатальных [п'], [п'] – при традиционно хорватских *nj*, *lj* – ср. *nyoj*, *amerikanyszki*, *nyegova*, также *ne pozabljeni*. Кроме того, венгерская орфография предполагает написание звука [s] в виде диграфа *sz*, в то время как шипящий [ʃ] передается просто через *s* – ср. в надписях: *sztarji*, *amerikanyszki szpaminak*; наконец, [tʃ] передается в венгерской орфографии через *cs* – *vekovecsni*. В других селах южного куста подобное смешение графических систем именно в составе сопроводительной надписи не представлено.

Порядок расположения имени и фамилии в антропониме чаще является венгерским, т. е. сначала указывается фамилия, затем – имя, ср.: *Ovde počiva naš nepozabljeni otac Schlaffer József / rodilseje 1876 leta avgustusa 14. pomerlje 1940 leta Junia 27. / i mat Hábetler Mária / rodjena 1884 majusa 5.ga pomerla 1944 oktobera 19.ga / Bog jimse neka smiluje* «Здесь покоится наш незабвенный отец Шлаффер Йозеф и мать Хабетлер Мария, пусть Господь над ними смилуется» (Хорватские Шице); *Geosits Ferenc 1893–1983 / neje Barilovits Teréz 1901–1989 / Jurasits József 1926–2009 / k tebi, o dobri Bog, k tebi...* «Геошич Ференц, его жена Барилович Терез, Юрашич Йозеф, к тебе, о добрый Боже, к тебе» (Петрово Село).

В селах на юге Градища частотным является написание имени женщины с феминитивом (фактически написание имени мужа с женским суффиксом) даже в составе надписей с хорватской рамкой, ср. пример из с. Хорватские Шице: *Ovde počiva Hábetler Gyulané / Rodjenaje 1910 nov.15 / pomerlaje 1942 okt.15 / Neka počiva u miru Božjem!* «Здесь покоится супруга Хабетлера Дюлы... Пусть покоится в мире Божьем!»; *Ovde počiva Mittl Benedek / rod. 1872 marc.4 / um.1937 junius 7. / Mittl Benedekné 1887–1955 / Neka počivaju u miru božjem* «Здесь покоится Миттл Бенедек, супруга Миттла Бенедека... Пусть покоятся в мире божьем»; *Ovde počivaju naši nepozabljeni starji Taschler Pálné rodjena Habetler / rod. 1887 lita marcija 24 / pom. 1962 lita juli 14 / Taschler Pál 1878–1966 / Bog jim daj vekovečni pokoj / ovoje amerikanski spominak* «Здесь покоятся наши незабвенные старики, супруга Ташлера Пала урожденная Хабетлер, Ташлер Пал. Боже, им дай вековечный покой; это американский памятник». При этом в Петровом Селе представлены также надписи с порядком «имя / фамилия», ср.: *Ovde počivaju Stefan Henits 1852–1918 / Franci Henits 1882–1965 / Marija Gilli 1882–1970 / Stefan Henits 1923–2001 / k tebi, o dobri Bog* «Здесь покоятся Стефан Хенич, Франци Хенич, Мария Гилли, Стефан Хенич, к тебе, о добрый Бог»; *Ovde počiva u miru Đuri Harangozó 1948–1989 /*

ne, o majka ti još nisi grišnika ostavila «Здесь покоится с миром Дюри Харангозо, о Мати, ты не оставляешь грешника». Имена чаще представлены в венгерском варианте, ср. из уже приведенных примеров *József, István, András*, в Петрово Село возможны также хорватские варианты: *Franci, Stefan* и др.

Финаль в фамилиях на [ich'] в Южном Градище варьируется существенно в пределах ряда *-ics / -its*, причем характер данного соотношения несколько меняется в зависимости от конкретного села. Так, в с. Нарда представлена конкуренция финалей *-ics / -its*, ср. примеры с венгерской рамкой: *Csercsics Vince 1926– / neje Szuklits Krisztina 1932–2004 / Jézusomnak szívéen megnyugodni jó* «Черчич Винце, его жена Суклич Кристина, хорошо упокоиться в сердце Иисусовом»; *Bosits Vince 1943–2002 / neje Bencsics Teréz 1949–2013 / Jézus a mi reményünk* «Бошич Винце, его жена Бенчич Терез, Иисус наша надежда». В с. Горни Четар сходным образом конкурируют финали *-ics / -its* в составе надписей с венгерской рамкой, ср. оформление одной и той же фамилии с разными финалями: *Susics Vilmos 1922–1993 / neje Polyák Teréz 1923–1991 / Susics László 1943–2017 / Nyugodjanak békében* «Шушич Вилмош, его жена Поляк Терез, Шушич Ласло. Пусть покоятся с миром»; *Susics János 1894–1974 / neje Lakics Rozália 1889–1958 / béke hamvaira* «Шушич Янош, его жена Лакич Розалия, мир праху их», но *Susits Imre 1945–2003 / neje Tóth Edit 1952–2001 / emléketek szívünkben örökké él* «Шушич Имре, его жена Тот Эдит, ваша память в наших сердцах вечно живет». В с. Хорватские Шице больше распространены варианты с *-its*: *Csecsinovits Ignácné sz. Vallner Julianna 1901–1995 / Csecsinovits Irén 1930–2013 / A szeretet örökké él* «жена Чечиновича Игнаца урожденная Валлнер Юлианна, Чечинович Ирен. Любовь вечно живет» (венгерская рамка); *Ovde počiva Majrits Ignác 1884–1932 / neje Cseri Anna 1889–1964 / pokoj vekovečni* «Здесь покоится Майрич Игнац, его жена Чери Анна, покой вековечный» (хорватская рамка). В Петровом Селе представлены исключительно варианты с *-its*: *Geosits József 1908–1975 / Jányi Erzsébet 1911–1994 / Wagner Lajos 1940–1984 / Geosits Anna 1944–2016 / Wagner Lajoska 1971 / Ljubav nikad ne prestaje. A szeretet nem szünik meg soha* «Геошич Йожеф, Янни Эржебет, Вагнер Лайош, Геошич Анна, Вагнер Лайошка. Любовь никогда не перестает» (двуязычная хорватско-венгерская рамка, венгерская орфография антропонимов, венгерский порядок в антропонимах); *Ovde počivaju Jozef Geosits 1874–1949 / Marija Hirschl 1866–1938 / Antun Geosits 1917–1997 / Ana*

*Veszelo***vi***ts* 1920–1992 / *Jezuše budi njim milosrdam!* «Здесь покоятся Йозеф Геошич, Мария Хиршл, Антун Геошич, Ана Веселович, Иисусе, будь к ним милосерден!» (та же самая фамилия, хорватская рамка, хорватский порядок в антропонимах); *Milisi***ts *György* 1908–1972 / *Mária* 1907–1990 *i njeva kći Ana* 1949–2005 / *Geosi***ts *György* 1878–1961 / *Mária* 1883–1963 *a ne muž Horváth István* 1947–2010 «Милишич Дьёрдь, Мария и его дочь Ана, Геошич Дьёрдь, Мария и ее муж Хорват Иштван» (хорватская рамка, венгерский порядок в антропонимах, венгерские варианты имени).****

Глава II

Народная традиция градищанцев Венгрии: архаические черты и заимствования в языке и культуре

II.1. НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Традиционно хорватский Бургенланд, или Градише, как его называют сами хорваты-переселенцы, делится на Северное, Среднее и Южное. Все три части несколько различаются по говорам и особенностям в лексике, в том числе – в терминологии традиционной народной культуры. Состав формальных выражений основных смысловых значений в традиционном народном календаре хорватов нынешней Венгрии при целом ряде общих черт с соседними селами в Австрии имеет свою специфику. В частности, известный повсеместно у «долинцев» и «южных чакавцев» Австрии масленичный обряд «волочения колодки» (*hrast / bor vlecí*) [Плотникова 2016: 145–147] старыми холостяками в Среднем Градище Венгрии полностью отсутствует (его следы обнаруживаются только в с. Нарда в Южном Градище). Для венгерской языковой территории обычай не характерен: он фиксируется главным образом у прекмурских венгров Словении [Papp 2014], а также у венгерских словенцев [Vehrer 2016] в приграничных районах. З. Уйвари говорит о распространенности обычая в целом в Бургенланде, при этом однозначно связывает его с австрийским влиянием на локальную традицию [Ujváry 1990: 58].

Основные мотивы, традиционно известные в славянских архаических зонах, – это, с одной стороны, магическое призывание богатства (варианты: здоровья, плодородия, плодovitости скота и домашней птицы), с другой – магические способы защитить свое благосостояние (в том числе: здоровье людей, достаток, плодородие полей, плодovitость домашнего скота и птицы), т. е. обереги *od zloga* (от зла, от беса). Оба мотива часто присущи одному и тому же обрядовому тек-

сту. Под «злом» у градищанских хорватов подразумеваются как любые сверхъестественные проявления дьявольской силы, мешающей жизни людей, так и неумышленные действия соседей, обладающих силой сглаза. Намеренные действия местных ведьм по «отбиранию молока», нанесению вреда людям, скоту, домашней птице, урожаю также связываются со вселенским злом и проявлением силы дьявола. Во всех трех частях Градища в Венгрии были записаны многочисленные нарративы о ритуальных действиях в течение всего календарного года, основной смысл которых в поддержании благосостояния и здоровья домохозяев.

Важным является канун любого праздника, особенно такого значимого, как Рождество. У католиков – и в данном случае смычка целого ряда мотивов хорватов и венгров происходит именно на общей религиозной основе – это Адвент. Как и в других хорватских селах бывшей Австро-Венгрии, предрождественские и предновогодние праздники включают обряды, связанные со стремлением способствовать благополучию следующего года. На праздник св. Варвары (4.XII) ставятся черешневые и яблоневые ветки в воду, при этом расцветшие на Рождество ветки означают успех домохозяев и их хозяйства в будущем году. На св. Люцию (13.XII) сеют в тарелку пшеницу, чтобы зеленые ростки поднялись на несколько сантиметров на Рождество – это должно обеспечить плодородие будущего года, в середину блюда ставят свечу, которая горит все праздничные дни (ср. аналогичный обычай в Хорватии, картографируемый в «Этнологическом атласе Югославии» как «сады Адониса»). Кроме того, в Сочельник на столе стояло большое блюдо с семенами пшеницы и кукурузы, куда добавляли монетку «для богатства» (Хорватский Жидан).

Наиболее значимыми праздниками в предрождественский период можно считать день св. Люции и день св. Николая. Оба основных архаических мотива находят отражение в многочисленных запретах, причем запреты лучше сохраняются в селах градищанцев Венгрии, нежели в современной Австрии. Так, во всех селах Среднего Градища Венгрии отмечен запрет стирать и развешивать белье на Рождество (в Присике – от дня св. Сильвестра до Нового года), в противном случае в течение года погибнет скот. Непрозрачная мотивировка такого запрета зафиксирована в опубликованных источниках: жители Унды, например, считали, что на месте сушащегося белья может сушиться шкура животных, которые погибнут в наступающем году [Jordanić 2009: 148]. Во всех селах Среднего Градища у хорватов Венгрии

встретился запрет шить в Сочельник, на св. Люцию (13.XII – начало Адвента, т. е. канун рождественских праздников)¹ и в Великую пятницу перед Пасхой, иначе «зашьешь курам задницы» (*ćeš rit zašit*), и они не будут нестись, что известно на более широкой территории западной части Южной Славии (хорваты Междумурья и окрестностей Лобора, словаки – см. [Агапкина 2002: 60–61]. Аналогичный запрет известен повсеместно и в Венгрии, здесь можно предположить подерживающую роль венгерской традиции.

До сих пор сохраняется запрет на посещение домов в первый день Рождества и Нового года, при этом повсеместно опасались первого прихода женщины, полагая, что она принесет в дом несчастье (*sriću odnise* – унесет удачу, с. Хорватский Жидан), в чем просматриваются следы южнославянского ритуала, связанного с первым гостем – «ползником». Аналогичные представления известны среди «долинцев» Австрии [Плотникова 2016: 140–141]. Взаимные посещения близких и дальних родственников возобновлялись в день св. Стефана (*Štefanja*) (26.XII).

В Южном Градище в этот день также делали луковый календарь: ставили в ряд двенадцать одинаковых луковиц и в каждую клали по щепотке соли. На следующее утро, если соответствующая луковица «намокала», т. е. становилась мягкой, считалось, что в месяц, который она обозначала, будет много осадков, дождя или снега. В с. Хорватские Шице на св. Люцию, как было описано выше, сеяли пшеницу, которая должна была дать зеленые ростки к празднику Рождества: тогда ее ставили на праздничный стол, а высушенными всходами затем кормили кур, чтобы те лучше неслись; согласно поверью, если на Рождество пшеница не зазеленеет, в наступающем году будет плохой урожай.

Для хорватов Западной Венгрии характерны и ритуальные бесчинства, совершаемые во всех селах Южного Градища в день св. Люции (13.XII) – праздник, связанный в этом регионе с активизацией темных сил и демонических персонажей. С приходом темноты в канун праздника предписывалось закрывать все окна и двери, чтобы злые духи не смогли проникнуть в дом. Снаружи нельзя было оставлять даже метлу, поскольку полагали, что ведьмы унесут ее и будут летать на ней по воздуху; в этот день было принято есть чеснок, поскольку его запах отпугивает злых духов, ср. также обход домов ряженой Люцией (указывающий на своего рода персонификацию святой).

¹ Как вариант – в день св. Варвары (4.XII), т. е. также в «женский» праздник.

Бесчинства на св. Люцию повсеместно известны и в Среднем Градище. Парни, желавшие оказать внимание своим избранницам, приносили к их дому большое количество соломы, которую разбрасывали по двору, затыкали за дверь, наваливали к порогу и т. д. (*slamu šicat* – солому разбрасывать), «чтобы было тяжело очистить двор»; снимали также с петель ворота и относили их в ближайший овраг или ручей. Традиционными можно считать и рассказы о том, как удивленные родители девушки рано утром обнаруживали не только замерзшую солому, но и целую телегу на крыше дома или сарая (парни разбирали телегу по частям, затаскивали наверх, а затем собирали снова), ср. [Horvat 1997: 90].

Описанные бесчинства молодежи можно разделить на два типа: с одной стороны, такие, как снятие ворот и калиток с заборов, затаскивание тяжелых предметов на крышу дома (швейных машинок или даже телег), с другой – бесчинства, связанные с любовными играми молодежи (рассыпание соломы во дворе понравившейся и отвергнувшей юношу девушки; «прокладывание» дорожки из соломы от калитки девушки к дому парня, который ей нравится, и т. п.).

Некоторые рождественские ритуалы, связанные с магией плодovitости, переносятся у градищанцев Венгрии на день св. Люции, например, кормление кур в круге из веревки, чтобы они не разбежались и неслись дома (с. Нарда), аналогичный магический ритуал в средней западной Венгрии (с. Хорватский Жидан) исполнялся в Сочельник. С другой стороны, нередко часть ритуалов переходит с дня св. Люции на предшествующий ему «парный» праздник – день св. Варвары (4.XII), например, на св. Варвару осуществлялись ритуальные бесчинства (кража поленьев и пр.), а на св. Люцию разбрасывали по селу солому, указывая «путь» девушке до приглянувшегося парня (с. Нарда), или – по саду, чтобы девушка эту примерзшую к земле солому утром убирала (с. Горни Четар).

С днем св. Люции связано и общее для славян-католиков (но до сих пор у градищанских хорватов Австрии нами не встреченное) поверье о магической силе стульчика, который следовало изготовить в этот праздник с тем, чтобы на рождественской службе встать на него и увидеть местную ведьму – *višku* (Унда) или же таким образом узнать свое будущее (Плайгор). Начиная с дня св. Люции, желающим распознать местную ведьму или «узнать будущее» (вариант: узнать девушке будущего мужа) следовало начать изготовление «стульчика Люции» (ю.-гр.-хорв. *lucijin stolac*, *lucosiek*): каждый день нужно было понемногу делать

небольшой стул, чтобы на службе в Рождество, встав на него, узнать неведомое, главным образом, чтобы обнаружить всех ведьм в селе, поведение которых будет отличаться от общепринятого в церкви. Иногда считалось, что он должен быть из 13 разных пород дерева (с. Нарда).

В северном Градище стул также следовало делать начиная с дня св. Люции в течение всего периода до Рождества, в с. Яровце говорили, что он должен быть без единого гвоздя. Во время мессы на Рождество нужно встать на этот стульчик, и тогда якобы увидишь будущее (с. Яровце) или же распознаешь местную ведьму, которая сразу выбежит из церкви (с. Чуново), либо требуется поднять стульчик вверх и посмотреть через него, чтобы увидеть, как «танцуют ведьмы», а заодно узнать своего будущего жениха, если это делает девушка (с. Чуново). Подобные способы распознавания ведьмы известны в окрестностях Вараждина (сс. Стречки Реметинац, Пресечно, соб. зап., 2016), ученые указывают также на чешские и польские параллели, см. [Агапкина 2002: 380]. У градищанских хорватов сохранению этого магического ритуала способствует и венгерская традиция: в католической Венгрии повсеместно распространен обычай изготавливать «стул Люции» (венг. *lucaszék* – досл. ‘Люца-стул’) с теми же ритуально-магическими целями.

В с. Унда (Среднее Градище) в день св. Люции представлены обходы, которые не встречаются в остальных обследованных нами градищанских селах. По деревне идет группа мальчиков примерно десятилетнего возраста, они держат в руках по охапке соломы. Возле каждого дома процессия останавливается, мальчики спрашивают, можно ли войти, затем кладут охапку соломы на порог дома, становятся на колени на солому и произносят благопожелания – ср. об этом также в [Horváth 1978: 31], где автор пишет о том, что во время обходов на день св. Люции мальчики клали солому на порог дома и произносили благопожелания, которые были призваны принести хозяевам дома плодovitость домашней птицы и мелкого скота. Аналогичные обходы характерны также для венгерского с. Жира: данные обходы распространены в первую очередь в Западной Венгрии, и не находят коррелятов в западнославянском ареале. В западной Венгрии они носили название *kotyolás* (от оноματοпоэтического *kity-koty* ‘ко-ко-ко’, т. е. фактически “кудахтанье”). Любопытно, что в Юго-Западной Венгрии можно обнаружить контаминацию с южнославянским обрядом «полазник»²: там эти ритуалы назывались *palázolás*, исполнялись

² Подробно об обряде «полазник» см. [Усачева 2008].

мальчиками и были связаны в первую очередь с плодородием. Участники западновенгерского обхода пели тексты следующего содержания: *Luca-Luca, kitty-kotty. Tojjanak a tiktyok, luggyok! Kalbászunk olyan hosszú legyen, mint a falu hossza! Szalonnájuk olyan vastag legyen, mint a mestergerenda! Zsírjuk annyi legyen, mint kútba a víz! Pénzüik annyi legyen, mint pelyvakutyóba a pelyva!* «Люца, Люца, ко-ко-ко. Пусть несутся куры, гуси! Пусть ваша колбаса будет такой же длинной, как длинна эта деревня! Пусть ваше сало будет таким же широким, как балка в доме! Пусть будет столько жира, сколько воды в колодце! Пусть будет столько денег, сколько шелухи в амбаре!» (текст из с. Бюк, находящегося в непосредственной близости от обследованной нами Жиры)³.

Если обратиться к традиции на территории первичного проживания хорватов, то можно увидеть, что обходы, подобные тем, что были зафиксированы в хорватской Унде и соседней венгерской Жире (и шире, распространенные по всей Западной Венгрии), для Хорватии нехарактерны. Для градищанского ареала упоминания об обходах мы не находим, однако М. Йорданич пишет о том, что в этот день дети школьного возраста, обращаясь к своим родителям, произносили благопожелания: «Дай вам Бог цыплят, телят, гусей, жеребят, полные амбары зерна, полные бочки вина и святого благословения». Заканчивалось благопожелание формулой «Пусть ваши куры садятся, как мы сидим, и было у них много цыплят» [Jordanić 2009: 136]. В то же время подобные западновенгерским обходы на день св. Люции мы находим у словенцев Прекмурья, они связаны с обрядом «полазник» (*polazič*), что коррелирует с лексемой *palázolás*, обозначающей обходы в день св. Люции в Юго-Западной Венгрии. Ср.: «В Иванцах в этот день *polazič*, придя в дом, стоит на коленях в комнате на дровах, когда поздравляет: “Bog vam daj telko rujsekov, kak je na mojoj glavi vlasekov...” «Дай Вам Бог столько цыплят, сколько на моей голове волос». Во время произнесения слов поздравления он разбрасывает поленья [Усачева 2008: 80]. Иногда приходящему предписывается прийти в дом со своим поленом или взять его во дворе у хозяев: после того, как полазника впускают в комнату, он кладет полено на пол, опускается на него на колени, крестится и скороговоркой произносит то же пожелание, сравнивая число цыплят, гусят, индюшат с количеством волос на своей голове (подробнее см. [Усачева 2008: 81]).

³ Magyar néprajz [MN] VII. URL: <http://mek.niif.hu/02100/02152/html/07/182.html#185> (дата обращения 16.10.2024).

Подобные ритуалы находим в словенском Прекмурье: здесь *polazič* набирает на дворе дрова, вносит их в комнату, становится на колени и произносит: *Bog vam daj telko pujsekov, kak je na mojoj glave vlasekov* «Дай вам Бог столько поросят, сколько на моей голове волос» [Kuret 1970: 249]. В районе Гориции мальчики ходили *po kodakanju* досл. ‘за кудахтаньем’, что было направлено на увеличение поголовья птицы в хозяйстве: участники обхода также становились посреди комнаты на дрова и произносили благопожелания: *Kokodak, kokodak, Bog vam da telko prasičev, kolikor je na moji glavi vlasičkov, Bog vam da telko kokoši, kolikor je na moji glavi vlasičkov* «Кокодак, кокодак, дай Бог вам столько поросят, сколько на моей голове волосков, дай Бог вам столько кур, сколько на моей голове волосков» [Kuret 1970: 249–250]. Словенский обход может носить название *kodakanje* также в Прекмурье и Порабье [Kuret 1970: 249]. В данном случае мы наблюдаем прямые корреляции с западновенгерским обходом *kotyolás*, где наименование имеет сходную мотивацию, а сам обход – аналогичную структуру. Обходы в Унде тем самым, на наш взгляд, являются результатом венгерского влияния (косвенное подтверждение этому приводили информанты из Кольнофа, утверждавшие, что «в Унде на Люцию все от венгров») – в то же время у самих венгров подобные обходы, распространенные в западной и юго-западной части страны, являются результатом южнославянского, в первую очередь словенского, влияния. Неудивительно, что один из вариантов данного обряда распространен у хорватов в Южном Градище в Австрии в рождественский Сочельник (села Нова Гора, Пинковац): там в качестве высокого гостя выступала самая старая в семье женщина или же соседка, лицо которой было обязательно закрыто платком или шалью, чтобы ее не узнали, – именно она разбрасывала орехи и сухофрукты с пожеланием приплода домашней птицы, подробнее см. [Плотникова 2016: 141–143].

В Сочельник (*Badnjak*) шли приготовления к Рождеству, в частности, выпекали «плетенку» из муки, похожую на свадебный *vertanj*, которую иногда так же и называли (с. Присика) или иначе – *pleténica*; ее готовили из четырех скрученных между собой полосок теста (с. Хорватский Жидан). Собеседницы добавляли, что если караваи и калачи, испеченные на свадьбу, должны быть обязательно сладкими, то изделия из хлеба на праздники делались из менее сладкого дрожжевого теста. Что касается пасхального обрядового хлеба *posvećenka*, который выпекался для освящения и разговления, то его делали еще

и без дрожжей (с. Хорватский Жидан). В другом градищанскохорватском селе Копхаза той же части Венгрии в плетеный восьмеркой хлеб запекали целое яйцо, называя такие изделия *vazmene bapke*, букв. ‘пасхальные бабки’⁴.

Эксплицитное выражение мотива обеспечения богатства, плодородия, здоровья – это т. н. *benčanje, jačenje*, т. е. высказывание благопожеланий нараспев, которое осуществляется на Рождество и особенно в Новый год во всех селах градищанских хорватов, в том числе и в Среднем Градище. М. Йорданич приводит в своей книге об обычаях градищанских хорватов песню-благопожелание, адресованную поочередно в куплетах «дорогим братьям» (*draga braća!*), хозяину (*gospodaru*), хозяйке (*gospodarici*) и молодой девушке (*mladenkinji*) с пожеланиями веселья, радости, долгой жизни, здоровья, счастья (девушке – еще и «прекрасного жениха»). Устойчивый мотив в подобных градищанских благопожеланиях – благословение от «маленького Иисуса», например, в приведенной песне: *da b' ga Jezuš blagoslovil* «чтобы Иисус благословил»; *od mal'anoga Jezuša da b' dobila va žitku...* «от новорожденного Иисуса чтобы получила в жизни...» и т. п. Этот, один из самых полных, вариантов новогодней песни (*novoljetna jačka*) зафиксирован Йорданичем в селе Гериштоф (Австрия) [Jordanić 2009: 14]. Несколько рождественских и новогодних песен-благопожеланий опубликовано в новом сборнике «Наши календарные песни», подготовленном Гизелой Ченар [NJKL]. Следует отметить, что в сборнике градищанскохорватских песен находим весьма архаические мотивы, связанные с бытом и материальной культурой уходящего времени, например: *Prebudite se va srcu, dragi hižni gospodar, / zis vašom gospodaricom, ter primite naš pozdrav. / Mi željimo gospodaru, kot i cijeloj družini: / sve najbolje, dobro zdravlje, dug žitak va tišini. / A nadalje štire vole, sijena, dosta slamice, / štire krave, tri telice, petsto kabal⁵ pšenice. / Petnajst ovac i baranov, tri svinje da b' zaklali / i pedeset vidar vina daruj vam Božić mali⁶* «От всего сердца, дорогой хозяин с вашей хозяйкой, и примите наше поздравление. Мы желаем хозяину, как и всей семье: всего наилучшего, доброго здоровья, долгой жизни в тишине. А далее – четырех волов, сена,

⁴ По сообщению учительницы Марии Фюлëп-Хулев из с. Унда, показавшей нам также и присланные ее подругой фотографии этого обрядового хлеба.

⁵ Здесь *kabao* – мера поля для посевов.

⁶ *Božić* – Рождество, *Božić mali* – Новый год, букв. «маленькое Рождество».

достаточно соломы, четыре коровы, трех телок, пятьсот четвертин пшеницы. Пятнадцать овец и баранов, чтобы зарезали трех свиней, и пятьдесят ведер вина пусть подарит вам Новый год» (Фраканав, Австрия) [NJKL: 19].

Во время полевых исследований удалось отметить только сокращенные версии рождественских и новогодних песен-благопожеланий, например: *Na ovo Kristoševo narodjenje / Bog Vam daj zdravlja i veselja, / i se ča si od Boga želite / a po smrti večno zveličenje* «На это Рождество Христово / Дай Бог вам здоровья и веселья и всего, что желаете от Бога, а после смерти – вечного блаженства» (с. Мьеново, Австрия); *Na ovo Novo leto / Bog Vam daj zdravlja i veselja, / se ča si od Boga želite, / a po smrti va nebo* «На этот Новый год пусть Бог вам даст здоровья и веселья, всё, что вы себе желаете, а после смерти – на небеса» (с. Фраканав, Австрия); *Hvaljen budi Jezuš Kristuš / na vo Novo ljetu Bog Vam daj zdravje i veseje, se ča od Boga željite⁷, a po smerti va nebo!* «Восхваляем Иисуса Христа, на это Новый год пусть Бог даст вам здоровье и веселье, всё, что от Бога желаете, а после смерти – на небо!» (с. Хорватский Жидан, Венгрия).

С предновогодними праздниками связан обход «микулашей» (*mikule, mikulje*) и «крампусов» (*krampusi*) в канун дня св. Николая (6.XII). Ряженые «микулаши» изображали добрых «дедушек» с подарками, ряженые «крампусы» – чертей и подобную нечисть⁸; при этом, по свидетельству собеседниц, дети и девушки боялись всех ряженых в эти дни.

Между Рождеством и Новым годом празднуются так называемые *Mladenci* (день Невинных Младенцев, 28.XII) и *Štefanja* (день св. Стефана, 26.XII); в один из этих праздников проводятся ритуальные обходы молодых людей (или детей) с прутьями, которыми они стегают домочадцев (вариант: девушек, пожилых людей), чтобы те были здоровыми и ловкими; в случае со стариками присутствует мотивировка «чтобы долго жили» (с. Хорватский Жидан). У градишанцев Венгрии, как и в Австрии обряд называется *friškánje* (вариант: *friškovánje*)⁹,

⁷ Здесь и далее знаком акута передается только место ударения.

⁸ То же у градишанских хорватов в Австрии [Плотникова 2016: 166].

⁹ Девербатив от *friškati* ‘хлестать (веткой с пожеланием здоровья) в День невинных младенцев’ [GHNR:144]. В свою очередь, термин восходит к прилагательному *frižak* – германизму от немецкого *frisch* ‘свежий’ (отсюда также в венгерском языке германизм *friss* ‘свежий’ [Benkő 1993: 424]), входящего в состав приносимого благопожелания «быть свежим» ради здоровья.

от приговора, которым сопровождается ритуальное битье ветками, прутьями или плетками из них. Это могли быть обходы подростков и детей, которые символически били пожилых родственников, чтобы те долго жили и не болели (с. Хорватский Жидан), юношей, проходящих «бить» своих возлюбленных (с. Хорватский Жидан, Унда), групп взрослых парней, «бьющих» домочадцев сплетенными из вербовых веток кнутами (*korbáči*) и высказывающих благопожелания: *Friži budte, zdravi budte!* «Будьте свежими, будьте здоровыми» (с. Хорватский Жидан); *Cilo ljeto zdravi budte!* «Весь год будьте здоровыми!» (с. Присика); *Da budete friški!* «Чтобы были свежими!» (с. Унда), также в Северном Градище: *Frižuncun, frižuncun, friška budi kot ribica u vodi, rano se staj, jabuku daj* «Фрижунцун, фрижунцун, будь подвижной, как рыбка в воде, рано вставай, яблоко давай» и в Южном Градище: *Frišisun, frišisun* (или: *ja friščam, ja friščam*), *da budete se lito zdravi* «Фришисун, фришисун (я стегаю, я стегаю), чтобы вы были весь год здоровы» (с. Хорватске Шице). Этот постепенно уходящий в прошлое обычай связан с общеславянской архаической верой в ритуальную силу битья и магические свойства вербы. При этом аналогичные обходы молодых парней, которые стегали вербой тех, к кому приходили и произносили благопожелания, распространены как у венгров, так и у австрийцев в Бургенланде. Сходен и текст произносимого благопожелания, ср. по-венгерски: *Friss legyen, egézséges legyen az Új esztendőben* «Свежими будьте, здоровыми будьте в новом году» и по-немецки (Среднее Градище): *Frisch und gesund, frisch und gesund, ganzes Jahr gesund, und ein längs Lebn* «Свежими и здоровыми, свежими и здоровыми будьте на целый год и на всю долгую жизнь». Возможно, в данном случае немецкая и венгерская традиции восприняли славянскую и в свою очередь оказали на нее поддерживающее влияние; вместе с тем сама формула благопожелания, идентичная во всем Бургенланде, у хорватов и венгров содержит германизмы, часто со стертой внутренней формой (*frižuncun* в Северном Градище, *frižicun* в Южном Градище = нем. *Frisch und gesund* «свежий и здоровый»).

«Страшные» ряженые известны во всех селах Среднего Градища на Масленицу (*Mesopust, Faš(i)njak*). Эти мужские обрядовые обходы имели свои особенности в селах, находящихся несколько в стороне от основной приграничной дороги Шопрон – Kёсег, а именно в селах Унда и Плайгор. В Унде известен персонаж «масленичный дед» (*mesopusni djed*), который вместе с «невестой» (наряженным в белое платье и фату высоким парнем) отплясывал на главной площа-

ди села, при этом вся процессия изображала свадьбу (был «священник» и другие участники свадьбы). Если имитация свадьбы ряжеными известна во всех четырех обследованных селах, то сам термин *mesopusni djed* зафиксирован только в Унде, а в Плайгоре процессию называли также *djede-babe*, *djed i žuža* «дед и Жужа (сокращенное от Сузанна)»¹⁰ или только *djede*, ср.: *idu djede* «идут “деды”», т. е. приближается «свадебная» процессия, от которой следовало прятаться, особенно девушкам, которых ряженные стремились «поцеловать», оставляя след краски на щеках, «потыкать» их палками и т. д. В Плайгоре *djed* выглядел «как снеговик», т. е. с ног до головы был обкручен соломой, поверх которой надевались белые штаны, белая рубашка, белая ткань на голову. Хозяева, впускаявшие во двор масленичную процессию, стремились украсть у «деда» пучки соломы, чтобы на этой соломе «хорошо неслись куры»; сам «дед» вытаскивал из своего костюма пучки соломы и бросал курам, если ряженные были довольны оказанным приемом.

На весенний праздник *Markova* (25.IV) исполняются обходы полей во главе со священником, более известные в Среднем Градище Австрии [PKGH: 320] и порядком подзабытые у хорватов анклава со стороны Венгрии. Во время экспедиции 2017 г. удалось записать рассказ об этом обряде как о событии минувших лет в Хорватском Жидане – процессия жителей во главе со священником выходила «благословлять жито»: *Na Markovu se onda htilo pojt van na poje i onda se htilo tamo žito blagoslovit, to je htilo bit na Markovu. S prošecijom, oš kad sam ja bila, se htilo pojt ter se htilo blagoslovit žito* «На Маркову выходили за село на поле и там благословляли жито, это делали на Маркову. С процессией, еще когда я была (молодая), ходили жито благословлять». В этот день, по словам собеседницы, нарезали подростки зеленые стебли пшеницы и сплетали из них венки, которые вешали на знамена и крест (*ter se htilo napljest kod vijenac, ter se htilo na zastave verč onda* «и сплетали в виде венков, и на знамена тогда надевали»). Пшеницу благословляли с целью защиты от непогоды, особенно от града. В настоящее время освященные в этот день зеленые стебли пшеницы несут домой в качестве оберега от града, молнии, бури и

¹⁰ Наименование персонажа *žuža* – заимствование из венгерских обходных обрядов зимне-весеннего цикла. Пьеса про Жужу была написана бардейским ректором Ленартом Штёкелем в XVI в., исполнялась в венгерской и немецкой протестантской среде, чаще в день св. Сюзанны 18 февраля, в том числе в виде обходов: участники обходного обряда, Жужанна, ее муж и два старика [MN], [Hantz 1876].

другого «зла»¹¹. Обряд обхода полей на св. Марка, который в настоящее время совершается только теми хозяевами, которые имеют свои земляные угодья (при этом соседи, которые не идут с процессией в поле, получают освященные травы в подарок), может служить ярким примером совмещения обоих основных мотивов в архаических культурных ареалах – обеспечение урожая и охранную функцию освященных растений.

Традиционно перед Пасхой с Великого четверга по субботу совершали обходы дети со скрипящими устройствами (*škrebetaljke*), которые, по свидетельству собеседников, здесь были иными, нежели в Австрии: их можно было нести в руках, а не везти, как тележку; детей называли *škrebetari*, за свою работу они получали пасхальные яйца, с которыми затем играли на лугу – кто дальше кинет яйцо (с. Хорватский Жидан). Только очень пожилые люди помнят с детства обходы на Вознесение (*Križevski dani*), в настоящее время у градищанских хорватов Венгрии сохраняются только церковные процессии на Троицу (*Duhi*). В воскресенье после Троицы в четырех местах перед домами делают арки наподобие ворот или шатров, украшенные свежей зеленью (буковыми или березовыми ветками) и называемые в Среднем Градище *hute*, *hutice*, букв. ‘хижины, домики’ (все сёла градищанцев Венгрии). По завершении церковного обхода *Tijelova* («праздник Тела Христова») жители выдергивают освященные ветки из арок и приносят домой, оставляя на чердаке, чтобы защитить свои дома от грома, молнии, пожара и «всякого зла»¹². Особого внимания заслуживает вопрос времени проведения троичского обхода *Tijelova* – не в четверг на Троицкой неделе, как это происходит у градищанских хорватов Австрии, а в следующее за ним воскресенье. Большинство собеседников говорили о том, что это было сделано из-за того, что в четверг люди работают, а праздновать удобнее в ближайшее воскресенье. Вместе с тем, принимая во внимание, что этот и другие подобные обходы находились долгое время под запретом властей, но тайно устраивались в ближайшее к Троице воскресенье, общая картина сегодняшней приуроченности обряда к воскресенью именно в Венгрии (в отличие от Австрии) становится более ясной.

¹¹ Засушенные зеленые стебельки пшеницы, собранные на праздник св. Марка, можно увидеть на чердаках домов, где они хранятся в качестве оберега.

¹² Ту же функцию имеют и освященные вербовые ветки (*macice*), стоящие в доме до Пепельной среды (*Pepelnica*), когда их сжигают (в церкви этим пеплом наносят знак присутствующим, поскольку «из пепла вышли, в пепел возвратимся»).

Следует добавить, что мотив обеспечения плодородия и одновременно защиты от всяких напастей пронизывает и отдельные сезонные ритуалы. Так, по сообщению хорватского священника, который проводит службы в трех селах (сс. Хорватский Жидан, Плайгор, Унда), в последний день Масленицы на сельских «балах» танцевали, топя ногами как можно сильнее, чтобы «вытоптать» все будущие сорняки в поле (*da iz žita octak izgazu* «чтобы из колосьев сорняки вытоптать»). Многие из таких ритуалов совершались в канун Рождества: например, как уже описывалось выше, желая, чтобы наступающий год был урожайным, за ужином в Сочельник (*Badnjak*) хозяева ставили на стол блюдо, куда сыпали зерна пшеницы, кукурузы и обязательно добавляли к семенам монетку для богатства (с. Хорватский Жидан). То же касается обеспечения здоровьем членов семьи в течение наступающего года: для того, чтобы все домочадцы были в течение года «вместе» (*da smo svi skupa*), чтобы их не разделяла смерть, болезнь и пр., делили в Сочельник за ужином большое целое яблоко на столько долек, сколько родственников сидело за столом (с. Хорватский Жидан).

Магическое наделение плодovitостью имеющегося у хозяев скота по обе стороны современной границы связывалось с обходами домов пастухом (прежде всего свинопасом) осенью на *Martinja* (*Mertinja*) (11. XI). Обряд лучше сохранился в градишанских селах Венгрии, тогда как в Австрии его постепенное исчезновение объясняют изменившейся системой оплаты пастухов¹³. Так, в селе Филеж в Среднем Градище Австрии собеседники особо подчеркивали, что ветка (*martinska šiba*) должна быть на конце со множеством листиков, чтобы свиньи хорошо плодились¹⁴: пастух носил с собой на св. Мартина целую охапку березовых веток с большим количеством листьев и, передавая в каждом дворе по ветке хозяевам, произносил благопожелание, чтобы те имели много поросят и телят: *Koliko lišća tilo bit, toliko vam želim blaga* «Сколько листьев, столько вам желаю скота!» (с. Филеж, Австрия)¹⁵. За это он получал в подарок съестное, деньги или зерно: *On je til je dostat poklon mali, novac ili dostat nešto za pojist, ili žito, tako ča. U sakom selu drugačije* «Он обычно получал небольшой подарок, деньги или

¹³ Подробнее о постепенной утрате ритуала см. [Плотникова 2016: 163–164].

¹⁴ О семантике множественности в магии плодovitости см. [Плотникова 1995a: 355].

¹⁵ Развернутое градишанское благопожелание, в основе которого лежит магическая формула уподобления: «сколько листьев на ветке, столько вам желаю скота», приводится в книге М. Йорданича [Jordanić 2009: 126–127].

что-нибудь съедобное, или зерно, что-то такое. В каждом селе по-своему» (с. Филеж, Австрия). Аналогичный ритуал распространен и в Венгрии, где часто до сих пор исполняется хорватами-градищанцами (с. Хорватский Жидан, Присика, Унда). В Хорватском Жидане пастух носил березовую ветку с листьями, называемую *mertinska palica (batica)* «посох Мартина», которую он оставлял хозяевам со словами благопожелания «Сколько листьев на этой ветке, столько пусть будет свиней», за что получал вино и лепешку».

Во время зимних праздников самими хозяевами совершались ритуалы, направленные на плодovitость скота и домашней птицы, главным образом кур, в течение следующего календарного года. Подобные ритуальные действия сохраняются в Среднем Градище и в Австрии, и в Венгрии в семьях, где содержатся домашние животные и домашняя птица. М. Йорданич передает детские воспоминания собеседников из Филежа о том, как рождественскую солому обязательно подстилала под коров, чтобы они были спокойными, как в Сочельник хлев освящали святой водой и украшали травами от троичных праздников, коровам давали кусочек хлеба и яблока от ужина в Сочельник, чтобы они в течение года давали много молока [Jordanić 2009: 142]. У хорватов Венгрии, например, в Жидане в Сочельник на белую скатерть (*ubrus*) на столе раскладывали веревку, делая из нее круг, куда помещали зерна пшеницы, полагая, что этими магическими действиями будут способствовать тому, чтобы куры в течение года не убежали со двора, держались вместе: *poželju da skupa ostanu* «(хозяева) пожелают, чтобы (куры) оставались вместе». В Плайгоре, как уже отмечалось выше, во время обходов дворов ряженных на Масленицу хозяева старались незаметно выдернуть из одежды «соломенного деда» пучки соломы с целью подложить курам в гнезда – такая ритуальная кража¹⁶ должна была способствовать большей яйценоскости.

Другой важный мотив, неразрывно связанный с идеей плодovitости и плодоношения, – защита всего живого от зла в течение года (обереги). Среди основных предметных оберегов у хорватов Среднего Градища особое место отводится освященной зелени (что имеет прямые соответствия у славян-католиков – поляков, чехов, словаков и т. д. [Виноградова, Усачева 1999]). В течение всего года хранятся в доме вербо-

¹⁶ Ср. функции ритуальной кражи в других архаических регионах Славии [Толстая 1999а]; в большинстве случаев это делалось, чтобы всё велось, плодилось, зарождалось у самих хозяев.

вые ветки (*macice*), освященные на Вербное воскресенье (*Macicna nedéja*)¹⁷. Эти прутьики держат в комнатах и разных помещениях двора в течение года с целью защиты от непогоды, грома, молнии, пожаров.

В с. Унда в воскресенье на Троицу (*Duhi*) также совершается «королевский обход» четырех девушек с платком или скатертью с вышивкой, которую они держат над самой маленькой девочкой, называемой *krajica* (= *kraljica*) или *ang'el* (*andjel*) 'ангел'. Как главное обрядовое лицо специально выбранная маленькая девочка, сложив перед собой по-ангельски ладошки, должна хранить молчание и оставаться серьезной, даже не улыбаясь, несмотря на попытки односельчан рассмешить ее во время обхода. Описание троицких обходов в Унде содержится также в работе И. Хорвата, где говорится, что по селу до 1910-х гг. ходила группа, состоящая из трех девушек: двух постарше и одной помоложе. Молоденькую накрывали цветным платком. На платок на голову девушки клали венок, сплетенный из синих цветков пшеницы (*plavijenke*). Сначала они шли к дому приходского священника, затем в церковь и далее. Возле каждого дома они произносили благопожелания и пели песню *Hódi k nam Düh Sfijeti...* Затем число девушек, по утверждению исследователя, увеличилось до пяти [Horváth 1978: 69].

Священник (*farnik*, или *gospodin*), возглавляющий в течение 30 последних лет церковь в селах Хорватский Жидан, Плайгор и Унда¹⁸, считает, что этот обряд возник в Унде под влиянием живших там долгое время венгерских учителей, которые «пересадили» его из венгерской среды. Учитывая, однако, наличие «королевских обходов» у хорватов (см., например [Плотникова 2004b: 496, 500]), а также и у словаков [Валенцова, Плотникова 1999], можно предположить, что этот славянский обряд поддерживался и сохранялся благодаря сосед-

---

¹⁷ И в Австрии, и в Венгрии хорваты в последние годы из таких веток с подвешенными на них пасхальными яйцами повсеместно делают большие букеты в напольных вазах – *vazmeno stablo* (пасхальное дерево; Австрия) или *vazmeno drivce* (пасхальное деревце; Венгрия).

¹⁸ Стефан (Иштван) Думович родился в соседнем селе Присика, но, согласно традиции, выросший в своем селе священник не должен в нем работать, поэтому, к сожалению, в Присике в настоящее время назначен венгерский священник; службы в церкви проводятся здесь не на хорватском, а на венгерском языке. Отметим, однако, что Думович организовал в своем родном селе градищанско-хорватский церковный музей с небольшой библиотекой, что в некоторой мере компенсирует отсутствие хорватского священника в Присике.

ствующей венгерской традиции. Косвенное подтверждение данное предположение находит в свидетельстве о том, что в южном селе Чайта на австрийской стороне аналогичный обряд исполнялся и в первой половине XX в., о чем со слов Рональда Суботича из Чайты нам сообщил фольклорист из Унды Стефан (Иштван) Колошар. Аналогичные обходы представлены в соседних венгерских селах Жира и Дьялока, так, в с. Дьялока «четыре девушки держали над головой пятой платок “шатром”. Они ходили от дома к дому поздравлять. Во время этого они пели и разбрасывали лепестки» [Brummer 2007]. Троицкие королевские обходы с процессией из четырех девочек, где трое держали платок над головой четвертой – «королевы», фиксируются в венгерских селах к северу от г. Сомбатхей в работе [Tátrai 2010].

Вместе с тем, обряд известен и в хорватском (кайкавском) Умоке (венг. *Fertőhomok*) под названием *Duhi* (венг. *Pünkösdi*): это обходы девочек 10–12 лет в белой одежде – они выбирают «королеву», которая одета дополнительно в белую фату и несет в руках белые или красные розы. Девочки ходят по домам и поют песни о приходе важного дня Троицы, кроме того, в каждом дворе они встают в круг и танцуют, перешагивая направо и налево, после чего хозяйка дома поднимает фату с лица «королевы». Если «королева» хоть немного улыбнется, хозяйка ей говорит, что она плаксивая. Обычно девочкам за это дают немного денег [Horváthné 2021: 30–31]. Фрагмент со снятием вуали с лица основной участницы лишний раз свидетельствует об имитации прихода важного гостя, с чем связаны надежды на урожай и плодородие (ср. аналогичные модели поведения во время южнославянских весенне-летних девических обходов *кральице* / *ладекарице* / *лазарице* [Плотникова 2004b: 137–141, 496–502]). Тот же обряд в селе Умок отмечает и М. Йорданич, уверенно указывая на то, что «этот троицкий обряд, конечно, пришел из Славонии к градищанским хорватам, в том числе и в Унду» [Jordanić 2009: 75]. На фото из Умока «королеву» изображает в обходе девочка лет 11–12 (посередине процессии под белой вуалью, как невеста), ее окружают четыре девочки пониже ростом с небольшими белыми веночками на голове, вся группа – в легких белых платьях и белых туфельках, какой-либо шатер сверху отсутствует, см. [Jordanić 2009: 75].

В народном календаре градищанских хорватов следует отметить и так называемый «сезонный» мотив прощания с зимой (холодным временем года) на Масленицу. Прощаясь с зимой, обязательно сжигали или закапывали символически представленное зимнее время, глав-

ным образом – соломенную куклу. Об этом ритуале говорили: *zaká-paju zimsko vreme* «закапывают зимнее время» (с. Присика); *da se zima zakapa; strašidu zimu da projde* «чтобы зиму закопать; пугали зиму, чтобы прошла»; *A nekad tako načinju na slamu, ter je požgu, a to je da zima projde, protuliće dojde* «А раньше так из соломы сделают (человека) и сожгут, а это чтобы зима прошла, весна пришла» (с. Хорватский Жидан). С той же целью масленичные ряженые шумели как можно громче, чтобы зиму «напугать и прогнать» (с. Хорватский Жидан).

И в Плайгоре, и в Унде дополнительно делали еще и «соломенно-го деда», часто вместе с такой же «бабой»: в Унде эту «обнявшуюся» парочку вертели на деревянном колесе, пока волочили за собой по селу; в обоих селах соломенные чучела сжигали в конце праздника, знаменуя «уход зимы». В данном случае необходимо добавить, что масленичный ритуал с обнявшимися соломенными куклами на вертящемся деревянном круге, которых затем сжигают, обязателен и у венгров Унды, где он называется *kiszebab* (= сожжение куклы «киси»). Ср. также венгерские материалы из Словакии: на Вербное воскресенье девушки делали куклу *kiszi*, которую затем сжигали на берегу реки [Анисимова (Ващенко) 2012: 439].

В рамках тех же масленичных обходов ряженных наблюдаются и следы общественного порицания не женившихся на Масленицу молодых людей. Если в селах градищанских хорватов Австрии (Средний и Южный Бургенланд) до сих пор известен обряд «колодка» (волочение деревьев или предметов из дерева, например, корыта, не женившимися на Масленицу молодыми людьми), то у хорватов Венгрии (Среднее Градище) при отсутствии воспоминаний о таком обряде¹⁹ прослеживается мотив подобного порицания в масленичной фразеологии. В селе Плайгор, где ряженые на Масленицу были особенно развернутым, как уже описывалось, делали «соломенного деда», т. е. человек одевался в белую одежду («как снеговик»), набитую соломой²⁰, и на-

¹⁹ Народные представления (не только из сферы народной мифологии, но и календаря) часто оказываются стертymi, чему в немалой степени способствовал «период коммунизма» в Венгрии, когда не допускались и даже искоренялись все виды сельской народной культуры, включая также и ряжение на Масленицу. Показательным стал рассказ из с. Хорватский Жидан о том, как в 1990 г. «при освобождении Венгрии от социализма СССР» буквально все жители села на Масленицу нарядились в традиционные маски и костюмы.

²⁰ Именно эта солома считалась полезной для плодovitости кур, если ее украсть у «деда», см. выше.

зывали его *djed*, *slamnji djed*; в соседнем Жидане о плайгорской центральной фигуре ряженья также говорили: *slamnji djed*. Любопытно, что в дальнейшем развернутом объяснении название связывается с не женившимся на Масленицу мужчиной: *Mislim, najslamnji ostanu ki se ne našel par u Mesopusno vreme, taj onda sam ostal, ne? To je slamnji djed* «Думаю, самыми соломенными остаются те, кто не нашел себе пары во время Мясопуста, тот один тогда остается, нет? Вот это соломенный дед» (с. Хорватский Жидан). В следующих ответах на вопросы собеседница поясняет, что «настоящее значение» (*pravo značenje*) выражения заключается в том, что так говорили о не женившейся или не вышедшей замуж молодежи: *slamnji djed i baba*. В самом ряженье на Масленицу участвуют только мужчины: *...tamo su si dva muži bili obličeni. Su se dobro namazali usnice i tako svakog lipo kuševali da budu videli. U šali. Bižali pred njimi* «...там два мужчины были наряжены. Хорошенько мазали губы и так каждого целовали, чтобы было видно. В шутку. От них убежали» (с. Хорватский Жидан). Но если кто-либо (безотносительно к полу) не вступил в брак на Масленицу, то про эту особу говорили, что он/она остались «соломенными»: *na toga su mogli rec da je slamnji ostal*. Такая мотивировка выражения, подкрепленная обычаями ряженья (а также и сжигания в последний день Масленицы кукол, сделанных из соломы), во многом объясняет устойчивый в ряде славянских и европейских языковых традиций атрибут «соломенный» при оценочных характеристиках окружающих (подробнее об этих образных межъязыковых фразеологизмах, подобных «бродячим» сюжетам, см. [Березович 2014: 285–302]).

Помимо важнейших для повседневной жизни сюжетов в традиции градищанских хорватов прослеживается архаический мотив посещения дома «небесным», или потусторонним (сверхъестественным), гостем в важнейшие праздники. Ряд ритуалов и обычаев венгерских градищанских хорватов на Рождество и Троицу отражает следы таких представлений. Например, за ужином в Сочельник следовало оставить одно свободное место за столом и пустую тарелку: *da mora Jezuš dojt, ali u obliku Jezuša mati, siroma(h) ili ki drugi, da ima mesto kod stola* «ведь должен Иисус прийти, но в облике Иисуса – мать, нищий или кто-либо другой, чтобы было место за столом». Уточняя, для кого оставляли пустую тарелку на столе, собеседница пояснила, что это нужно для гостя – духовного («небесного») или светского, но «подразумевают покойных родственников»: *Za gosta, nebéskoga ili za mirskóga, ali se mislu na pokojne ki su prošli. To se misli da budemo mi se*

skupa «Для гостя, небесного или светского, но думают о покойных, которые ушли. Это думают, чтобы мы все вместе были» (с. Хорватский Жидан). Мотив посещения дома потусторонним гостем в рождественский период прослеживается в компонентах самых разных ритуалов и в Венгрии, и в Австрии: так, при внесении в дом украшенной елки для детей «Мария» должна быть вся в белом, как невеста (*kod nas bi Marija došla, va belom kod i zaručnja*), чтобы ее никто не узнал (с. Хорватский Жидан, Венгрия); женщине, которая раскидывает орехи и сухофрукты детям, чтобы те подражали цыплятам, имитируя большое количество приплода птицы в наступающем году, предписывается замотать голову платком или шалью, чтобы ее ни в коем случае не узнали (с. Нова Гора, Австрия) [Плотникова 2016: 141–143]²¹. Во время пения рождественских благопожеланий дети и подростки в группе колядующих должны были быть в кожаных полушубках с мехом (иногда добавляют, что «кожаные шубы» выворачивали наизнанку) и зимних пастушьих шапках, а также держать в руках посохи, пастушьи палки; этих колядующих называли *pastiri* – «пастухи» (с. Унда, Венгрия)²². Отметим, что пастухам на территории Среднего Градища хорваты приписывают сверхъестественные свойства (оборотничество, распознавание ведьм, умение перехитрить ведьму и т. п., см. [Répce 1996: 15, 21–25]).

На фоне описанных обычаев из сферы народного календаря в Южном и Среднем Градище особое место занимает традиция хорватских сел Северного Градища, входивших ранее в Венгрию, а с 1945 г. – в Словакию. Во-первых, традиция отличается архаическими особенностями культуры, которые поддерживали самоидентификацию хорватов в условиях как венгерского окружения, так и непосредственного немецкого соседства, а во-вторых, сама традиция отличается некоторыми особыми чертами, не свойственными более южным регионам.

Известны и многочисленные обходы на св. Николая с положительными и отрицательными персонажами, о чем жители Яровце говорят, что раньше в селе таких обходов не было. К устрашающим

²¹ Ср. стремление И. Хорвата передать атмосферу таинственности и ожидания чудесного гостя при описании семейных обычаев под Рождество [Horvat 1973: 129].

²² Ср.: *Kod nas na Undi se dičaki opravu u kožne bunde kot pastiri. Tako jačiči božićne jačke obilazu sve selo. Jedan uvijek nosi betlehemsku štalicu s ditešcem* «У нас в Унде мальчики надевают шубы из кожи, как пастухи. Так, распевая рождественские благопожелания, обходят всё село. Один всегда несет рождественские ясельки с младенцем» [Jordanić 2009: 144].

процессиям относятся также известные в обоих селах масленичные процессии *norci* (*nuorci*) (букв. ‘безумные’) в страшных масках из коровой кожи, вывернутых шерстью наружу тулупах, с палками и скотскими колокольчиками в руках. Помимо устрашающей функции их цель – собрать от жителей села продукты для своего праздника, с этой целью часть группы веселит окружающих, пока другие ловят кур у невнимательных соседей, собирают другое съестное. Если о зимних процессиях пастухов (*pastiri*) на Рождество (с. Чуново) или на Трех королей (с. Яровце) говорят: *pastiri gredu* – «пастухи идут», – то при виде бесчинствующих участников обходов принято говорить: *Mikule* (или *norci*) *bižu* – «“Микулы” (или “безумные”) бегут», что побуждает к ответным действиям окружающих: в первом случае следовало подготовиться к встрече высказывающих благопожелания и собирающих дары подростков, во втором – прятаться, закрывать на замок сарай с домашней птицей и т. п., чтобы «безумные» не нанесли вред здоровью или хозяйству. На Масленицу известны и ритуальные бесчинства: затаскивание телеги на крышу, рассыпание соломы во дворе и под.

Среди ритуальных бесчинств обращает на себя внимание и «наказание» девушки, отвергшей жениха, который поставил ей 1 мая дерево в знак любви. Отметим, что традиция ставить *majuško drivo* или *majpan*²³ как в центре села, так и перед домами девушек на выданье, известна во всех обследованных селах градищанцев Венгрии. «Майское дерево», голое до верхушки, где в пышной кроне была привязана бутылка с вином, стояло весь месяц. В случае же символического наказания девушки высокий ствол этого дерева срубали так, чтобы было видно, что «май» все-таки стоял здесь раньше, а к воротам двора прикрепляли соломенное чучело мужчины с перекошенным уродливым лицом (с. Чуново).

На Рождество совершали обходы «пастухи» (*pastiri*) – музыканты со звездой (с. Яровце) или реальные пастухи, щелкающие бичами и произносящие благопожелания, собирая деньги, подарки в качестве платы за сезонный выпас скота (с. Чуново), на Трех королей (6.I) до сих пор обходят дворы подростки, наряженные в белые одежды и с высокими колпаками на головах (с. Яровце). В обоих селах сохраняется обход юношей с кнутами, сплетенными из вербовых веток, в день Невинных Младенцев (*Mladenci*, 28.XII).

²³ Заимствование из нем. *maibaum*, ср. у австрийских хорватов соответствующую лексику с иной конечной огласовкой: *majpan* [Плотникова 2016: 165].

В Чунове были также записаны многочисленные предписания и запреты, выполнявшиеся с целью благотворно повлиять на плодородие полей, приплод домашней птицы, здоровье человека: в последнюю ночь перед Великим постом следовало как можно дольше танцевать под громкую музыку в корчме, чтобы велись гуси, *macice* (повсеместное для Бургенланда название освященных вербовых веток на Вербное воскресенье) относили курам, чтобы они хорошо неслись; их также сжигали при приближении грома, градоносной тучи²⁴; на Масленицу нельзя было шить, чтобы не зашить курам «зад»; если же будешь шить на Пасху, то «зашьешь себе разум». И в Яровце, и в Чуново сохраняется запрет приходить в дом на Новый год женщине (а не мужчине) первой: по поверьям, это ведет к несчастьям в будущем году.

Особое внимание хотелось бы уделить также и процессам взаимодействия и взаимовлияния хорватской и венгерской сосуществующих языковых, фольклорных и этнографических традиций. В этой связи остановимся на материалах третьей экспедиции к градищанским хорватам австро-венгерского пограничья (окрестности Сомбатхея в Венгрии). Было зафиксировано немало обрядовых обходов в течение календарного года, роль которых в самоидентификации градищанцев, несомненно, очень высока. При этом календарные обходы хорватов окрестностей Сомбатхея несколько варьируются от села к селу, несмотря на определенную общность традиции. Вместе с тем, современное состояние традиции таково, что многие из бытовавших здесь ранее календарных обрядов постепенно забываются и проводятся все менее регулярно. Так, если раньше за время Масленицы (*Fášenki, Fášinjak*) в селах Нарда и Петрово Село не было ни одной свадьбы, то там практиковался обычай «тянуть сосну/ствол» (*bor vleć, panj vleć*). Сведения об этом одному из авторов настоящей монографии – А. А. Плотниковой – удалось записать 12 лет назад, беседуя в австрийском селе Чемба с информантом, приехавшим из села Нарда на венгерской стороне Градища (который, как выяснилось в экспедиции 2019 г., оказался отцом Шандора Хорвата, ныне сотрудника сомбатхейского этнографического музея). По словам собеседников из с. Петрово Село (это местечко, как мы уже отмечали, обследовалось не только в 2019 г., но и ранее, в 2014 г.), на огромном пне (стволе дерева), который по всему селу тянули кони, сидели неженатый па-

²⁴ Жители Чунова помнят и запрет убивать лягушку, иначе пойдет сильный дождь, ср. также поверье о том, что «в радуге скачут лягушки».

рень и незамужняя девушка, одетые как жених и невеста. Вместе с тем, у градищанских хорватов Венгрии этот обычай давно не практикуется, и теперь больший объем сведений о нем можно получить от заезжающих сюда жителей соседних градищанскохорватских сел на территории Австрии (Чемба и Чайта), что в свою очередь связано с определенным «поддерживающим» влиянием культуры окружающих австрийцев, у которых подобные обычаи до сих пор распространены (в том числе, в рамках фестивалей и пр.).

Среди календарных обходов, которые до сих пор хорошо сохраняются у градищанских хорватов Южного Градища Венгрии и имеют ряд архаических черт, следует выделить зимние обходы на св. Люцию с ряженой в белые одежды Люцией (они фиксируются лишь в двух селах — Хорватские Шице и Горни Четар; в других обследованных селах Градища не отмечены); обходы парней в день Невинных Младенцев (*Nekriva dičica*, 28.XII) с собственноручно сплетенными кнутами (*korbači, šubari, šubre*), которыми пришедшие стегают домохозяев с приговорами: «Будьте свежими и здоровыми» и подобное (все села); масленичный обряд сбора розмарина парнями (понедельник на Масленицу). Довольно редкий на территории Градища масленичный «сбор розмарина» известен во всех трех селах рассматриваемого куста — Нарда, Горни Четар, Хорватские Шице. Несмотря на то, что жители села Горни Четар считают обход исключительно «своим», якобы другим селам не известным, следует заметить, что архаические черты обряда сохраняются именно в селе Нарда: это прежде всего касается мотива долгого странствия нищих, которым дают не розмарин, а солому, «чтобы они могли на ней отдохнуть». Приведем текст диалога:

Хозяева: *Ko ste vi?* [Кто вы?]

Гости: *Mi smo pogoreni, sakupljamo darove da imamo živjet iz čega.* [Мы погорельцы, собираем дары, чтобы иметь пропитание.]

Хозяева: *Odakle ste?* [Откуда вы?]

Гости: *Izdaleka smo mi, molimo Vas da nam pomognite* [Мы издалека, просим вас помочь нам.]

После этого диалога девушка каждому юноше на шляпу прикрепляла розмарин; от хозяев парни получали съестное. Далее группа шла с музыкой и песнями по селу. Сейчас известны многочисленные вариации (ходят только к знакомым или родным, либо ходят в дома, где живут понравившиеся девушки; прикрепляют к шляпе букетик

разных цветов, а не только розмарин; собираются в корчме, где проходит весь обряд, и т. д.).

В связи с этим обрядовым обходом нельзя не привести эмоциональный рассказ ученого, сотрудника этнографического музея в Сомбатхее Шандора Хорвата о послевоенных исторических событиях, когда в эпоху «коммунизма» из каждого села выдворяли на выселки по одной семье: через несколько лет, получив возможность вернуться, переселенцы обнаруживали на пороге своего дома пучок соломы, что свидетельствовало о поддержке всего села, почитающего старые традиции градищанских хорватов, и единении на основе своей традиции, — способ самоидентификации, выраженный с помощью ритуальной атрибутики.

Обращаясь к вторичному воспроизведению тех или иных народных календарных обрядов и ритуалов (что связано, прежде всего, с поддержанием исчезающей традиции в целях защиты этнокультурной самобытности островной славянской группы), отметим, что здесь на первое место выступает не только инициатива признанных знатоков местного варианта языка и народной культуры, но и их сотрудничество с односельчанами (причем не исключено и сопротивление, нередко обусловленное совершенно неожиданными причинами, см. об этом ниже). Приведем рассказ Ш. Хорвата о возрождении одного зимнего календарного обычая в селе Нарда. Тема возникла во время диалога между исследователями и рассказчиком ситуативно уже на самом заключительном этапе экспедиции 2019 г., когда фактический материал по всем темам этнолингвистического вопросника («Народный календарь», «Семейная обрядность», «Народная мифология») был собран и осмыслен исследователями. Этнограф Хорват Шандор вез нас в местный придорожный отель около венгерского села Торонь, где проживали участники экспедиции, а по дороге я сообщила нашему спутнику, что мы также побывали в ближайшей от нас венгерской деревушке Дозмат, которая славится сохранением архаического рождественского обхода *regölés*.

Этнографам в Венгрии (и всем интересующимся народными обычаями) известен факт, что на западе и юго-западе Венгрии долгое время практиковался *regölés* – рождественский обход колядующих парней²⁵, которые обходили дома 26 декабря, в день св. Иштвана (св.

---

²⁵ Лексема *regös* фигурирует в средневековых грамотах в качестве наименования профессии (профессиональный певец). По мнению лингвистов и историков,

Стефана), иногда эти обходы продолжались до Нового года, особенно при посещении домов, где были девушки на выданье. Участники обходов, как правило, не носили маску, но мазали лицо сажей, прикрепляли усы, одевались в вывернутые шубы. В руках парни держали палки с привязанными цепями, которыми создавали шум, а также дудели в дудки. У домов девушек на выданье они произносили благопожелания, за что получали подарки. Постоянные составляющие песен, которые исполняются во время таких обходов – благопожелания плодородия, благосостояния хозяину и его домочадцам, а также матримониальная часть, в которой говорится о соединении парня с девушкой. Иногда той или иной песне предшествует вступление, в котором участники обходов сообщают, что проделали большой путь и что они не разбойники, а посланцы Бога / слуги святого Стефана. Считается, что и мелодия песни, и ее текст носят архаический характер²⁶.

Разумеется, обследуя народную традицию градищанских хорватов, проживающих в Венгрии, мы не могли не посетить близлежащую к месту нашей дислокации деревню, которая в прошлом была известна своими обходами *regölés*. А при опросе прихожанки местной церкви мы сразу услышали, что обряд исполняется и до сих пор. Рассказав об этом Ш. Хорвату, мы услышали его мнение, согласно которому, обход существовал в 1950-е годы, а сейчас этого нет, а если и есть, то это результат того, что обряд пытаются возродить, в том числе и его, Шандора, усилиями, поскольку много лет назад, в начале 1990-х они с группой от музея приезжали в Дозмаг снимать фильм о местном рождественском обряде *regölés*. Постепенно в диалоге наш собеседник перешел к повествованию о рождественских обходах уже в собственном селе Нарда, где он сам стал инициатором воспроизведения (по сути, возрождения) аналогичного, по его мнению, рождественского обряда *pastiri* некоторое время назад.

Далее приводится часть диалога, в котором эта тема освещена достаточно подробно:

термин мог служить древним наименованием венгерских шаманов, колдунов и певцов. Происхождение самого слова является дискуссионным, возможно, восходит к *rege* 'сказка, волшебство' [Benkő 1993: 1244].

²⁶ Материал «Венгерской этнографической энциклопедии»: <http://mek.niif.hu/02100/02115/html/4-808.html>; <http://mek.niif.hu/02100/02115/html/4-883.html>; <http://mek.niif.hu/02100/02115/html/4-884.html>; <http://mek.niif.hu/02100/02115/html/4-885.html> (дата обращения: 01.11.2019). Обряд подробно разбирается в статье Э. Поч [Pócs 2004].

HŠ: Ja sam još osamdesét ne znam, šeste ili sedme snimil, smo napravili naj **dokumentarni film**²⁷, ne, za to, **za Régoleš**, ne. Onda je to snimio taj stariji, ki je kot mladi pokušal. I za prvo, to se deržálo, ne, pred drugim svijetskim bojem, ne. A onda kasneje već ne, i onda ... kad smo mi ovo načinili sa televizijom, onda je ta, **nukić toga**, neki ... **i onda su par put napravili**, ali ni, nije to išlo, nije to išlo. Imaju i táblicu, imaju na... / Я еще в восемьдесят, не помню, шестом или седьмом году, снял, мы сделали документальный фильм о том Реголеше, об этом. И тогда снимал тот более старший <исполнитель>, который еще в молодости это делал. И сначала это сохранилось, до Второй мировой войны. А позже уже нет, и тогда... когда мы это сняли для телевидения, тогда внук того, некто... и после этого пару раз исполняли, но нет, не пошло это, не удержалось. У них есть и табличка на...

АП: Videli smo je! / Мы ее видели!

HŠ: Ali da bi to... / Но чтобы это <сохранилось>...

АП: Pitali smo ženu o tom Regoleš, kako se deržalo, ona je rekla: “Prije deset godina je bilo zadnji put”. / Мы спрашивали женщину об этом Реголеше, как это сохранялось, и она ответила: «Десять лет назад было последний раз».

HŠ: Zato velim, taj mladi, on bil polagal kad smo mi snimili sa televizijom taj kratki dokumentarac, onda je on dobil taj nagradu, malo novine. / Вот я и говорю, что тот парень, он участвовал, когда мы снимали с телевидением тот короткий документальный фильм, он тогда получил награду, это было немного новым.

АП: Kako da ne, obnovljenje tradicije. / Еще бы, обновление традиции.

HŠ: Ali pred tim mi smo tako sa jedním učiteljem snimili jedan film, za Regoleš, i s školama su se pominali, i se skupa. Ali nije onda, zbog toga nije još ono bilo. Onda kad smo mi tamo prošli s televizijom, onda taj mali: “Onda ću ponoviti”. Ali nek toliko. Velim, to je smišno, znate, **mi Hervati većinom nimaju pastirsku igru pred Božićem, ali Ugri imaju**. I onda je ovdeka bilo i u našem selú: **ki svećenik naučio jednu generaciju i ona je pamti, onda je to išlo**. / Но перед этим мы вот также с одним учителем снимали фильм о Реголеше, и в школах беседовали, и все вместе. Но тогда еще нет, по этой причине еще до этого не дошло. Но потом, когда мы с телевизионной группой там побывали, тогда тот молодой и говорит: «Тогда я повторю». Ну и всё. Говорю, смешно, знаете, мы, хорваты, в

²⁷ Здесь и далее в диалоге с собеседником полужирным шрифтом выделены наиболее значимые ключевые фразы в описании истории взаимодействия двух рождественских обходов – градишанскохорватского и венгерского.

основном не совершаем «обход пастухов» перед Рождеством, а у венгров есть. И тогда и у нас было в нашем селе: священник обучил одно поколение, и они помнят, после чего это продолжалось.

АП: **A u Horvatskim Šicama kažu da imaju pastiri, i u Petrovom Selu isto?** / А в Хорватских Шицах говорят, что у них есть *pastiri*, и в Петровом Селе ведь так же?

НŠ: **Za to kanim povidat. I onda sam ja dvadeset tri tomu da ... tako nekako, dvadeset pet, stariji ljudi nastáli, odrasli nastali, kad su u Nardi, nek stvará (?) onda dvadeset osam lit je tomu da je to tako bilo. Onda sam ja napravil na naš dijalekat pastirsku igru. I onda sam ja tu decu naučio...** / Об этом и хочу рассказать. Это я двадцать три года назад... как-то так, двадцать пять, старшее поколение было, повзрослели уже, когда в Нарде организовано (?), двадцать восемь лет уже тому, как всё так получилось. И тогда я сделал на нашем диалекте «обход пастухов». И тогда я тех детей обучил...

АП: **Od vas je poteklo!** / От вас началось!

НŠ: ...onako, naši tam, e-e, naš stil, ne, ali od ove regije samo po madjarski to mislilo. I ondak su ovi naši počeli to igrat. **I onda su oni svi prosili: ćetarska učiteljica je prosila od nas, i šićanka je prosila od nas tekst, i onda su oni tako...** / ...таким образом, наши, э-э, наш стиль, а ведь в этом регионе всё только в венгерском духе понималось. И потом эти наши начали это показывать. И тогда все они просили: учительница из Четапра просила у нас, и из Шиц просила от нас текст, и тогда они вот так...

АП: **Ne samo tekst, nego i bundu prevrnutu oni imaju?** / Не только текст, но и вывернутую шубу используют?

НŠ: **Kad igraju. Da, da. Tako sam ja napravio.** / [Когда играют. Да, да. Так я сделал.

АП: **Iz tih sela, Hrvatski Židan, Prisika..., samo undanci imaju ti pastiri...** / В тех (других) селах, Хорватский Жидан, Присика..., только в селе Унда есть эти «пастухи».

... <Разговор уходит от основной темы>

НŠ: **A drugó je pri nas da je došlo do toga da imamo ovdekaj ali što kanim rijeć na kraju od sega toga: da pri nas je sad u drugo lito tako malo ispálo da su sada moráli tome napisat ugérski tekst, kad se igrálo, su Ugri...** / Другой вопрос, как у нас появилось то, что сейчас имеем, но что хочу сказать в конце концов: у нас уже второй год так получилось, что мы сейчас должны были переписать этот текст на венгерский, текст во время представления, по-венгерски...

АП: Sad je ugersku tekst vazniji. / Сейчас венгерский текст важнее (с грустью).

НШ: **Sad se mora ugersko dat, sad ugérski tekst govóru.** Sad na Božici je to tako bilo i prije rano, prevelo a sad opet na ugérski tekst. **A ja sam go mnogo dilal, da malo ukusa ostalo od našeg jezika.** I smišno da je uprav lani kad smo išli piši na Celje, na svodišće, ne, ...je bilo, dvoje je bilo, ne, jedná je bila ka je s kim sam ja začel ovó. A onda je sva generacija! **Ja sam na početku, u prva litá sam još bil s njimi, da se to nauči, pa da to ide, a onda sam ja ostavil, kad nek običaj mora sam od sebe ić, ne moram ja tu stat iza njega, ne.** I onda neki odrásli su mogli pomoć, ne. Upravo ta generacija bila na redu, a onda smo se smijáli da smo začneli, ne. / Сейчас нужно по-венгерски дать, сейчас венгерский текст произносят. Теперь на Рождество это так было, да и раньше – перевели, а сейчас вот снова венгерский текст. А я его много обрабатывал, чтобы немного ощущения от нашего языка осталось. И забавно, что как раз этим летом, когда мы пешком ходили паломниками в Целье, да... получилось, что было, двое было, нет, одна была женщина, с кем я всё это начинал. А потом – целое поколение! Я в начале, в первые годы еще был с ними, чтобы обучить и чтобы то пошло, а потом их оставил, так как обычай должен сам от себя развиваться, не должен я тут быть, рядом, нет.

АП: Znači, vi ste pokretač za te pastire ovde? / Значит, вы основатель этих «пастухов» здесь?

НШ: Da, da, samo da znate. / Да, да, чтобы вы знали.

АП: Igrokaz / Представление (задумчиво).

НШ: Ali kazem: onda, onda dodju mladji, i ja pametim, jedno pitam: “A sto si bila, ali sto si bil?” To. Tako sam im rekal: “Daj manje suvikanja!” Oni teću, mali oraci imaju i velju: “Glorija-a”, kad to bude — pastire. “Glorija-a, Glorija-a”... i onda od maloga andjela vikoj (?) daje. / Но повторяю: тогда, потом пришли более молодые, и я помню, как спрашивал: «А ты кем была, а ты кем был?» Вот это. Так я им сказал: «Давайте поменьше кричать!» Они идут и поют: «Глория-а», когда исполняют «пастухов». «Глория-а, Глория-а»... и так от малого «ангела» кричат (?) дальше.

АП: A pre Vas toga nije bilo? U hrvatskim selima tu? / А до вас этого не было? Здесь в хорватских селах?

НШ: To kažem da... U Nardi je bilo: jedan svećenik je tamo u pedesetim, početkom pedesetih pokušal naučit na madjarskome. I onda je to išlo, ne znam, tri godina, tako nekako. I onda niš. To je gotovo, to nije bilo za naše dićake. / Скажу так... В Нарде было: один священник еще тогда в пятидесятых, в начале пятидесятых попробовал обучить на венгерском. И

тогда это продолжалось, не знаю, три года, так как-то. А потом ничего. Это закончилось, это не было интересно нашим ребятам.

АП: U Nardi nije ostalo? / В Нарде не осталось?

НЅ: Ne, ne. Tri ili tako nešto, tako madjarski. / Нет, нет. Три или около того <года> по-венгерски.

... <Разговор уходит от основной темы>

НЅ: Za ove pastire samo da to znate, da je to tako bilo. Velim, tekst, pa onda kad su, hat, hat, razglasilo se, ne. A prvo lito, to kad sam rekao im da, familiji, ne, materi, ocu, da pogodimo gde kad to igrat. “Како?” sam rekao. “**A-a, to – ne! Moj sin neće ijt kot prosjak pinezi si sabirat**”. Onda, velim, nešto drugo sam počel mislit ... Onda sam rekao: “Dobro je, onda ćemo u crkvi predstaviti”. Ter prvo lito je tako ispalo. Valjda smo na Badnji večer za mašom, oni su. Jedva su bili živi oš, ali oš povstali pa si igrali. I onda mi velú...: “Jo-oj, kako je lipo ovo bilo iz dicom!”. Ki su bili prid maše na ponoćke, ti kako to su mogli sad vidit? Gotovo je to sad vidit. A si sad mora to pokazat. Ja sam dicu pital: “Hoćete li zjutra za mašu na Božić?” Na mašu na Božić. Već odigrálo. I onda kad je to prošlo, onda sam rekao: “«Ali ovako, ovo sad neće bit dobró, ovo mora do hiže ijt” ... No dobro je. A drugo lito sirote domislit mati otac, ne, da hat ćemo tako na pojti: ako dostanu što da to ondak oforvat, ponudit za kakoga, za dobra cilj. To je ono što pristáli za to: “A-a, ovdek kad smo začeli onda što»... sobrali pinezi, ... onda smo pola vregli kraj, a pose sam razdelil. A to dite, on ide pak dostane pinez, ne. To nije tako, sporad odaje. / Об этих «пастухах» вы должны знать, что это так было. Говорю, текст был, а потом он разошелся. А в первый год, когда сказал им, в семьях, матери, отцу, чтобы договориться, где и когда исполнять. «Как?» – сказал им. «А-а, этого не будет! Мой сын не станет, как нищий, деньги собирать». Тогда, говорю, что-то другое начал придумывать. Тогда сказал: «Хорошо, тогда будем в церкви исполнять». И в первый год так вышло. Вроде бы в Сочельник после мессы они это делали. Были очень уставшими, но все же встали и устроили представление. И тогда мне все говорят: «О-о, как это красиво было с детьми». А те, которые были перед мессой в полночь, они как могли это увидеть? Всё закончилось – не увидишь. И теперь нужно всем это показать. Я детей спросил: «Как насчет завтра утром на мессу на Рождество?» На мессу на Рождество. И так случилось. И потом, когда всё закончилось, я тогда сказал: «Но теперь, это теперь не будет так же хорошо, нужно ходить от дома до дома»... Ну хорошо. А на следующий год, родители опять про сирот будут придумывать, нет, итак, будем так делать: то, что соберут, предложим кому-нибудь, для хорошей цели. И это было то, на что они согласились: «А-а, теперь, когда уж мы нача-

ли, что ж теперь...» ...Собрали деньги, половину отложили, половину я потом разделил... А ребенок – ребенок идет, чтобы получить копейку, нет? Это не так, чтобы он с радостью отдал.

АП: On bi to sebi zel. / Он бы себе взял.

НŠ: **A da narandju, pa klopu, pa to, to je njegovo, ali onda polóvicu sam svim razdelil, a druga polóvica onda smo, ne znam, na različite dobré čine.** Simbolično oni su darovali. E, i tako i onda kažem: i to već tako od iže do iže išlo, i onda smo..., a učiteljice su čuli kad smo onda, dica znala povidat u školi, da oni igraju pastirsku igru, i onda je to tako ispálo. Tako da koč, koč, **ako človik živi u svojoj, u svojim društvu doma, onda koč mora ne samo analizirat mora pomoć za obdrzanje tu, zajednice, ne.** / А вот апельсин, другие продукты, такое вот, – это ему принадлежит, но потом половину <денег> я между всеми разделил, а другую половину мы, не знаю там, на разные добрые дела пустили. Люди одаривали символически. Э, вот так, и потом, я говорю: после уже от дома до дома ходили, и мы потом..., а учительницы услышали, как мы это делали, дети стали в школе рассказывать, как они исполняли представление «пастухов», и вот так это получилось. Так вот, если, если человек живет в своей <среде>, в своем обществе дома, тогда же должен не только анализировать, должен и помочь существованию своего общества здесь, так ведь.

Таким образом, обращаясь к социолингвистической стороне вопроса, обнаруживаем в диалоге следующий ряд событий в XX–XXI вв.: сначала, в 1950-х годах, воспроизведением обрядового действия *pastiri* с текстами на венгерском языке занимался местный священник, но это не прижилось (продолжалось около трех лет); затем в начале 1990-х – Ш. Хорват воспроизвел текст на родном диалекте градищанскохорватского языка (причем венгерский *regölés*, который хорошо сохранялся на западе и юго-западе Венгрии, сыграл роль своеобразной поддержки при возобновлении традиции у градищанских хорватов); далее, в течение последующих лет происходило распространение обрядового представления (*pastirska igra; igraju dica pastirsku igru*) в этом кусте сел в основном через учителей; и наконец, в настоящее время осуществлен повторный перевод градищанскохорватских текстов «пастухов» на венгерский язык.

С точки зрения инициативы и сотрудничества с местными жителями, а также их определенного сопротивления действиям извне, в этой истории с рождественским обходом присутствуют все три аспекта: инициатива, исходящая от безусловно уважаемой в селе персоны,

сотрудничество, наблюдаемое и ожидаемое со стороны жителей деревни Нарда, а также других хорватских деревень, особенно учителей и служителей местной церкви (включая священников). Вместе с тем, как видим, противодействие, исходившее от тех же местных жителей, вызвано желанием не показаться социально ушербными («Не будет мой сын ходить побираться!»), что обусловлено новейшими процессами урбанизации и глобализации в целом, связанными с изменением качества жизни: нищенство осуждается.

Как видно из приведенного диалога, на свой вопрос: «А как они должны были быть одеты? В вывернутые кожанки?» – мы получили положительный ответ. Известно, что ношение ряжеными вывернутых кожанок (наряду с символическим обозначением пастушеской атрибутики) относится к ярко выраженным архаическим элементам народной культуры. Во-первых, «мохнатые» одежды (наиболее простой способ изобразить которые – вывернуть наизнанку шубы или кожанки) – обязательный компонент славянского ряжения, в том числе устрашающего²⁸, деталь обряда, в прошлом направленная на изгнание нечисти, см. [Виноградова, Плотникова 2009: 520]. Во-вторых, шерсть и мех как символы плодovitости и богатства известны всем славянам, особенно в рождественско-новогодней и весенней обрядности, подробнее см. [Плотникова 2012: 576].

Отметим, что во всех градищанскохорватских селах Венгрии, где известен рождественский обход *pastiri*, сохраняется обязательный атрибут этого рождественского обхода – вывернутые наизнанку (мехом наружу) кожанки и шубы. Так, в с. Петрово Село, где обход сохраняется до сих пор, участниками экспедиции было записано: *Sako lito šesti razred ide od hiže do hiže kot pastiri. Navuču kape, bunde obérnuto. Božične jačke izjaču. Zvončad si zvonu. Pinezi. – “Moremo unutra?” – “Morete”* «Каждый год шестой класс ходит от дома к дому будто пастухи. Нацепят шапки, шубы наизнанку. Рождественские песни поют. В колокольчики звенят. Деньги (собирают). – “Можем войти?” – “Можете”» (SA, запись 2019 г.).

В книге М. Йорданича «Народные обычаи градищанских хорватов» имеется и опубликованный текст рождественской песни-благпожелания из с. Унда, где наряду с рассказом о действиях с выпасом овец (своего рода «подтверждение» их профессиональной

²⁸ Необходимо отметить, что в вывернутые кожанки рядились и участники венгерского обхода *regölés*.

деятельности) звучит также мотив нищенства (например: *a čizam nigdor nima* «а сапог нет ни у кого» [Jordanić 2009: 144]). Декламация отдельных строк из песни ряженных «пастухов» Ш. Хорватом («я пришел из леса голодный» и т. п.) также свидетельствовала о необходимости фраз о том, как поющие пришли «издалека», что адресует нас к архаическому мотиву «чудесного гостя», приносящего дары и благоденствие. Нередко в этой роли выступает нищий, который мог восприниматься как носитель доли, судьбы, посредник между «этим» и «тем» светом²⁹.

Во всех подобных случаях лица, посещающие дома, выступают в роли «чудесных гостей»: соединяя сферы «своего» и «чужого», они становятся объектом сакрализации и почитания как представители некоего «иногo» мира, одаривание которых в свою очередь несет благосостояние, успех и удачу хозяевам. В настоящее время указанный архаический аспект сохраняется как символ, знак, характерная особенность зимнего обхода. При этом для рождественского обхода (*pastirska igra*) характерны маски, представляющие персонажей библейской истории: в этом плане «пастухи» и «ангелы» в игровом исполнении из Нарды вписываются в более широкий контекст поздней славянской традиции, тогда как его более древнее значение, отраженное в атрибутике обряда и мотивах песен, прослеживается в разных градищанскохорватских селах Венгрии.

В настоящее время венгерское влияние на хорватскую традицию в сфере календарной обрядности носит по большей части поддерживающий характер: это касается запретов в день св. Люции, благопожеланий в день Невинных Младенцев и в день св. Стефана и др. Кроме того, можно предположить, что у градищанцев Венгрии произошла утрата обряда волочения колодки на Масленицу (или эта ритуальная практика отсутствовала изначально) под воздействием традиции венгерских сел, где подобный обычай отсутствует.

В ряде случаев контакты с венгерской традицией могут непосредственно влиять на локальную хорватскую: главным образом это касается с. Унда, тесно связанного с соседними венгерскими деревнями. Заимствованными, на наш взгляд, являются обходы в Унде на день св. Люции; троицкие обходы, которые широко практикуются именно в соседних с Ундой венгерских селах; масленичный ритуал с обнявшимися соломенными куклами на вертящемся деревянном круге.

²⁹ См. [Левкиевская 2004а: 409–410].

II.2. СЕМЕЙНАЯ ОБРЯДНОСТЬ: ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

II.2.1. Свадебная обрядность выступает как основной критерий этнической идентичности хорватов Градища в инокультурных и иноязыковых условиях нынешнего проживания. В результате определенного опыта бесед с информантами опрос по этнолингвистическому вопроснику, как правило, начинался именно со свадебной терминологии народной духовной культуры в традиции венгерских градищанцев и по причине наибольшей ее сохранности, и с целью расположить к себе собеседников, для которых именно привычная свадьба является важным признаком самоидентификации. Как и в градищанскохорватских селах Австрии, свадебная обрядность градищанцев в Венгрии и южной Словакии содержит немало архаизмов как в ритуалах, так и в соответствующей терминологической лексике. Отметим, что свадебные ритуалы не только хорошо сохраняются, но и воспроизводятся заново: если молодые хотят сыграть «хорватскую» свадьбу, то обращаются за советами к старшему поколению.

Названия свадьбы в венгерской части Бургенланда в обследованных селах различаются: в основном это наименования *pir* и *veseje* (*veselje*), причем второе обозначение более распространено, особенно в селах Среднего Градища (с. Унда, Присика, Хорватский Жидан, Плайгор)³⁰. Лексема *pir* в значении ‘свадьба’ фиксируется эпизодически – на севере (с. Чуново) и на юге (с. Хорватские Шице). Один раз в южной части встретилось наименование *svadba* (с. Петрово Село). Данная триада терминов – *pir* / *veseje* (*veselje*) / *svadba* – в целом соответствует традиционному распределению названий свадьбы по Северному, Среднему и Южному Градищу в Австрии, при этом термин *veselje* охватывает наибольшую часть территории градищанцев Австрии – Среднее и Южное Градище (в Южном *svodba* фиксируется в с. Стиняки, которое по целому ряду языковых и культурных признаков выделяется среди окружающих сел хорватов-переселенцев), более подробно см. [Плотникова 2016: 125–126, 130–132]). Для обозначения свадьбы фиксируется также *prisek* ‘свадьба, бракосочетание’ (в словаре градищанскохорватского языка наименование толкуется как ‘клятва, венчание, бракосочетание’ [GHNR: 537]³¹), особенно если в

³⁰ Термин *vesè:le*, *vesè:lje*, *vesè:je* зафиксирован также в с. Умок [ОЛА 2015: 85].

³¹ Ср. также кайкавское гр.-хорв. *pr̥siga* ‘свадьба’ [Houtzagers 1999: 301].

рассказе собеседника акцентируется внимание на основном событии в церкви (обручении), тем не менее лексема употребляется и для всего порядка торжеств (танцы, свадебное застолье, снятие венка с невесты).

Сразу отметим, что в Южном Градище Венгрии известны все три наименования: *svadba* (Петрово Село), *veseje* (Нарда, Горни Четар), *pir* (Хорватские Шице), а также и *prisek* (Нарда)³². Главное лицо на свадьбе – *pozivač*, в его функции входит приглашение гостей на свадьбу, для этого он обходит дома с посохом с привязанными к нему цветным лентами; в с. Петрово Село на посох в день венчания надевают свадебные витые хлебцы *perjaci*, что и самими жителями рассматривается как заимствование из венгерской традиции – эти хлебцы разбрасывают после венчания собравшимся у церкви зрителям. Наименование всех приглашенных на свадьбу гостей – *svati*, незваные гости приходят на свадьбу под вечер ряжеными (в лохмотьях и старой одежде, с закрытым лицом, чтобы их не узнали); о ритуале говорят *babe idu* «бабы идут» (Петрово Село), *cigani* «цыгане» (Нарда), при этом «цыгане» стремятся украсть невесту. Главные действующие лица на свадьбе – *mladoženja* (жених) и *zaručnica* или *zaručnja* (невеста); эти наименования известны по всему Бургенланду (один раз в Нарде мы услышали название невесты *mladenka* с оговоркой, что это слово «литературное»). К венцу жениха ведет *perva posnašnica* (главная дружка, девушка), невесту – *pervi stačilo* (главный дружка, парень). В Нарде отмечено большее число дружек: *četire posnašnice i četiri stačili* (четыре дружки-девушки и четыре дружки-парня), ср. то же в описании свадьбы в диалектных текстах прошлого века [Neweklowsky 1978: 308]. При входе в дом жениха после венчания молодым вручали жареные куриные ножки (*campice*), чтобы те были резвыми и бодрыми, что сейчас вызывает также и шутки окружающих из-за нарядной одежды молодоженов (Петрово Село); клали перед порогом метлу «на счастье», на которую молодожены должны встать сразу вдвоем (Нарда), наблюдали также, возьмет ли ее в руки молодая, что свидетельствовало бы о ее хозяйственности (Хорватские Шице); с шумом разбивали тарелку на множество осколков, сопровождая действия словами: «Когда все осколки этой тарелки соединятся, тогда разобьется ваш брак» (Нарда, Хорватские Шице, Горни Четар). Кульминацией сельской свадьбы

³² Ср. описание свадьбы в диалектном тексте из Нарды: *k'ad je pri:sek šti:l bit, ùon dà:n, 'onda su svà:ti d'ošli k nà:n* «когда было бракосочетание, в тот день, тогда сваты пришли к нам» [Neweklowsky 1978: 308].

ранее было снятие в полночь венка с головы невесты подружками, а с одежды жениха – букетика розмарина [Jordanić 2009: 212]³³, при этом невеста заранее снимала белое платье и надевала темное (*u škù:rom rublù* – с. Нарда [Neweklowsky 1978: 309]). Позднее ритуал, видимо, несколько усложнился: по нашим записям, с молодой снимали фату и надевали красный платок в белый горошек (с этого момента она становилась замужней женщиной), а с молодого не только снимали приколотый к пиджаку розмарин, но и надевали шляпу. После этого супругов обливали водой, подшучивая, что они «помочились».

Традиционным для градищанских хорватов был танец с невестой, за который нужно было заплатить деньги. Выкуп на протяжении свадьбы следовало платить неоднократно: например, когда домочадцы и поварихи не пускали молодых в дом после венчания, защищаясь хлебными лопатами и другой хозяйственной утварью; кроме того, во многих селах Бургенланда кухарка заматывала руку тряпкой и требовала деньги в поварешку, жалуясь на полученные при приготовлении блюд травмы, и т. д. Во время пира свадьбу посещали ряженные незваные гости, их тоже одаривали (см. выше). Во всех селах считалось, что дождь во время свадьбы сулит богатство молодым; отмечено также необычное толкование приметы: молодая будет много плакать (от одного информанта в с. Нарда).

Сведения о традиционном градищанскохорватском свадебном хлебе *vertanj* в наших селах немногочисленны. Так, одна из собеседниц в Нарде вспомнила, что раньше (сейчас такой обычай не практикуется) женщина из числа сватов (кума со стороны одного из молодоженов) танцевала с этим ритуальным хлебом на пути свадебной процессии к церкви (*s tim mogla tancat na putu*). Затем она просила нож и резала свадебный хлеб, раздавая всем присутствующим, пришедшим к церкви смотреть на венчание. В с. Хорватские Шице отмечен давний обычай выпекать к свадьбе множество сдобных хлебцев, называемых *vertanji za pir* (вертани к свадьбе); их также раздавали зрителям перед церковью. Во всех обследованных селах к свадьбе выпекалось большое число тортов и сладкого сдобного хлеба: *kuglihopi* (сс. Нарда, Горни Четар, Хорватские Шице), *poharaj* (все села) и др.

В удаленном от основного «куста» сел Петровом Селе в качестве наименования свадебных хлебцев, раздаваемых при приглашении на

³³ Если невеста была беременной, то розмарин (знак девичества) не носили, а невеста не одевалась в белое платье (все села Градища).

свадьбу (когда сдобные крендели насаживали на посох вместе с другим угощением, см. выше) и в течение праздника, выступают названия *perjaci / pirjaci / pireci*, из венг. *perec* ‘свадебный хлебец в форме кренделя’ (в венгерском языке соответствующая лексема считается заимствованием из верхненемецкого *Preze, Bretze*). Любопытно, что сами носители традиции осознают это слово как заимствование: *Pirjaci to su ti koláči, koje stavu na batiku..., to iz Madjarske, Madjarska perjac, to je tako zašlo u naš reč. Perjaci mi kažemo* «Пирьяки – это те (свадебные) крендели, которые надевают на палку..., это из Венгрии, по-венгерски “перьяк”, это так вошло в нашу речь, “перьяки” мы говорим» (с. Петрово Село)³⁴.

В традиции всех обследованных сел Среднего Градища хорошо сохраняются архаические особенности свадебной обрядности. Так, несмотря на современное влияние города и процессов глобализации в целом, свадебный хлеб *vrtanj / vertanj* остается символом градищанскохорватской свадьбы, как и у хорватов-градищанцев на австрийской стороне. У градищанцев Венгрии, правда, практически не сохранился специальный ритуал «добывания» этого хлеба группой друзей жениха – *vertanj dostat*, известный «долинцам» в Австрии (подробнее см. [Плотникова 2016: 136–139]): здесь эти огромные плетеные караваны в настоящее время лишь делят между всеми присутствующими у церкви людьми, пришедшими посмотреть на венчание и свадьбу. Раньше молодежь (*mladina*) всегда хотела получить большой калач (*dostat velik vertanj*), ради чего юноши танцевали с метлами в руках (*htili su tancat z metlami*). Помимо основного свадебного хлеба выпекали и множество сладких сдоб, называемых *kugl’ofi* (с. Унда), плетенок – *vrtanji* (с. Присика).

Общее обозначение свадьбы *veséje* (= *veselje*), характерное для «долинцев», широко употребляется и в этих селах наряду с *pir*, словом, по поводу которого сами информанты говорят, что оно пришло «из Австрии» (*od Osteraja*) и что оно «северное»³⁵; известно и литературное хорватское *svadba*. В Среднем Градище для обозначения человека, который звал гостей на свадьбу, ранее употреблялся термин *pozivnik* (ср. у «южных чакавцев» Австрии *poziváč*, то же наименование – в Нарде [Neweklowsky 1978: 308]: *pozivà:č, ki je pri:sek pe:là:l*

³⁴ О бытовании того же унгаризма *perec* в значении ‘заплетенное хлебобулочное изделие’ в словенском Прекмурье и Порабье, а также и кайкавской Хорватии, Славонии см. [Пилипенко 2019: 22–24].

³⁵ Ср. *pir* на севере Градища в Австрии.

«приглашальщик, который руководил свадьбой)»³⁶, хотя в настоящее время эти функции выполняет дружка со стороны жениха – *stat'ilo* (= *staćilo*). Дружка со стороны невесты называлась *posnášnica* (все села), а не *puotpernja*, как в Северном Градище³⁷. По поводу «северного» термина *bábac* ‘предводитель свадьбы’ сами информанты объясняли, что они слово знают, но не употребляют, поскольку свадьбой часто управлял именно *stat'ilo* (ср. Присика, Хорватский Жидан), иногда подчеркивая, что «это ведь только раньше свадьбой руководил *babac*» (ср. Унда, Плайгор, Хорватский Жидан), сейчас же *stat'ilo peja veseje* «дружка ведет свадьбу» (с. Унда). В обязанности предводителя (*stat'ilo / babac*) входили ритуальные торги за невесту³⁸ перед тем, как забрать ее из дома родителей в церковь; шествие во главе свадебной процессии в церковь; сбор подарков от гостей, когда в конце свадебного пира распорядитель стучал своей палкой (*batíca*) по балке дома (*mogal po gredi tuć*) и кричал, например: *Rodi Bože, rodi! Hodte si mojem stolu, dajte dare* «Роди, Боже, роди! Идите к моему столу, давайте дары» (с. Присика), призывая тем самым по очереди давать деньги и подарки молодым³⁹. Следует отметить, что именно эта вступительная формула призыва *Rodi Bože, rodi*, направленная на умножение

³⁶ Еще один вариант наименования со сходной внутренней формой ‘звать, приглашать’ отмечен в с. Умок у кайкавцев – *vabec* [Horváthné 2021: 34], причем данный термин фиксируется и в двуязычном словаре (в «не-кайкавской» форме *vabac*) как синоним к *babac* с толкованием ‘сват, тот, который приглашает гостей’ со следующими переводами на немецкий: *Hochzeitslader, Hochzeitsbitter, Lockvogel* [GHN: 748].

³⁷ В свадебной терминологии градищанцев не употребляются образования от корня **drug-*: здесь *družica* обозначает ‘подруга, приятельница’ (в повседневной жизни).

³⁸ К пришедшим с женихом сватам поочередно выводили разных других женщин, девушек и даже старушку в наряде невесты (*staru tetu oblikli*), пока дело не доходило до настоящей невесты жениха.

³⁹ В с. Хорватский Жидан записан целый речитатив дружки со стороны жениха, собирающего дары: восхваляя Иисуса Христа и желая всем доброго вечера, он сообщает, что сваты (*svatovi*) пришли издалека через зеленый бор и высокие горы, далее, обращаясь к сватам, он оповещает о своем намерении собрать дары и постучать палкой (при этом три раза стучит палкой по матице дома); вся формула заканчивается словами *Rodi Bože, rodi!* Подробное описание свадьбы в Хорватском Жидане представлено в дипломной работе 2008 года «Жизнь и творчество Ивана Хорвата» [Feigl 2008: 23–31], выполненной на кафедре хорватского языка и литературы Западновенгерского университета в Сомбатхее Петером Фейглом, внуком известного градищанскохорватского писателя родом из Хорватского Жидана.

урожая, достатка и благополучия, известна в свадебной обрядности «южных чакавцев» Австрии: так, в с. Нова Гора между подношениями от родственников и гостей *veliki staćilo* (главный дружка) стучит своей палицей по столу со словами: *Rodi Bože, rodi još...* «Роди, Боже, роди ещё...», см. [GN: 161]. В Хорватском Жидане в конце ритуала свадебного одаривания предводитель от имени невесты благодарит всех за подарки, например: *Hvali naša mladenkinja na vuom lipom dari, ako Buog ne umori, da će ona sto i stuov krat najzad nagradit!* «Благодарит наша молодая за этот красивый дар, если Бог не приберет, она сто и сотни раз вознаградит за это!» [Feigl 2008: 30].

В Хорватском Жидане в доме невесты один из больших украшенных караваев *vertanj* надевали сверху на небольшой бочонок с вином (*baril*) и относили священнику (*cel vertanj išel gospodinu* «цельный каравай отправлялся к священнику»)⁴⁰. Обязательным свадебным атрибутом помимо каравая считался розмарин: как символ чистоты и девственности розмарин прикалывали на грудь все дружки. Его носила и невеста, если выходила замуж не беременной, т. е. была «чистой» (*čista*). В противном случае она не смела надевать белое платье, носить венок и фату на голове, держать в руке цветы, иметь дружку (*posnašnice nije bilo* «дружки невесты не было»).

Из архаических особенностей в ходе самой свадьбы была отмечена и специфика введения в дом невесты – молодой хозяйки. В соответствии с принятым ритуалом, она перешагивала через лежащую на пороге поперек прохода метлу, в настоящее время через метлу переступает жених с молодой супругой на руках (с. Хорватский Жидан). По другим сообщениям, невеста, как только входила в дом жениха, должна была поднять с пола валяющуюся метлу, символически подмести сени (прихожую) и аккуратно поставить на место рядом с дверью; если же она забывала это сделать, то считалась плохой, ленивой хозяйкой. Родственники жениха специально приходили смотреть, как невеста входила в новый дом, а девушку, конечно, заранее предупреждал жених или родители, чтобы она была внимательнее к этой детали свадебного обряда (*Merkaaj!* «Осторожно!») (с. Хорватский Жидан).

Для семейной обрядности Северного Градища, в нашем случае представленного традицией сел Яровце и Чуново в Словакии, характерна терминологическая лексика и народные поверья, сходные

⁴⁰ Подобный обычай известен хорватам Северного Градища в Австрии, где невеста должна была отнести плетеный калач *vrtanj* местному священнику, чтобы получить его благословение на замужество [Ivanović 1981: 69].

не только с южнославянскими, но и с западнославянскими (например, *družba* ‘свидетель мужского пола’; *družica* ‘свидетель женского пола’ употребляются в обоих селлах, что соответствует словацким, но не хорватским обозначениям), а также и с собственно градищанско-хорватскими, характерными для Австрии и Венгрии (например, *babac* ‘старейшина, руководитель свадьбы’). При обозначении свадьбы используются лексемы *pir* ‘свадьба’ (то же у градищанских хорватов на севере Австрии) в селе Чуново, но *veselje* в Яровце (ср. то же наименование свадьбы у хорватов-«долинцев» Австрии и Венгрии). Сами жители часто сопоставляют название, принятое в своем селе, с соседним («Мы говорим *veselje*, а в Чуново свадьбу называют *pir*»), а также и с повсеместным словацким (*svadba*). Соответственно, в Чуново всех участников свадьбы называли *pirovnjaki*⁴¹, среди которых выделялись *piruovni otac* ‘отец жениха’ и *piruovna mati (majka)* ‘мать жениха’.

В Чуново для обозначения главного обрядового лица на свадьбе (созывающего на свадьбу, собирающего подарки, ведущего свадьбу) известно не только характерное для Северного Градища наименование *babac*⁴², но и редкое сегодня и до сих пор ни разу нами не встреченное у градищанских хорватов наименование *stolnik (stounik)*, т. е. букв. ‘находящийся во главе стола’⁴³, наряду с *stat'ilo*, тогда как в Яровце фиксировалась лишь лексема *stat'ilo* ‘главное обрядовое лицо на свадьбе’⁴⁴, которая известна как обозначение дружки-парня у «полянцев» – градищанских хорватов на севере Австрии. Однако, как уже отмечалось, переход функций предводителя свадьбы к дружке повсеместно фиксируется в Среднем Градище Венгрии: там функции главного обрядового лица выполняет также *stat'ilo*.

В Чуново до сих пор используются названия дружек *puotprnja (potpornja)* ‘дружка-девушка’ и *puotpornjak (potprdac)* ‘дружка-па-

⁴¹ Ср. то же в книге о селе Чуново: *pirovnjaki* ‘гости на свадьбе’ [Maász, Mallinerits 2012: 79].

⁴² См. [Плотникова 2016: 122, 131–132], а также лексикографическую фиксацию: *babac* ‘тот, кто созывает гостей на свадьбу’ [GHNR: 47].

⁴³ В опубликованном описании традиции села фигурирует та же лексема для обозначения предводителя свадебной процессии: *Pozivat je hodio stolnik sam* «приглашать на свадьбу предводитель ходил сам» [Maász, Mallinerits 2012: 71]; *Na čelu povorke ide stolnik, ki nosi vrtanj i vino...* «Во главе процессии идет предводитель, который несет свадебный хлеб и вино...» [Maász, Mallinerits 2012: 73].

⁴⁴ Однако в опубликованном этнографическом источнике, основанном на аутентичных рассказах собеседников, находим и *stolnik*: *Stolnik je išao u crkву pred veseljaki* «Предводитель шел в церковь перед сватами» [Jordanić 2009: 174].

рень», трактуемые самими информантами как обозначения «поддерживающих, подпирающих» невесту и жениха на свадьбе и имеющие параллели у градищанцев-«полянцев» Австрии. Для наименования невесты и жениха в обоих селах используются традиционные для градищанских хорватов *zaručnja* и *zaručnjak* (от *zaruke* ‘помолвка’⁴⁵) как в период после помолвки, так и накануне.

Воспоминания о свадебном обрядовом хлебе *vrtanj* встретились в селе Яровце, более близком к хорватам на севере Австрии, где эта обрядовая реалья – типичный атрибут градищанской свадьбы, тогда как в Чуново *vrtanj* – только плетеный хлеб, который раньше пекли на Рождество и о котором помнят лишь старожилы села. Вместе с тем, в книге о селе Чуново наименование *vrtanj* в функции свадебного хлеба встречается (это хлеб, который вместе с вином несет во главе процессии в церковь предводитель свадьбы), но в выражении, соответствующем *vrtanj prosit* (просить танца с невестой, а затем выкупа за нее в виде вина и хлеба) фигурирует уже иная лексема – *konac* (или *štajer*) *prosit*, т. е. букв. «просить нить девичества невесты» или «просить налог (выкуп)»⁴⁶ [Maász, Mallinerits 2012: 73]. Отметим, что выражение *štajer prosit* (ср. нем. *Steuer* ‘налог, сбор’) употребляется уже и в письмах начала прошлого века, см. III.4.

Вместе с тем, обследование села Кольноф (2021 г., собиратель – Д. Ю. Ващенко), более близкого к Шопрону, чем основной массив среднеградищанских «долинских» сел (Унда, Хорватский Жидан, Присика и Плайгор), показало сохранение обычая с большим хлебом *vrtanj*, во многих деталях совпадающего с традицией северноградищанских «полянских» сел на территории Австрии, в частности, села Климпуха, где был записан подробный рассказ об этом свадебном обычае (2014 г., собиратель – А. А. Плотникова). Свадебный хлеб *vrtanj* (больших размеров и с дыркой в центре) выносили, когда жених в сопровождении десяти парней с песней: *Srce zdravo, pinez malo, kuolo nam se polamualo* «Сердце здоровое, денег мало, колесо у нас сломалось» – приходил за невестой в ее дом. Предводитель процессии *babac*, несший в руках большой шест, говорил, что они ехали за невестой, но у них сломалось колесо и надо бы его починить, после этого на шест надевали *vrtanj*, делая это в несколько приемов с репликами «Идет?» – «Пока не очень, надо еще выпить». Родственники

⁴⁵ Ср. тоже в значении ‘помолвка’ (*Verlobung*) *zaručit* ‘обручиться’ (*Verloben*) в работе [Koschat 1978: 292].

⁴⁶ Очевидно, из нем. *Steuer* ‘налог, сбор, пошлина’.

невесты с приговорами «не уходи, не уходи» прощались с невестой, калач при этом постепенно сползал по шесту, потом этот хлеб выносили на палке на улицу, делили на кусочки и угощали им всех, кто был на улице⁴⁷. По записям М. Йорданича из Кольнофа, юноши приходили за караваем (*po vrtanj*) с песней о том, как поломалось колесо в дороге (*Srcej' zdravo, pinez malo, kolo nam sej' polamalo* «Сердце здоровое, денег мало, колесо у нас сломалось»), после чего торговались за хлеб *vrtanj* (украшенный розмарином и пестрыми лентами) с «осью» (деревянной палкой) в руках, которая выдерживала насаженный на нее хлеб. Пока хлеб надевали на «ось», парни требовали, чтобы ее хорошо «смазали», т. е. дали побольше выпить вина (которое лили и на палку) [Jordanić 2009: 194–195].

Наименования свадебных чинов также объединяют с Кольноф с традицией сел Северного Градища, в нашем случае представленного селами на словацкой территории. Так, в селе различали дружку, который назывался *statilo*, и старшего свата *babac*, игравшего на свадьбе центральную роль, т. е. предводителя свадьбы (как и во всех селах Градища, его неизменным атрибутом служила большая палка). Терминологическая лексика, обозначающая дружку жениха и подружку невесты, также частично совпадает с северноградищанской традицией: часть информантов говорит, что подружка невесты обозначалась термином *puoprnja* [TJ, GM], а не *posnašnica*, как в соседней Унде. Термин *puotprnja* для обозначения подружки невесты представлен в хорватских селах южной Словакии (с. Яровцы, Чуново) и в хорватском селе Трайштоф, расположенном в Австрии, также в северной части Градища [Плотникова 2016: 132]. Некоторые информанты вообще отрицали наличие подружек невесты как обязательных участников свадебного обряда, невесту в Кольнофе, по их словам, сопровождали маленькие дети [FM, KI].

* * *

Названия невесты и жениха, а также основных свадебных чинов (предводителя свадьбы и дружек, сопровождающих молодых) хотелось бы рассмотреть в более широком ареальном контексте. Градищанские полевые данные верифицировались по уже опубликованным источникам, прежде всего по хорватским данным из Австрии

⁴⁷ См. аналогичный диалог-ритуал при выкупе невесты в Северном Градище [Плотникова 2016: 137–139].

в Южном Градище для обозначения невесты употребляются слова *zaručnica* или *zaručnja*. Все эти производные от *zaruke* ‘помолвка’, включая *zaručnjaki* (= *mladenci*) ‘помолвленные, молодые’, отмечены и в словаре градищанскохорватского языка [GHNR: 799]. У хорватов с первичной территории представлен как сходный термин *zaručnica* (характерный для центральной Далмации), так и ряд других номинаций – в первую очередь *neva*, *nevesta*, а также *mlada*, *mlodo*, т. е. ‘молодая’ [Гура 2012: 87].

В венгерской традиции наиболее распространенным обозначением для невесты является – до расплетания косы *menyasszony*, а после расплетания косы – *mennyecske*. Термин *menyasszony* состоит из двух частей – общешинноугорского корня **meny* – ‘невеста’ и общевенгерского слова *asszony* ‘женщина’ [Benkő 1993: 962–963], *mennyecske* в свою очередь представляет собой диминутив с корнем **meny*, т. е. дословно ‘невестушка’. Помимо общевенгерского термина, существует также ряд региональных. В районе г. Хевеш (восточнопалочкий регион, восток центральной Венгрии) представлен термин *mátka* [МА], который в венгерских словарях маркируется как славянизм и возводится к славянской лексеме со значением ‘мать’, ср. [MNySz], [Benkő 1993: 947]; ср. напр. словац. лит. *matka* ‘мать’. Кроме того, в южном Задунавье, в палочком регионе (северные центральные говоры) и у секеев Трансильвании данным термином может обозначаться просто ‘подруга / лучшая подруга’. В восточнопалочком регионе для невесты могло применяться наименование *ara* предположительно финно-угорского происхождения [Benkő 1993:44].

В немецкой терминологии основным термином для обозначения невесты является исконная лексема *Braut* от прагерманской формы **bruthiz*. Вторым, распространенным прежде всего в Австрии, названием невесты является *Hochzeiterin* от *Hochzeit* досл. ‘высокое время’ (свадьба).

В словацкой традиции представлено сразу несколько терминов. Основным здесь является *snúbenica* досл. ‘нареченная, обещанная’. В Западной Словакии основное наименование – *nevesta*. Кроме того, распространены термины с внутренней формой «молодая» – ср. *mladá*, *mladucha*, *mladica* [Гура 2012: 87]. В Восточной и Юго-Восточной Словакии представлен также германизм *bralta*, *brauta* от немецкого *die Braut* [Гура 2014: 162].

Таким образом, с одной стороны, наблюдается определенный параллелизм между хорватской и словацкой терминологией, уже отме-

чавшийся в [Гура 2019], при этом градищанская лексема, унаследованная с первичной территории проживания, имеет семантические параллели в немецкой региональной традиции. Для венгерской и немецкой культур, в свою очередь, основным является заимствованный термин, имеющий архаическую основу. Немецкое наименование при этом может заимствоваться словацкой традицией, с венгерским термином подобного не происходит. См. **карту 7**.

Жених. У градищанских хорватов здесь выделяется Северное Градище, где распространен парный к *zaručnja* термин *zaručnjak* т. е. ‘нареченный, обрученный’, ср. ‘*zaruček* в Умоке [ОЛА 2015: 54], при этом в день свадьбы в этом же селе жених обозначен термином *mlado žéňa* [ОЛА 2015: 58]; в Среднем и Южном Градище основными обозначениями являются *mladuženja* и *mladoženja* соответственно.

Хорватские термины с первичной территории во многом коррелируют с градищанскими. Так, в кайкавских хорватских и в центральнодалматинских говорах распространены термины с корнем *žen-*: *ženik*, *ženih*; в центральнодалматинских также с внутренней формой ‘обрученный’, т. е. *zaručnik*; в Северной Далмации – наименования с внутренней формой ‘молодой’ – *mladenac*, *mladenec*. Также представлены сходный с градищанским термин *mladuženja* (Далмация и северо-восточная Славония) и отсутствующие у градищанцев *tomak* (северо-восточная Славония) и *đuvegija* (Славония, Подравье) [Гура 2012: 110–111].

Жених в венгерской традиции обозначается термином *vőlegény*, который по внутренней форме представляет определенную параллель к *menyasszony* и точно так же состоит из двух корней – общефинноугорское архаическое *vő-* – ‘жених’ и *legény* досл. ‘парень’ [Tótfalusi 2001], в [Benkő 1993] внутренняя форма слова трактуется как ‘покупающий парень’, т. е. ‘*vevő legény*’. Часть регионально маркированных терминов представлена в северной средней Венгрии, т. е. в палочком регионе. Так, в районе г. Хевеш (восточнопалочкий регион) жениха обозначают славянским термином *mátka* [МА] – точно так же, как и невесту. В северном и среднепалочком регионе, в районе городов Ноград и Барш для жениха используется термин *kozmás* – досл. ‘горелый, пригорелый’ [Tájszótár 1898] – для этого термина в разговорном языке также фиксируется значение ‘влюбленный’.

В немецком культурно-языковом ареале основным служит парный к *Braut* термин *Bräutigam* или, в австрийском варианте, *Brautara*, в Австрии распространено также наименование *Hochzeiter* от *Hochzeit* досл. ‘высокое время’ (ср. *Hochzeiterin* выше) [OS].

В словацкой традиции представлен целый спектр терминов – *ženich*, *mladý*, также *snúbenec*, *verenec* ‘обрученный, нареченный’ – при этом, например, в [Štefunko 1941: 180] *snúbenec* трактуется как богемизм, а *verenec* считается собственно словацкой лексемой. В Восточной Словакии, помимо характерного для ареала *mladý*, *mlody* (см. об этом в [Гура 2014: 162]), отмечаются также заимствованные из немецкого термины *brajdir*, *brajdiljan* [Гура 2012].

Наблюдается картина, во многом сходная с той, что была представлена при обозначении невесты. Так, градищанские термины соотносятся с собственно хорватскими, при этом Северное, с одной стороны, и Среднее и Южное Градище, с другой, коррелируют с разными хорватскими номинативными моделями. Можно предположить здесь поддерживающее влияние словацкой традиции на севере, где основной является лексема с внутренней формой «обрученный», и венгерской – для Среднего и Южного Градища, поскольку в венгерском обозначении жениха прослеживается внутренняя форма ‘юный, молодой’. Отдельно выделяется немецкий культурно-языковой ареал, из которого, в свою очередь, термины могут заимствоваться словацкой традицией.

Таким образом, для обозначения жениха и невесты в словацкой, немецкой и венгерской традициях наиболее распространенным является незаимствованный термин, имеющий архаическую основу. Градищанцы же употребляют термины, коррелирующие с распространенными на первичной территории проживания, находящиеся при этом определенные семантические параллели в региональной традиции: в немецкой для невесты и в словацкой или венгерской для жениха.

Предводитель на свадьбе. У градищанских хорватов фиксируются важные архаизмы: во-первых, лексема, связанная со значимым для славян термином родства *babac* (Северное и Среднее Градище)⁴⁸, во-вторых, с основным местом предводителя за торжественным свадебным столом *stolnik* (*stounik*) (Северное Градище), в-третьих, описательный тип лексем с семантикой ‘созывающий, приглашающий на свадьбу’: *pozivač* (Южное Градище), *pozivnik* (Среднее Градище), *vabec* (кайкавцы в Среднем Градище).

У хорватов на первичной территории проживания старейшина на свадьбе мог называться различными способами: в районе Загреба го-

⁴⁸ Ср. семантическую палитру значений слова в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» [Терновская, Толстой 1995].

ворят *stolnik* [Гура 2012: 274], у далматинских, истрийских, славонских хорватов – *svat, stari svat* [Гура 2012: 161], *starešina, kapetan* (северо-западная Хорватия [Perić 2016]).

В венгерской обрядовой терминологии основное лицо на свадьбе, как правило, именуется *násznagy*, букв. ‘большой на свадьбе’, локальные термины: *bíró*, т. е. ‘судья’ (Трансильвания, район г. Салонта) [Viski 1913: 14], *nanás* ‘свадебный’ (Трансильвания, район г. Коложвар, данным термином в регионе обозначали также крестного) [Tájszótár 1898].

В немецкой традиции для обозначения предводителя представлен целый ряд терминов, для Бургенланда характерно образование *Bidlmo, Bidlmann* от *Bittermann* ‘звущий, просящий человек’ [Mühr 2015]. Сходную внутреннюю форму имеют термины *Hochzeitlader* ‘свадьба + созывающий’, *Huchzichpiter* от *Hochzeitbitter* ‘свадьба + звущий, просящий’ [Vernaleken 1859: 296], *Leutbitter* ‘люди + просящий’.

Дружка. Наибольшая пестрота номинаций представлена при обозначении дружки жениха. Градищанскохорватские наименования имеют в различных частях Градища схождения и различия. В Северном Градище представлены три термина – *statilo, potprnjak* досл. ‘поддерживающий’ и *družba* (под влиянием словацкого термина), в Среднем Градище *statilo, pozivnik* ‘звущий, призывающий’ (в случае, если ему переходила функция созывающего на свадьбу, т. е. предводителя), в Южном Градище в аналогичном случае зафиксирован только термин *pervi staćilo*.

У хорватов на первичной территории проживания дружка обозначается такими терминами, как *djever* (у карловацких хорватов – [Гура 2012: 130]), *djeverbaša* (у хорватов Далмации и Славонии – [Sekulović 2014]), *pobratim, vojčín* (у далматинских хорватов – [Гура 2012: 130–132]). Сравнение этой терминологической лексики с градищанскохорватской свидетельствует о том, что и в этом случае мы имеем дело со специфичными архаическими хорватскими номинациями в Бургенланде.

В венгерской традиции ключевым термином для дружки является *vőfély, vőfény*, состоящий из корня *vö ‘жених’ и трансформированного форманта творительного падежа *-val/-vel*, т. е. дословно термин переводится как ‘тот, кто вместе с женихом’ [Benkő 1993: 1653].

В центральной северной Венгрии, т. е. в палочком культурном регионе, основным является термин *duruzsba, druzsba* – он распространен в районе городов Ноград и Пешт, а также на юге Словакии (район

Карта 8. Наименования подружки невесты
(сост. Д. Ю. Ващенко).

г. Шаги) – заимствование из слав. *družba*. У венгров Словакии распространены термины с функциональной мотивацией – так, в районе г. Нитра (Западная Словакия) дружка обозначался термином *hidosó* досл. ‘приглашающий’ (по функции, как у словаков), в районе г. Тольна, венг. Торна (Восточная Словакия) употреблялось наименование *hivogató* досл. ‘созывающий’ [Tájszótár 1898].

В юго-западной Венгрии в районе г. Баранья дружка обозначался с помощью славянской лексемы родства *koma*, *koszorús koma* досл. ‘кум’, ‘кум в венке’ [Tájszótár 1898]. Также в западной и юго-западной Венгрии имел хождение термин *vendégihű* досл. ‘гостей зовущий’. Еще одним региональным термином для западной и юго-западной Венгрии служит *pozsovícs*, который представляет собой прямой славянизм – ср. *pozivač* [Penavin 1983: 101].

В средней и юго-восточной Венгрии для обозначения дружки используются термины, параллельные наименованию подружки невесты. В районе г. Пешт (центральная Венгрия), а также г. Бекеш (юго-восточная Венгрия) употребляется лексема *koszorúslegény* досл. ‘парень в венке’, в районе г. Сольнок (юго-восточная Венгрия) – термин *nyószyolólegény* досл. ‘свадебный парень’. В восточной Венгрии,

в Земпленском регионе, дружка обозначается термином *lovaslegény* досл. ‘парень на лошади’, невесту здесь сопровождали к дому жениха его друзья на лошадях, особенно в случае, если сама невеста была из другой деревни.

В Австрии обозначением дружки, распространенным в Бургенланде, является *Zubrätigam* ‘тот, кто вместе с женихом’ [OS]. В Австрийской Силезии распространен славянизм *Druschma* (Австрийская Силезия) [Bellmann 1971: 241; Kölbe, Völkel 2008: 65; Mitzka 1963: 143].

Основными словацкими терминами, обозначающими дружку, являются *družba* [Uzeňová 2013: 62] и функционально мотивированные *oddavač*, т. е. ‘тот, кто отдает’ (термин, представленный в Восточной Словакии, на Спише) и *zvač* ‘тот, кто зовет, созывает’ [Гура 2014], в случае если функции дружки и старейшины совмещаются.

Обозначение дружки в рассматриваемых системах тем самым имеет наибольшее количество региональных вариантов, при этом традиция градищанских сел в Словакии вписывается в ареальную традицию, где в неродственных словацком, немецком и венгерском языках употребляется термин *družba*.

Подружка невесты. Термины для подружки невесты различаются у градищанцев Словакии (сс. Яровце, Чуново), где она обозначается как *družica* (очевидно под влиянием аналогичного словацкого термина) или *potprnja*, и в Среднем и Южном Градише – ср. в Среднем Градише *posnašnica*, в Южном *perva posnašnica*.

В Хорватии термины, которыми обозначают подружку невесты, лишь отчасти коррелируют с градищанскими – ср. *podsnahalja* (окрестности Вараждина, зап. А. А. Плотниковой, М. Н. Толстой), *posnašica*, но также *djeveruša* и *pratilica* [HE; Гура 2012: 186].

Подружка невесты в венгерской традиции имеет два основных обозначения – в Восточной Венгрии она называется *nyoszolyólány* (т. е. *nászolólány* ‘свадебная девушка’), а в Западной Венгрии – *koszorúslány* досл. ‘девушка в венке’.

Немецкие термины, как правило, имеют внутреннюю форму ‘та, что вместе с невестой’ – ср. *Zubräuka*, *Mitbräutler* [OS], также *Trauzeugin*.

В словацкой традиции подружка невесты могла обозначаться термином *družica* [Гура 2014: 163], а также диалектным словом *poprdajna*, которое распространено преимущественно в оравских, т. е. центральных северно-словацких говорах [NS] – в последнем случае наблюдается формальная корреляция с *potprnja*. См. карту 8.

II.2.2. В разных частях венгерского Градища удалось собрать некоторые сведения по **родинной обрядности**. Запреты для беременной во время экспедиции практически не фиксировались, за исключением редких случаев, которые так или иначе вписывались в контекст общеславянских запретов для беременной (см. [Толстая 1995]): например, на юге, в восточных окрестностях Сомбатхея (сс. Нарда, Горни Четар, Хорватские Шице, Петрово Село), ей запрещалось смотреть на покойного. Вместе с тем, список запретов для беременной у градищанских хорватов в прошлом был достаточно широк, как отражают опубликованные поверья из хорватского Бургенланда: беременная не должна смотреть на огонь, мертвеца, черную кошку, корову, зайца, а также и на человека с тяжелым взглядом; в некоторых селах существовали запреты есть лук (чтобы у ребенка не было заплаканных глаз), есть рыбу (чтобы ребенок не был слюнявым), зайца (чтобы у ребенка не выросли кривые зубы); беременной нельзя было в полночь проходить через перекресток, поскольку там якобы активизировались в это время ведьмы (*viške*), а на улице – увидеть человека со сросшимися бровями, поскольку полагали, что он также связан с ведьмами [Jordanić 2009: 160].

Раньше на роды звали повитуху, которая принимала ребенка и перерезала пуповину. Отрезанную пуповину завязывали и хранили в мешочке: когда ребенку исполнялось 7 лет, мать давала ему ее развязать; если ребенку удавалось это сделать, то считали, что он будет здоровым, счастливым и умным (Среднее Градище). Во всех селах опасались сглаза (*urok*, мн. *uroki*; *urek* – с. Унда): новорожденного нельзя было хвалить, чтобы случайно не сглазить. В Южном Градище о человеке, который легко мог «сглазить», говорили, что у него *zločesti oči* ‘злые, несущие зло глаза’ или *jaki oči* ‘сильные глаза’ (с. Нарда). Нередко в Среднем и Южном Градище первое наименование фиксировалось как *ločesti oči* (сс. Хорватский Жидан, Нарда), что, по всей видимости, представляет собой контаминацию с дериватом от *lokat(i)* ‘пожирать, лакать’⁴⁹ и связано с представлением о «выпивании глазами» слабой жертвы (ср. рус. *пожирать глазами*)⁵⁰. На руку младенцу повсеместно привязывали красную нитку или ленточку от сглаза и порчи.

⁴⁹ Ср. также и отглагольное существительное *lokanje* ‘пожирание’ [GHNR: 284].

⁵⁰ Подробнее об универсальной в славянской народной мифологии метафоре «пожирать глазами», «выпивать глазами» на примере русских говоров см. [Ясинская 2021: 266–267].

После рождения ребенка роженице нельзя было выходить на улицу в течение шести первых недель (или до крещения ребенка) (все села). Запрещалось также оставлять пеленки после захода солнца, иначе, как говорили в Южном Градище, на ребенка нападет *mrak* (*mrak dojde na dite*), т. е. зло, напасть, болезнь. Защищаясь от «мрака», под порог дома подкладывали нож, пока ребенку не исполнится шесть недель (с. Нарда), ср. похожие представления в селах южного Бургенланда в Австрии (с. Нова Гора, Пинковац); о мифологическом персонаже *mrak*, опасном для новорожденного по поверьям из Южного Градища, подробнее см. [Плотникова 2016: 154–155].

Во всех обследованных хорватских селах в Венгрии фиксируется вербальное клише, произносимое ребенком при выпадении первого зуба, который закидывали на крышу дома или перебрасывали через плечо со словами: *Baba, ja ću tebi košćenoga, a ti meni željeznoga* «Баба, я тебе (даю) костяной (зуб), а ты мне – железный»⁵¹ (или: *Baba, baba, ja ti dajem košćenoga, a ti mi daj željeznoga!* «Баба, баба, я даю тебе костяной, а ты мне дай – железный!») (SM, с. Хорватский Жидан). Можно предположить, что с этой детской ритуально-магической формулой (а в настоящее время – развлекательным присловьем), предполагающей обмен дарами с некой мифической «бабой», чтобы у ребенка были крепкими зубы, связано поверье с юга Бургенланда о существовании специального мифологического персонажа, называемого *želizna baba* и обитающего якобы под крышей дома, на чердаке, куда она уносит непослушных детей, ср. угрозу из с. Нарда: *želizna baba da vas odnese* «чтобы вас железная баба унесла» (подробнее см. II.3.6.б).

* * *

Общепринятое в Градище название беременной женщины – *po-si(j)eca* (*nosetja*) ‘носящая’, то же наименование фиксируется в словарях: *noseća* [GHNR: 377]; *nasěća* (в двух кайкавских селах – Умок и Ведешин [Houtzagers 1999: 377])⁵². В хорватском селе Чуново в

⁵¹ Та же формула отмечена у хорватов-градищанцев в источнике [Jordanić 2009: 163], автор которого при описании родин, крестин и воспитания ребенка опирается на материалы из Среднего Градища, в частности из его родного села Филеж на пограничье с Венгрией.

⁵² Отметим, что у градищанских хорватов села Хорватский Гроб на северо-востоке от Братиславы (Словакия) были отмечены иные наименования для беременной: *tegovna* (букв. ‘тяжелая’) и *samodruga* (‘в другом состоянии’), отсутствующие в градищанскохорватском словаре, но известные в разных хорватских говорах на

южной Словакии, отмечено наименование *debela* ‘толстая’, которое фиксируется по данным переписки жителей села, что, возможно, связано с более ранним употреблением данного термина у северных градищанцев (термин употребляют старшие родственники адресата, подробнее см. III.4)⁵³. О действии роженицы при родах в словаре П. Хоутзагерса фиксируется *obàb 'it se* ‘give birth’ (‘родить’) [Houtzagers 1999: 377], не отмеченное при полевом обследовании, хотя лексема *baba* в значении ‘повитуха’ (в прошлом) отмечалось повсеместно.

После рождения ребенка роженицу (*ka je porodila* «(женщина) которая родила») называли *kimpetarica* (*kinpetarica*) (основа заимствована из немецкого, см. также [GHNR: 235]) или *šestonedelka* (букв. ‘шести-недельная’), что связано с представлением о шестинедельном запрете выходить на улицу одной или с младенцем. В Среднем Градище (как и у хорватов в Австрии) подарок роженице, состоящий из съестного (курицы или вина с чем-либо), назывался *kimpet* (откуда и название роженицы). Лексема *kimpet* (чаще в устойчивом выражении *kimpet nosit*) восходит к немецкому слову *Kindbett* досл. ‘детская кровать’⁵⁴, которое в литературном языке закрепилось в значении ‘послеродовой период

территории Хорватии (так, П. Скок отмечает второй термин в чакавских жумбе-рацких говорах [Skok 1956: 247]), а также и на территории Словакии, особенно это касается первого термина, который выступает и как вариант общелитературного *tehotná* ‘нагруженная’. В словацком представлены также формы *hrubá* ‘толстая’ (восточные и юго-западные говоры), *samodružá, t'archává* (‘с тяжестью’ – северные центральные и восточные), *kotná* (от *okotit' sa* ‘разродиться (о животных)’ – юго-западные) [NS; Norecký 1971], при этом для речи жителей Братиславы, с которыми могли контактировать жители обследованного хорватского села Хорватский Гроб, фиксируется и термин *samodružá* в том же значении [Palkovič 1992: 357].

⁵³ Для беременной женщины на венгерской языковой территории основным термином является общевенгерское *terhes* – досл. ‘нагруженная, тяжелая’. На севере, преимущественно в венгерских говорах на территории Словакии, представлена также лексема *vastag* ‘широкая’ [Danter 1995: 123]. В южной Венгрии, в районе гг. Печ и Толна, зафиксирован термин *hasas* досл. ‘животастая’, ‘с животом’ [Tájszótár 1898]. Разнообразием отличается терминология Трансильвании, где для обозначения беременной представлены следующие термины: *viselőš* ‘носящая’, *hozós* ‘носящая’, *várandós* ‘ожидаящая’, *kebeles* досл. ‘грудастая’ [Tájszótár 1898]. Венгерская терминология тем самым коррелирует с хорватской лишь опосредованно: идентичную с градищанскохорватским термином внутреннюю форму имеют лишь трансильванские варианты, которые, по всей вероятности, сами являются результатом балканского влияния на локальную традицию.

⁵⁴ См. об этом, например, в статье [Borochoy 2007], где аналогичное заимствование из немецкого фиксируется в идише.

у женщины' [DWDS]. У градищанских хорватов как в Австрии, так и в Венгрии выражения *kimpet nosit* ('приносить угощение на второй день после родов роженице') широко распространено (ср. Хорватский Жидан, Горни Четар и другие села всех трех рассматриваемых частей Градища)⁵⁵. Кроме того, таким же образом может называться и сам праздник по случаю рождения ребенка, о чем свидетельствуют услышанные во время экспедиции фразы типа *ta je na kimpeti* «она ушла на родины» (с. Чуново). В Южном Градище отмечен и славянский термин *stelja* (букв. 'постель') в значениях 'роженица' и 'период после родов' (ср. Горни Четар, Петрово Село), ср. *stelja* в составном выражении: *kimpet stelja* 'послеродовой период у женщины' [GHNR: 652].

В селах Среднего Градища лексема *kimpet* может иметь характеристики определенного периода, когда роженица слаба и нуждается в уходе, откуда выражение *va kimpet su nosili* ('носили на кимпет', с. Присика), что означает, что близкие роженице женщины приносили ей еду (первой среди них была кума) в течение первых восьми дней. В опубликованных источниках термин *kimpet* встречается также в значении всего периода первых шести недель после рождения ребенка (*vreme čuvanja*), когда за новорожденным следовало особенно старательно следить и ухаживать (см., например, описание старых обычаев градищанских хорватов в: [Jordanić 2009: 162]).

II.2.3. Общая картина похоронно-поминальной обрядности у градищанских хорватов включает несколько этапов: ритуально-магические действия сразу после смерти, бдение над покойным (особенно ночью), вынос гроба и погребальная процессия на кладбище, захоронение, поминки после погребения и поминки по покойному в течение первого года.

Умиравшему, когда тот уже находился в агонии, давали в руки освященную (как правило, на Громницы, 2.02) свечу (либо ее ставили рядом с покойным) и окропляли его святой водой. После того, как человек умирал, в доме открывали все окна и двери, чтобы душа смогла вылететь вон, а также завешивали зеркала.

Покойного обмывали и снаряжали близкие соседи, воду после обмывания выливали в угол на задний двор, а тряпочку и полотенце сжигали. По поверьям из Кольнофа, умершего обряжали в его луч-

⁵⁵ В венгерском языке тот же обычай и само угощение обозначается термином *komatál* досл. 'тарелка кумы'.

шую одежду для того, «чтобы он за ней не вернулся» [Jordanić 2009: 221]. В Чуново еще в конце XX в. умерших хоронили в традиционной народной одежде, в частности мужчин – в черном плотном кафтане⁵⁶. Повсеместно фиксировался обычай погребать умершую молодую девушку в белой народной одежде с венком на голове, а юношу – с букетиком розмарина на груди, то же отмечается в опубликованных источниках [Jordanić 2009: 222].

Для устройства места внутри гроба запрещалось использовать перья: подстилку и подушку наполняли мелкой стружкой, опилками. В некоторых селах до сих пор фиксируется обычай класть в гроб покойному зеркало и расческу, а также предметы, связанные с его привычками и занятиями при жизни: если любил читать, то молитвенник, вырезать по дереву – инструменты, и т. д., ср. то же в опубликованных источниках [Jordanić 2009: 221]. По старому обычаю, руки покойных располагали крест-накрест на груди, если они при жизни были крестными или кумовьями кого-либо на причастии. Рядом с гробом ставили массивные подсвечники со свечами и емкость со святой водой и веточкой самшита, чтобы пришедшие могли окропить гроб. Под гробом стояла миска со свежей водой, чтобы «покойный остался свежим» (с. Кольноф), считалось, что так душа моется и уходит в рай чистой [Jordanić 2009: 222].

Еще в 1950–60-е гг., когда покойник до похорон находился в доме, в течение двух дней ближайшие родственники пребывали возле него и молились. В селах Среднего и Северного Градища обычай назывался *dvorenje* ‘ухаживание’. В больших селах перед этим ритуалом дом специально готовили: расставляли лавки, прикрывали окна и зеркала⁵⁷ белым полотном. Женщины приходили до полуночи, затем сидели мужчины; люди говорили о жизни покойного. Утром участников ритуала угощали домашним крепким напитком или горячим вином⁵⁸.

⁵⁶ Эту традиционную одежду (и другие предметы народной материальной культуры) можно увидеть в краеведческом музее, созданном И. Маасом в своем старом доме, по которому он сам с большим удовольствием проводит экскурсии.

⁵⁷ Так, по свидетельству из с. Хорватский Жидан, зеркала накрывали, чтобы не разбудить пребывающего в них дьявола (*vrag unutri*) (HZs).

⁵⁸ В полевых условиях фиксировалось: «Раньше покойник оставался дома, при нем молились, сидели (*dvorili*)» (HZs); «Наши родители, когда умерли, были дома, два дня, сорок восемь часов, я жила посреди села, и через все село несли их на кладбище»; «*Dvorenje* было прежде, 50–60 лет назад; когда мой отец умер, он

Существовала в селах и традиция оплакивания покойника, когда исполнялись специальные голошения (об этом информанты упоминали значительно реже). Уже во дворе дома, как пишет М. Йорданич, покойного начинали оплакивать, что называлось *spričanje* (букв. ‘рассказ; перечисление’) – причитание в стихотворной форме, которое было составлено певчим и исполнялось им нараспев [Jordanić 2009: 223]⁵⁹.

Когда покойного несли на кладбище, гроб ставили на носилки, которые затем оставляли на кладбище (ср. аналогичную практику в Северной Хорватии (район г. Загреб), где подобные носилки назывались *štokrle* [Rajković 1974: 193]). В с. Хорватские Шице (Южное Градище) при этом покойника хоронили иначе, нежели это было принято в других селах, а именно в положении ногами по направлению к кресту: «Гроб у нас иначе кладут в могилу. У нас голова там, где обычно ноги, чтобы, когда мертвые восстанут из могил, он мог бы встать и видеть крест и солнце» (КГ). Отметим, что в селах южных градищанцев Венгрии надгробный памятник обозначали словом *kerst / karst* (‘крест’), даже в том случае, когда он имел иную форму. После похорон следовали поминки (*karmina*), которые ранее проводились в доме умершего (небольшой обед), однако в последнее время усиливается тенденция проводить их вне дома⁶⁰. На поминках после похорон до сих пор сохраняется обычай оставлять лишнюю тарелку для умершего (ср. Чуново, Хорватский Жидан).

В рамках общей католической традиции в календаре существовали специальные поминальные дни: 1 ноября *Si sveti (Se sveti)* «Все святые», когда обычно посещали кладбище, куда относили венки, а вечером дома зажигали свечи, и 2 ноября, *Mrtvi god* (Словакия, Северное Градище), *Mertvi god* (Венгрия, Среднее Градище, ср. Хорватский

лежал дома, и мама тоже, а муж уже не дома. Приходили молиться и сидеть при нем (*dvorit*)» (МВ); «Когда кто-то умирал, шли *verestovat*, это происходило дома. Молились, это и было *verestovanje*, и покойник тогда находился дома» (КЕ, КК); «Когда человек уже умер, *bohtali* в доме, и когда мы *bohtali*, мы молились и плакали. А теперь мы *bohtamo* в церкви» (ВМ).

⁵⁹ Данный термин не зафиксирован при полевом обследовании.

⁶⁰ «*Karminja* была после похорон, во дворе мы ставили стол, и за ним сидели те, кто был на похоронах» (НМ), «*Karmine* были после похорон, мы приглашали односельчан, родственников, но теперь это прекратилось уже» (ВМ). «А прежде было так, что, пока покойник находился в доме, никто не мог войти внутрь, только священник и родственники, а когда уже похоронят, остальные приходили в следующее воскресенье на *karminu* (ВМ)».

Жидан, Присика и др.), *Mrtvi dan* (*Mertvi dan*, *Martvi dan*) или *Dan mrtvih* (*Dan mertvih*, *Dan martvih*), т. е. ‘День мертвых’, букв. ‘Мертвый день’ (Венгрия, Южное Градище) – в этот день утром отправлялись в церковь на службу, затем шли на кладбище, жгли свечи и молились. В с. Плайгор (Среднее Градище) на праздник *Sesvete* принято было разжигать костер на кладбище (KŠ). В Северном Градище 1 ноября выпекали *halinge* – специальный хлеб, которым в этот день одаривали бедняков. Кроме того, у градищанцев Словакии в течение восьми дней начиная с 1 ноября следовало каждый день посещать кладбище.

* * *

Далее основная терминологическая лексика похоронной обрядности хорватского Бургенланда и смежных ареалов рассматривается ориентировочно в том порядке, в каком она приведена в использованном при работе вопроснике [Плотникова 2009].

Агония. При полевом обследовании градищанцев Венгрии специального термина нам не встретилось, в «Градищанскохорватско-хорватско-немецком словаре» зафиксирован ряд опосредованных обозначений, ср.: *biti jednom nogom u grobu / biti na rubu groba* «быть одной ногой в могиле»; *onkraj groba* «на краю могилы» [GHNR: 170]. В немецком представлена номинация *Todeskampf* ‘смертная борьба’, в словацком употребляется коррелирующее с немецким выражение *smrteľný zápas* «смертельная / смертная борьба» [SP]. Для венгерского отмечается *haldoklás*, производное от ‘смерть’ (само слово *hal*, *meghal* ‘умереть’ имеет общеуральское происхождение, ср. [Benkő 1993: 516], на востоке Венгрии также распространен глагол *harcolni* ‘находиться в агонии’, досл. ‘бороться’ [Tájszótár 1898], что по внутренней форме также составляет определенную параллель *Todeskampf*.

Похороны, погребение умершего. Для градищанских хорватов, по нашим полевым наблюдениям, основной является лексема *pokop* (*puokop*) (ср. также в «Градищанскохорватско-хорватско-немецком словаре»: *pokop* ‘погребение’, с синонимами *ukop* и *pogreb* [GHNR: 468], девербативы от глаголов *pokopati*, *zakopati*, внутренняя форма ‘зарыть’) ⁶¹. Термин *p^uokop* особенно распространен в Среднем

⁶¹ По данным из с. Умок, похороны обозначаются термином *sp'roxod* [ОЛА 2015: 187], тогда как глагол «похоронить» – от иной основы: *za'kuora* [ОЛА 2015: 182], что связано с выделением разных этапов всего обряда.

Градище Венгрии (с. Хорватский Жидан, Присика), у словацких хорватов этот ритуал обозначается лексемой со сходной внутренней формой ‘копать, рыть’: *puogreb* (с. Чуново), *pugrieb* (с. Яровце)⁶², тогда как в южной части – с. Петрово Село – лексемой *sprohod* с внутренней формой ‘идти, шествовать’, т. е. внимание акцентируется на погребальной процессии. В кайкавских селах в том же значении отмечено *sprövod* [Houtzagers 1999: 313] с внутренней формой ‘проводить’, широко известное на территории сербскохорватских диалектов.

В венгерском языке в качестве основного представлено существительное *temetés* ‘похороны’, производное от глагола (*el*)*temet*, имеющего, по данным словарей, финно-угорскую основу и восходящего к глаголу *töm* ‘наполнять, набивать’ [Benkő 1993: 1500; ESZ 2006: 736], в Юго-Западной Венгрии в аналогичном значении представлена также лексема *elboronál* [Tájszótár 1898], с корнем, очевидно, славянским по происхождению, а в Восточной Венгрии – лексема *elföldel*, от *föld* ‘земля’, досл. ‘заземлить’ [Kálnási 2005: 190].

В словацком языке соответствующее значение выражают существительное *pohreb*, внутренняя форма ‘закопать, зарыть’ (Западная и Средняя Словакия), и глагол *pochovať* ‘спрятать’ (Западная и Средняя Словакия) [NS]. Для востока словацкой языковой территории характерны существительное *chramba*, *chranba* и глагол *pochrániť* (внутренняя форма ‘сохранить’) [Nižnanský 2007: 134].

Для австрийской территории основным является *Lei(c)h*, при общенемецком *Begräbnis*, от глагола *begraben* ‘хоронить’, досл. ‘закапывать’ [MB; ODEW].

Гроб. У венгерских градищанцев в Среднем и Южном Бургенланде (села Унда, Присика, Хорватский Жидан, с одной стороны, и Нарда, Горни Четар, Хорватские Шице и Петрово Село, с другой) гроб обозначался термином *li(j)es / lis*,⁶³ что унаследовано из хорватского языка с первичной территории проживания, с первоначальной внутренней формой лексемы ‘лес’, т. е. дерево, материал, из которого был сделан гроб [Skok 1973: 298].

Иная ситуация у словацких градищанцев («хатов»): в селах Яровце и Чуново основным для гроба является номинация *škrinja* ‘ящик, сундук’, также южнославянская по происхождению. На северо-востоке от Братиславы в с. Хорватский Гроб встречаются номинации

⁶² Ср. то же из с. Хорватский Гроб: *pogreb* [Domaracká 2001: 187].

⁶³ Ср. также данные из Умока, где гроб назывался *lè:is* [ОЛА 2015: 190].

rakva и *truhla*, которые, по всей вероятности, являются заимствованиями из словацкого (см. ниже). В «Градищанскохорватско-хорватско-немецком словаре» приводятся термины *lijes* и *škrinja*, ср. «*lijes* m., usp. *škrinja* ** *liēs* – *Sarg* m.» [GHNR: 281], *škrinja* ‘Lade, Truhe, Schrein, Sarg’ [GHNR: 679], в [HR] термин *škrinja* приводится, однако, с важной для наших полевых исследований пометой «*reg.*, *arh.*» (диалектное, архаичное), ср.: ‘1. etnol. jak, često okovan i ukrašen sanduk u kojem se drži rublje, razni pohranjeni predmeti, dokumenti itd. 2. *reg. arh.* sanduk u kojem se sahranjuje umrli; mrtvački sanduk [mrtvačka *škrinja*]; *lijes*’ – «1. этнол. крепкий, часто окованный и декорированный ящик, в котором хранится белье, различные предметы, документы и т. д. 2. *рег. арх.* ящик, в котором хоронят умершего; гроб».

В словацком языке представлены четыре основных номинации: 1) общелитературное *rakva* (из гот. **arko* [Skok 1973: 28]; аналогично сербскому *paka*), и в данном случае уместно предположить, что в с. Хорватский Гроб заимствование термина происходит из словацкого⁶⁴); 2) в Западной и Средней Словакии также употребляется термин *truhla*, от нем. *Truhe* ‘ящик’; 3) на юге Средней Словакии встречается также *lada* из венг. *láda* ‘ящик’; 4) в восточной Словакии распространен термин *truna*, также производный от *Truhe*.

В венгерском языке основным и общераспространенным является термин *koporsó*, представляющий собой раннее (вошедшее в язык до переселения в Паннонию) заимствование из тюркских языков, где соответствующая лексема употреблялась в значении ‘ящик’ [Benkő 1993: 793]. У австрийцев Бургенланда основным термином для гроба является *Sorg* (литер. *Sarg*), от лат. *sarcophagus* [DWDS]. В данном случае градищанскохорватский ареал, наследующий лексему с территории первичного проживания, отличается от словацкого, венгерского (и немецкого) внутренней формой термина: если у хорватов номинация происходит по типу материала, из которого сделан гроб, то в соседних ареалах на первый план выступает его функциональная предназначенность; кроме того, характерно, что у словаков, немцев и венгров обозначения гроба, как правило, представляют собой заимствования из других языков, в то время как градищанскохорватский язык сохраняет общеславянскую лексему.

Могила. У градищанцев Венгрии во всех обследованных селах представлена лексема *grob*, аналогичная общехорватской форме в зна-

⁶⁴ Ср. то же в отношении терминов для беременной женщины (II.2.2).

чении ‘могила’⁶⁵. В «Градищанскохорватско-хорватско-немецком словаре» приводится несколько фразеологизмов и устойчивых словосочетаний с *grob* ‘могила’, в частности: *kopati sam sebi grob* ‘копать себе могилу’, т. е. «делать что-либо себе во вред»; *onkraj groba* ‘на краю могилы’, т. е. «быть при смерти»; *sve do groba* ‘до гробовой доски’ [GHNR: 170].

В словацком языке практически повсеместно распространен термин *hrob*, а в немецком, в том числе на австрийской территории, – термин *Grab*; при этом заимствование славянами немецкого термина отрицается, в частности, в [ЭССЯ 7: 133].

В венгерском языке в качестве основной представлена лексема *sír*, по всей вероятности, финно-угорского происхождения [Benkő 1993: 1332; ESZ 2006: 651], в северо-восточной Венгрии в аналогичном значении возможны также номинации *halóföld* ‘мертвая земля’, *halott haza* ‘дом покойника’ – ср. символику могилы (серб. *kuћа*, полес. *xata*) и кладбища (рус. *погост*) как дома для мертвых: [Плотникова 1999: 503; Плотникова 2004а: 266].

Градищанскохорватский, с одной стороны, наследует общехорватскую лексему, с другой – в определенном смысле объединяется с немецким и словацким: во всех трех языках соответствующие лексемы оказываются омонимичны. В венгерском соответствующий термин также является архаичным по происхождению, однако корреляций со славянскими языками и немецким языком, несмотря на общность ареала, здесь не наблюдается; вместе с тем часть опосредованных венгерских номинаций, представленных главным образом на востоке ареала, соотносится с соответствующей славянской моделью ‘могила – дом для умершего’.

Кладбище. В градищанскохорватском здесь представлены лексемы латинского происхождения *cinter*, *cintir*, *cimitir*, *cimitor*, *cimiter* (Словакия и Венгрия)⁶⁶, ср. принятое для этого литературного микроязыка в целом *cimitor* ‘кладбище’ [GHNR: 76] с производным *cimitorski* ‘кладбищенский’ [Там же]. При этом на собственно хорватской территории распространена также лексема *groblje* от *grob* ‘могила’. В [HR] приведена лексема *cimiter* с пометой «reg., zast.» [диалектное, устаревшее], что еще раз показывает сохранность архаической лексики в хорватских анклавах бывшей Австро-Венгрии.

⁶⁵ То же в Умоке: *g'ruob* [ОЛА 2015: 194].

⁶⁶ То же в с. Умок: *ci miter* [ОЛА 2015: 197].

В Австрии основным обозначением для кладбища является обще-немецкая номинация *Friedhof* (в Бургенланде – *Freithof*) от древне-верхненемецкого *frithof* (от глагола *frīten* ‘ухаживать’), которое первоначально обозначало области вокруг церкви. Переход к внутренней форме ‘двор усопших’ произошел в результате деэтимологизации исходного корня [DWDS]. Примечательно, что П. Хоутзагерс дает лексему *cimûter* в значении ‘двор при церкви’ у кайкавских хорватов [Houtzagers 1999: 236].

В Словакии распространены три лексемы: латинские *cintorín*, *cinter* и *hrobíto*; последнюю С. Неверкла считает германизмом и возводит к трансформированному *Friedhof* (аналогично *hřbítov* в чешском языке) [Newerkla 2011: 178]. Для венгерского наиболее распространенной является лексема *temető*, которая, по данным венгерских этимологических словарей, является субстантивированным причастием от глагола *temet* ‘хоронить’. В источниках XVI–XVII вв. данное слово выступает еще в составе номинаций *temető föld* досл. ‘похоронная земля’, т. е. земля, предназначенная для похорон, *temetőhely* ‘место, предназначенное для похорон’ [Benkő 1993: 1500; ESZ 2006: 736]. В восточной Венгрии представлено также латинское по происхождению *cinter*, *cinterem*. При этом в этимологических словарях указывается, что словом *cinterem*, как правило, обозначается только кладбище, примыкающее непосредственно к церкви [Benkő 1993: 173; ESZ 2006: 110].

В данном случае наблюдается распространение латинской лексемы в достаточно обширном градищанскохорватско-словацко-венгерском ареале, при этом в словацком параллельно представлено заимствование из немецкого языка, а в венгерском – лексема с общеуральским корнем; кроме того, можно видеть определенный семантический параллелизм между старым венгерским наименованием *temető föld* ‘похоронная земля’, *temetőhely* ‘место для похорон’ и немецким *Friedhof* уже в деэтимологизированном варианте, т. е. как ‘двор усопших’, которое в свою очередь заимствовалось словацким языком, где подверглось новой реэтимологизации.

Бодрствовать при покойнике. Следует отметить, что такая семантика отсутствует в вопроснике (см. [Плотникова 2009: 44–46]), однако в рассматриваемой традиции и территориально с ней смежных бодрствование (бдение при покойном) составляет важный фрагмент похоронной обрядности и в хорватском Бургенланде всегда выделено терминологически. Отметим, что ритуальное действие широко рас-

пространено на Карпатах в целом (подробнее о его архаической апотропейной функции см. [Виноградова, Гура 1995: 143]).

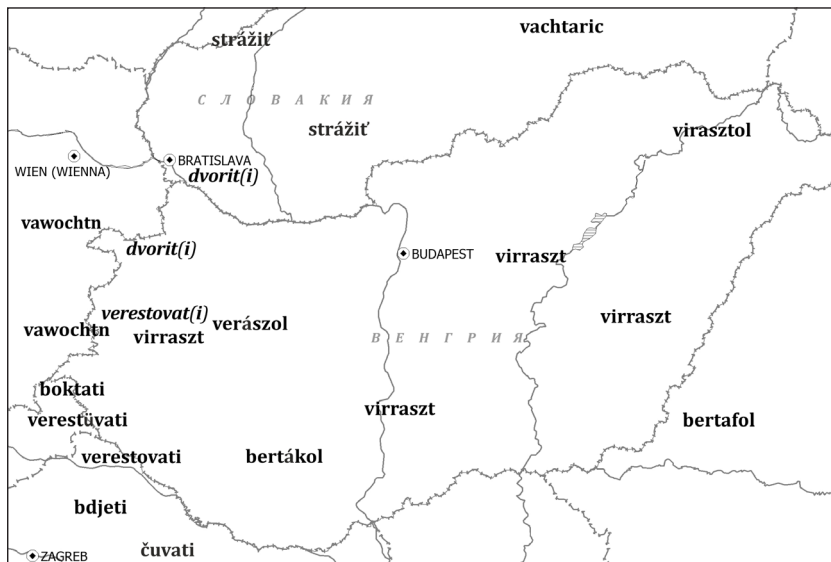
В языке градищанских хорватов Венгрии и Словакии существует наибольшее разнообразие номинаций, отражающих данный ритуал: наряду с *dvorit* ‘сторожить’ (преимущественно Среднее Градище)⁶⁷, ср. [Skok 1973: 476], на юге обнаруживается также *verestovat* (ср. Нарда, Горни Четар) и *boktat / bohtat* (ср. Хорватские Шице) / *boftat* (ср. Петрово Село). В словаре приводятся глаголы *boktati / stražariti* ‘сторожить’ [GHNР: 63], терминологически не привязанные к погребальной обрядности. Лексема *verestovat(i)* в данном словаре литературного микроязыка отсутствует.

Отметим, что термин *verestovati* характерен не только для южных градищанцев – так, он встречается и в северо-западной Хорватии [Perić 2016: 58], ср. записи и выводы о проникновении унгаризмов в сферу погребальной лексики в Прекмурье [Пилюпенко, Ясинская 2018: 62], а также и словенское Порабье: глагол *verestivati* в значении ‘бдеть при умирающем человеке’ неоднократно встречался этнолингвистам в разговорах на темы о похоронной обрядности [Пилюпенко 2019: 31]. Другими хорватскими терминами являются *bdjenje* с внутренней формой ‘бодрствовать, не спать’ (ср. толкование соответствующей лексемы в [HR]: 1. {gl. im.}, v. bdjeti 2. nespavanje, budnost 3. kat. a. dan odnosno noć uoči neke svetkovine b. meton. uobičajena vjernička aktivnost toga dana/noći: bdjenje i pritom čitanje ulomaka iz Svetog pisma, psalama i molitava u tišini «1. девербатив от *bdjeti* ‘бодрствовать’ 2. Отсутствие сна, бодрствование 3. католич. а. день или ночь накануне какого-то торжества b. перен. традиционная религиозная деятельность в этот день / ночь: бодрствование и чтение в тишине фрагментов из Священного Писания, псалмов и молитв») и *čuvanje* с внутренней формой ‘хранить, беречь’, однако у градищанских хорватов на обследованной территории эти термины в рассматриваемых значениях не встретились.

В австрийском Бургенланде основной является лексема *vawochtn* [МВ] ‘сторожить, охранять’ – термин *boktat / bohtat / boftat*, представленный в селах Хорватские Шице и Петрово Село, а также зафиксированный в GHNР, по всей вероятности, является заимствованием и восходит к *vawochtn*.

⁶⁷ Отметим, что для кайкавских хорватов П. Хоутзагерс дает в словарице ту же лексему *dvorit*, но в значении ‘ухаживать за больным или пациентом’ (а также и в значении ‘ожидать’) [Houtzagers 1999: 245–246].

Карта 9. Обозначения ритуала бдения над покойным
(сост. Д. Ю. Ващенко).

В словацком ареале представлены лексемы с внутренней формой 'сторожить, охранять' *strážit'* (Западная Словакия), а также заимствованное из немецкого *vachtaric* с аналогичной внутренней формой (Восточная Словакия).

В венгерском чаще всего в данном значении употребляется лексема *virrasztani* 'бодрствовать', досл. 'зоровать', от *virradat* 'рассвет' [Benkő 1993: 1641; ESZ 2006: 804], в чем можно усмотреть определенную семантическую параллель с общехорватским *bdjenje*. В южной Венгрии представлены также германизмы: *bertákol* [Kiss 1979: 24], в Трансильвании *bertáfol*, в Западной Венгрии (район г. Веспрем) *verászol* [Kiss 1979: 72].

Из рассматриваемого материала следует, что соответствующая градищанскохорватская лексика по сходству внутренней формы образует единый ареал с немецкой (австрийской) и словацкой, где у глаголов представлена семантика 'охранять, сторожить'. В свою очередь, на венгерской территории распространены глаголы и производные от них deverбативы с внутренней формой 'бодрствовать, зоровать', которые коррелируют с общехорватскими. При этом как в градищанскохорватском, так и в словацком, наряду с лексикой славянского про-

исхождения, в соответствующем значении заимствуется немецкий глагол с корнем *wacht-* и идентичной внутренней формой – *boktat / boftat*⁶⁸. В отдельных градищанских селах, расположенных на территории Венгрии, встречается заимствование из венгерского – лексема *verestovat* от венг. *virrasztani* (в языке-доноре обладающего иной внутренней формой), при этом аналогичные заимствования из венгерского встречаются также в северо-западной Хорватии в частности, в говорах Копривницы [Horvat 1997 (1896): 17; Begović 2022: 416]. См. карту 9.

Погребальный плач, голошение по умершему. В градищанских селах, как правило, представлены два термина – *spricati* (‘плакать по покойному’, букв. ‘рассказывать, перечислять’), приведенный в двуязычном словаре с собственно хорватским эквивалентом *naricati* [GHR: 643], – и ономастопозитический глагол *jaukati* [GHR: 218]; от междометия *jaj* ‘ай’, выражающего грусть, сожаление. Второй глагол повсеместно фиксировался при полевом обследовании сел Венгрии и Австрии (см. об этом в отношении градищанских хорватов Австрии в [Плотникова 2016: 155–156]).

В словацком ареале соответствующая лексика достаточно разнообразна по внутренней форме: общесловацким является глагол *nariekat’* с внутренней формой ‘жаловаться’, ср. также *narekovat* в Западной Хорватии и Словении [Плотникова 2004b: 182]; в Южной Славии, однако, соответствующий глагол связан с семантикой перечисления (достоинств умершего), но не с семантикой жалобы, сожаления. В Средней Словакии употребляется также глагол *vykladat’* (‘объяснять, рассказывать’ [PSS]: в данном случае возможна связь с семантикой перечисления, характерной также для Южной Славии, ср. [Плотникова 2004b: 181], а в Восточной Словакии – глагол *bože(n)kat’*.

Для венгерской языковой территории основным является ономастопозитический глагол *jajgat*, точно так же, как *jaukat*, производный от междометия *jaj* (т. е. ‘ай’) [Benkő 1993: 636; ESZ 2006: 323], обозначающего сожаление; на юге Венгрии в аналогичном значении представлен глагол *bozsékol* [Molnár Csíkos 2009: 24], в Трансильвании – глагол *veszékel*, от *vesz*, *veszély* ‘опасность’.

У австрийцев Бургенланда фиксируется ономастопозитическая по своему характеру лексема *jammern* ‘ныть, плакать, жаловаться’ [DO].

⁶⁸ Ср. восточнословацкое *vachtaric*.

Венгерский ареал по семантической составляющей в лексике причитаний образует единство с австрийским и градищанскохорватским, который, в свою очередь, наследует хорватскую лексему – ср. о распространении в соответствующем значении глагола с оноματοпозитической мотивацией в Западной Хорватии и Словении в [Плотникова 2004b: 181], ср. также в [Плотникова 2016: 156] о корреляциях градищанского термина *javkat* и соответствующей хорватской лексемы в районе Йосипдола в Хорватии (территории, которая считается исходной для хорватов-«чакавцев» [Neweklowsky 1978]). В данном случае логично было бы предположить славянское влияние на венгерскую традицию, которая оказала поддерживающее воздействие на сохранение соответствующей лексемы у градищанских хорватов.

Поминки после похорон. У градищанцев представлено общее название *karmina* (у градищанцев Словакии *karminja*), которое объединяет их с Западной Словакией, где распространена номинация *karmina*, а также родственные *kara*, *nakara*, ср. форму *karmine*, зафиксированную в лексикографических описаниях градищанскохорватского [GHNR: 231]. Термин *karmina* распространен также в Западной Хорватии и Словении и у градищанских хорватов Австрии [Плотникова 2004b: 188; Плотникова 2016: 155–156].

В Средней Словакии представлены лексемы *napodušie* (также *podušie*, *zádušnie*) [Nižnanský 2007: 134], в Восточной Словакии – *hostina* внутренняя форма «гостить, посещать» [Nižnanský 2007: 134], *umorky* [SSK], *komašna* [Sabolová-Jelinková 2004: 37].

Для венгерского ареала основной является лексема *tor*, которая первоначально употреблялась для обозначения любой торжественной трапезы (ср. в языке традиционной культуры *disznótor* ‘праздник по случаю первого убиения свиньи’) и лишь позднее стала использоваться для обозначения трапезы поминальной. Происхождение термина, по данным этимологических словарей, является спорным – слово могло быть как производным от *torok* ‘горло’, т. е. ‘место, куда попадает пища’, так и ранним тюркизмом – ср. [Benkő 1993: 1531, ESZ 2006: 750]. В южной Венгрии также в отдельных селах представлен славянизм *datya* – ср. серб. *daħa* от глагола ‘дать, давать’, см. [Skok 1973: 382; Плотникова 2004: 187]. У австрийцев Бургенланда фиксируется лексема *Tou* [MB], по всей вероятности, заимствованная из венгерского.

В данном случае градищанскохорватская лексика коррелирует с западнословацкой, поскольку и там, и там представлено латинское

заимствование *karmina*, *kara*, а восточноавстрийская – с общевенгерской (*tor*), где австрийская диалектная лексема, по всей вероятности, является унгаризмом.

* * *

В целом, в лексике похоронно-поминальной обрядности в рассматриваемом ареале наблюдается несколько основных тенденций. Во-первых, градищанскохорватский ареал во многом наследует общехорватскую терминологию (исключение составляют термины, обозначающие бодрствование при покойнике, где к тому же наблюдается наибольшее варьирование возможных лексем). Во-вторых, градищанскохорватский ареал объединяется с немецким и западнословацким, чему способствуют непосредственные заимствования из немецкого, представленные в отдельных градищанских селах и в некоторых словацких диалектных зонах. Типологическое сходство обнаруживается и во внутренней форме ряда лексем (например, *pokop* / *pohreb* / *Begräbnis* «похороны», связанные с ‘закопать, зарыть’). В-третьих, в этой лексико-семантической группе наблюдается определенное количество слов латинского происхождения, также объединяющих хорватский и западнословацкий ареалы, к которым примыкает западно- и восточновенгерский – несмотря на то, что в венгерском ареале наиболее распространенная лексика этой тематической сферы, как правило, имеет общеуральскую основу. В ряде случаев (лексико-семантические поля «агония», «поминки») венгерский ареал объединяется с австрийским Бургенландом.

Как видим, при широком ареально-типологическом анализе лексики и семантики семейной обрядности просматривается определенный семантический параллелизм между градищанскохорватской, словацкой и немецкой терминологией, а также между терминологией собственно хорватской, словацкой и немецкой; для венгерского языкового ареала сохраняется собственная модель, за исключением юго-западных территорий, примыкающих к Хорватии.

Исследованная лексика архаического ареала градищанских хорватов, сохраняющих свою культурно-языковую традицию в условиях анклавного проживания, позволяет более наглядно показать параллелизм и определенное сходство номинаций между западной и юго-западной частями Славии.

II.3. СПЕЦИФИКА НАРОДНОЙ МИФОЛОГИИ

Терминология народной мифологии в традиции градищанцев на изучаемой территории имеет свою специфику, связанную с многочисленными наслоениями исконных и заимствованных элементов. В настоящем разделе мы попробуем, с одной стороны, обозначить архаизмы (прежде всего, исконную лексику для общеславянских персонажей). С другой – выделим местные (локальные) унгаризмы, германизмы и отчасти словакизмы, пришедшие вместе с соответствующим персонажем из венгерской, словацкой и австрийской традиций. В ходе процессов заимствования некоторые инокультурные образы модифицируются на новой почве (усложняются, упрощаются или обрастают новыми значениями), кроме того, как правило, видоизменяется и само заимствованное слово в соответствии с фонетическим и грамматическим строем языка-реципиента.

Систему персонажей Градища мы рассматриваем с точки зрения их типов, т. е., прежде всего, по свойственным им функциям, которые становятся определяющими для всего корпуса рассматриваемых образов. Локусы обитания, внешний вид и прочие признаки персонажа в данном случае становятся вторичными, но имеющими важное значение при общей характеристике того или иного персонажного типа и его разновидностей.

На территории хорватского Бургенланда фигурируют несколько исконных славянских названий для весьма узнаваемых в Южной Славии персонажей: название ведьмы *viška* и название *vila* для обозначения чудесного женского существа, обитающего в природе и помогающего или вредящего людям¹. Наличие этой мифологической лексики и функционирование соответствующих культурных контекстов – один из важных показателей сохранения идентичности традиции в иноязычном и иноэтническом окружении. В Среднем Градище в Австрии хорошо известны оба мифологических персонажа, см., например [Bucolić 2018; Плотникова 2016: 124–126, 131–135, 149–155, 161–163], рассказы о них имеют продолжение и на территории Венгрии, где встретились сюжеты и мотивы, общие для всего Градища.

---

¹ Все другие мифологические образы, бытующие на территории градищанцев Венгрии, имеют более локальное распространение на территории бывшей Австро-Венгрии, и шире – у южных славян и на Балканах в целом.

(1) **Ведьма.** По поверьям из обследованных градищанских сел Среднего Градища Венгрии, ведьмы – это старые женщины, которые якобы летают на метле (*na metli letu*) (с. Хорватский Жидан), поэтому вихрь называют *viška* (с. Хорватский Жидан, Присика), что связано с общеславянскими архаическими представлениями о вихре как сборище нечистой силы, как известно из этнолингвистических исследований, в том числе вошедших в этнолингвистический словарь «Славянские древности». В южной части Градища Венгрии типично для всех сел выражение *viške idú* («ведьмы идут») или *viške letú* («ведьмы летят») при возникновении ветра или вихря, причем последнее устойчивое выражение употребляется и при обозначении вылетающих из трубы искр (с. Петрово Село), таким образом предположительно в основе выражения лежит поверье о превращении ведьмы в искры огня, а также мотив проникновения персонажа в дом через небольшие отверстия, в частности, через дымоход.

Повсеместно встречается типично южнославянский сюжет о персонификации болезни / смерти, связанный с действиями ведьмы: если человек тяжело дышит во сне, считается, что его «душит ведьма» (*viška gnjavi*), ср. также: *viške ga gnjávili* «ведьмы его душили». Функция душить, давить человека во сне приписывается у славян и такому персонажу, как «мора» (южные и западные славяне)². У градищанских хорватов Венгрии *viška* в этих случаях выступает как аналог балканославянской «моры», т. е. незамужней девушки, мстящей молодому мужчине; ср. также и венгерский рассказ о юноше, который отверг девушку на вечеринке, после чего она приходила по ночам душить и давить его, пока местный пастух не помог ему избавиться от напасти [Répce 1996: 27–28]. По всему Среднему Градищу известна весьма разветвленная терминологическая лексика, связанная с лексемой *viška*: если младенец долго плачет, не переставая, значит, он заколдован – *zaviškan* (Венгрия, Австрия). Вместе с тем, в Венгрии отмечено и другое архаическое название этого персонажа: *vračka* ‘ведьма’ (так называют ведьму в Плайгоре, по сообщению из соседнего Жидана)³. В самом Хорватском Жидане о женщине, которая ловка в работе и много успевает сделать по дому и хозяйству, градищанцы говорят: *prava viška* (букв. ‘настоящая ведьма’), что

² У восточных славян рассматриваемая функция характерна для домашнего духа (домовика, домового).

³ Сами жители с. Плайгор этого не подтвердили, но и не опровергли.

Карта 10. Наименования ведьмы
(сост. Д. Ю. Ващенко).

свидетельствует об утрате изначального содержательного наполнения лексемы.

Немецкое заимствование *coprnica* (< *zaubern* ‘колдовать’) встретилось ранее только в Южном Градище Австрии, где иногда даже различают два наименования по принципу оппозиции молодой – старый (*coprnica* – молодая ведьма, *viška* – старая). На продолжении территории Бургенланда у градищанских хорватов южной Венгрии, в отличие от народной мифологии градищанскохорватских сел Австрии, данное наименование нами не было зафиксировано. Общевенгерское наименование *boszorkány* в рассказах хорватов-градищанцев из Венгрии нам также не встретилось.

У градищанских хорватов Словакии регулярно фиксируется наименование ведьмы *bosorka* – унгаризм, употребляемый наряду с гр.-хорв. *viška* (с. Чуново, Яровце), что связано, во-первых, со спецификой данных сел, бывших в составе Венгрии вплоть до окончания Второй мировой войны и до сих пор сохраняющих в активном владении венгерский язык наряду с градищанскохорватским, а во-вторых, – с употреблением термина *bosorka* в окружающих их словацких селах. В селах градищанских хорватов на сегодняшней территории Венгрии существует четкая

дихотомия: гр.-хорв. *viška*, но венг. *boszorkány*, что обусловлено процессами этнокультурной самоидентификации в иноязычном и иноэтническом окружении⁴. В Чуново на территории современной Словакии можно услышать мнение о том, что *viška* – это старое название ведьмы, тогда как *bosorka* – новое. Вместе с тем, это заимствование глубоко укоренилось у «водных хорватов», ср. многочисленные здесь дериваты: *bosorkovat* ‘колдовать’, *zabosorkarit* ‘заколдовать; нанести порчу’ и подобные, наряду с *viškarit* ‘колдовать’ (*ona zna viškarit* – «она умеет наводить и снимать порчу») (с. Чуново). В Яровце термин *stara viška* уже часто используется только как ругательство. См. также **карту 10**.

Преимущественно у градищанцев в южной части Венгрии известны и нарративы о превращении ведьмы в коня, собаку, черную кошку (с. Нарда). По воспоминаниям жителей, ведьма причиняла вред и людям, и домашним животным: насылала болезни, отбирала молоко у коровы – все эти действия обозначались глаголом *začarat* (с. Нарда), *začarovat* (с. Горни Четар), т. е. «заколдовать». Свидетельством архаического славянского мотива превращения ведьмы в лягушку или жабу, чтобы отобрать у коровы молоко, могут служить отмеченные сведения о том, что при исчезновении молока у коровы, хозяева обнаруживали в хлеву некую «зеленую жабу». Ее следовало отбросить подальше, ни в коем случае не глядя ей вслед (с. Нарда). Ведьма могла отбирать молоко у коров, «собирая росу в поле» (т. е. отмечен известный восточным и южным славянам архаический сюжет об отбирании молока): так, записан нарратив о встрече ранним утром женщины с запачканными грязью руками, что якобы свидетельствовало о ее злокозненных действиях – *rosu bere po polju* (с. Горни Четар). В Южном Градище зафиксированы и сведения об аналогичном мужском персонаже *viškas*, *višac* (с. Нарда).

Традиционными оберегами от ведьмы в этих местах, как и в других селах Венгрии и Австрии, считались: перевернутая метла у двери, чеснок, красные нити на запястьях ребенка, окропление помещений святой водой, причем в с. Нарда практиковалось и затыкание вил в землю около хлева, чтобы ведьма не испортила ночью корову, а если же молоко исчезало (*usune kravi mliko*), животное окуривали (*mogli su kadit is ognjem*). При шуточных названиях друг друга в «кусте» сел, примыкающих к Нарде (где во время экспедиции удалось собрать наиболее

⁴ Впрочем, составители «Общеславянского лингвистического атласа» для кайкавского с. Умок дают только унгаризм: *'buosorka* [ОЛА 2015: 105], то же в работе П. Хоутзагера [Houtzagers 1999: 233].

обширные сведения именно по народной мифологии), жителей Нарды называли «ведьмаками» (*viškári*) (ср. Горни Четар, Хорватские Шице) В с. Петрово Село в венгерском окружении ведьмами, как правило, считались представительницы этнических соседей – *vugrice* (венгерки).

(2) **Вила** (*vila*). Наименование этого персонажа у градищанских хорватов общее, причем по обе стороны австро-венгерской границы (ср. также: хорв., серб., босн. *vila*)⁵, поэтому остановимся на различии мотивов быличек и легенд, связанных с самими представлениями о персонажах.

Рассказы градищанцев Венгрии о персонаже «вила», как правило, очень скудные и отрывочные; записаны у «хатов», «полянцев» и «долинцев», т. е. в Северном и Среднем Градище. Например, в Северном Градище жители преимущественно села Чуново до сих пор помнят рассказы старших о том, как «вила» летает в лесу по воздуху или как «ночные вилы» танцуют на теплом мелководье Дуная рядом с лесом. «Вилы» появляются в белых одеждах; это, скорее всего, добрые существа, которые помогают людям. В Среднем Градище записаны и данные о том, что односельчане их боятся и пугают ими детей: «белые вилы идут» – так говорили детям при виде приближающейся процессии ряженных в белых костюмах снеговиков, набитых соломой (с. Плайгор). Место обитания чудесных персонажей «вил» – лесной участок Фратровац (с. Хорватский Жидан), который считается заколдованным, поскольку по легенде там были обезглавлены некие приверженцы иной веры. Поля, окруженные пролеском, которые расположены между Хорватским Жиданом и Плайгором рядом с австрийской границей, неизменно связываются с обитанием там «белых вил».

Важно отметить типологическое сходство этих персонажей с венгерскими аналогами: мифические существа *tündér* (внутренняя форма связана с семантикой обманчивого видения – *tűnik* ‘казаться’)⁶ выгля-

⁵ О происхождении термина и связи с лексемой **viti* см. [Плотникова 2003: 237].

⁶ Данное наименование не является единственным на территории Венгрии – названия мифических существ с перечисленными характеристиками распределяются следующим образом: на западе венгерской языковой территории представлена лексема *tündér*, на севере распространен термин *menyecske* досл. ‘невестушка’, в центре и на юго-востоке – *szépasszony* ‘прекрасная, красивая женщина’, на востоке и северо-востоке – *kisasszony* ‘девушка’ досл. ‘маленькая женщина’ и *fehér asszony* ‘белая женщина’.

дят как прекрасные девушки, обычно в белых одеждах. По данным из средней западной Венгрии, они живут внутри стеклянной горы либо внутри самой высокой горы в окрестностях, или же на ее вершине. «Тюндеры» водят хороводы, но могут и сражаться между собой, устраивая битвы и соревнования. Важно отметить, что в сюжетах сказок эти мифические прекрасные девушки вступают в отношения с местными парнями (то же – в западной части Южной Славии и у градищанских хорватов – в частности), см. былички из венгерских сел Среднего Градища [Répce 1996: 109–111].

У градищанцев Венгрии белые вилы одаривают людей разными предметами. Например, в одном из мифологических рассказов бедного юношу-кузнеца белые вилы одаривают гвоздями для подков (они рассыпают их на дороге во Фратроваце), превратившимися в его доме в золотые гвозди. При этом начало рассказа звучит так: «В Герিশтофе⁷ был один честный, набожный юноша. Однажды он припозднился с работой и выбрал кратчайший путь к своей невесте в Хорватский Жидан, и этот путь лежал через Фратровац...» [Répce 1996: 12].

Мотив одаривания вилами людей, если те этого заслуживают, распространен именно в Среднем и Северном Градище, особенно в приграничных австро-венгерских селах. Например, «белые вилы» могут оставлять в поле свежее испеченные лепешки, хлеб для работников (за то, что работники помолились Богу перед началом пахоты) или же так предполагают работающие в поле, поскольку считается, что кроме вил, никто другой оставить хлеб в поле не может. Около Хорватского Жидана субъектами такого позитивного действия по отношению к людям могут быть и убитые, но воскресшие монахи (что представляет собой след локальной легенды об убийстве представителей иной веры в этом месте).

Устойчивый у хорватов Градища сюжет о том, как вилы пекут для людей хлеб, на австрийской стороне получает подтверждение во фразеологизме – образном обозначении красного небесного зарева на закате: *biele vile kru(h) pekli*, букв. ‘белые вилы хлеб пекли’. Никто не может видеть, как они это делают: «Никто этих печей не видел, но так говорят» (с. Филеж, Австрия, запись А. А. Плотниковой). В с. Кольноф одна из собеседниц упомянула, что *biele vile* могли быть причиной красного зарева на небе накануне Рождества: «моя бабуш-

---

⁷ Герিশтоф (нем. *Kroatisch Geresdorf*) – одно близлежащих градищанско-хорватских сел в Австрии по другую сторону границы (прим. авторов).

Карта II. Вила и мотивы выпечки хлеба / сообщения об урожае у южных славян (сост. А. А. Плотникова).

ка говорила, если вечером красное небо – это значит, *biele vile* пекут пирожное (сладкую булочку)» [Ващенко 2021: 101]. Обозначение того же природного явления у градищанцев Венгрии имеет другой субъект действия: *andjeli kruh peći*, букв. «ангелы хлеб пекут» (с. Хорватский Жидан). О связи зарева на закате (или рассвете) и мотива выпекания хлеба вилами / ангелами или Богородицей есть поверье и в приграничном с. Климпух, расположенном на австрийской стороне. На **карте 11** представлены все три села, где бытует это выражение – два венгерских (сс. Хорватский Жидан и Кольноф), одно австрийское – Климпух.

Отметим, что сам мотив выпечки хлеба «вилами» для одаривания людей гораздо шире. На территории Венгрии фиксируется несколько мифологических рассказов с этим мотивом в селе Хорватский Жидан на австрийско-венгерском пограничье. В одном из них «вила» одаривает людей хлебом после того, как те увидели в поле сломанный совок для углей и починили его [Répce 1996: 10–11]. В другом повествуется о том, как пахари находили только что испеченную горячую лепешку, если молились перед выходом в поле [Répce 1996: 10]. О параллелях и продолжениях этого мотива у южных и западных славян см. [Плотникова 2022].

(3) **Змей-дракон.** В противоположность устойчивому бытованию *zmaj* ‘змей, дракон’ у хорватов в австрийской части (см. [Koschat 1978: 295; Плотникова 2016: 131, 153, 156])⁸, у градищанских хорватов Венгрии повсеместно употребляется карпатизм ⁺*šarkan* ‘дракон’ из венг. *sárkány* (иранского происхождения); данное наименование распространено также в словацкой этнокультурной традиции. В записях загребских ученых (60-е годы прошлого века) из Чунова имеются три былички о крылатом змее, называемом и *zmaj*, и *šarkanj*, который якобы прилетает через печную трубу и приносит людям деньги. В данном случае прослеживается смешение образов летающего змея как любовника, проникающего к женщинам через печную трубу (ср. мифологические рассказы и поверья из Среднего Градища в Австрии [Плотникова 2016: 153]), и демона-обогатителя, приносящего деньги (здесь, по всей видимости, актуализируется метафора «искры – монеты»). В настоящее время в том же Чуново жители не помнят быличек о летающем змее, хотя понимают значение лексемы *zmaj* в значении ‘змей летающий’, тем не менее, в Среднем Градище удалось записать сведения о большоголовом змее: *glavoša ognjeni*, букв. ‘большоголов огненный’ (с. Хорватский Жидан), являющийся в образе огня, яркого света. В опубликованных источниках отмечены прямые аналогии со «змеем летающим», вступающим в половой контакт с местными жительницами, известны также рассказы о ночном посещении сельской девушки «огненным», принявшим облик прекрасного юноши (с. Прилика) [Répce 1996: 15].

⁸ Представления о летающем в виде огненного шара змее-драконе (гр.-хорв. *ognjeni zmaj*) в этом хорватском ареале часто переплетаются с поверьями об «огненных» ипостасях душ умерших, в частности, погибших несправедливой смертью и обреченных на посмертное покаяние, см. ниже в П.3 (4).

Карта 12. Наименования змея летающего и ареал лексемы ⁺*šarkanj*' (сост. Д. Ю. Ващенко).

Отметим бытование лексемы *šarkanj* на северных окраинах диалектного пространства хорватского и сербского языков: Славония, Бачка, см. [Плотникова 2013: 53–54] в значении ‘змей-дракон, приносящий градоносные тучи’. С учетом письменных свидетельств о переселении в середине XVI в. части жителей в среднюю западную Венгрию из Славонии (см., например, [Horváth 1977: 62]), можно предположить, что в традиции хорватов Градища данное обозначение змея-дракона было известно и ранее. Бытование этого наименования регулярно встречается у хорватов Венгрии, но при его упоминании более развернутые тексты в полевых исследованиях нам не попадались (ср., напротив, венгерскую сказку из региона Репце о том, как семиголовый *sárkány* стережет похищенных королевских дочерей [Répce 1996: 92–93]). См. карту 12 (ареал наименований змея летающего и лексемы *šarkanj* в Бургенланде и примыкающих областях).

В данном случае следует отметить венгерские культурные заимствования у градищанских хорватов как своеобразное переосмысление мотивов народной мифологии окружающих их этносов, а именно: карпатские сюжеты о людях «гарабонциашах» со сверхъестественны-

ми способностями, седлающих дракона и насылающих град и непогоду⁹, оставили определенный след в поверьях градищанских хорватов пограничья.

В типичном венгерском нарративе о «гарабонциаше» из с. Саконь рядом с градищанскохорватскими селами средней части западной Венгрии (сс. Хорватский Жидан, Присика) повествуется о ребенке, изначально «предназначенном» стать гарабонциашем (*garabonciás diák* ‘гарабонциаш ученик’), который быстро развивается и в 14–16 лет отправляется искать дракона (*sárkány kígyó* – дракона-змею). В быличке описывается, как он с трудом седлает дракона, после чего оба отправляются в путь, вызывая огромные бури, дождь и град. Гарабонциаш несет народу разруху и вслед слышит только проклятия. Рассказ заключается утверждением, что «это был не человек, но порождение черта, гарабонциаш» [Répce 1996: 29]. Аналог у градищанских хорватов находим в кайкавских селах: *grabancijâsi so Čučevu pajtâbu zrušili* «Грабанияши сарай у Чучевых разрушили» [Houtzagers 1999: 239] со ссылкой в словаре на заглавное слово *grabancijâsi*, которое толкуется следующим образом: «(в народных поверьях) бродячие студенты, ставшие волшебниками, поднимают бурю и причиняют другой ущерб» с дополнительным комментарием о том, что в Фертохомоке (Умоке / Хомоке) считается, что однажды семья Чучевых сильно пострадала от злодеяний грабанияшей, причем дается другой диалектный контекст: *Čučevu hižu so grabancijâsi odnĕsli* «Грабанияши унесли дом у Чучевых» [Houtzagers 1999: 252].

В обследованных в 2017–2019 гг. градищанскохорватских селах Венгрии персонаж *garaboncijaš* обычно опознается как элемент окружающей венгерской культуры; иногда лексема может употребляться как характеристика человека, например: *garaboncijaš* ‘сильный человек’, с. Нарда¹⁰. Однако по другую сторону границы, в близлежащем градищанскохорватском селе Филеж в Австрии, фиксируется поверье о человеке со сверхъестественными способностями, называемом *grebencijaš* и обладающем силой воздействовать на погоду, вызывать дождь, снег, ненастье (*on je krivac kad je nevrime* – «он виновник непогоды»), подробнее см. [Плотникова 2016: 158–159]. Данное явление

⁹ Ср. также аналогичные румынские сюжеты о чернокнижниках, управляющих драконом и насылающих непогоду.

¹⁰ Ср. также употребление других унгаризмов из сферы народной демонологии в функции ругательства или отрицательной характеристики человека: *To je pravi šarkanj, ta žena!* «Настоящий дракон, эта женщина!» (с. Петрово Село).

ние характеризует структуру современных пограничных славянских ареалов: там, где важна культурно-языковая самоидентификация (в самой Венгрии), фрагмент народной культуры заимствуется редко, тогда как в соседних селах в окружении иной культурной специфики (в Австрии) он может быть легко воспринят.

(4) **Огненный человек.** Еще одним возможным следом венгерского (и, возможно, немецкого) влияния, является «огненный человек», широко распространенный в народной мифологии градищанцев и практически отсутствующий у хорватов на основной территории расселения (за исключением северо-западных регионов, близких к Венгрии).

Мифологический персонаж, именуемый у градищанских хорватов *ognjeni*¹¹ может выступать в разных ипостасях. В селах Чуново и Яровце мифическое существо предстает как мужчина в ореоле огня (*ognjeni človik*), который садится на повозку и не дает ей тронуться с места. Жители этих сел опасались появления «огненных людей» (*ognjeni človiki, ognjivi muži*), способных остановить телегу (по другим сведениям – танцующих с огнем на сапогах на месте бывшей старой корчмы в Чуново). В Яровце был записан рассказ о том, как отец объяснял наличие на своей спине сильных ожогов и волдырей своему сыну: «Меня обнял огненный человек». В данном случае возможна калька с немецкого: *Feuermännchen* ‘огненные люди’ [Пк 2009: 211 –212].

Мотив появления огоньков, садящихся на повозку, широко известен на территории Австрии в Северном Градище, и особенно часто – в Среднем, где встречались былички о том, как кони ночью неожиданно останавливались как вкопанные, не двигаясь с места, поскольку на опору телеги садился *ognjeni*, при этом был виден светящийся огонек (внешний облик персонажа описывался весьма неопределенно).

На территории Среднего Градища в Венгрии отмечаются разные мотивы, связанные с мифологическим персонажем, называемым *ognjeni*. С одной стороны, под это наименование подпадают традиционные для Бургенланда «огоньки», которые останавливают повозки ночью (в хорватских селах Австрии объясняемые как «души умерших, которые идут на покаяние»). Например, указывались даже опре-

---

¹¹ Хорваты на территории Австрии иногда добавляют – *zmaj ognjeni*, там же встречались и рассказы о том, что это проносящийся над селом змей, рассыпающий искры и прилетающий через печную трубу к местной ведьме (ср. Филеж, Мьеново, Велики Бориштоф), подробнее см. II.3.3.

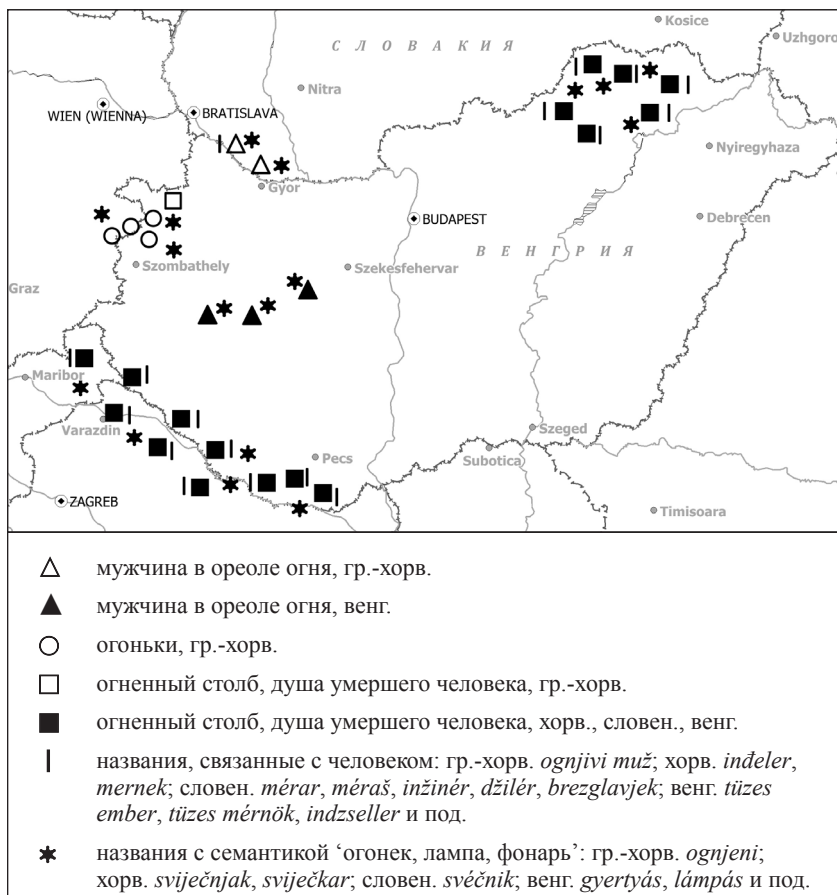
деленные места вблизи села (лесистая местность Фратровац рядом с Хорватским Жиданом; мост через болотце около Унды), где в полночь останавливались запоздалые повозки под тяжестью севшего на *švori* (нижнюю опору телеги) «огонька», после чего кучер не мог двигаться дальше (ср. Унда, Присика, Хорватский Жидан, Плайгор).

С другой стороны, «огненного» якобы видели в образе яркого луча, рассыпающего искры, снопа света, стремительно пролетающего мимо наблюдателей, которые едва успевали от него укрыться [Répce 1996: 12], при этом весьма устойчивой оказывается ассоциация именно со змеем которого называли *glavoša ognjeni*, букв. ‘большоголов огненный’ (с. Хорватский Жидан).

Есть и третий персонажный тип, связанный с наименованием *ognjeni*: хорваты, проживающие в Бургенланде на территории Венгрии южнее Шопрона, преимущественно «долинцы», верили, что *ognjeni* (pl.) – это души умерших чиновников, при жизни неправильно мерявших наделы земли крестьянам, которые теперь блуждают ночью на прежних земельных границах, где их можно встретить в виде либо огоньков, либо огненных столбов (с. Хорватский Жидан). Похожие представления о душах людей, несправедливо измеривших участки плодородных полей, сохраняются и в северо-западной Хорватии, и в Славонии. В частности, в окрестностях Вараждина в Хорватии до сих пор известны поверья о человеке со свечой, но без головы, называемом *svijećnjak* или *svećkar* (ср. Пресечно, Стрмец Реметинечки, соб. зап., 2016 г.)¹². То же фиксируется в Междумурье, причем не только в хорватском, но и в словенском регионе на пограничье Венгрии, в Порабье и Прекмурье [Пилипенко 2019: 11], где собирателями-этнолингвистами были зафиксированы наименования *mérare* или *méraše* (букв. ‘замерщики’), *inžinéri* или *džiléri* (букв. ‘инженеры’), относящиеся к обозначению душ умерших землемеров, несправедливо распределявших землю, «за что были прокляты и не могли найти упокоения после смерти» [Пилипенко, Ясинская 2018: 70]. Эти не упокоенные усопшие могли являться без головы или со свечой вместо головы – их внешний облик находит отражение в их номинации – *svěčniki* (букв. ‘свечники’), *brezglávjeki* (букв. ‘безголовки’) [Там же]. У подравских хорватов Венгрии (т. е. на границе с Хорватией, точнее – Славонией) рассматриваемый персонаж фигурирует под разными именами, в частности *vatreni*

¹² Данные о мифическом существе *svječkar* (являющемся как свет в лесу) были зафиксированы в селах Реметинец и Пресечно в окрестностях Вараждина (северо-западная Хорватия) в экспедиции 2016 г., проведенной совместно с М. Н. Толстой.

Карта 13. Семантика наименований огненного персонажа, его ипостаси (сост. Д. Ю. Ващенко).

čovek 'огненный человек' (ср. с.-х. *vatra* 'огонь'); реже – *ognjeni čovek*, или имеет прозрачные по внутренней форме обозначения: *inđeler* (ср. с.-х. *inženjer* «инженер»), *mernek* – букв. 'замерщик' [Franković 1990: 133, 137–138]. Представление о том, что «блуждающие огоньки» могут иметь происхождение от детей, умерших некрещеными, в градищанскохорватских селах Венгрии нам не встретилось¹³.

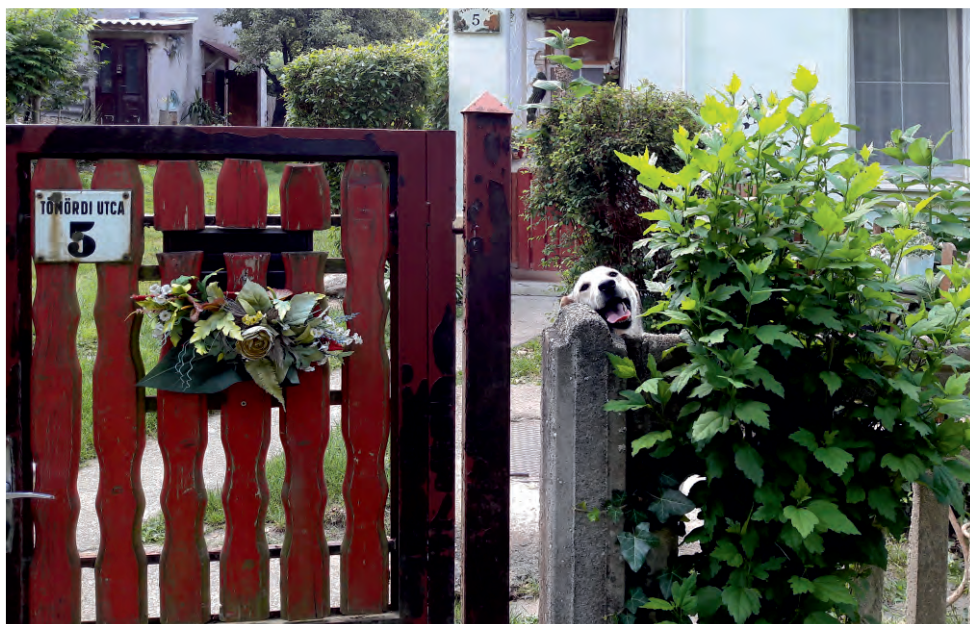
¹³ В отличие от поверий в хорватских селах Северного и Среднего Градища в Австрии, см. [Плотникова 2016: 153–154].

1. Вид на с. Хорватский Жидан от дома священника и церкви.
Фото Д.Ю. Ващенко, 2017 г.

2. Дом для действующего священника в с. Хорватский Жидан.
Фото Д.Ю. Ващенко, 2017 г.

3. Улица в сторону бывшего хорватского села Тёмёрд, с. Хорватский Жидан.
Фото Д.Ю. Ващенко, 2017 г.

4. Табличка с названиями улиц, где слово «улица» дается на двух языках,
с. Хорватский Жидан. Фото Д.Ю. Ващенко, 2017 г.

7. Село Присика. Фото Д.Ю. Ващенко, 2017 г.

8. Старый дом и парк в Присике. Фото Д.Ю. Ващенко, 2017 г.

9. Дорога в с. Плайгор из с. Хорватский Жидан. Фото Д.Ю. Ващенко, 2017 г.

10. Главная улица в с. Плайгор. Фото Д.Ю. Ващенко, 2017 г.

11. Церковь св. Мартина в с. Плайгор. Фото Д.Ю. Ващенко, 2017 г.

12. Кладбище при церкви св. Мартина и вид на лесной массив Фратровац, с. Плайгор. Фото Д.Ю. Ващенко, 2017 г.

13. Вид на с. Унда. Фото Д.Ю. Ващенко, 2017 г.

14. Вид на церковь св. Мартина в с. Унда. Фото Д.Ю. Ващенко, 2017 г.

15. Кладбище в с. Унда. Фото Д.Ю. Ващенко, 2017 г.

16. Надгробие в с. Унда. Фото Д.Ю. Ващенко, 2017 г.

17. Один из четырех алтарей, подготовленных жителями села для праздника Тела Господня (*Tijelova*), с. Унда. Фото Д.Ю. Ващенко, 2017 г.

18. Начало праздника Тела Господня (*Tijelova*): богослужение в церкви села Унда. Фото Д.Ю. Ващенко, 2017 г.

19. Жители в традиционной одежде, собравшиеся на праздник Тела Господня (*Tijelova*) в с. Унда. Фото Д.Ю. Ващенко, 2017 г.

20. Процессия во главе с Иштваном Думовичем делает обход села от одного алтаря к другому на праздник Тела Господня (*Tijelova*), с. Унда. Фото Д.Ю. Ващенко, 2017г.

21. Сжигание соломенных кукол, из архива Ференца Фаркаша, с. Унда; опубликовано в книге [Jordanić 2009: 35].

22. Троицкие «королевские обходы», с. Унда; опубликовано в книге [Jordanić 2009: 74].

23. Пасхальные яйца из дома Иштвана Колошара, с. Унда.
Фото Д.Ю. Ващенко.

24. Свадебные караваи *vrtanji*. Из архивов информантов, с. Хорватский Жидан.
Фото А.А. Плотниковой.

25. Разрушенная барская усадьба в с. Чуново. Фото Д.Ю. Ващенко, 2018 г.

26. Дунай с островом, с. Чуново. Фото А.А. Плотниковой, 2018 г.

27. Сельская архитектура, с. Чуново. Фото А.А. Плотниковой, 2018 г.

28. Придорожный ресторан (чарда) в с. Чуново.

Фото А.А. Плотниковой, 2018 г.

29. Церковь Архангела Михаила, XVIII век, с. Чуново.
Фото А.А. Плотниковой, 2018 г.

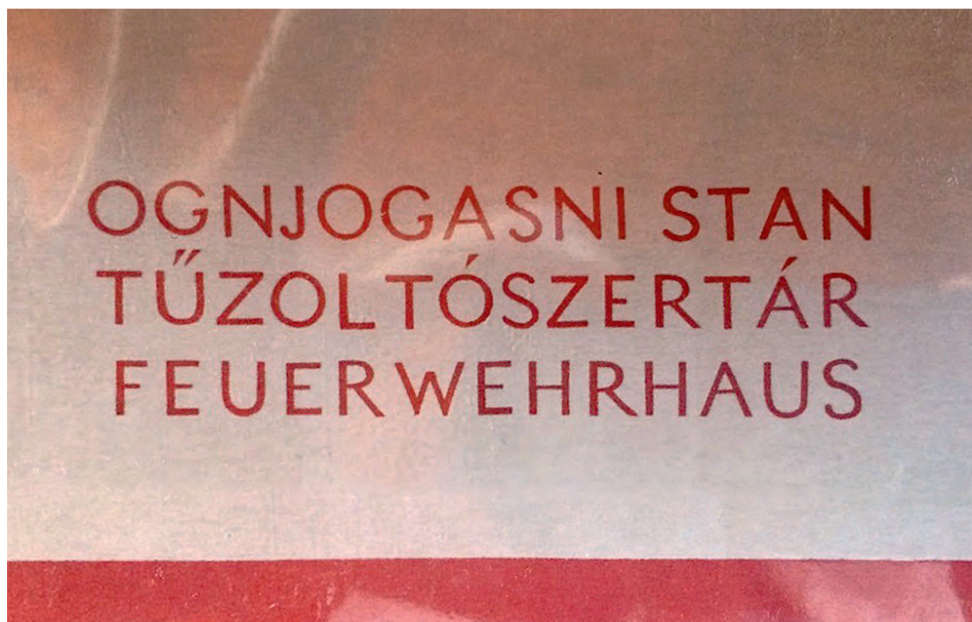

30. Указатель пограничных улиц, с. Чуново. Фото А.А. Плотниковой, 2018 г.

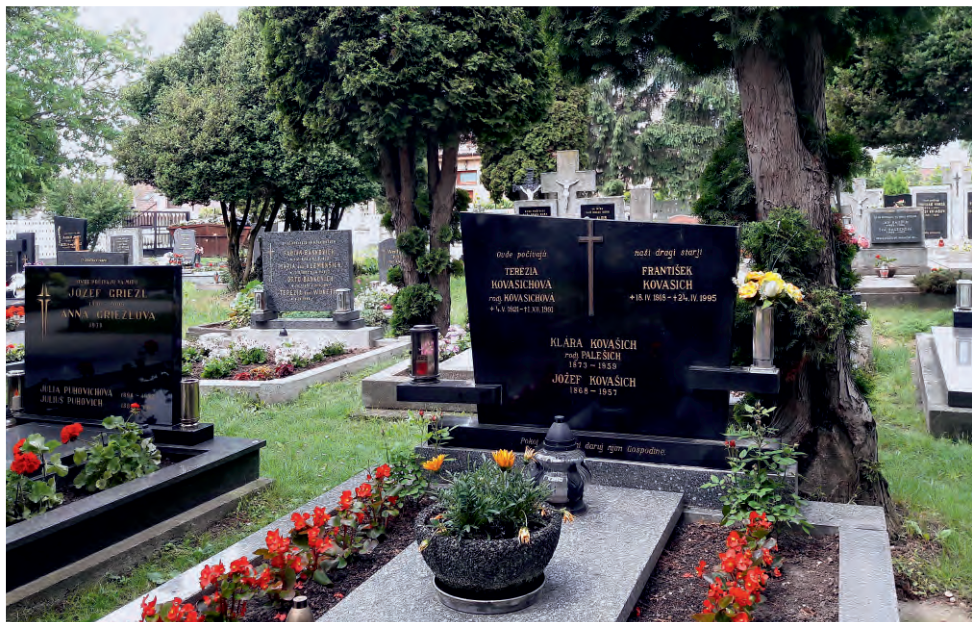

31. Тупик в направлении словацко-венгерской границы, с. Чуново.
Фото А.А. Плотниковой, 2018 г.

32. Надпись на трех языках на здании пожарной охраны, с. Чуново.
Фото А.А. Плотниковой, 2018 г.

33. Надгробие в с. Чуново. Фото Д.Ю. Ващенко, 2018 г.

34. Кладбище в с. Чуново. Фото Д.Ю. Ващенко, 2018 г.

35. Беседа с информантами Франтишком Бодичем и Терезией Бодич (Валентич)
в с. Чуново. Фото Д.Ю. Ващенко, 2018 г.

36. Беседа с информантами Марией Брос и Штефаном Милетичем в с. Чуново.
Фото А.А. Плотниковой, 2018 г.

37. Музей народной культуры, с. Чуново. Фото Д.Ю. Ващенко, 2018 г.

38. В музее народной культуры с его основателем Йоханом Маасом, с. Чуново.
Фото А.А. Плотниковой, 2018 г.

39. Йохан Маас показывает обрядовые кнуты («корбачи»), с. Чуново.
Фото А.А. Плотниковой, 2018 г.

40. Старинная мужская одежда, Музей народной культуры, с. Чуново.
Фото А.А. Плотниковой, 2018 г.

41. Штефан Милетич, потомок Яндре Стефанчича, с. Чуново.
Фото Д.Ю. Ващенко, 2018 г.

42. Указатель в с. Яровце. Фото А.А. Плотниковой, 2018 г.

43. В кабинете у старосты Павла Шкодлера (рядом со старостой – манекен в традиционной народной хорватской одежде), с. Яровце. Фото А.А. Плотниковой, 2018 г.

44. Кладбище в с. Яровце. Фото Д.Ю. Ващенко, 2018 г.

45. Надгробие в с. Яровце. Фото Д.Ю. Ващенко, 2018 г.

46. Кладбище в с. Яровце. Фото Д.Ю. Ващенко, 2018 г.

47. Обрядовое «майское деревце» в центре с. Русовце.

Фото А.А. Плотниковой, 2018 г.

Rusovce – Oroszvár – Karlburg

1. Miestny úrad MČ Bratislava – Rusovce, Vývojová 8
2. Slovenská pošta, Balkánska 102
3. Kostol sv. Magdalény
4. Rímsko-katolícky farský úrad Rusovce
5. Kostol evanjelického cirkevného zboru
6. Múzeum Antická Gerulata, Gerulatská 69
7. Prístup k náučnému chodníku
8. Obchodné centrum JEDNOTA, Balkánska 112
9. Základná škola s materskou školou, Vývojová 228 (budova školy)
- 9./A Budova materskej škôlky
10. Kresťanská liga pre pomoc mentálne postihnutým na Slovensku, Kováčsova 85
11. Cintorín
12. SĽUK
13. Zdravotné stredisko / lekáreň, Balkánska 112
14. Rusovský kaštieľ

48. Указатель при входе в парк села Русовце.

Фото А.А. Плотниковой, 2018 г.

49. Майское дерево в с. Нарда. Фото Д.Ю. Ващенко, 2019 г.

50. Улица и церковь Воздвижения Святого Креста в с. Нарда.

Фото Д.Ю. Ващенко, 2019 г.

51. Табличка с надписями в с. Нарда. Фото Д.Ю. Ващенко, 2019 г.

52. Кладбище в с. Нарда. Фото А.А. Плотниковой, 2019 г.

53. Церковь Скорбящей Девы Марии в с. Малая Нарда.

Фото Д.Ю. Вашенко, 2019 г.

54. Многоязычная надпись при выезде из с. Нарда.
Фото Д.Ю. Ващенко, 2019 г.

55. Беседа с Шандором Хорватом в музее сельской народной культуры,
г. Сомбатхей. Фото Д.Ю. Ващенко, 2019 г.

56. Чердачное окно в старом сельском доме, музей под открытым небом в г. Сомбатхей. Фото А.А. Плотниковой, 2019 г.

57. Двухязычная надпись при въезде в с. Горни Четар.

Фото Д.Ю. Вашенко, 2019 г.

58. Вид на с. Горни Четар. Фото А.А. Плотниковой, 2019 г.

59. «Майское дерево» в с. Горни Четар. Фото А.А. Плотниковой, 2019 г.

60. Табличка на церкви св. Миклоша о «верных селах» в с. Горни Четар.
Фото А.А. Плотниковой, 2019 г.

61. Информант Элек Концер с обрядовым кнутом, с. Горни Четар.
Фото А.А. Плотниковой, 2019 г.

62. Масленичный обход «розмарин собирать» (из фотоархивов информантов), с. Горни Четар. Фото А.А. Плотниковой, 2019 г.

63. В гостях у информантов Гизеллы Марич и Дьерди Хамори Ковачне, с. Хорватские Шице. Фото А.А. Плотниковой, 2019 г.

64. По селу Хорватские Шице с Дьерди Хамори Ковачне, супругой Ласло Ковача (автора книги о селе). Фото Д.Ю. Ващенко, 2019 г.

65. Градищанскохорватская церковь св. Петра и Павла и прилегающее к ней кладбище в с. Петрово Село. Фото Д.Ю. Ващенко, 2019 г.

66. Крестный путь в с. Петрово Село. Фото Д.Ю. Ващенко, 2019 г.

67. Таблички с надписями в с. Петрово Село.

Фото А.А. Плотниковой, 2014 г.

68. Пасхальное деревце в с. Петрово Село.

Фото А.А. Плотниковой, 2014 г.

Таким образом, мифологический персонаж, которого условно можно назвать «огненный человек», известен на достаточно широкой территории бывшей Австро-Венгрии, включая и венгерскую народную мифологию [MN], и градищанскохорватскую. У венгров наименования могут быть самыми разными, все – с семантикой ‘огонь’, ‘свеча’, ‘лампа’, ‘свет’ и под.: *tüzesember* досл. ‘огненный человек’, *gyertyás* ‘свечной’, *lámpás* ‘ламповый’; также у венгров встречаются такие наименования, как *tüzes mérnök* ‘огненный замерщик’ и *indzseller* ‘инженер’ [Rócs 2012: 128–129]. В нарративах из Западной Венгрии персонаж чаще встречается под названием *lámpás* и выглядит как лампа / свеча, которая перемещается сама по себе [MN]; в районе г. Секешфехервар (западная Венгрия) *tüzes ember* описывался как огненная фигура [Dani, Farkas 1991: 43]. См. карту 13.

Генезис персонажа на бывшей австро-венгерской территории мог связываться с несправедно делившими наделы земли при жизни и затем скитающимися душами (хорваты Венгрии, особенно в Среднем Градище, а также в Подравье, где известны и наименования с внутренней формой ‘инженер; замерщик’ – *inđelér, mérnek*). Представляется, что в данном случае имеет место влияние венгерской традиции, однако в соответствии с рядом значимых характеристик (облик – светящиеся огоньки; время появления – ночь, происхождение от детей, умерших некрещеными, или людей, отбывающих посмертное наказание), персонаж имеет разные славянские аналоги. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» «огоньки блуждающие» трактуются как посмертное воплощение грешных душ, отбывающих наказание на земле, при этом указываются западнославянские традиции (особенно выделяется польская)¹⁴, отчасти – восточнославянские, но для южных славян персонаж не идентифицируется [Левкиевская 2004b: 511].

(5) **Черт.** Повсеместным наименованием черта, дьявола является в хорватском Бургенланде термин *vrag*. Эти данные подтверждают и в опубликованных источниках: *vrag* с определением «дух (злой дух), дьявол, сатана» и выражениями – *pojti k vragu* ‘исчезнуть, пропасть’, *svi su vrazi u njemu* «у него сплошные пороки (недостатки)» [GHNR: 770]; *vrág* (включая многочисленные фразеологические обороты, часть из которых указывает и на этнокультурное содержание термина: *bogàti kot sî vràzi* ‘неслыханно богатые’, букв. ‘богатые, как

¹⁴ Ср., в частности, пол. *ternik* ‘землемер’ [Левкиевская 2004b: 511].

черти' – Хомок¹⁵, *si vrâzi znadô* 'проклят буду, если я знаю', а также многочисленные ругательства с адресацией к дьяволу, например: *kěj vrâzy čěš?* 'какого черта хочешь?') [Houtzagers 1999: 333] и т. д. Ср. также *vrâg* 'дьявол' в работе по хорватам Словакии из сел Девинска Нова Вес, Дубравка и пр. [Vážný 1927: 197]. На венгерской языковой территории практически повсеместно представлен термин *ördög* 'чёрт, дьявол'; лексема считается исконной, при этом ее этимология остается туманной [Benkő 1993: 1085]; в Западной Венгрии также представлены термины *danna*, *dévla* [Tájszótár 1898].

(6) Локальные персонажи Северного и Южного Градища

а) Водяной. В Северном Градище (Чуново) был зафиксирован мифологический персонаж под названием *vaserčan* (*voserčank*) – «зеленый» водяной, обитающий в Дунае и утаскивающий на дно непослушных детей. Те же сведения были записаны в 60-х гг. прошлого века учеными из Загреба, работавшими в этом регионе во главе с М. Бошкович-Стулли: в архиве Чунова сохранились их записи о водяном человеке, именуемом *wosačantil* (*vosačantil*), который будоражил воду и хватал (топил) детей. Сразу отметим, что для венгерской традиции в целом мифологический персонаж водяной не характерен [Rócs 2012: 108], а в локальной венгерской традиции рассматриваемого региона он и вовсе отсутствует. Однако у немцев Северного Бургенланда известен демонологический персонаж *Wassermannl* (досл. 'водный человек / мужчина')¹⁶. В немецких быличках описывается его облик: одет в зеленый халат и высокие сапоги либо же предстает как наполовину человек, наполовину рыба. Иногда *Wassermannl* ходит среди людей, его легко узнать, поскольку из левого рукава у него всегда течет вода.

В народных представлениях близких немецких сел (например, по поверьям жителей у озера Нойзидлер-Зее, у реки Лайты), водяной обитает на дне ближайших озер и рек, утаскивает людей в воду, с ним связаны запреты на купание во второй половине дня, он требует жертв и подношений. В частности, чтобы избавиться от водяного, на Рождество пекут специальное печенье в виде человечка, крошки от которого

¹⁵ Ср. венгерские поверья о демоне-обогатителе, приносящем деньги, который в западной Венгрии называется *ördög* «черт» [Répce 1996: 51, 88].

¹⁶ Материалы о немецкой народной мифологии взяты из открытых источников с сайта *sagen.at*, где размещены былички о мифологических персонажах со всей Австрии [SA, дата обращения 16.10.2024].

потом бросают в колодец или в озеро. У градищанских хорватов на Дунае столь развернутые контексты не обнаруживались.

б) Железная баба. В Южном Градище среди мифологических персонажей, которыми пугали маленьких детей, наиболее ярко выделяется «железная баба» (*želizna / željezna / žilizna baba*) (ср. Нарда, Горни Четар, Хорватские Шице), ср. известные практически всем южным славянам пугала для непослушных детей: хорв., босн. *Baba Roga*, серб. *Баба Рога*. Считалось, что место обитания «железной бабы» расположено на чердаке, там, где в отверстие (*òkno*) выходит дым из печи. Чтобы уберечь детей от падения или других напастей, говорили: *Želizna baba će te ugris* «Железная баба тебя укусит», *Želizna baba će te odnet* «Железная баба тебя унесет», *Želizna baba će te bantovat* «Железная баба на тебя нападет».

Отметим, что в отдельно расположенном селе Петрово Село о «железной бабе» не знают, там говорят, что пугали маленьких детей некой «ряженой бабой» (*sura baba*): *Sura baba će te odne(s)t* «Ряженая баба тебя унесет». Пояснение об устрашающем персонаже сходно с представлением о цыганах, которые «засунут ребенка в мешок» и т. п. (градищанскохорватские села Австрии), в Петровом Селе поясняли, что это «одна из тех, которые приходят на свадьбу ряжеными» (*od tih ki idu na svadbu*).

С учетом небольшого компактного распространения локального наименования «железная баба», можно предположить вторичное возникновение персонажа и его наименования на основе повсеместно известного детского ритуально-магического действия перекидывать первый выпавший зуб через плечо (как правило, на крышу дома), отдавая его некой «бабе» с просьбой дать взамен «железный зуб» (в хорватских селах Венгрии, см. об этом П.2.2).

Сама формула магического обмена с мифическим существом (или животными) распространена практически во всех южнославянских регионах. В Славонии она известна в следующем варианте: ребенка с первым выпавшим зубом посылали на чердак, где он бросал зуб со словами: *Miš! miš! Evo tebi zub kostjanoi, a ti meni daj gvozdeni!* «Мышь! Мышь! Вот тебе зуб костяной, а ты мне дай железный!» [Плиć 1846: 28]. В восточной Герцеговине зафиксировано обращение к «виле» – ребенок бросал зуб через дерево и говорил: *Дaj ми, виле, гвозден зуб, ево теби коштан зуб! Зуб колик зуб, ја колик дуб!* «Дай мне, вила, железный зуб, вот тебе костяной зуб! Зуб, вершина горы, я – как дуб!»

[Грђић-Бјелокосић 1896: 146]¹⁷. Отметим также, что у хорватов южного Бургенланда в Австрии (по сути – в смежных селах через современную границу) ребенок должен был бросить первый молочный зуб через плечо назад за спину, не глядя, со словами: *Na tebi voščani, a meni daj koščani* «На тебе из воска, а мне дай из кости» (запись А. А. Плотниковой, 2014). При этом жители поясняли, что было неважно, куда именно попадет брошенный ребенком молочный зубик – верили, что если он падал на землю, то именно земля должна была дать подрастающему ребенку коренной зуб вместо молочного, а если на дерево – то дерево. Встретился и символический обмен на «золотой зуб» с неизвестным персонажем или частью природного пространства: *To su mogli: “Ja ću tebi dat voščenoga, ti meni daj zlatoga”* «Говорили: “Я тебе дам костяной, а ты мне дай золотой”» (с. Пинковац, 2014). Просьба о железном зубе или обращение к «железной бабе» у хорватов Градища на территории Австрии при полевом обследовании сел не встретились, что свидетельствует о локальном распространении термина мифического существа и вторичности возникновения поверий, источником которых выступает мотив получения крепких («железных») зубов у ребенка.

в) Мрак. Мифологический персонаж *mrak*, нападающий на новорожденного или приносящий ему болезнь и несчастья, известен в Южном Градище не только в Австрии¹⁸, но и на венгерской стороне, у хорватов-штокавцев: *mrak dojde na dite* (с. Нарда). От его появления под порог затыкали нож, пока не пройдет шесть недель после рождения ребенка, а также не оставляли пеленки после захода солнца, чтобы ребенок не заболел (села Нарда, Горни Четар, Хорватские Шице), см. также II.2.2.

г) Трут. В Южном Градище отмечен мифологический персонаж *trut* (*trud*), представляющий собой локальный образ, который встретился при полевом обследовании градищанцев только на юго-западе Венгрии – в селах Нарда, Горни Четар и Хорватские Шице. Какие-либо сведения о нем отсутствуют в с. Петрово Село, находящемся в отдалении от обозначенного «куста» сел в Южном Градище. Таким образом, определяется очень небольшой хорватский анклав в Венгрии, где персонаж *trut* активно бытует, и, очевидно, поверья о нем сфор-

¹⁷ В восточной Сербии в этом случае обращались к птицам, например, вороне, подробнее см. [Ђорђевић 2002: 98].

¹⁸ Ср. то же у бургенландских хорватов-чакавцев Австрии [Плотникова 2016: 154].

мированы под влиянием местной традиции соседствующих немецких сел, в которой аналогичный персонаж, «давящий», «мучающий» людей, фигурирует как *die Trud*, а также и *der Druck*, см. былички и рассказы в сборнике венгерского ученого К. Гаала [Gaál 1965: 35, 38], собравшего и опубликовавшего нарративы из Южного Бургенланда на территории Австрии.

Большинство текстов о «труте» в сборнике К. Гаала записаны в австрийских населенных пунктах (селах и небольших городах): Ротентурм, Унтерварт, Зигет, Шлайнинг в той же южной области Бургенланда, где по соседству находятся и градищанскохорватские села Стиняки и Чайта, причем Чайта – уже в непосредственной близости от приграничной Нарды и следующих за ней вдоль современной австрийской границы сел Горни Четар и Хорватские Шице. Все эти нарративы находятся в одном разделе «Trud und Hexendruck» т. е. букв. «Трут и давление¹⁹ ведьмы» [Gaál 1965: 35–40]. Практически все былички основаны на якобы достоверных событиях, связанных с рождением ребенка и нападением на него и роженицу опасного персонажа «трута», который высасывает ребенка, отчего у него набухает грудь, а у кормящей матери пропадает молоко. Особое внимание в быличках уделено оберегам от «трута»: рисованию креста на двери, втыканию складного ножа в дверь и т. д. Сам персонаж рисуется либо как некий злой дух или привидение, садящийся сверху на грудь или нависающий над роженицей, либо как наваливающаяся на человека реальная женщина из соседнего двора, которую можно позвать, чтобы она пришла на другой день за каким-либо предметом (например, корытом), и таким образом распознать и тем самым обезвредить ведьму.

Былички и устные сообщения о поверьях, записанные нами в хорватских селах венгерской части Бургенланда, достаточно определены в отношении данного персонажа. Очень часто о нем рассказывают наряду с ведьмой, способы защиты – аналогичны превентивным мерам против прихода ведьмы. Так, собеседники из с. Нарда говорили: *Kod nas je bila viška. Pa onda trut. Trut je gnjavio, i onda – petorokrug, pentorogram, samo ga nacrtaj. Mora ocrtati na vrata: od jedne točke idete i onda ovako, moraš nacrtat, i onda on se pobludi, ne zna unutra* «У нас существовала “вишка”. И еще “трут”. “Трут” да-

¹⁹ Нем. *der Druck* – «нажатие, давление, прессинг», ср. также перевод немецкого глагола *drücken* на градищанскохорватский как *gnjaviti*, т. е. «давить, мучить» [DBKW: 145].

вил, и тогда круг с пятью углами, пентограмму – только нарисуй (и существо исчезнет). Должен (человек) нарисовать на двери: от одной точки вести черту и вот так, и он тогда заблудится, не сможет проникнуть внутрь (HŠ).

Приведем диалог собирателей с информантом из того же села Кристиной Хош (НК):

АП: Kad je žena, onda su govorili viška, a kad je muško? / Если женщина, то говорили, что она «вишка», а если – мужчина?

НК: Pak su mogli rieć da je *trut*. / Тогда говорили: «трут».

АП: Šta bi *trut* mogal? / Что «трут» может натворить?

НК: Nesriću mogal bi narihnat, ne. Debeli človik, jak. Toga su mogli tako rieć... / Несчастье навлекал. Толстый человек, сильный. Этого так называли...

АП: A *trut* se isto nako mogal obrnut na mačku? / А «трут» так же (как и ведьма) превращался в кошку?

НК: Da, mogal obrnut na černu mačku, da. / Да, превращался в черную кошку, да.

АП: Da li je bilo štorica, da u noći, da gnjavi? / Были ли рассказы, что ночью давит?

НК: Gnjavi! Mogli su rieć da tako jako gnjavi da nisu mogli do oduhe. / Давит! Говорили, что так сильно давит, что нельзя вздохнуть.

АП: То u noći? / Это ночью?

НК: Da, da. / Да, да.

В данном случае персонаж «трут» выступает мужским аналогом ведьмы. Его представляют как большого, сильного мужчину («в черном», «в темных одеждах»), внезапно появляющегося в проеме двери или на улице. При этом не всегда можно было точно понять, идет ли речь о реальном человеке со сверхъестественными характеристиками или о призраке, «активном» ночью.

Особого внимания заслуживают мифологические действия, которые ему приписываются: давить на грудь мужчинам или парням ночью (*trut gnjavi* «трут давит» – с. Нарда, *trut me je zmučil, gnjavil* «трут меня измучил, задавил» – с. Хорватские Шице) или вызывать помутнение рассудка у спящих до такой степени, что ночью все перессорятся и передерутся (во время экспедиции записан нарратив о ночевавших в одном помещении парнях в с. Хорватские Шице), – которые во многом сродни действиям ведьмы и моры в южнославянских регионах.

В книге о селе Хорватские Шице на венгерском языке данный персонаж описывается в отдельной главе: «Поведение человека, отличающееся от поведения обычных людей, особенно непривычное, непонятное для них, было знаком того, что в этом человеке живет злой дух. Если о человеке говорили, что это *trut*, то его старались избегать, поскольку он обладал вредоносными свойствами. Тем, на кого *trut* сердился, он во сне причинял страдание. *Trut* ночью, в новолуние, покидал свое тело и так ходил среди людей. <...> Он входил в дома через закрытые двери и там превращался в какой-нибудь предмет <...>. Защититься от него можно было при помощи молитвы и окуривания освященными растениями» [Horvátlovö 2015: 194]. Отмеченные в этом обобщающем описании черты персонажа – покидать тело ночью и затем проникать через закрытые двери, совершая вредоносные действия, – типичный южнославянский мотив, приписываемый ведьме, море (а также ряду других карпато-балканских персонажей-«двоедушников»). Южнославянская *mora*, проникающая ночью к мужчинам и давящая на них во сне, – своеобразный женский двойник мужского персонажа *trut*.

Учитывая, что села Нарда, Горни Четар и Хорватские Шице на территории Венгрии расположены вперемешку с селами с немецким населением, заимствование из немецкого *Trud* ‘наваливание ведьмы на спящего человека’ вполне объяснимо. С. Бузолич, опираясь на сведения К. Гаала [Gaál 1965: 35–40], добавляет и градишанскохорватскую форму *dрут* из немецкого *Hexendruck* ‘наваливание (букв. давление) ведьмы’ как известную в Южном Градище [Vicolić 2018: 16]. В данном случае уместно обратиться к аналогичным словенским этнолингвистическим материалам и данным лингвистических словарей. Так, в этимологическом словаре Ф. Безлая находим прямые свидетельства о заимствовании лексемы *truta* в значении ‘мора’: *truta-mora* ‘мифическая сущность, которая ночью сосет грудь младенцев, ложится на взрослых и их давит’ из немецкого *Trute* ‘ночное существо, ведьма, мора’, точнее – из баварского австрийского, верхненемецкого и т. д. (подробнее см. [Bezljaj 2005: 241–242]), в словенских фольклорно-этнографических источниках соответственно: словен. *truta, truta-mora* ‘мора (мифический персонаж, давящий на грудь человека ночью)’ [Krek 1886], там же и связи с западнославянскими мифологическими персонажами.

Особо следует отметить, что в селе Горни Четар персонажу «трут» приписываются характеристики славянского «блуда» (ср. типичные функции «заставлять человека терять дорогу, блуждать») целого ряда мифологических персонажей, в том числе карпатских, польских, чеш-

ских, словацких и т. д. [Будовская 1995: 198]). В этом местечке был записан нарратив о событиях Первой мировой войны: тогда, если дивизия оказывалась в окружении, говорили, что *trut* завел солдат в ложном направлении, причем диалог с двумя собеседниками (пожилым Элеком и его сестрой Каталин) начинается с того же противопоставления по гендерному признаку:

КК: *Ona je viška, a on je trut.* / Она ведьма, а он трут.

КЕ: *Muž je bil trut. A žena je bila viška.* / Мужчина был трутом. А женщина была ведьмой.

АП: *Da li ste čuli da trut davi, trut gnjavi?* / Слышали ли вы, что трут давит, душит?

КЕ: *Takova nisu. U boju da su bili truti, u prvom boju...* / Такого не слышали. На войне были труты, на Первой войне...

КК: *U prvom svetskom ratu su bili truti, on je bio i verovao u tome da vojnu jedinicu (zgube) u ratištu, onda je to trut napravio. I pola njih poginuli zato.* / Во время Первой мировой войны были труты, он (дед) был и верил в то, что когда воинское объединение (погибало) в битве, то это сделал трут. И половина из них погибли из-за этого.

КЕ: *On je verovao, u prvom boju, on je bio gusar.* / Он верил, в Первую мировую, он был солдатом.

КК: *Nije bilo ženskih, onda sve sto je bilo zlo i loše, onda truti radili. Ako se nešto dogodilo da nije bilo pljivo ili se nije znalo, i loša stvar, onda je to trut bil.* / Не было женщин, и тогда всё злое и плохое (на войне) учиняли труты. Если что-то происходило, что невозможно было объяснить и узнать, плохое дело, тогда приписывали труту.

Несколько иные коннотации рассматриваемый мужской персонаж обнаруживает в с. Хорватские Шице:

МГ: *A, za trud smo čuli. Kaže, Majšićev je bil trut. Ta se nije uženil, ja sam mogla čut, od oca povijedat, da su mogli dojt do oca tovaruši, al' što to bilo prlje, dičaki nisu spali unutri, u stanu al' u štali, a kade vani prek oslice kad je moglo vruće bit. "Friško, friško bilo, pa tuš friško bilo!" Onda je mogal trud na dičake, onda su ga mogli dobro stípat...* / А, про труда мы слышали. Говорят, Майшич был трудом. Он не женился, как я слышала от отца, когда к нему друзья приходили, но это было раньше, когда парни спали не внутри, в доме или в прихожей, а в сарае, снаружи, когда жарко было. «Прохладно, прохладно там было!» Тогда труд на парней (нападал). А они его крепко избивали...

KG: Tome su govorili da je trud. / Про этого говорили, что он труд.

MG: Malo kad je mogal nutra dičakom. / Внутри он мало когда мог навредить парням.

KG: Kad je neko u noći došal, znam da su mu govorili: “Došal je ko trut”. Pak: “Ideš ko trut”. / Когда кто-нибудь ночью приходил, знаю, что ему говорили: «Пришел, как трут». Или: «Ходишь, как трут»²⁰.

Далее собиратели просят то же самое кратко сказать на венгерском:

ДВ: [Правильно ли я поняла, что этот трут не был женат?]

KG: [Да, он не был женат, он любил мужчин, голубой, да.]

MV: Mitlina deda odi vani na trnacu, “da ti mogal spat”, kad je vruće bilo untri. ... “Onag me je zmučil, ja domou, nek je z materom, tolik me je zmučil!”
Trut. / Митлин дед уходил спать в сени, «чтобы выспаться», когда жара была. ... «Так меня замучил, я – домой, лучше с матерью, так меня замучил». Трут.

MV: Takav je mužejam išal. Mužéjam! Da tera muže. Takej je gnjavil. / Такой к мужчинам ходил. К мужчинам! Чтобы на мужчин нападать. Давил он их.

АП: Na grudi? / На грудь (ложился)?

MV: Da, da! / Да, да!

АП: Mogao i žene? / А женщин мог (давить)?

MV: Niš to. Za žene nisam čula / Нет. Про женщин не слышала.

В заключение краткого очерка о достаточно сложном переплетении функций мифологического персонажа и его заимствованного наименования²¹ отметим, что мотивы инициации «моры» и связанные с ними эротические сюжеты хорошо известны южным славянам в западной части Южной Славии. На этом фоне *trut* как мужской персонаж и аналог «моры» у хорватов Южного Градища приобрел дополнительные черты исключительно мужского персонажа, и уже на эти представления, возможно, наложились и новые веяния о гомосексуализме,

²⁰ В данном случае и этот мифологический образ вписывается в контекст фразеологического оборота, при этом учитывается именно ночное время его появления.

²¹ О специфике демонологических сюжетов в кросскультурном пространстве как универсальном способе заимствования и отождествления (или противопоставления) своей традиции см. [Белова 2005: 219–231], где рассматриваются «демонологические» универсалии в локальной традиции, а также «перевод» имен, сюжетов и мотивов.

свойственные духу времени в постсоциалистической Венгрии – как показано выше, в Первую мировую войну «труту» приписывалась функция истреблять воинские подразделения, заводить дивизии в тыл противнику, т. е. то зло, которое случалось во время войны, тогда как в повседневной мирной жизни несчастья якобы творили «ведьмы».

* * *

Как видим, в народных представлениях градищанских хорватов Венгрии и Словакии, связанных с так называемой низшей мифологией, до последнего времени сохраняются архаические черты, показывающие, во-первых, общность «австрийских» и «венгерских» хорватов Градища, во-вторых, их связь с первичной территорией проживания (юго-западной Хорватией), в-третьих, – связи со словенско-хорватским пограничьем в целом. Кроме того, можно говорить о сходстве признаков мифологических персонажей в западной части Южной Славии (у хорватов и словенцев) и у западных славян (чехов и словаков), что показывают функции «вил», связанные с выпеканием хлеба и советами земледельцам (подробнее об этой параллели см. [Плотникова 2022: 209–224]), представления о душах умерших, несправедливо измерявших землю, и др. Влияние соседствующих иноэтничных и иноязыковых традиций также очевидно, но не преобладает в силу многовекового стремления отстоять идентичность собственной славянской традиции в языке и культуре. Так, например, у градищанских хорватов Венгрии практически не встречается сюжет о демоне-обогатителе, характерный не только для всего венгерского ареала (и конкретно – в западной Венгрии), но и для Карпат в целом.

Так, в книге градищанскохорватских и венгерских быличек из долины Репче одним из ключевых персонажей в венгерской части является дух-обогатитель. Здесь он называется *ördög* ‘черт’, слово считается исконно венгерским, не заимствованным, при этом этимология данного слова в венгерском языке туманна. Черт-обогатитель появляется из огромного черного яйца от черной курицы, может выглядеть как черный цыпленок. Он также появляется в облике карлика, его носят в коробочке. Обычно черт-обогатитель делает все за хозяина, его необходимо постоянно загружать работой; вместе со смертью хозяина погибает и его демонический помощник. В общем виде распространение наименований духа-обогатителя в Венгрии можно представить следующим образом: *ördög* «черт» известен на западе Венгрии (там

же отмечен германизм *mandli*) вместе с более сложной номинацией *földi ördög* (досл. ‘земляной чёрт’), на юго-западе встречается также латинизм *piritus*. На севере венгерской языковой территории (юг Словакии) наблюдаются термины *iglic*, *ihlic*, в центре Венгрии – звукоподражательный термин *mitmitke*, досл. ‘цып-цыпчик’. Наконец, на востоке и юго-востоке страны для духа-обогатителя известно наименование *lidérc*, *ludérc*, исконно венгерское слово, происхождение которого остается на данный момент неясным.

Представленная картина народной мифологической традиции у хорватов Градища в Венгрии свидетельствует о своеобразном центре – Среднем Градище, – где наблюдаются практически все сюжеты, либо связывающие его с севером (*viška*, *vila*, *zmaj*, *ognjeni [čovek]* в значениях «тяжелый огонек, севший на повозку» или «змея-дракон»), либо же с югом (*viška*, *ognjeni* и *sviče* в значении «неправедные души землемеров»). Наличие известных в Среднем Градище архаических персонажей (*viška*, *vila*, а также *zmaj / šarkanj*) вместе с приписываемыми им характерными действиями, ипостасями, локусами и иными признаками, можно считать типичной мифологической чертой рассматриваемой традиции, при этом изолексы и изодоксы могут связывать «долинцев» как с «полянцами» и «хатами», так и с «южными чакавцами» и «штокавцами», см. карты 11 («Вила и мотивы выпечки хлеба...»), 10 («Наименования ведьмы»), 13 (названия мифологических персонажей с семантикой ‘огонь, свеча, лампа’ и их генезис). Более локальным и обособленным следует признать Южное Градище («южных штокавцев»), характеризующееся наличием неизвестных в других градищанских зонах персонажей (*trut*, *želizna baba*), а также отсутствием сведений о персонажах *vila* и *zmaj*. Отдельные признаки, не встречающиеся в других регионах, выделяются у «хатов» (Северное Градище) в Словакии (название водяного из Дуная под влиянием немецкой традиции, ведьм – *bosorke* наряду с *viške* под влиянием словацкой традиции и др.).

Глава III

Анализ письменного источника начала XX века: градищанскохорватская частная переписка

ВВЕДЕНИЕ

Многоплановость собранного нами полевого материала, связанная со сложной этнокультурной ситуацией хорватов венгерского Градища, позволяет и даже делает необходимым включить в круг рассматриваемых вопросов диахроническое измерение, когда на примере конкретных текстов, созданных жителями с. Чуново, мы можем проследить трансформации в языке и культуре анклава. Выбор конкретного населенного пункта связан с тем, что именно в северной части венгерского Градища произошли наиболее существенные изменения: данная территория на протяжении XX века неоднократно меняла государственную отнесенность. В контексте перемен, произошедших вокруг Чуново, тем более актуальным оказывается изучение динамики языковой ситуации в селе, и в данном случае ценным языковым материалом оказывается частная переписка жителей села. Отметим, что частная корреспонденция начала прошлого века может рассматриваться и как определенный этап в становлении одного из славянских литературных микроязыков¹, находящихся в непосредственном окружении неродственных, но приоритетных языковых идиомов. Интересны также социолингвистический, этнолингвистический и фольклорный аспекты текстов рассматриваемых писем².

---

¹ Подробнее об этой проблематике см. [Дуличенко 1981].

² Исследования частной корреспонденции российскими учеными велись и с точки зрения лингвистических особенностей (см., например, [Козлова, Сандомирская 1997]), и с точки зрения традиционной народной культуры (см. [Лурье 1993; Бутов 2018] и др.). Кроме того, в настоящее время речь жителей славянских

Из всего спектра возможной проблематики мы хотели бы особо сосредоточиться на трех направлениях исследования: это проблематика заимствований в письмах, передача локальных топонимов, а также фиксация в частной переписке явлений традиционной духовной культуры. Первые два вопроса представляют особую ценность ввиду упомянутых социально-политических изменений и особенностей истории развития градищанскохорватского литературного микроязыка, для которого включение немецких заимствований (или их редукция) играет важную роль на протяжении последних двух столетий) третье позволяет отследить динамику терминологии традиционной культуры в соотнесении с нашими полевыми данными.

Хорватское село Чуново (хорв. *Čunova*, венг. *Dunavcsún* или *Csún*, нем. *Sarndorf*)³, жители которого являются авторами данных писем, расположено в Градище или Бургенланде, где уже более 500 лет проживает хорватское население. Наименование исторической области на востоке Австрии и западе Венгрии *Burgenland* («Край замков») связано с немецкими названиями административно-территориальных единиц (комитатов) исторической Венгрии, содержащими слово «замок» (*Burg*): Шопрон (*Ödenburg*), Ваш (*Eisenburg*), Мошон (*Wieselburg*) в дотрианонскую эпоху. В настоящее время эта некогда единая историческая область оказалась поделена между тремя государствами. По Трианонскому соглашению большая часть Градища отошла к Австрии, меньшая – к Венгрии, наконец, после Второй мировой войны, в 1946 году, территория, на которой расположены два хорватских села, была передана Словакии – одним из этих сел и является чакавское (по особенностям говора) Чуново (второе – тоже чакавское Яровце – расположено по соседству, в 7 км к северо-западу).

Население Чуново насчитывает, по данным переписи 2011 г., 1010 жителей, из них 778 словаки, 124 хорваты, 66 венгры, т. е. хорваты составляют лишь одну десятую жителей села.

анклавов рассматривается и на материале дневникового жанра [Ровнова 2015; Ровнова 2022; Пилипенко 2021; Пилипенко, Лагно 2021].

³ Подробнее о полевым этнолингвистическом исследовании села см. [Плотникова 2018]. Название села самими жителями справедливо трактуется как производное от *čьlnь ‘челн, средство переправы через воду’ [см., например: Фасмер 1973: 327; ЭССЯ 4: 142]. Венгерское наименование отличает от хорватского первая часть, обозначающая протекающий вблизи Дунай: *Dunavcsún*; немецкий топоним содержит вторую часть *-dorf* ‘деревня’: *Sarndorf*.

Культурно-языковую специфику села Чуново определяет тот факт, что в середине XX века оно сменило свою административно-территориальную отнесенность и, кроме того, формально вошло в черту столицы Словакии Братиславы как один из районов. При этом в значительной мере были прерваны прежние контакты жителей с немецким окружением: ближайшими к Чуново населенными пунктами, с жителями которых чаще всего контактировали хорваты, были немецкое село Рагендорф (*Ragendorf*, венг. *Rajka*), оставшееся в Венгрии, и немецкое Росвар, (*Rosvar*, венг. *Oroszvár*, слов. *Rusovce*), которое также вошло в состав Словакии, однако значительная часть немецкого населения была оттуда депортирована.

Анализируемый источник [Maász, Mallinerits 2017] был издан потомками главного героя писем – Яндре (Андрея) Стефанчича, который родился в 1887 году в Чуново. Письма охватывают период с 1909 по 1918 г.: сначала Яндре служит в армии, затем на короткое время демобилизуется в родное село, где женится, – после чего оказывается вторично призван уже на фронт Первой мировой войны, откуда впоследствии благополучно возвращается. Авторами писем являются: Яндре Стефанчич (*Jandre Stefančić*) и члены его семьи: мать (*Lizlja Stefančić*), отец (*Jive Stefančić*), сестра (*Marica Stefančić*), возлюбленная, а впоследствии жена (*Marica Đrkosić*), а также их родственники и друзья, проживавшие в Пожони и Вене. Объем материала составляет около 400 писем, из них методом сплошной выборки была извлечена интересующая нас лексика, которая в статье рассматривается в достаточно широком лингвистическом и экстралингвистическом контексте.

Для современного градищанскохорватского языка на территории Австрии исследователи указывают в качестве доминирующего языка немецкий, и в качестве доминантных идиомов называются «немецкий (австрийский) стандарт, немецкая разговорная речь, бургенландский диалект, венгерский язык» [Брой, Пила, Шольце 2017: 59–60]. Представляется, что на момент создания писем ситуация была сходной: номинально село входило в венгерскую часть империи, однако обучение в местной школе велось на немецком языке; города, в которые осуществлялись сезонные трудовые миграции жителей Чуново (Вена и Пожонь), также были преимущественно немецкоязычными. Взаимодействие с жителями соседних не хорватских сел также велось на немецком языке, который мог играть роль языка-посредника.

Решения авторов публикации Йохана Мааса и Йозефа Маллинерича, представляющих в книге тексты эпистолярного жанра в современ-

ной орфографии, а также фото оригиналов части писем, интересны с точки зрения современного взгляда на своеобразие градищанско-хорватского языка и особенностей орфографии начала прошлого века, о которой сами авторы книги пишут: «частично венгерская» [Maász, Mallinerits 2017: 52], но, к сожалению, в ряде случаев при публикации заменяют на современную градищанскохорватскую. Издание писем состоит из трех разделов: I, II, III – по периодам отсутствия дома главного героя, в каждом разделе нумерация начинается заново. Поэтому при цитировании нами приводится римская цифра – номер раздела, далее арабская – номер письма в разделе, далее – дата написания.

На момент создания писем Чуново насчитывало 688 жителей и находилось в составе Австро-Венгрии. Номинально село входило в венгерскую часть империи, однако располагалось в непосредственной близости от австрийской части, точнее на границе венгерской и австрийской частей. Недалеко от с. Чуново (порядка 50 км) находится Вена, которая на тот момент была столицей и австрийской части, и всей Австро-Венгерской империи. Фактически с. Чуново находилось в центре треугольника, который образовывали города Вена, Пожонь (Прессбург) и Шопрон. Вена (венг. *Bécs*, нем. *Wien*, с.-х. *Beč*) в 1910 г. была крупным мегаполисом с двухмиллионным населением: согласно переписи, ее население составляло 2 083 630 жителей и было преимущественно немецким. Пожонь (венг. *Pozsony* < лат. *Posonium*, нем. *Pressburg* < трансформированное слав. *Breslav*; топоним *Bratislava* появился только в 1921 г. – после того как город стал столицей новообразованной Словакии в составе Чехословацкой республики – и является «реконструкцией» славянского названия города) в 1910 г. насчитывал 78 229 жителей и имел смешанное население: 32 790 жителей – немцы, 31 705 – венгры, 11 673 – словаки, 1 242 – чехи, 351 – хорваты и 115 – поляки. Как видим, население города было преимущественно немецко-венгерским (примерно пополам), при этом в городе была словацкая прослойка и небольшая хорватская диаспора, в основном родственники жителей окрестных сел, которые имели в городе постоянную работу. Шопрон (венг. *Sopron* < лат. *Scarbantia*, нем. *Ödenburg*) в 1910 г. насчитывал 33 931 жителей и точно так же, как Пожонь, имел смешанное немецко-венгерское население: немцы составляли 51% жителей, венгры – 44, 3%. Соответственно, один из этих трех городов был преимущественно немецким (Вена), а два других имели смешанное немецко-венгерское население (Пожонь, Шопрон), хорватские диаспоры были представлены в Вене и Пожони.

В начале XX в. вся территория нынешней Словакии входила в состав Австро-Венгрии, при этом юг современной Словакии был заселен преимущественно венграми. Кроме того, с севера Чуново ограничивает Дунай, ввиду чего контакты жителей с венгерским и словацким населением, живущим по ту сторону реки, были существенно редуцированы и осуществлялись лишь на уровне общения со словацкими сезонными рабочими. В непосредственной близости от села располагались немецкие села Рагендорф, Росвар, Дойче Яндорф, некоторая часть немецкого населения проживала также в самом с. Чуново. Ближайшим хорватским селом к Чуново являлся Яндроф (соврем. словац. *Jarovce*). При этом следующее по той же дороге и ближайшее к Пожони немецкое село Энгеру / Аудорф (в настоящее время район Братиславы – Петржалка) в письмах вообще не фигурирует. Еще одной важной особенностью локальной социально-исторической ситуации является тот факт, что в непосредственной близости от с. Чуново проходила железная дорога Пожонь – Вена. В самом Чуново станции не было, однако в соседнем Росваре (соврем. словац. *Rusovce*) железнодорожная станция на момент создания писем активно функционировала (и сохраняется до сих пор), главным образом через нее осуществлялось сообщение чуновцев «с большим миром».

Отметим также, что примеры из писем часто опираются на предыдущие знания о событиях, людях и локусах, которые известны переписывающимся изначально, поэтому специально в письмах, разумеется, не оговариваются. Из-за этого переводы примеров на русский могут отражать двоякое понимание антропонимов (к примеру, если упоминается только фамилия: контекст не всегда дает возможность понять, речь идет о мужчине или о женщине). Нельзя не обратить внимание и на стиль эпистолярного жанра начала XX в. в письмах градищанских хорватов: витиевато-уважительное обращение родственников друг к другу в начале и конце писем (*dragoljubljeni sin* «горячо любимый сын» и под.); подробнее см.: [Плотникова, Ващенко 2019]. Письма пестрят германизмами – существительными и глаголами, которые оформлены по правилам славянской речи, например: *dostao 4 dni urlauba* «получил четыре дня отпуска»; *takov ruml* «такая шумиха»; *prosim sada probirat* «прошу теперь попробовать» и др. Очень частотное слово *takaj* ‘тоже, также’, что связано с тенденцией писать о фактах, людях, событиях, которые были бы интересны респонденту; во многих случаях подобные примеры представляют собой часть диалога, ответы на предыдущую информацию, полученную от респондента.

III. 1. ГРАФИКА, ОРФОГРАФИЯ И ИНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПИСЕМ

Спецификой анализируемых текстов является тот факт, что их графическая интерпретация полностью определяется авторами, которые принадлежат к иному поколению, существующему в рамках другой языковой ситуации и соответственно, иной орфографической традиции. Поэтому, предваряя основной анализ, мы отдельно остановимся на особенностях графики писем, о которой мы можем судить, во-первых, по отдельным фрагментам текстов, приведенным в книге в виде фотокопий, во-вторых, на основании косвенных свидетельств о языковой компетенции респондентов, в том виде, в каком они сами пишут о ней.

Так, в письмах сохраняются старые венгерские диграфы – диграф *cz* был официально заменен на *c* лишь после 1926 г., поэтому последовательно фиксируется *otacz (otac)*, *Maricza (Marica)*. Кроме того, можно наблюдать и другие черты венгерской орфографии при передаче лексем градищанскохорватского языка:

1. Передача [ɫ] через *ly*: *dragolyublyeni, pohvalylen (dragoljubljeni, pohvaljen)*;

2. передача [č] через *cs*: *csuda, csa, csemern csas (čuda, ča, čemern čas)*;

3. передача [s] через *sz*: *piszat, dosztat, szeda, vasz (pisat, dostat, seda, vas)*;

4. передача [š] через *s*: *jos, znas, nepises (još, znaš, nepišeš)*;

5. передача [ž] через *zs*: *zselyim, zsito (želim, žito)*.

Ср. также фразу, где отражены все эти особенности: *vašemu Kerstnomu Patronu od szerca zselyim jos csuda let odživiti (vašemu Kerstnomu patronu od serca želim još čuda let odživiti)* «вашему крестному сердечно желаю много лет прожить». Отсутствующий в венгерском языке звук [č] обычно передается в письмах как *ch*: *chacha, na kipichi, kumich (čaća, na kipići, kumić)*.

Последовательность при передаче градищанскохорватской фонетики средствами венгерской орфографии несколько варьируется у разных участников переписки: наиболее последовательно венгерскую норму правописания соблюдает сестра Я. Стефанчича. Отец Я. Стефанчича транслитерирует по-венгерски звуки [ɫ], [č], [č], [sz] и [ž], тогда как [c] и [š] представлены у него в немецкой орфографии: *Mariza, szerzem, otaz (Marica, sercem, otac)*; *zaverschim, kaschalý (zaveršim, kašal)*. Ср. также в письме отца в устойчивой эпистолярной формуле того времени *Pohvalylen Jezus Krisztusch (Pohvaljen Jezuš Kristuš)* [ɫ]

передается как *ly* в соответствии с венгерскими правилами, при этом второе *sh* написано не в венгерской, но в немецкой орфографии.

У матери, в свою очередь, наблюдается частичный отход от тогдашней венгерской нормы и близость к фонетическому принципу письма. Так, в письме матери мы видим: *Dragoljubno dite; ljudi; krumplje; pri kanalju* ([lʲ] передано через *lj*, но не через *ly*).

Несмотря на то, что [s] по большей части передается в идиостиле матери венгерским диграфом *sz* (ср. *niszmo, piszmo, piszat, szkupa*), в тех же текстах представлены смешанные случаи вида *na szinakosi* (*na sinakosi*), где первое [s] написано по венгерским правилам как *sz*, в то время как второе уже передается через *s* («как слышится»). К смешанным случаям относится также форма *zseljili*, где *zs* соответствует нормам венгерской орфографии, а [lʲ] опять-таки обозначено посредством *lj*, а не *ly*.

Передача мягкого [ć] здесь максимально варьируется: в одних словах оно, как и твердое [č], передается венгерским диграфом *cs* – ср. *cser* (*čer*), в другом случае оно в слове *czes* (*ćeš*) записывается через *cz*, т. е. смешивается графически с [c], в том же тексте мы находим форму того же глагола, записанную как *cheju* (*ćeju*), то есть [ć] также может передаваться как *ch*, ср. также *chuti, moguche, (lahku) noch*.

Предлог *va* мать записывает как *wa*, т. е. в немецкой транслитерации. Точно так же пишется *wam* (*vam*).

В свою очередь, у сына (Я. Стефанчича) в период его пребывания на службе в Боснии наблюдается постепенный отход от венгерской орфографии и переход на сербскохорватскую, ср. уже в письме конца 1912 г.: *vojsko, deržat, jasam, šopron* (а не *vojszko, derzsat, jaszam, Sopron*, как ранее); в его последних письмах венгерская норма фактически остается только в составе устойчивых формул, обращений (например, *Preljubljeni Sztarji i mila szeszticza*, где [lʲ] написано в хорватской орфографии, а [s] и [c] – в венгерской).

Использование венгерской графики парадоксальным образом не связано с активным знанием венгерского языка, ср. две цитаты из писем матери, свидетельствующие о том, что как минимум в семье Я. Стефанчича не говорили по-венгерски, так что им приходилось обращаться к учителю либо к односельчанам: *Čer smo opet pismo dostali i jur večer no a to je vse po ugersku, tr sam šla gospodinu*. «Вчера мы снова получили письмо, оно все было по-венгерски, так что я пошла к господину (учителю)»; *Dostali smo ga 22. i tu zaprtu hartu onda tr te prosimo, neka nam zamirit, mi jim ne moremo odgovor pisat, kad je to po*

ugersku pisano, a mi ne znamo štat a drugomu se ne ufamo dat. Teta Katica Maászova su štali, tr su rekli, da je to Veterica pisala. «Мы 22 числа получили и эту запечатанную открытку, но пусть простят нас, мы не сможем им ответить, поскольку она написана по-венгерски, а мы (на нем) читать не умеем и другому не осмелимся дать. Тетя Катица Маас прочитала, она сказала, что это писала Ветерица». При этом учителя в местной школе могли быть венграми: *Va školu je došla lererica doklje, a ta je ugrica.* «В школу приехала новая учительница, и она венгерка».

В основном массиве текстов писем, которые были переписаны составителями уже с применением норм хорватской орфографии, в оригинальном написании сохраняются лишь топонимы, о которых речь подробно пойдет ниже, а также названия улиц при указании адресов и указания адреса Яндре во время несения военной службы, напр.: *6 Marschkump, X Heimaker Schtab; Vörösmagyigasse; Trais Division 12, Stalcug 2, Nagyszeben.*

Впрочем, и здесь мы видим смешение графических систем: *Wašuti Internatus Segedin* с немецким *W* в начале слова; *Vörös kereszt korház*, где в слове *kerest* [s] передается посредством *s*, а не венгерским диграфом *sz*.

Отдельно остановимся на варьировании имен и фамилий в текстах писем. Так, имена респондентов чаще всего имеют два варианта – в немецкой орфографии / в венгерской либо в венгерской / хорватской, при этом варианты соотносимы по числу вхождений. К примеру, двоюродная сестра Яндре подписывается то как *Agnes*, то как *Agnesz S.* с финальным венгерским *sz* [s] в имени. При этом в самих письмах ее называют или *Agneška*, или *Agneska*, *Agnes* (без диакритики). Точно так же респондент по имени *Djulo (Puhović)* называет себя то *Djulo*, то *Gyulo* с венгерским *gy* [dʲ].

Хорватские фамилии с финальным [ć] варьируются в письмах довольно широко. Так, мы находим *ch*, когда фамилия записывается в рамках старовенгерской орфографии (*Andreas Gregorich, Liza Werdenich, familija Gregorich*), при этом данный вариант финали не предполагает варьирования с хорватской орфографией. Также может быть представлено *tz*, в частности, респондент по имени *Šime Kovačić* может подписываться как в хорватском варианте, так и в комбинации «хорватское имя / фамилия с немецкой финалью» *Šimon Kovasitz* или *Šime Kovasitz*, в последних письмах вся фамилия целиком записывается в рамках немецкой орфографической нормы, т. е. как *Šimon Kovaschitz*. Жена Яндре подписывает свои поздние письма с немецкой

передачей финали, а имя Marica заменяет на *Marie*, т. е. вместо *Marica Drkosić*, мы можем наблюдать *Marie Derkositz*. Наконец, допустима запись *ts: Djulo Puhovits*, а также *Štefan Šutrić / Stefan Schuttrits*.

Максимальной вариативностью отличаются наименования самого Яндре, при этом конкретный вариант во многом связан со временем создания письма. Так, в ранних текстах Яндре подписывается либо инициалами *J.Št., J.Š., J.S.*, либо именем *Jandre*, либо в варианте *Jandre Stefansich*. Далее начинают появляться варианты с финалью *tz: Jandre Stefansitz*, также с немецким вариантом имени, *Andreas Stefansitz / A. Stefansitz*. В письмах начиная с 1915 года практически повсеместно, за исключением трех случаев, употребляются варианты с немецкой передачей [ć] через *tz* и с немецким триграфом *sch* для [č] в предыдущем слове, т. е. формы *Stefanschitz* (29 раз), *A. Stefanschitz* (28 раз), *Jandre Stefanschitz* и *Stefanschitz András* – в последнем случае мы видим, во-первых, венгерскую последовательность «фамилия + имя», а во-вторых, венгерский вариант самого имени, т. е. *András*. Примечательно, что в таком же варианте указывает свою фамилию отец Яндре, подписываясь как *J. (Jive) Stefanschitz*. При этом в последних письмах снова возникает финаль *ch: J. Stefansich / A. Stefansich / Stefansich A*.

В написании имен собственных в письмах обнаруживается тем самым конкуренция хорватской, венгерской и немецкой орфографических норм с преобладанием немецкой – в частности, при записи фамилий (за исключением финалей) предпочтение чаще всего отдается именно немецкой орфографии.

Далее при цитировании фрагментов писем нами приняты следующие обозначения их авторов: AG – Ana Gregorić, AS – Agneš Stefančić, FB – Ferenc Brdenić, GL – Georg Lang, JaG – Jandre Gregorić, JiG – Jive Gregorić, JK – Jive Klemensić, JS – Jandre Stefančić, KP – Katica Puhović, KŠ – Katarina Štefančić, KV – Katarina Varoš, M – мать Яндре, Lizlja Stefančić, MDr – Marica Drkosić, MDv – Marica Dvornić, MP – Mate Puhović, MS – Marija Stee, KM – Katarina Maász, O – отец Яндре, Jive Stefančić, S – сестра Яндре, Marica Stefančić, ŠK – Šime Kovačić, ŠŠ – Štefan Šutrić, TW – Terezia Windisch. Ссылки на каждое письмо мы приводим только для полнотекстовых примеров, они выстроены следующим образом: раздел, в котором помещено соответствующее письмо (первый призыв Яндре в армию – I (сентябрь 1908 – сентябрь 1911 гг.), второй призыв – II (ноябрь 1912 – август 1913), третий призыв – III (август 1914 – июнь 1918); порядковый номер письма; дата его написания; автор.

III.2. ЗАИМСТВОВАНИЯ (ГЕРМАНИЗМЫ)

В данном разделе речь пойдет о крайне обширном пласте германизмов, которые представлены в письмах⁴. Они были извлечены из текстов методом сплошной выборки, при этом сам процесс составления корпуса германизмов оказывается сопряжен с рядом методологических сложностей. Во-первых, в письмах представлена сильная вариативность лексем: один и тот же германизм может встречаться в четырех-пяти графических видах (особенности графики, испытывавшей также некоторые изменения со стороны редакторов писем, в данной работе не рассматриваются). Второй фактор, с которым также приходится считаться, состоит в том, что в плане частотности эти заимствованные лексемы представлены в письмах крайне неоднородно: они могут появляться в письмах лишь единожды либо иметь значительное число вхождений. В данной главе, в силу ограниченности объема, рассматриваются наиболее частотные германизмы, с числом вхождений более пяти.

В наши задачи входила, во-первых, первичная классификация германизмов по формальным (структурным) критериям и тематическим группам, с последующим соотнесением с современным градищанско-хорватским литературным микроязыком⁵, кодификация которого как литературного языка состоялась во второй половине XX века. Во-вторых, не менее важным для нас являлось сопоставление выявленных германизмов с диалектным материалом прежде всего непосредственно контактирующих с немецким языком славянских говоров: словацких, чешских, словенских, а также и собственно хорватских с первичной территории проживания этноса. Все эти говоры расположены на территории, когда-то входившей в Австро-Венгерскую империю,

---

⁴ Вслед за У. Вайнрайхом и рядом других исследователей мы понимаем заимствование как частный случай интерференции, которая при этом не исключает возможность «последующей перестройки моделей». [Вайнрайх 1979: 22].

⁵ Проводилось сравнение с данными современного градищанскохорватско-немецкого словаря [GHNH], которое показало, что употреблявшиеся в военный период начала XX в. слова и фразеологические обороты в настоящее время вышли из употребления. Следует, однако, отметить и тот факт, что кодифицирующий градищанскохорватский словарь является двуязычным, причем целевой язык перевода в данном случае – немецкий, что априори создает условия для исключения собственно немецких заимствований уже на этапе составления словника словаря.

поэтому интерес здесь представляет установление общности ряда заимствований⁶.

В этом контексте для нас имеют важное значение две фундаментальные работы, посвященные германизмам в славянских диалектах. Западнославянский, конкретнее, чешский и словацкий, материал охватывает монография С. Неверклы о немецко-чешско-словацких языковых контактах, содержащая, помимо прочего, подробный словарь германизмов в чешских и словацких говорах с детальной атрибуцией их семантики и времени возникновения [Newerkla 2011]. Ценным источником данных для сопоставления представляется докторская диссертация С. Жупанич [Županić 2021], охватывающая материал «материковых», т. е. не островных современных хорватских диалектов, находящихся на пограничье с австрийскими: речь идет о говоре города Вараждин. Материал этой обширной диссертации охватывает данные источников со второй половины XIX до начала XXI в. Отметим также и исследование германизмов в говоре Прелога, местечке около г. Чаковец, который находится непосредственно вблизи австрийской границы. Эта работа особенно интересна размышлениями автора, происходящими из его полевых наблюдений над говором Прелога: «германизмы разделяют судьбу старой кайкавской лексики, т. е. постепенно исчезают из живой речи. <...> Некоторые германизмы постепенно отмирают, поскольку большинство говорящих воспринимают их как нечто чуждое и устаревшее, уже практически ушедшее из языка, особенно если речь не идет о германизмах из сферы профессионально-ремесленной лексики...» [Blažeka 2004: 14]. Таким образом, типологически релевантной для «жизни» германизмов в одном из хорватских диалектов становится мысль об осознании его носителями принадлежности данного пласта лексики к умирающему и устаревшему лексическому фонду, что явно присутствует и в случае с соответствующей градищанскохорватской лексикой начала XX в., столь частотной в частной переписке из Чунова и, вместе с тем, отсутствующей в дискурсе села в настоящее время, когда жители, по их собственным словам, свободно говорят как минимум на трех язы-

---

⁶ Проблема общего фонда лексических заимствований в языках народов бывшей Австро-Венгрии рассматривается, в частности, в статье [Newerkla 2007], где автор приводит ряд «австроунгаризмов» в венгерском, чешском, словацком, польском и словенском языках; из русскоязычных работ проблематике центрально-европейской языковой общности посвящен ряд статей С. С. Скорвида [Скорвид 2013; Скорвид 2015] и др.

ках – градищанскохорватском, словацком, венгерском (зап. авторов, 2018 г.).⁷

Теперь рассмотрим основные категории выявленных немецких заимствований начала XX в. в эпистолярном жанре, отражающем устную речь тогдашних градищанцев Чунова и соседних сел.

1. Наиболее обширная группа германизмов – это приставочные глаголы и отглагольные существительные; кроме того, приставка может употребляться изолированно в функции категории состояния. При этом заимствованные глаголы полностью встроены в систему градищанскохорватского глагольного словоизменения: в примерах представлены формы настоящего, прошедшего, будущего времени, а также причастные конструкции; часть глаголов становится в градищанскохорватском языке возвратными и получает возвратную частицу *se*. О подобном явлении для современного градищанскохорватского языка на территории Австрии в качестве сильной ассимилятивной тенденции упоминает, в частности, С. Павишич [Pawischitz 2014]: ее материал, собранный у градищанцев-билингвов в Австрии, показывает, что заимствование немецких приставок сегодня происходит главным образом в контаминации с хорватской глагольной основой, в качестве иллюстрации приводятся примеры типа *auf dujt* «выйти» и под. [Pawischitz 2014: 64].

В формальном плане проблему представляет вариативность приставки: она может заимствоваться исходя из ее написания либо же произношения в немецком языке.

Так, в письмах обнаруживаются глаголы со следующими немецкими приставками:

1.1. Приставка **ab-** зафиксирована нами только в варианте **ob-** и представлена в письмах всего одним глаголом

obnemat (< abnehmen ‘снимать’)⁸. Глагол представлен в составе каузативной конструкции *dat obnemat*, досл. ‘дать снять’, т. е. «(с)фотографироваться»:

- (1) Preljubljeni ovo vam šaljem jednu hartu, kade smo se pri našem celtu ča smo nutri i spimo i prebivamo dali **obnemat** skupa na ti dan, kad smo imali ta svetak, kad smo ti križice dostali. / Дорогие мои, отправляю вам кар-

⁷ Экспедиция 2018 г. А. А. Плотниковой и Д. Ю. Ващенко состоялась в села Чуново, Яровце и Русовце, подробнее см. главы I, II.

⁸ В вараждинском говоре зафиксированы лексемы *abnemati*, *abnemanje* в значении ‘сфотографировать’, ‘фотографирование’ [Žuranić 2021: 185].

точку, на которой мы сфотографировались возле нашей казармы, где мы и спим, и живем, в тот праздник, когда мы получили эти кресты. (II.61. 27.07.1913, JS)

- (2) Pak zna sidit sam čuo, da je bio fotografist Čunovi. Ste niste dali *obnemat*? / Я слышал, что в Чуново был фотограф. Вы не стали сниматься? (III.191. 11.10.1917, JS)

1.2. *auf-*

aufcigat (< aufziehen ‘указывать’):

- (3) Pak preljubljeni starji mi je Stefe povidao, da su Gregorićevi pogorili, čuli smo veljek tretí dan po ognji, da je bio Požonji oganj i da je va ti placa gorilo i sam si veljek domišljao, da su morali pogorit, će moć sada kuma dobre satne *aufcigat*, meni ništ ne pišu, jur sam jim tri pute pisao a sada ne znam njihov adres. / Дорогие родители, Штефе сказал мне, что Грегориичи стали погорельцами, мы услышали на третий день после пожара, что во всей Пожони был пожар и конкретно в их районе, и я подумал, что они, должно быть, погорели, кум должен как-то проявиться, мне они ничего не пишут, хотя я им уже три раза писал, а их нового адреса я не знаю. (II.48. 02.06.1913, JS)

aufcvikat (< aufzwicken ‘будить’), здесь в значении «подцепить, заинтересовать», в следующем примере представлены сразу два заимствованных приставочных глагола: *aufcvikat* и *untrhojdat*, о втором глаголе речь еще пойдет ниже.

- (4) Drugo nek, da sam si vrlu divičicu *aufcvikao*, a s tom sam se meru untrhojdao. / Других новостей нет, только я тут отличную девушку подцепил, и с ней неплохо провел время. (I.59. 15.11.1909, FB)

aufferat (< auffahren ‘подъехать’):

- (5) Dragoljubna, da me jo posluhni a mi tako *aufferaš* i s čim prlje tim bolje i mi veljenk piši, kako ali ča. / Дорогая, послушай меня и приезжай ко мне чем скорее, тем лучше, и сразу мне пиши, как и что. (III.154. 02.03.1917, JS)

aufnemat (< aufnehmen ‘занимать’):

- (6) Kako mi je veselo, kad je došao i mi je povidal kako je bio vesel, da *ste* je tako *aufnemali*. / Как я обрадовался, когда он приехал и рассказал мне, как ему было хорошо, как вы его занимали. (I.122. 04.04.1911, JS)

aufšibat (< aufschreiben ‘записывать’):

- (7) No novoga je fermingu *su aufšibali* do jeseni, da je sada biskup ne bi rada vozit... / Из новостей: на причастие записали только на осень, сейчас епископ не сможет приехать... (I.90. 16.05.1910, M)

aufkljikt (< aufgliedern ‘группировать, расчленять’). В данном случае, как представляется, заимствуется сразу причастие совершенного вида, которое затем употребляется в функции сказуемого в составе хорватской пассивной конструкции:

- (8) A žene se vsaki dan dovezu i te su dobro **aufkljikt** a pri Baderu su takaj Čunovci delali. / А женщины каждый день приезжают, и они хорошо распределены, а у Бадера также работали люди из Чуново. (I.136. 01.08.1911, M)

С этой же приставкой в письмах представлено существительное:

aufendhold (< Aufenthalt ‘остановка’):

- (9) Petak, 3.11.1916 na objed smo Veći objedvali. Ali nek pol ure dugo je bio **aufendhold**, ča mi je jako žao... / В пятницу 3.11.1916 мы обедали в Вене. Но остановка была всего полчаса, мне было так жаль... (III.112. 03.11.1916, JS)

1.3. aus-

Приставочные образования с *aus* в равной мере представлены глаголами и deverbatивами, большая часть которых относится к административно-правовой лексике, также представлено некоторое количество ментальных глаголов.

Так, ср. глаголы с *aus*-:

ausfertigat (< ausfertigen ‘составлять, выполнять’):

- (10) Dragoljubjeno dite, ti veliš da grem se pitat, pak sam ti tako hartu pisala, da je to bilo pri notaru, da **je** ta to **morao ausfertigat**. / Дорогой мой сын, ты просишь, чтобы я сходила узнала, но я тебе уже написала в открытке, что это было у нотариуса, что он должен был всё составить. (I.94. 15.06.1910, M, S)

ausfoljat (< ausfallen ‘проходить, состояться’):

- (11) Kako **su** vam svetki **ausfoljali**? / Как вы провели праздники (досл.: как прошли/состоялись ваши праздники)? (III.208. 03.01.1918, JS)

Глагол **auskenat** (< auskennen ‘знать’) в письмах градищанских хорватов фигурирует как возвратный, с частицей *se* и употребляется в значении ‘понимать, разбираться’:

- (12) Ali ja imam zbog toga još dost dijela, da **se ne auskenam**. / У меня из-за этого хватает дел, я не разберусь. (I.27. 13.02.1909, M)

- (13) Sam bio mudriji nek je hauptmon. ... tr su mi rekli zač si ja vas ne bi zeo i meni je dražje kad imam veljek takovoga ki **se** va vsem **auskena**. / Я оказался умнее капитана. ... мне сказали, что я мог бы и вас взять, и мне бы было приятнее, чтобы рядом был человек, который во всем разбирается. (I.101. ...09.1910, JS)

(14) *Se nisi auskenala* kako je domom zet, ali ti je bilo sram? / Ты не выяснила насчет поездки домой или тебе было стыдно? (III.127. 15.12.1916, JS)

ausrihtat (< *ausrichten* ‘передавать сообщение’), в примере с данным глаголом представлен еще один германизм, т. е. заимствуется целиком словосочетание со значением ‘передать привет’:

(15) Vi ... ali *grussa* mi *niste ausrihtat mogli* kad ste hartu prekasno dostali. / Вы ... не успели мне передать привет, поскольку открытку получили слишком поздно. (III.81. 19.04.1916, GL)

ausrukat (< *ausrücken* ‘выступить’):

(16) Jutro *smo* veljenk *ausrukat morali*, drugačije smo vse na tom starom našli. / Утром мы сразу должны были выдвигаться, всё остальное по-старому. (II.39. 25.04.1913, JS)

Глагол *ausrukat* находит свои параллели в словенском языке, причем появляется в письме словенского военного Ивана Олифчича, которое датировано 1917 годом [Kamra] и содержит также ряд других германизмов, отчасти пересекающихся с теми, что представлены в анализируемых материалах⁹.

ausšteljat (< *ausstellen* ‘составлять’):

(17–18) Preljubljeni starji, nujte još učinitj, nujte si dat od gmajne, to je rihtera, notariuša, padera ceignis *ausšteljat* va kakovom angelegenheiti stojite, to vam moraju *ausšteljat* a s tim ceignisom nujte pojť štujrihteru. / Дорогие родители, сделайте еще кое-что, сходите к какому-нибудь чиновнику, к судье, нотариусу, священнику, чтобы вам засвидетельствовали, в каком положении вы находитесь, и с этим подтверждением идите к главному судье. (II.33. 19.03.1913, JS)

ausvondrat (< *auswandern* ‘эмигрировать’):

(19) Smo va seli, ali ljudstvo *je vse ausvondrano* i je od neprijatelja tako daleko... / Мы в селе, но все жители уже эвакуировались и от врага далеко... (III.147. 27.01.1917, JS)

Существительные с *aus-* представлены следующими лексемами:

ausceihnung (< *Auszeichnung* ‘награда’) – в данном примере представлен немецкий deverбативный суффикс *-ung*, причем род меняется с исходного женского на мужской, что в рамках рассматриваемых писем в общем нехарактерно для германизмов с *-ung*, как правило, относящихся здесь к женскому роду:

⁹ Также мы находим данный глагол в форме *ausrikati* ‘окончить военную службу’ в вараждинском говоре [Županić 2021: 203].

(20) I vam ovo šaljem ... va cejdungi zamotano moj šicen **ausceihnung** koga sam stopr dostao... / И еще я вам отправляю... она завернута в газету, обмытая награда, которую я как раз получил. (II.37. 29.03.1913, JS)

auskunft, auskunst (< Auskunft ‘справка, информация’), германизм употребляется только в составе конструкции с хорватским *dat* ‘дать’, т. е. *dat auskunft / auskunst* в значении ‘сообщить, дать информацию’:

(21) Prosim vas lipo dajte mi kakov **auskunft**, kako vam bude po volji... / Прошу вас, дайте мне какую-нибудь весточку, какую пожелаете... (I.130. 22.06.1911, JS)

(22) Preljubljeni starji, prosim nekatе mi zamirit, ja vam ne morem doklje nikarko pomoć i nikarkov **auskunft** dat. / Дорогие родители, прошу меня простить, что я не могу пока вам никак помочь и даже ничего сообщить не могу. (II.29. 25.02.1913, JS)

ausseng (< aussehen ‘посмотреть’, здесь ‘вид, перспектива’), употребляется в составе именного сказуемого (*je ausseng*):

(23) Ali Bože nikarkov **ausseng** za domom pojт. / Боже, никаких перспектив поехать домой. (II.51. 16.06.1913, JS)

(24) Čemeran **ausseng** je na urlaub, ništ se ne giblje. / На отпуск никакой перспективы, все по-прежнему. (III.155. 07.03.1917, JS)

В аналогичном значении и в той же конструкции представлено в письмах существительное **aussiht** (< Aussicht ‘вид’):

(25) Tako je sada opet s našim urlaubom čemeran **aussiht**. / Так что теперь на отпуск опять никаких перспектив. (II.33. 19.03.1913, JS)

(26) Pak ti oznanjujem, drago srce, da **ni aussih**ta, da ću moć dojt nedilju domom. / Сообщаю тебе, дорогая, что нет никакой надежды мне отправиться в воскресенье домой. (III.76. 29.02.1916, JS)

1.4. В приставочных образованиях с **ein-** / **ajn-** первый вариант (согласно официальному написанию) доминирует в письмах самого Яндре, второй, фонетический – в письмах его родителей. В следующих примерах мы видим страдательные причастия с данной приставкой, в (27) в составе конструкции *imat ajnpakirano*, в (28) – *je einkvartirano*.

ajnpakirat (< einpackiren ‘распаковывать, раскладывать’):

(27) Jur su Stee došli k nam, a ja **nisam imala** još **ajnpakirano**. / А еще Штее к нам пришли, а я еще не разобрала вещи. (I.113. 23.02.1911, M)

Лексема фиксируется в словаре кайкавских хорватских говоров [КН].

einkvartirat (‘расквартировывать’):

(28) Va kasarnji **smo einkvartirani**, ali jedan na drugom ležimo. / Нас разместили в казарме, но лежим друг у друга на головах. (II.25. 14.02.1913, JS)

Ср. также с данной приставкой – глагол *ajnkafat* приводится для современного градищанского в уже упомянутой статье С. Павишич [Pawischitz 2014: 77]. Данная форма отмечается для каринтийских словенских говоров в немецкоязычной «Энциклопедии словенской культурной истории в Каринтии» [ЕКК: 279]. В нашем материале:

einkafat (< einkaufen ‘покупать в магазине’):

(29) ... sam bio došao domom s Trsta **sam bio za nas einkafat** k Božicu. / Я вернулся из Триеста – закупался для нас к Рождеству. (III.207. 29.12.1917, JS)

einperufat (< einberufen ‘созывать, собирать’):

(30) Te **su** gor telegrafiš **einperufali**, ali nek te, ča su ovde doli Trebinji bili, ti su još takaj ovde, ča bi morali ljetos domom pojt. / Им уже сообщили по телеграфу, но те, что оставались здесь в Требине, они еще на месте, их, наверное, отправят домой в этом году. (II.10. 15.12.1912, JS)

Данная форма также упоминается для каринтийского словенского в [ЕКК: 279].

einpokat (< einpacken ‘заворачивать’):

(31) Četvrtak večer **smo einpokali**, opet pak jutro sam sama odnesla na poštu, da nek vrijeda dostaneš. / В четверг вечером мы все упаковали, опять же утром я сама отнесла на почту, чтобы ты поскорее получил. (I.13. 04.11.1908, M)

(32) Preljubljeni, pak i va tom po Kurczu pakljni bi bio morao bit i jedan novi trigo, ar sam ga **einpoka**o. / Дорогие мои, в этой посылке, которую я передал с Курцем должен быть и один новый свитер, поскольку я его запаковал. (III.215. 27.02.1918, JS)

einreihat / ajnreihat (второй вариант встретился нам всего один раз) (< einreichen ‘подавать, рассматривать’):

(33) Oni **su morali** stopr **einreihat** tr im još ništ ne došlo najzad... / Им пришлось как раз подать прошение, и пока никакого ответа. (I.65. 19.12.1909, JS)

(34) Preljubljeni starji **einreihat znate** prez skrbi to vam moraju učinjiti. / Дорогие родители, вы можете спокойно подать прошение, вам должны все сделать. (II.33. 19.03.1913, JS)

Сразу в четырех вариантах представлен глагол **einšteljat, einteljat, eintaljat, ainšteljat** (< einstellen ‘отрегулировать’, здесь в значении ‘пристроить’ или ‘уладить’):

(35) Pak ča je s školnikom¹⁰, doklje ovako cuj gre ne vjerujem, da će moć domom dojt, ovde je takaj vse škole *einšteljane*. / А что касается учителя, пока так идет дело, я не думаю, что он вернется, тут тоже все школы заняты. (II.11. 17.12.1912, JS)

(36) Kad bi bilo ovako, ko bi bili pri tom kanalju ostali, tote su onda *ainšteljali*. / Если сложится, что мы останемся рыть канал, тогда всё улажено. (I.109. 30.12.1912, O)

Ср. также данный глагол в варианте *eintaljat*:

(37) Danas *su* marš *eintaljali*, nis došao va njega. / Сегодня отправили группу на фронт, никто из нас в нее не попал. (III.83. 15.05.1916, JS)

Существительные с *ein-* / *ajn-* довольно немногочисленны и встречаются только в варианте с *ajn-*:

ajnperufung (< Einberufung ‘созыв, призыв’):

(38) Bohter nam je rekao, kad nam je pismo donesao, Rakindrofi, da je jako čuda *ajnperufungov* došlo. / Бохтер нам сказал, когда отдавал письмо в Ракиндрофе, что прибыло очень много призывников. (I.29. 17.03.1909, M, S)

ajnrichtunga (< Einrichtung ‘средство, оборудование’), в этом случае употребляется как единственное, так и множественное число:

(39) A ča je sada još imala to si je meru *ajnrichtunge* kupila. / А на то, что у нее осталось, она купила немного из обстановки. (I.24. 17.01.1909, M)

(40) ... a za Gregoričeve doklje još ne znamo čeu prauhat, ali ne, mr *ajnrihtunga* jim ni zgorila, nek na podi tr va hiži pri obloku ča su imali. / ... а про Грегоричей пока еще неизвестно, в чем нуждаются, но нет, обстановка у них все же не сгорела, только то, что у них было на полу и в доме у окна. (II.50. 10.06.1913, M)

Данная лексема фиксируется в каринтийских словенских говорах [KKSБ: 6]. В целом в данном словаре обнаруживается некоторое количество приставочных лексем, заимствованных из немецкого, которые, однако, лишь частично пересекаются с теми, что представлены в наших материалах.

1.5. *on-* (< an-) Из заимствований с данной приставкой в письмах представлены несколько глаголов и существительных.

onpelongat (< anbelangen ‘касаться’): (41) ... vjerujte mi, da se nek zavolj vas još najzat držim, ča bi moj žitak *onpelonga*, meni bi bilo jur vse

¹⁰ Перевод лексемы *školnik* зависит от контекста: в большинстве случаев переводится как «учитель», но возможно употребление: «священник», ср. также в [GHNR]: *školnik* «священник; учитель».

jedno. / ... верьте мне, я только ради вас мечтаю вернуться, что касается моей собственной жизни, мне уже все равно. (II.51. 16.06.1913, JS)

onrihtat (< anrichten ‘устраивать’):

(42) I nisam mislio, da ću to **onrihtat**. / И не думал, что это устрою. (III.131. 25.12.1916, JS)

(43) Rakindrof, Rosvar, nek glej, da si samohotno kakovu galibu **onrihtaš**. / Ракиндроф, Росвар, поищи, вдруг ты сама устроишь нам какое-то жилье. (III.145. 22.01.1917, JS)

onštrenгат (< anstrengen ‘утомлять’):

(44) Mi sada nismo gor tako jako veliko **onštrenгани** a ni nimamo ti veliki ibungov... / Мы пока даже не слишком сильно устали, и муштры немного. (II.60. 20.07.1912, JS)

Обнаруживается и целый ряд приставочных девербативов.

Сравнительно распространено существительное **ondenken, ontengn, onteng** (< Andenken ‘воспоминание’), при этом в письмах нельзя выделить доминирующий вариант написания:

(45) Ali ako štimate ko nujte svinju zakljat. To je moj **ondenken** od mesopusta. / Но если потребуется, зарежьте свинью. Это мое воспоминание о Масленице. (II.25. 14.02.1913, JS)

(46) Imamo dost **ontengna**, a ti drugi se čuda zato mariju. / У нас достаточно воспоминаний, а другие из-за этого много беспокоятся. (I.68. 10.01.1910, M)

(47) Dragoljubna, zato ča si me prosila, fotografi, češ dostat k tomu još ča drugo na **onteng**. Serbus. / Дорогая, а что касается фотографий, которые ты просила, получишь вместе с ними и кое-что еще на память. (III.76. 29.02.1916, JS)

onfong (< Anfang ‘начало’), в данном случае существительное представлено в беспредложной генитивной конструкции, что представляет собой кальку с немецкой модели:

(48) Prlje ne ću moć dojt, nek k zadnjemu augustu, ali **onfong** septembra. / Не смогу приехать раньше, чем к концу августа или к началу сентября. (I.134. 12.07.1911, JS)

ongrif (< Angriff ‘атака’):

(49) Dragoljubna, imamo sada ovde fist zima, pak Francel Drkosićev je dostao malu srebrnu sada va tom času, ča sam bio prošao. Da je bio **ongrif** od našega regimenta prikčer ju je i on dostao. / Дорогая моя, сейчас у нас очень холодно, а Францл Дркосич получил малую серебряную медаль

как раз в то время, как я уезжал. Наш полк пошел позавчера в атаку, и он ее получил. (III.145. 22.01.1917, JS)

onsiht (< Ansicht ‘мнение’):

- (50) Dragoljubljena toliko te znam opomenut, da me ne znaš preštimat i si mi malo spoznala i me po vsem **onsihitu noch** ne poznaš. / Дорогая моя, могу тебе только сказать, что ты со мной еще недостаточно знакома, и все мои взгляды еще не знаешь. (III.166. 28.04.1917, JS)

Высокую степень вариативности в текстах писем обнаруживает существительное **onštont, onštond, intšont** (< anschauen ‘смотреть’), которое переводится с помощью глаголов «смотреть», «видеть», «взглянуть» и под.:

- (51) ... pak za te knjižice te su bile došli još za dva dni prlje Trebinju, nek nikarkov **onštont** nisam imao... / ... а что касается этих книжек, они только два дня назад прибыли в Требинье, так что я их не посмотрел. (II.10. 15.12.1912, JS)
- (52) Pozdravljam i Jivu Gregorica i Herlinove, pak je li niste imali **onštonda** s mojim, je li će se još dat poslat tako tubaka pakljnom... / Передаю привет Иве Грегоричу и Херлину, не виделись ли вы с моими, нужно ли еще отправить табака посылкой... (II.19. 19.01.1913, JS)
- (53) Ali gdo zna, bi ju bio ja **intšont**, kad bi se plakala, od plača utolit? / Но кто знает, если бы я видел, как она плакала, смог бы я ее успокоить? (III.175. 22.06.1917, JS)

1.6. **iba- / iber-** (< über)

Приставочные глаголы встречаются в письмах только спорадически; напротив, наречия представлены достаточно широко.

iberlegat, iberligat (< überlegen ‘рассматривать’):

- (54) Sad zbogom Jandre je rekla Marica Stee, zbogom, ali skoro ti se je odala, ali **još će se iberlegat** ona veli, da ima lazno još vsenek, ali na te zabit ne more. / Сейчас «Прощай, Яндре», – сказала Марица Штее, – «Прощай», – но быстро стала твоей и будет тебя еще иметь в виду, она говорит, что все еще свободна, но тебя забыть не может. (I.70. 28.01.1910, JiG)

iberzeugat, iberceigat (< überzeugen ‘убеждать, убедить’) – от данных глаголов употребляются только причастия в составе конструкции *bit iberceigan / iberzeigan*:

- (55) Znam da imate dost nad vami. Ali **iberceigan** sam, da ni tako strašno kot ti načinjaš. / Я знаю, вам нелегко. Но я уверен, все не так плохо, как ты представляешь. (III.186. 10.09.1917, JS)

- (56) Dragoljubljena **sam iberzeugan**, da su ljudi krivi vsemu ... / Дорогая, я уверен, что люди виноваты во всем... (III.167. 28.04.1917, JS)
- (57) Ko kad ste tako mudre i da budete **iberzeigane**. / Если вы такие мудрые, то будете и уверены. (III.187. 12.09.1917, JS)

Крайне частотным в текстах писем является наречие **ibahaupt**, **iberhaupt**, **iberhaupt**, **bahaujit** (< überhaupt ‘вообще’, основным вариантом здесь является **ibahaupt**):

- (58) Nekate na nikogara poslušat, ča ljudi govogu, **ibahaupt** doma... / Не слушайте никого, что там люди говорят, особенно дома... (II.10. 15.12.1912, JS)
- (59) Dragi sin, ali čer veljen prvi dan nas je prva godina oprala i nam danas lipo još curi. Namočit će nam, ali najveć je jur vse suho po vrto, **ibahaupt** kukorice te gor. / Дорогой сын, вечером как раз первый раз за все это время прошел дождь и сейчас хорошо поливает. Будет сыро, но сейчас все посохло в огороде, особенно кукуруза наверху. (III.39. 29.06.1915, O)

Ср. также другие варианты:

- (60) **Iberhaupt** vi draga majkica to znate kako nam je bilo pred par ljeti kad ste vi bili betežni da ste šli bosu za svinjami bižat... / Особенно вы, дорогая мама, знаете, каково нам было пару лет назад, когда вы были больны из-за того, что пошли бежать босая за свиньями... (I.118. 13.03.1911, JS)
- (61) ... **iberhaupt** s tobom, dragi tovaruš, ja sam si mislio, kad ja budem ovde, da ću se s tobom moć vsaki dan pominat... / Особенно с тобой, дорогой друг, я думаю, когда я буду здесь, мы с тобой сможем каждый день разговаривать... (I.91. 16.05.1910, ŠK)
- (62) Čas imamo jeko lipo protuliće i **bahaujit** ovo zadnje pri vojsku nikad i nikad već ne. / У нас прекрасная погода, весна, и особенно эти последние дни в армии, их никогда и никогда уже не будет. (I.117. 09.03.1911, JS)

1.7. **unter-, untr-** (< unter)

untersuhat (< untersuhen ‘исследовать, изучать, разузнать’):

- (63) Nedliju ni bilo moguće, ča sam prosila, tr je bilo pri notaru, tr som ča joj ništ morali imat od padera Oellera to je bilo nedilju po litaniji je bilo Oeller pri nas tr je oca **untersuhao**. / В воскресенье не удалось то, о чем я просила, мы были у нотариуса, и ничего не добились от господина Оеллера, в воскресенье после литании господин Оеллер был у нас и расспрашивал отца. (I.40. 08.07.1909, M)
- (64) Kad sam došla tamo, tr sam se pitala, je li su došli pakljni iz Hercegovine je rekla, da mi je ne more dat, da **more** tu konlju **untersuhat**, je li ni tote tabak nutri. / Когда я туда приехала, я спросила, пришли ли посылки из

Герцеговины, она мне ответила, что не может их отдать, сначала надо изучить, нет ли внутри табака. (I.107. 27.12.1910, M)

Несколько случаев употребления обнаруживает существительное *unterštitcunga*, *unterštitzunga* (< *Unterstützung* ‘поддержка’, здесь ‘субсидия’)¹¹:

(65) *Preljubljeni*, ali sada ćete morat dostat vrijeta *unterštitcungu*, čuda im su jur iz dome pisali, da su jur dostali. / Дорогие, а теперь вы должны будете вскоре получить субсидии, многие из дома писали, что им уже выплатили. (II.53. 26.06.1913, JS)

(66) *Šnirer tr Ciger* su jur dostali *unterštitcungu* ćete ju tuh i vrijeta morat dostat. / Шнирер и Цигер уже получили выплаты, так что и вы вскоре должны получить. (II.55. 29.06.1913, JS)

Наконец, еще одной заимствованной из немецкого приставкой является

1.8. *fer-* (< *ver-*)

fercogat (< *verzogen* ‘искривленный, избалованный’):

(67) *Preljubljeni starji*, tako sam *fercogan*, da ne znam ča ću učinjit i ne znam kade mi glava stoji. / Дорогие родители, я так замотался, что не знаю, что учиню и не знаю, о чем думать. (II.33. 19.03.1913, JS)

fergunat (< *vergönnen* ‘позволять, разрешать’), встречается также дериват с хорватской приставкой *po-*, т. е. *pofergunat*:

(68) *Govecki meso* si gor *ne fergunamo* kuhat. / Говядину мы себе даже не позволяем готовить. (III.48. 21.07.1915, M)

(69) *Preljubljeni* a bez krajcera pinez je čemerni bit na tako dalekom vazii a drugačije si ne morem pomoć... Če mi si pak zato bolje *pofergunat* kad dojdem. / Дорогие мои, а без копейки денег нелегко в таком далеком походе, а другим ничем я не могу помочь. Я смогу себе больше позволить, когда приеду. (II.30. 06.03.1913, JS)

ferlongat, *farlongat* (< *verlangen* ‘требовать, просить’):

(70) *Preljubljeni* prosim nekate mi zamirat, mr ja ne *ferlongam* tako kot vi znam štimate, ja vam nek mrvu i tako rad s ričom pomoć... / Дорогие мои, простите меня, но я не прошу так, как вы, знаю, думаете, я и так рад вам хотя бы словом капельку помочь... (II.48. 02.06.1913, JS)

(71) *Znam* da ti ni moguće da nimate, da ste siromahi, ja ne *farlongam*... / Я знаю, что у вас самих ничего нет, что вы бедствуете, и не прошу... (III.200. 29.11.1917, JS)

¹¹ Лексема фиксируется в вараждинском говоре в форме *šticung* ‘денежная субсидия’, причем слово переходит в мужской род [Županić 2021: 203].

fernemat (< vernehmen ‘слышать’):

- (72) Pun tuge i žalosti ti pišem odgovor t’a ti oznanjujem da mi je jako, jako boli, da me tako **fernemaš**. / С сердцем, полным боли и жалости, я пишу тебе ответ и тебе сообщаю, как же мне больно, очень больно, что ты так меня поняла. (III.158. 26.03.1917, JS)

fersogat, fercogat (< versorgen ‘снабжать’):

- (73) Pratež si takaj ništ poderat a pratežu ću bit tako daleko doklje budem mogao obristat **fersogan**... / Одежда у меня тоже в целости, я одеждой буду и впредь обеспечен. (I.130. 22.06.1911, JS)

ferštendigat (< verständigen ‘общаться’):

- (74) ... ćeju vas jur **ferštendigat**, ako prlje ne ko pandiljak zagvišno... / ... они хотели бы еще с вами пообщаться в понедельник точно, если не раньше... (II.62. 13.08.1913, JS)

ferštosat, firštesat (< verstoßen ‘нарушать, мешать’):

- (75) Učinjit ti ništ ne mogu. ... Budu iper te **ferštosali**... / Сделать они тебе ничего не могут. ... Возможно, они тебе будут мешать... (III.154. 02.03.1917, JS)
- (76) Pak mi takovoga ća već neka pisat i da si mi htila to najzad poslat, da ti ne budem mogao ća **firštesat**. / Больше мне написать нечего, и даже если ты мне отправишь назад это письмо, не смогу тебе помешать. (III.117. 22.11.1916, JS)

С данной приставкой встречается некоторое количество девербативов:

ferheltnise (< Verhältnis ‘отношение’):

- (77) Čas i **ferheltnise** imamo čemerne, čuda prši i neprijatelj čuda, pravo i mi njemu, kvara načinja. / Погода и обстановка у нас плохие, все время дождь, и неприятель доставляет проблем, впрочем, как и мы ему. (III.159. 31.03.1917, JS)

ferholdnunge (< verhalten ‘сдерживать’):

- (78) ... meni ni već za takovim kratkim urlaubom. Sada imaju zavolj mira na Balkanu ov tajedan **ferholdnunge**. / ... мне уже не до такого короткого отпуска. Сейчас ради мира на Балканах эта неделя придерживается. (II.56. 30.06.1913, JS)

ferker (< Verkehr ‘движение, сообщение’):

- (79) **Ferker**a nimam s nijednom, ali s kim drugim, drugomu ne pišem, ko i od mladine ništ ne znam. / Я ни с кем не общаюсь, никому не пишу, и из молодежи никого не знаю. (I.126. 28.05.1911, JS)

ferlust (< Verlust ‘потеря’):

(80) Jako mrazan je ov neprijatelj i nam on s artereriju jako velike **ferluste** našinja. / Сильно страшен этот враг, он нам своей артиллерией наносит большие потери. (III.165. 19.04.1917, JS)

Ср. также заимствования с данной приставкой в варианте *ver-*.
verfintat (< *verfinstern* ‘омрачать’):

(81) Jim se lipo zahvalimo, da trum i **verfintaju** naše pozdravljenje. / Им мы передаем большой привет, хотя их он и не обрадует. (I.76. 28.02.1910, M)

versendunga (< *versenden* ‘отправить (перевод)’):

(82) Petak som dostao hartu a subotu **versendungu**, ali nedliju stopr paklj... / В понедельник я получил открытку, в субботу перевод, а в воскресенье именно вещи... (III.79. 08.03.1916, JS)

Отдельно рассмотрим случаи, когда немецкая приставка присоединяется к хорватской основе.

Так, в письмах широко представлен композитный глагол **aufdat** ‘отдать, передать’, где немецкая приставка сочетается с хорватским корнем:

(83) S tim sam mogao pojt, onda sam šao na poštu tr sam je onde **aufdao** tr su mi rekli da ćete bit za to kaštigani. / Я взял с собой его и пошел на почту и там передал, и они мне сказали, что вы будете за это оштрафованы. (II.9. 10.12.1912, O)

(84) Dostao sam ja to pismo, mr sada ćete vi jur znam imat moje pisanje, najjigirih sam je li ćete ovu hartu i pred dvimi dnevi pismo **aufdano** dostat. / Я получил это письмо, я знаю, что вы хотите получить от меня весточку, и думаю, хотите ли вы получить и эту открытку и то письмо, что было отправлено пару дней назад. (III.31. 31.05.1915, JS)

Приставка может, согласно немецкой модели, отделяться и стоять в постпозиции к глаголу, ср. пример:

(85) Smo putovali sponom se ni dalo, ne na poštu, nit lazno dati **auf**. / Мы ехали через вокзал, не удалось ни на почту, ни куда-то еще выбраться. (III.103. 07.09.1916, JS)

По данной композитной модели с приставкой *iber* (< *über*) и хорватским корнем *da-* (ср. *aufdati*) образован также глагол **iberdati** ‘передать’:

(86) Pak ti je F. **iberdao** moje pisanje za te i za majku va jednom kuverti. / Тебе Ф. передал мое письмо тебе и матери, они были в одном конверте. (III.197. 29.10.1917, JS)

Сходно образована также глагольная форма *iberošao* ‘застал, застучал’:

- (87) Ništ ne isao tr je ženu *iberošao*, just vnoći je došao domom, tr je našao s ženom jednoga ležat, tr mu je glavu veljenk odrizao. / Он не приходил, а жену застучал, пришел внезапно ночью домой, и обнаружил одного, как он с женой лежит, и он ему голову сразу отрубил. (II.37. 29.03.1913, JS)

Следующие лексемы образованы при помощи немецких приставок *aus-*, *auf-*, *unter-* и хорватского корня *=hod=* (глаголы движения, связанные с «ходить»), например:

aushojdanje (существительное имеет хорватский девербативный суффикс *-nje* и относится уже к среднему роду):

- (88) Sada imamo jako vruće, ništ godine, skoro ni na *aushojdanje* od vrućine. / Сейчас у нас страшное пекло, ни капли дождя, практически не выйти из-за жары. (II.48. 02.06.1913, JS)

При описании развлечений героев встречается приставочный глагол *unterhojdat*, *untrhojdat* (‘проводить время’), который может употребляться с возвратной частицей:

- (89) Dragi Jandre, ja sam se, hvala Bogu, ov kiritof opet dobro *unterhojdala*... / Дорогой Яндре, я, слава Богу, на этот «киритоф» опять хорошо провела время... (I.56. 06.10.1909, TW)

- (90) ... je kod nas jako zima i sniga je dost i ti pišem, da je bila moja Lujzika va sanu kod moji starji tr *smo se* dobro *unterhojdali* na Pandrofi. / ... у нас очень холодно и снега много, и пишу тебе, что снилась моя Луйзика моим родителям, и мы хорошо повеселились в Пандрофе. (I.112. 04.02.1911, ŠŠ)

- (91) Minutu nedilju *smo se* sami dva doma dobro *unterhojdali*. / На прошлой неделе мы сами двумя домами отлично повеселились. (I.120. 21.03.1913, JS)

- (92) Pandijak tr utorak sam bila, *untrhojdala sam se* dobro, tancala sam dost. / В понедельник и во вторник я там была, отлично провела время, много танцевала. (I.115. 05.03.1911, AS)

- (93) Novoga ti ne morem ništ pisat nek, da smo se na nohkiritof dobro *untrhojdali*, ali vse s timi i sam opet tancao. / Других новостей тебе написать нет, только на второй храмовый праздник мы хорошо повеселились, но все в той же компании, и я опять танцевал. (I.11. 27.10.1908, JiG)

В варианте с заменой *j* на *lj* представлен коррелирующий с вышеупомянутым глаголом девербатив: *unterholjdunga*, *untaholjdung*:

- (94) No sada zbogom, zdravi ostani, binčam ti kudi *untaholjdung*. / Ну теперь пока, будь здоров, желаю тебе хорошо повеселиться. (I.55. 05.10.1909, М)
- (95) ... tvoje pismo smo pondiljak popodnevi 4 ura dostali i onvajzungu. Bože dragi, drago dite, to ti gor ne znam napisat to veselje, ča smo imali mi taj večer, to je bila naša *unterholjdunga*. / ... твое письмо и записку мы получили в четыре часа дня в понедельник. Боже правый, дорогой мой, не могу тебе описать это веселье, как мы были рады в тот вечер, это стало нашим утешением (букв.: «развлечением»)¹². (I.73. 09.02.1910, М)
- ajnpitat, einpütat* (< anbieten 'предлагать'):
- (96) Vse prez školnika, da si ta Mate ne *ajnpita* sada kad je on namjestnik... / Всё через учителя, а этого Мате теперь и не спрашивают, когда он стал начальником... (I.90. 16.05.1910, М)
- (97) Jo prlje si hojt takaj ča *einpütala*, doklje si *frei hofat* mogla, be? / Раньше и сейчас тоже не спрашивала, до каких пор ты могла бы надеяться, нет? (III.193. 19.10.1917, JS)

Можно предположить контаминацию с хорватским глаголом *pitat* 'спрашивать', который в двух представленных примерах наблюдается с разным написанием, во втором случае, предположительно, под влиянием фонетики местного говора градищанскохорватского языка. В результате контаминации двух глагольных корней (хорватского и немецкого) семантика немецкого глагола подвергается модификации по типу осмысления цепочки 'предлагать (вопрос)' → 'спрашивать'.

Особый случай представляет изолированное (без полнозначного глагола) употребление заимствованной приставки.

Так, в письмах представлено несколько примеров с приставкой *auf-* в изолированном употреблении, которая здесь фигурирует в составе конструкции *bit auf* как указание на местонахождение ('снаружи, вне помещения или территории'), ср.:

- (98) Dragi brat sada ti na znanje dajem, da su Longov ujce umrli tako friško nediju su bili još *auf* a srijedu su bili jur na daski. / Дорогой брат, еще хочу тебе сообщить, что дядя Лонг так скоропостижно скончался, что еще в воскресенье он был на ногах, а в среду уже лежал в гробу. (III.37. 25.06.1915, S)

¹² Лексемы *unterholjtat se, unterholjtenga* в значении «развлекаться», «развлечение» фиксируются в каринтийских словенских говорах, ср. [KKSБ: 24], а также в хорватском вараждинском: *unterhaltati, unterhaltanje, unterhaltunk* [Županić 2021: 671].

(99) То baba su još tako daleko zdravi i teta su takaj **auf** ... / Бабушка еще в очень добром здравии, и тетя тоже на улице...¹³ (I.60. 21.11.1909, M)

Столь же распространенным, как наречие *iberhaupt* (см. выше III.1.6), является **iber**, **iper** в составе конструкции *imat iber* ‘иметь сверх нормы’, либо в изолированном употреблении в значении ‘к тому же, сверх того’:

(100) Kad dojde, onda ću ja moć pojt na urlaub, sada imam ja to vse **iber** i mi se to veljenk tako dogodilo... / Когда он приедет, тогда я смогу поехать в отпуск, теперь мне всего по горло, у меня это внезапно так случилось... (I.134. 12.07.1911, JS)

(101) Povite gospodinu, ali ki ima novine **iber**, da je to moj broj, koga ja simo dostajem... / Скажите господину, если у кого лишняя газета, то это мой номер, который я сюда выписываю. (III.50. 29.07.1915, JS)

Ср. варианты с глухим согласным:

(102) Pisala si, da si bila Beći još danas nimam ništ nohrihta. Ako **iper** misliš, da ti je gdo ča na put prepoložio, ja zato ne morem. Mislim si bila Beći po koljes. / Ты писала, что ездила в Вену, но пока что не получил от тебя отчета. Если ты к тому же думаешь, что тебя кто-то заставил ехать, это не мое дело. Думаю, ты ездила в Вену за коляской. (III.162. 09.04.1917, JS)

(103) ... kad se je tako stalo, ne prauhate znam to **iper noh** poslat košulju tr to drugo, nek pinezi, ti mi falu. / ... раз уж зашла речь, не надо – знаю и про это – отправлять мне рубашку или что-то другое, только деньги, мне их не хватает¹⁴. (II.17. 03.01.1913, JS)

Ср. некоторое количество изолированных употреблений **unter**, **untr** в значении ‘также, дополнительно’:

(104) ... ar mi smo sada tako puni straha i skrbi ako opet takovoga ča **unter** dojde. / ... но мы теперь так полны страха и грусти из-за того, что еще что-то такое может случиться. (I.63. 11.12.1909, M)

(105) Vože, da bi bilo nek moguće, da biš joj mogao poslat ako nam opet ča drugo **unter** ne dojde. / Боже, если бы было возможно, я бы ей мог отправить, если у нас еще чего-нибудь другого не произойдет. (I.72. 04.02.1910, M)

¹³ Факт изолированного употребления глагольной приставки *auf* в сходном значении отмечается и в вараждинском говоре, в данном случае приводится пример «Мама bi v jutro došla v sobu i rekla: “Деца, auf!”» (Мама бы утром вошла в комнату и сказала: «Дети, вставайте!») [Žuranić 2021: 198].

¹⁴ В вараждинском говоре фиксируется данная приставка в форме *iber*, употребляемая в пространственном значении «прочь, вовне» [Žuranić 2021: 666].

(106) Ноću dojt va pravu dobu, ako drugo *untr* ne dojde tamo va februaru domom.
/ Я собираюсь приехать в условленный срок, если ничего больше не произойдет, в феврале домой. (III.121. 01.12.1916, JS)

Здесь же упомянем фразеологизм *pojť zgrunt* (< zugrunde gehen ‘погибать, пропадать, идти прахом’), которое калькирует немецкое словосочетание, причем вторая часть представляет собой прямое заимствование:

(107) Preljubljeni starji prosim ne kate mi zamirit, nujte strpljeno trpit, tuh nečete *pojť zgrunt*. / Дорогие родители, простите меня, вы должны быть терпеливы, тогда не пропадете. (II.29. 25.02.1913, JS)

(108) Vse je morao ostavit tr projť, on takaj jedini i oženjen tr mu *gre* takaj vse *zgrunt*. / Всё был вынужден оставить и пойти, он также единственный, кто женат, так что у него тоже всё идет прахом. (II.52. 26.03.1913, JS)

(109) ... mr neče to *pojť zgrunt* doklje ja dojt budem mogao. Prosim nek si na to glejte... / но не пропадет, пока я смогу вернуться. Прошу, имейте это в виду... (I.118. 13.03.1911, JS)

2. Рассмотрим случаи употребления заимствованного модального глагола *prauhat* (< brauchen ‘нуждаться, быть необходимым’). Он может употребляться как в исходном значении, так и в ряде переносных.

Так, примерно половину случаев составляет употребление глагола в значении «нуждаться» в составе конструкции с прямым дополнением, обозначающим объект, в котором нуждается говорящий:

(110) *Mi prauhamo čuda teeja* a otac ne smija kafeja jist. / Нам *необходимо* много чая, ведь отцу нельзя пить кофе. (I.68. 10.01.1910, M)

(111) A ča, vsaki dan *se pinez prauha*. / А что же, каждый день нужны деньги. (I.73. 09.02.1910, M)

(112) ... pinez sada ne prosim od nji ar *toliko ča prauham toliko imam*. / ... денег я сейчас у них не прошу, все что нужно, у меня есть. (I.45. 12.08.1909, ...)

(113) Britvu imam ja ovde, *ali prauham ju ne*. / Бритва у меня здесь есть, но мне она не нужна. (III.31. 31.05.1915, JS)

Ср. также конструкции с прошедшим временем глагола:

(114) Postfrau jim je pinezi posudila, *ki je prauhao*. / Сотрудница почты дала взаймы деньги тем, кому было необходимо. (I.128. 15.06.1911, M)

Встречаются и обороты с сослагательным наклонением:

(115) Ali danas je jur grmilo i lipa godina je došla... *Naše žito bi to prauhalo*, to je jako rijetko. / Но вот сегодня был гром, и пошел сильный дождь.

Нашей пшенице это было кстати, такое очень редко случается. (I.32. 06.04.1909, M)

Распространенным также является вариант, когда *prauhat* стоит в настоящем времени с отрицанием и подчиняет себе инфинитив смыслового глагола, *prauhat* здесь употребляется в значении «нужно, необходимо», часто в безличной конструкции:

- (116) Dragoljubni, to ti **ne prauha bit žao**, da ti otac ni slove ne pošaleju. / Дорогой, не надо жалеть, что отец тебе ничего не пишет. (I.116. 07.03.1911, M)
- (117) No a za Maricu **se ne prauhaš bojat**. / Ну а за Марицу тебе не нужно бояться. (I.50. 15.09.1909, M)
- (118) Za me se **ne prauhate skrbiti**... / Не надо вам за меня переживать... (I.130. 22.06.1911, JS)
- (119) Preljubljeni vi mi **ne prauhate ništ poslat**... / Дорогие мои, вам не надо мне ничего присылать. (III.23. ...12.1914, JS)
- (120) Tvoje pismo smo dostali i hartu, **ništ nismo prauhali platit**. / Мы получили твое письмо и открытку, нам ничего не пришлось платить. (I.50. 15.09.1909, M)
- (121) toliko mesa **mi ne biste bili prauhali poslat**... / ... столько мяса вам не нужно было мне присылать... (II.48. 02.06.1913, JS)

Наконец, *prauhat* может стоять в инфинитиве и подчиняться глаголу *ćet* ‘быть’:

- (122) ... sam pri najboljem zdravlji ča si predragi i od vas hofam. Sada je urlaub se opet odprl. Hofam ali tuh, da **nećete prauhat gladit**. / ...я в добром здравии, чего и вам, дорогие, желаю. Отпуск опять откладывается. Надеюсь, вам не придется голодать. (III.203. 06.12.1917, JS)
- (123) Dragoljubljena, čer sam ti takaj jedno pismo pisao, hofam i ja, da **ti je vec ne ću prauhat pisat**. / Дорогая, вечером я вновь написал тебе письмо, надеюсь и я, что мне тебе уже вскоре не придется писать. (III.178. 12.07.1917, JS)

3. Обширную группу в текстах составляют заимствованные прилагательные и наречия.

cimljih (< ziemlich ‘довольно, достаточно’):

- (124) ... nam se je krava srićno otelila sada jutro, ima teljicu **cimljih** lipo šekastu. / ... у нас успешно отелилась корова сегодня утром, и телочка довольно хорошо упитанная. (I.64. 17.12.1909, M)

Крайне частотной в текстах является лексема *fertik, fertig* (< fertig ‘закончен, готов’)¹⁵:

(125) Dragoljubni sin, novoga ti ne moremo pisat drugo nek da smo s mlatnju *fertik*... / Дорогой сын, особых новостей нет, разве что молотить мы закончили... (I.51. 19.09.1909, O)

(126) Me veseli da ste zdravi i tako daleko *fertig*. / Я рад, что вы здоровы и в целом в порядке. (III.98. 21.08.1916, JS)

(127) Ja sam takaj vsenek prefriško *fertig*. / Я тоже всегда в полной готовности. (I.24. 17.01.1909, M)

(128) Fotografiji još ni *fertig*. / Фотографии пока не готовы. (III.159. 31.03.1917, JS)
fertehtig (< verستتتتت ‘постоянно’):

(129) Me dost boli, da me tako *fertehtig* si foršteljaš... / Мне весьма неприятно, что ты постоянно меня в таком свете выставляешь... (III.168. 06.05.1917, JS)

В четырех вариантах фигурирует в письмах германизм *fleisik, fleisig, flajsik, flajsig* (< fleißig ‘усердный, прилежный, старательный’)¹⁶, здесь он фактически употребляется также и в значении ‘регулярно’ или ‘часто’:

(130) Druhe novine ni, naši mi *fleisik* pišu iz dome i nikarkove tužbi ili žalosti, vse dobro i lipo. / Других новостей нет, наши мне регулярно пишут из дома, и никаких жалоб или сожалений, все в полном порядке. (III.145. 22.01.1917, JS)

(131) Nujte nek *fleisig* pisat danas 8 dan sam bio još kod vas s mojimi vlašćimi očima vas mogao gledat... / Пишите мне регулярно, сегодня уже восьмой день как я не вижу вас собственными глазами. (III.88. 24.06.1916, JS)

(132) Seda je korizma a seda moremo *flajsig* molit. / Сегодня пост, и мы должны усердно молиться. (I.115. 05.06.1911, AS)

(133) Marica ne bi rada dat ta rum a otac *flajsik* popirijaju, jur je nek pol flaše. / Марица не хочет давать этот ром, а отец регулярно попивает, осталось уже полбутылки. (I.137. 28.08.1911, M)

forleifig (< vorlaufig ‘временно’):

(134) *Forleifig* smo još ovde Šoproni... / Пока еще мы тут в Шопроне... (III.1. 03.08.1914, JS)

¹⁵ Лексемы *fertig, fertik* ‘готово’ отмечаются для чешских и словацких диалектов в [Newerkla 2011: 424], также фиксируются в кайкавских говорах [КН], в том числе – и в вараждинском [Žuranić 2021: 283].

¹⁶ Лексема в форме *fleisik* ‘старательно’ представлена в вараждинском говоре [Žuranić 2021: 291].

- (135) Drugačije novine **forleifig** ni, zdrav sam, ča i od vas hofam. / Других новостей пока нет, я здоров, чего и вам желаю. (III.190. 05.10.1917, JS)
frei, frai, fraj, fro (< frei ‘свободный’)¹⁷:
- (136) Da smo vsenek privezani, da nimamo ni minute **frei**. / Мы всегда заняты, ни минуты свободной. (III.151. 23.02.1917, JS)
- (137) A ja sam zvana tebe s jednom ričju **frai**, ča si onako misliš. / А я у тебя называюсь одним словом: «свободна», как ты думаешь. (III.117. 22.11.1917, JS)
- (138) Lipo te prosim, čuvaj se sada, da ne bude kakova tužba prik tebe, da ne piješ prik mere kad imaš va nedilji **fraj**. / Очень тебя прошу, береги себя, чтобы на тебя не было жалоб, поэтому не пей сверх меры в воскресенье, когда свободна. (III.167. 03.05.1917, JS)
- (139) Pak sam **fro**, da sam vam tuh ča dobroga doma ostavio... / Я спокоен, потому что вам кое-что хорошего дома оставил. (III.163. 10.04.1917, JS)
frainčoft, freinšoft (< Freundschaft ‘дружба’):
- (140) Zdravi ostante vsi skupa, zbogom pozdravljam vas **frainčoft**... / Оставайтесь все здоровы, сердечный привет вам. (III.39. 06.07.1909, JS)
- (141) Dajte mi pozdravit vas **freinšoft**. / Позвольте мне передать вам дружеский привет. (II.4. 30.11.1912, JS)
genau (< genau ‘точно’):
- (142) Ali ne znam i poslat kot si pisala. Nek veljenk piši **genau** ča za numrgu prauhaš. / Но я не сумею и послать тебе, как ты писала. Напиши сразу точно, какой размер тебе нужен. (III.174. 18.06.1917, JS)
getuldig (< geduldig ‘терпеливый’)¹⁸:
- (143) Dragoljubljeno dite, su te dali pozdravit, da nek budeš **getuldig** i da to ne gre tako friško kot kad majki veliš. / Дорогое дитя мое, они передают тебе привет, и чтобы ты набрался терпения, и что не все идет так быстро, как ты матери описываешь. (I.48. 30.08.1909, M)
gnjetik, gnjetig (< gnädig ‘благополучный, счастливый’)¹⁹:

¹⁷ Лексема *fraj* ‘свободный’ прежде всего для словацких диалектов отмечается в [Newerkla 2011: 168], в том же значении фиксируется также в форме *frej* в каринтийских говорах [KKSB: 10] и в вараждинском [Žuranić 2021: 296].

¹⁸ В вараждинском говоре прилагательное не зафиксировано, однако встречается существительное *gedult* (< Geduld ‘терпение’) [Žuranić 2021: 308].

¹⁹ Ср. прилагательное *gnedige* ‘милостивый’ в составе обращения ‘Ksunthajt gnedige frau...’ «Милостивая госпожа...» в вараждинском говоре [Žuranić 2021: 321].

- (144) Dragoljubni, jarac je ali lip. Ovaj tajedan smo imali **gnjetik**. / Дорогие мои, пшеница уродилась. Эта неделя у нас прошла прекрасно. (I.32. 06.04.1909, M)
- (145) Ali dragoljubljeni, bar je bilo tako **gnjetik** još smo si ulaznili tvoja pisma štat. / Дорогой мой, как же мы были счастливы читать твои письма. (I.32. 06.04.1909, M)
- (146) Znam kot dab' vas vidio dragoljubni kako **gnjetig** čete imat doma, ali čuda prši ovde pri nas, ali i doma toliko, onda će pojt čemerno s mlatenjem. / Знаю, дорогие мои, как было бы хорошо увидеть вас дома счастливыми, но у нас здесь страшный дождь, и дома тоже, тогда плохо пойдет с молотьюбой. (III.55. 05.08.1915, JS)
- Высокую частотность демонстрирует лексема **hofenlih**, **hofendlih** (< *hoffentlich* 'с надеждой'):
- (147) Velika bitka i krv proljivanje **hofenlih** ćemo se za mir, ovde će boju konac načinjit. / Большое сражение, страшное кровопролитие, мы будем надеяться на мир, что здесь войне настанет конец. (III.158. 26.03.1917, JS)
- (148) Kako vam ge sada, da su otac doma, te znam segiraju? **Hofenlih** ne, tiraš me pored za već pisat... / Как там у вас, отец дома, тебя не загружают? Надеюсь, нет, и ты мне будешь чаще писать... (III.159. 31.03.1917, JS)
- (149) Teške i žalosne čase uživate i trpite, **hofenlih** ne dugo... / Вы переживаете сейчас трудные и печальные времена, надеюсь, это ненадолго. (III.153. 27.02.1917, JS)
- (150) ... ljubezno pozdravljam vas **hofendlih**... Zbogom, hofnunga na vrijemešnji mir. / ... от всей души передаю вам привет с надеждой... Прощайте, надеюсь на скорый мир. (III.166. 28.04.1917, JS)
- (151) Dragoljubljena kako ti gre? Si mi znam jur pisala? **Hofendlih** ne. / Дорогая, как ты? Ты мне уже писала? Надеюсь, нет. (III.174. 18.06.1917, JS)
- lauter** (< *lauter* 'сплошь, все время'):
- (152) Pak ćemo jur odluhnud, od **lauter** kanonov grmljavine. / Все же уже отдохнем от постоянного грохота пушек. (III.119. 24.11.1916, JS)
- (153) Prve dneve ... sunca gor nismo vidili od **lauter** dima... / Первые дни... мы солнца наверху не видели из-за сплошного дыма. (III.182. 20.08.1917, JS)
- lustik**, **lustig** (< *lustig* 'забавный'):
- (154) Na dvori su bili vsi stoli a jigraci su bili Slovaki, ta ča je bio lani pri nas je bilo tako **lustik**. / Все столы выставили во двор, и музыканты были словаки, те же, что и в прошлом году у нас, было так весело. (I.55. 05.10.1909, M)

(155) Dragoljubljena mi veseli, da si mi ozdravila. Pak da mi je Mici tako *lustig* i zdrava... / Дорогая, меня радует, что ты у меня выздоровела. И моя Мици такая веселая и здоровая... (III.187. 12.09.1917, JS)

Ср. лексему в кайкавском словаре [КН]²⁰.

notvendig (<notwendig ‘необходимо’):

(156) ... kako si si ti dobro domislio, kako je Marica *notvendig* rubac prauhala, kad je novu pratež dostala. / ... как ты правильно понял, Марице необходим платок, раз уж у нее новая одежда. (I.106. 25.12.1910, M)

ongenem (<angenehm ‘приятно’):

(157) Znam jim ni bilo jako *ongenem*, ali je prosim s vsim da bi nam oprostili. / Знаю, им было не особо приятно, но прошу нас за все простить. (III.149. 05.02.1917, JS)

reht, unreht, ungerecht (<recht / un(ge)recht ‘правый / неправый’)²¹:

(158) Ovdre takov, kad je lipo, je *reht* lipo, ovdre sunce sviti a pri vas doma takov čas, just ov tajedan je bilo mrvu zima a danas prši. / Здесь, когда погода хорошая, по-настоящему хорошо, здесь солнце светит, а у вас дома такая погода, что на этой неделе было немного холодно, а сегодня дождь. (I.19. 19.01.1913, JS)

(159) Mi date to za *unreht*? / Вы полагаете, я неправ? (I.117. 09.03.1911, JS)

(160) Je šlo *ungereht* domom. / Пошли не прямо домой. (II.33. 19.03.1913, JS)

rihtig, rihtik (<richtig ‘верный, правильный’)²²:

(161) I Marica, ča je zi tu? Je *rihtig* bila istina, da je noseća? / И Марица, что с ней? Правда ли, что беременна? (III.55. 05.08.1915, JS)

(162) Kad smo došli iz crkve dojde Marica “Majka znate ča? Rujderov teče se obisili va lopi”, tr je bila *rihtig* istina. / Когда мы вернулись из церкви, пришла Марица: “Мама, представляете? Дядя Руйдер повесился в сарае”, и это была чистая правда. (I.133. 09.07.1911, O, M)

(163) *Rihtik* tebi su vsega govorili, ti ostavi nek ti ljudi govorit tako kot sam se s tobom... / Действительно, тебе всякое говорили, ты не обращай внимания – пусть говорят, так, будто я с тобой... (I.99. 11.09.1910, MDV)

²⁰ *Lustig* ‘веселый / весело’ в вараждинском говоре [Županić 2021: 427], в каринтийских – *lušten* в значении ‘веселый’ [KKSБ, 15].

²¹ В работе С. Неверклы фиксируется в составе конструкции *byt někomu recht / byt' niekomu recht* [Newerkla 2011: 477].

²² Форма *richtig* ‘точно, верно’ представлена в словацких диалектах [Newerkla 2011: 478], также в кайкавском словаре [КН] и в вараждинском говоре [Županić 2021: 509], в каринтийском словаре отмечается в том же значении лексема *rihtek* [KKSБ: 20].

siher, siherni (< sicher ‘надежный, безопасный’)²³:

- (164) Ja sam privezan i zaprt, da nis’ žitka *siher* a još mi se tako tužiš dragoljubna... / Я привязан (к месту) и заперт, так что никакого житья, безопасного, а еще ты мне так жалуешься, дорогая... (III.168. 06.05.1917, JS)
- (165) Sam ti va minutom pisanju jur bio ča oznanio, da sam sada na laglje i *sihernje* mjesto dospio. / В прошлом письме я тебе уже кое-что сообщил о том, что сейчас в более легкое и безопасное место попал. (III.144. 21.01.1917, JS)
- (166) Je srićno, da vidit mogli budemo i dočekat na blaženi mir, ki žarko i *siherno* si kaže krez Rusa. / К счастью, мы уже скоро сможем увидиться и дожидаться желанного мира, как горячо и уверенно говорится у русских. (III.165. 19.04.1917, JS)

unengeldlih (< unentgeltlich ‘безвозмездный’):

- (167) Sada je došlo danas va pefelji, da znaju pojt rezorvisti nek na 10 dan domom na urlaub *unengeldlih*, na poni ne prauhaju ništ platit, tamo nit najzat ne. / Сейчас прошла новость по нашей роте, что резервистов отправят домой в отпуск на 10 дней бесплатно, на вокзале им не надо платить за билет туда и обратно. (II.33. 19.03.1913, JS)

unferšenft (< unverschämt ‘возмутительный’):

- (168) Lip čas imamo, ali neprijatelj je jako *unferšenft*. / У нас хорошая погода, но враг совершенно невыносим. (III.157. 20.03.1917, JS)

zgleihe, zgleih, zglajhe (< gleiche ‘в общем’)²⁴:

- (169) Dragi Jandre, ča je novoga ti ne morem drugo ništ pisat, nek da su opet regruti ainrukali, Longov Sužl tr ti njigove *zgleihe* vsi. / Дорогой Яндре, особых новостей нет, только что опять был набор рекрутов. Сузл Лонг и все его. (III.16. 29.10.1914, AS)
- (170) Imaš s manom nek galibu i ti je tako teško, kad vidiš druge tvoje *zgleih* kako si se pozabila, prosim zač? / У тебя со мной только неприятности, и тебе так тяжело, когда видишь других своих, в общем, всё ты позабыла, спрашиваю – почему? (III.155. 07.03.1917, JS)
- (171) Pak ti ča su od mene starji i moje *zglajhe*, ki su oženjeni, da imaju ženu s dicom doma... / Те же, что старше меня и моего возраста, которые женаты, так что у них дома жены с детьми... (II.19. 12.01.1913, JS)

²³ В форме *zicer* «нечто, что необходимо срочно доделать или успеть» фиксируется в вараждинском говоре [Žuranić 2021: 581].

²⁴ Лексемы *glejh* ‘просто, прямо сейчас’, *glih* ‘равным образом’ представлены в вараждинском говоре [Žuranić 2021: 320].

Кратко очертим тематические группы германизмов, представленные в письмах. Сюда относятся:

А) Обозначения некоторых ментальных процессов (и связанных с ними ситуаций): *ceihen* (< Zeichen ‘знак, предзнаменование’); *erinat* (< erinnern ‘помнить’); *erklerat* (< erklären ‘объяснять’); *forfalj* (< Vorfall ‘инцидент’); *foršteljat* (< vorstellen ‘представлять себе’)²⁵; *forvurf* (< Vorwurf ‘упрек’); *gešpreh* (< Gespräch ‘беседа’); *hofat* (< hoffen ‘надеяться’); *hofnunga* (< Hoffnung ‘надежда’); *pelaidigat (se)*, *peleidi-gat (se)* (< beleidigen ‘обижать’); *petajtat* (< bedeuten ‘иметь в виду’); *umendrat* (< umändern ‘переименовывать’).

В) Экспрессивная лексика: *ruml* (< Rummel ‘ажиотаж, шумиха’)²⁶; *šlingel* (< Schlingel ‘негодяй’); *šlomperaj* (< Schlampererei ‘небрежность, халтура’)²⁷; *švindljati*, *zašvindljati*, *švindel* (< Schwindel ‘надувательство’)²⁸; *segirati*, *segiranje* (< sekkieren ‘надоедать, утомлять’)²⁹; *tumheit*, *dumhojd* (< Dummheit ‘глупость’).

С) Обозначения некоторых повседневных реалий: *cajdunga*, *ce- idunga*, *cejdunga* (< Zeitung ‘газета’)³⁰; *cug* (< Zug ‘поезд’)³¹; *umge- bung*, *unkibung* (< Umgebung ‘окрестности’).

Д) Наименования профессий: *arct* (< Arzt ‘врач’); *lererica* (< Lehrer ‘учитель’); *pauer* (< Bauer ‘фермер’); *postfrau*, *post freila*³² (< Post- frau ‘работница почты’); *rihter*, *rihtr*, *štujrihter*, *obaštujrichter* (< Rich- ter ‘судья’³³; Steuer ‘налог’).

²⁵ В вараждинском говоре фиксируется лексема *forštelunk* ‘представление’ [Županić 2021: 683].

²⁶ В вараждинском говоре представлены *ruml*, *rumpl* ‘беспорядок’ [Županić 2021: 516].

²⁷ Ср. лексему *šlamperaj* в [Newerkla 2011: 485], также лексема *šlamperaj* ‘бес- порядок, халатность’ в вараждинском говоре [Županić 2021: 539].

²⁸ Лексемы *švindl*, *švindel* в [Newerkla 2011: 498], в вараждинском говоре – *švindlati (se)*, *švindlanje*, *švindla* [Županić 2021: 584].

²⁹ В работе С. Неверклы зафиксированы формы *sekýrovat* для чешских гово- ров, *sekirovat* для словацких [Newerkla 2011: 479], в вараждинском говоре *sekera- ti* ‘нервировать, мучать’ [Županić 2021: 578].

³⁰ В вараждинском говоре фиксируются формы *cajtungi*, *cajtlingi*, *cejtungi* ‘газета’ [Županić 2021: 708], в каринтийских говорах – *cajtenge* [KKSBB, 7].

³¹ См. лексему *cug* ‘поезд’ в чешских и словацких говорах в [Newerkla 2011: 417] и хорватском вараждинском [Županić 2021: 720].

³² В монографии С. Неверклы [Newerkla 2011: 428] отмечаются германизмы *frajle*, *frajla*, ср. также *frajla* в каринтийских говорах в значении ‘госпожа’ [KKSBB, 10].

³³ Формы *rihtar*, *rihter* ‘городской судья’ мы находим в [Newerkla 2011: 135], также данные лексемы фиксируются в том же значении в вараждинском говоре [Žu- panić 2021: 209].

Е) Названия сооружений, помещений: *haus* (< Haus ‘дом’); *onung-a*, *vonunga* (< Wohnung ‘жилье, квартира’); *ponhof*, *pon* (< Bahnhof ‘вокзал’)³⁴; *štacion* (< Station ‘станция’)³⁵.

Ф) Административно-правовая лексика: *forligat*, *sforligat* (< vorlegen ‘размещать, подавать’); *freišprehat* (< freisprechen ‘оправдывать’); *geborn* (< geboren ‘урожденная’); *gesuh*, *pitgesuh* (< Gesuch ‘просьба, ходатайство’); *ongelegenheit*, *angelegenheit* (< Angelegenheit ‘дело’); *ontvort* (< Antwort ‘ответ’); *onvajzunga*, *onveizung-a*, *anveizung* Anweisung ‘инструкция’); *ortnung* (< Ordnung ‘порядок’)³⁶; *štrofati* (< strafen ‘наказывать, штрафовать’)³⁷; *rihtati se* (< richten ‘судить, направлять’); *šrift* (< Schrift ‘письмо’); *tajtilih* (< staatlich ‘государственный’); *traufcoljati* (< zollen ‘платить’); *unteršit* (< Unterschrift ‘подпись’)³⁸; *urlaub* (< Urlaub ‘отпуск’)³⁹.

Г) Военная лексика: *alarm* (< Alarm ‘тревога’)⁴⁰; *befel*, *pefel* (< Befehl ‘команда’)⁴¹; *demolirati* (< demolieren ‘громить’); *deventirati se*, *devendirati se* (< defendieren ‘защитить’); *forštos* (< Vorstoß ‘натиск, атака’); *gefeht* (< Gefecht ‘стычка’); *hauptmon* (< Hauptmann ‘капитан’)⁴²; *ibung* (< Übung ‘упражнение’); *marš*, *obmarš* (< Marsch, Abmarsch ‘выступление, поход’); *monšoft* (< Mannschaft ‘команда’); *mitmohati* (< mitmachen ‘участвовать’); *regimenat* (< Regiment ‘полк’); *šteljunga*, *šteljing-a*, *štelung-a* (< Stellung ‘позиция’)⁴³; *šlekati*, *pošlekati* (< schlagen ‘бить’)⁴⁴; *vafenštilštan* (< Waffenstillstand ‘перемирие’).

³⁴ Форма *banhof* как обозначение вокзала отмечена в вараждинском говоре [Županić 2021: 198].

³⁵ *Štacija* ‘станция’ фиксирует С. Жупанич [Županić 2021: 617].

³⁶ Ср. германизмы *ordnunk*, *ordunk* в том же значении в чешском и словацком [Newerkla 2011: 373].

³⁷ Существительное *štráf* упоминается в [Newerkla 2011: 335], также *štrofati*, *štrofanje* в [Županić 2021: 633].

³⁸ Ср. *unteršrift* ‘подпись’ в работе [Županić 2021: 672].

³⁹ *Urlaub*, *urlaup* ‘отпуск, отдых’ в работе [Županić 2021: 673].

⁴⁰ Производные лексемы *alarmirati* ‘предупреждать’, *alarmiranje* ‘предупреждение’ отмечены у вараждинцев [Županić 2021: 191].

⁴¹ Для вараждинского говора фиксируется *befel* в значении ‘приказ’ [Županić 2021: 214].

⁴² *Hauptman*, *hetman* ‘капитан’ в [Županić 2021: 337].

⁴³ *Šteling*, *štelung* в значениях ‘вербовка’ и ‘позиция на поле боя’ [Županić 2021: 622].

⁴⁴ Глагол *šlagerati* фиксируется в значении ‘перенести удар, insult’ [Županić 2021: 537].

Н) Лексика, связанная с универсальными праздниками, празднованием: *gepurctag*, *gepurstag* (< Geburtstag ‘день рождения’); *namenstag* (< Namenstag ‘именины’); *umgong*, *umgang* (< Umgang ‘обход (обрядовый)’); *prautfirer*, *prautfira* (< Brautführer ‘дружка’).

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, значительную часть заимствований из немецкого языка составляют многочисленные приставочные глаголы и отглагольные существительные. Среди них сравнительно редко представлены композитные образования, когда немецкая приставка присоединяется к хорватской основе: как правило, заимствуется глагол целиком. Частотным является изолированное употребление приставки по немецкой модели, в качестве наречия, а также в усилительно-эмоциональной⁴⁵ функции. Наблюдается высокая фонетическая вариативность приставочных заимствований, причем доминирующим способом здесь является передача заимствованной формы исходя из традиционного написания немецкой лексемы, варианты записи «согласно произношению» представлены в письмах значительно реже. Приставочные девербативы на *-ung*, за редким исключением, сохраняют женский род, как и в немецком языке; сохранение рода характерно и для других заимствованных приставочных существительных.

Во-вторых, значимую группу германизмов составляют наречия, среди которых преобладают лексемы, заканчивающиеся на *-ig*, *-ih*, наиболее распространенными здесь являются *fertig*, *gnjetig* и *hofenlih*. В ряде случаев градищанский текст демонстрировал иное семантическое наполнение заимствованной немецкой лексемы, что специально оговаривалось выше.

При анализе материала с точки зрения лексико-семантических групп выделяется прежде всего бытовая и административно-военная лексика. Наличие первой связано с использованием названий тех повседневных реалий, которые воспринимаются как часть городского мира и потому представляются относительно внешними по отношению к авторам писем. Более обширная группа тематических германизмов, однако, относится к административно-правовой и военной лексике, что обусловлено государственным статусом немецкого язы-

⁴⁵ Ср. также наблюдения о германизмах, до сих пор сохраняющихся в говоре, в работе Дж. Блажеки: часть из них до сих пор существует в речи благодаря стремлению носителей говора создать более теплую и доверительную связь с собеседником [Blažeka 2004: 14].

ка, как он воспринимается авторами писем, и, разумеется, всей ситуацией рассматриваемой переписки в противопоставлениях: армия – родная деревня; война – мирная жизнь в тылу и под.

Рассмотренные пласты лексики в переписке членов одной семьи и круга их знакомых, по сути, относятся к разговорному жанру, который находит отражение в письмах начала XX века, когда в тесном контакте и взаимодействии оказались три языка: немецкий, венгерский и градишанскохорватский. Влияние на хорватский язык здесь оказывают официальный административный письменный узус, городская речь немецких жителей Вены и Пожони и местный диалектный идиом в ходе непосредственного общения с жителями близлежащих австрийских сел. Вместе с тем венгерский язык вообще не нашел отражения в письмах, за редким исключением, типа лексем *orsag* ‘страна’ или *espereš* ‘епископ’.

Сопоставление материалов писем с данными славянских диалектов – словацких и чешских, с одной стороны, хорватского кайкавского и словенского каринтийского, с другой, – которые также находились в контакте с австрийскими, показывают, что между ними имеется ряд сходжений. Между собой коррелируют ряд заимствованных приставочных глаголов; особо значимой областью иррадиации и глаголов, и отглагольных существительных является административная терминология Австро-Венгрии. Кроме того, значительное число общих заимствований относится к сфере экспрессивной лексики, обозначению ментальных процессов, а также и некоторых повседневных реалий.

III.3. Топонимы

В этом разделе на примере топонимов как обособленной лексической сферы языка попытаемся вычлениить некоторые характерные особенности взаимопроникновения элементов трех разных систем – славянской, германской и финно-угорской.

Сначала кратко охарактеризуем специфику языка фрагментов с топонимами из писем. Прежде всего хотелось бы отметить важную грамматическую особенность, связанную с употреблением топонимов. Это практически последовательное отсутствие предлогов направления и места под влиянием местной немецкой речи и, возможно, венгерского языка (где предлоги отсутствуют, а место или направление задается с помощью окончаний существительных – обозначений локусов): *projt Bijelo Selo* «поехать в Белое Село», *šla Rakindrof* «ходи-

ла в Ракиндроф»; *Jandrofi sam vidila* «в Яндрофе я видела»; *vse selo je bilo Rakindrofi* «всё село было в Ракиндрофе»; *mi smo bile Požoni* «мы были в Пожони» и т. д. Упоминание о том, что глаголы движения в австрийском варианте немецкого языка при обозначении направления могут управлять дательным падежом без предлога при литературном немецком «in + Akk», можно найти в работе [Домашнев 1967: 132].

Лексическая вариативность местных топонимов

Можно выделить ряд случаев, когда название населенного пункта фигурирует только в хорватском варианте.

Так, лишь в хорватском варианте встречаются два топонима с составной частью *selo*: *Bjelo Selo* и *Novo Selo* (оба на территории сегодняшней Австрии).

Bijelo Selo упоминается в письмах пять раз. Характерно, что здесь хорватское, венгерское и немецкое названия села совершенно не коррелируют друг с другом ни формально, ни в плане внутренней формы. Так, изначальным наименованием села является венгерское: впервые село упоминается как *Kurthuel* (название восходит к венг. *körte* ‘груша’), в конце XIX в. топоним *Körtvélyes* был изменен на *Mosonkörtvélyes* (первая часть дана по названию всего региона *Moson* – предположительно славянизм от *тъсьнь, ср. топоним *Mosonújfalú*, о котором речь пойдет ниже). Сейчас венгерским названием села является *Lajtakörtvélyes*, первая часть которого связана с наименованием местной реки *Lajta* (нем. *Leithe*). Немецкое название села – *Pama / Pammern* восходит к нем. *die Baum* ‘дерево’. Хорватский топоним *Bijelo Selo* – славянского происхождения (‘Белое село’). В начале XX в. в селе проживало 1 045 жителей, большинство составляло хорватское население. При этом в самих письмах в двух случаях речь идет о селе как о пункте назначения – респонденты пишут, что туда переезжает из Чуново местный учитель (1, 2). В остальных фразах говорится об уроженцах данного села, причем в (3) это сочетание «адъектив от топонима + существительное» (*bijeloselska majka*, с сохранением дифтонга), а в (4) от топонима образуется субстантив *Beloselac*.

- (1) Pak novi školnik ćeju nam sada projt **Bijelo Selo**. / Наш новый учитель перебирается в Бьело Село. (I.29. 17.03.1909, M, S)
- (2) ...Šime Kovacić Jagr se jur oženio a školnik gredu iz Čunova **u Bijelo Selo**. / ...Шиме Ковачич Ягр недавно женился, а учитель переезжает из Чуново в Бьело Село. (I.31. 24.03.1909, ŠK)

- (3) Та *bijeloselska majka* je takaj bila. / И мать из Бела Села тоже была. (I.36. 14.05.1909, M)
- (4) More bit, da ćeš još pire vidit, Mertine se ženi, Štefac će se Steevim gri za Berdeničevu Anu, Jula Galovičeva *za Beloselca...* / Возможно, что ты хочешь еще узнать про свадьбу, Мертине женится, Штефац у Стее женится на Ане Берденич, Юлия Галович выходит за жителя Бела Села... (I.94. 15.06.1910, M, S)

Дважды упоминается *Novo Selo (Neudorf bei Parndorf)*, находящееся сегодня в Австрии. Данный случай представляет собой полную противоположность предыдущему: хорватский (*Novo Selo*), немецкий (*Neudorf*) и венгерский (*Mosonújfalú*) варианты идентичны в плане внутренней формы: «Новое село, новая деревня». Исконным при этом является немецкое наименование (село впервые упоминается как *Nowendorf*), хорватское является дословной калькой с немецкого, а в венгерском к аналогичной кальке в конце XIX в. было добавлено название региона *Moson*. В 1910 г. село было преимущественно хорватским (806 хорватов из 1 040 жителей). Оба раза топоним возникает в письмах Яндре, который просит родственников принять его однополчанина родом из данного села, словообразовательные модели при этом являются разными: производное от топонима существительное *Novoselac* и топоним с предлогом *iz Novoga Sela*.

- (5) Predragi, pak vam oznanjujem, da je tu hartu moj tovaruš pisao, ta debeli, ča uza me stoji namoljan iz liva. On je ta *Novoselac*, smo se i mi dobro nasmijali prik toga. / Дорогие мои, сообщаю вам, что эту открытку писал мой товарищ, этот полный, что стоит рядом со мной слева изображенным. Он тот самый из Нового Села, и нас это всё сильно развеселило. (III.165. 09.04.1917, JS)
- (6) On je *iz Novoga Sela*, da budeš veljenk znala ako dojde, da ki je ta. / Он из Нового Села, чтобы ты сразу знала, если приедет, кто он такой. (III.174. 18.06.1917, JS)

Восемь раз упоминается *Gijeca*, лишь в приведенном хорватском варианте. Официальным немецким названием этого австрийского села является *Kittsee* (рус. *Кумзе*), по-венгерски село именуется *Köpcsény* – ср. также словац. *Korčany*. Название села исконно венгерское и восходит к прилагательному *kék* ‘синий’. В начале XX в. село было смешанным хорватско-немецко-венгерским, по результатам переписи 1910 г., в нем проживало 3 123 человека, из них 1 180 немцев, 1 054 хорвата и 753 венгра. В письмах матери упомянутое выше наименование появляется всего один раз, в контексте посещения похорон (7). Остальные

высказывания, содержащие топоним, помимо данного примера и уже приведенных выше, представляют собой просьбы Яндре к родителям, чтобы те уладили его дела через влиятельного человека в селе.

- (7) Ja sam bila **Gijeci** na pogrebi. / Я была в Гиеце на похоронах. (I.13. 04.11.1908, М)
- (8) Ćete jur ćut ĉa ĉe vam **Gijeci** grof reć. / Скоро услышите, что вам скажет граф в Гиеце. (III.62. 13.09.1915, JS)
- (9) Pojte **Gijecu** grofu prosit, da bi me sprosio domom va špitalj, ali Rakindrof ali Rosvar ali Požoni va špitalji. / Сходите в Гиецу и попросите графа, чтобы он похлопотал о моем переводе домой в госпиталь, или в Ракиндроф, или в Росвар, или в госпиталь в Пожони. (III.66. 25.09.1915, JS)
- (10) Prosim sada probirat, prosim tako kot sam pisao pred ovim **Gijecu** ali Rosvar ali Rakindrof. / Я прошу теперь попробовать, прошу, как я уже писал, в Гиецу или в Росвар или Ракиндроф. (III.64. 17.09.1915, JS)

Упоминаются также жители села, *Giječani* (11, 12):

- (11) Na dvanajstoga u 4. ura će bit poruka. Ćeju bit 4 Jandrofci tr 2 **Giječani** si moreš mislit da će bit veselo. / Двенадцатого в 4 часа будет помолвка. Хотят приехать 4 человека из Яндрофа, 2 из Гиецы, можешь себе представить, что будет весело. (I.43. 06.08.1909, МР)
- (12) Dragi Jandre, jako veselo je bilo na piru... Dragi Jandre, pri nas je bio jako lip dan onda i lipo su igrali ti muzikanti 3 Jandrofci 3 **Giječani** a divičic je bilo ĉuda... Većani su bili jako veseli a lip su se veselili. / Дорогой Яндре, на свадьбе было очень весело... Дорогой Яндре, у нас сегодня был отличный день, и эти музыканты прекрасно играли, были 3 человека из Яндрофа, 3 из Гиецы, и девушек было много... Гости из Вены были очень рады, и все отлично провели время. (I.52. 19.09.1909, МР)

Два раза в письмах упоминается градищанскохорватское село в Австрии *Borištof*, при этом в реальности существовали и существуют села *Veliki Borištof* (нем. *Grossvarasdorf*, венг. *Szabadbáránd*, до 1894 г. – *Nagybarom*) и *Mali Borištof* (нем. *Kleinvarasdorf*, венг. *Borisfalva*, до 1894 г. – *Kisbarom*)⁴⁶. Как можно видеть, хорватские обозначения представляют собой частичную кальку с немецкого, при этом формант ‘деревня’ не калькируется. Бориштоф, находящийся в Среднем Бургенланде, т. е. достаточно далеко от с. Чуново, с одной сторо-

⁴⁶ Как указано в [Faragó 2014: 189], села были переименованы с целью эвфемизации их названия, ср. *Nagybarom* «Большая скотина», *Kisbarom* «Малая скотина», которые были заменены топонимами, компоненты которых имеют внутреннюю форму ‘свободный’ (*szabad*) и ‘деревня’ (*falva*).

ны, известен как знаковый градищанскохорватский культурный центр (и потому вполне логично, что он фигурирует в письмах), с другой стороны, его удаленность, видимо, не позволяет разным респондентам уточнять, о каком конкретно из двух примыкающих друг к другу сел идет речь.

- (13) Jožef Babičev se takaj ženi, ta je jur utorak prošao **Borištof** tr ćeju zutra dojt, to je subotu. / Йожеф Бабич тоже женится и во вторник уже уехал в Бориштоф, значит, завтра вернутся, в субботу. (I.72. 04.02.1910, M)
- (14) Ženilo se je pred mesopustom znam da Jožef Babičev ako istina bude za jednu z **Borištofa** a ime joj je Liza Borešić. / Были свадьбы перед Масленицей, и я знаю, что Йожеф Бабич, если это правда, хочет жениться на одной из Бориштофа, ее имя Лиза Борешич. (I.70. 28.01.1910, JiG)

Четыре раза в письмах появляется словацкий на сегодняшний день город *Komarnov* – венг. *Komárom*, нем. *Komom*, словац. *Komárno*. Варианты названия здесь отличаются друг от друга только финалью топонима, первично город упоминается в источниках как *Villa Camarum*. Название, как правило, возводится к слав. *komár* [Kis 1980], из более ранних работ ср. [Asbóth 1907: 20]. К 1910 г. в городе проживал 19 391 житель, подавляющее большинство населения составляли венгры (17 088 человек). Название города фигурирует либо в хорватском варианте *Komarnov* (три раза в письмах родителей), либо в словацком *Komarno* (с кратким [a] при литературном долгом, т. е. *Komárno*), но не в венгерском *Komárom*. Отсутствие диакритики, впрочем, может быть связано как с исходным влиянием хорватской орфографической системы, где отсутствует диакритика над гласными, так и с современной модификацией написания редакторами книги (также под влиянием хорватской орфографии). Родители пишут о местонахождении общих знакомых (15, 16), Яндре описывает военные действия (17, 18). Именно в (18) при описании перемещений войск в Первую мировую войну появляется словацкий (но без диакритики) вариант *Komarno*, сам гипероним «город» при этом обозначается унгаризмом *varoš* (венг., с.-х.):

- (15) A Weitragerov Ferdl je **Komarnovi**. / А Вайтрагеров Фердл находится в Комарнове. (I.9. 21.10.1908, M)
- (16) ...tr sam se s Jandrofku Jankovičku pominala, tr je rekla, da je nje sin takaj pri 76. regimentu, pri 6. kumpaniji **Komarnovi**, takaj na 3 ljeta. / ... я говорила с госпожой Янкович из Яндрофа, и она сказала, что ее сын тоже служит в 76 полку 6 дивизии в Комарнове, тоже сроком на три года. (I.13. 04.11.1908, M)

- (17) Preljubljeni sin, sada ti pak još na znanje dajem, da je Weintrager opet doma, ali pri nas gor još nije bio, tr su rekli pri Bankovičevi da je rekao, da je sada dostao 4 dni urlauba kad moreju furt *iz Komarnova* doli kade ste vi, tr je takov ruml simo-tamo. / Дорогой сын, и еще тебе сообщаю, что Вайнтрагер снова дома, но к нам еще не заходил, он был у Банковичей, и они сказали, что он им сказал, что получил четыре дня отпуска, а потом их отправят прямо из Комарнова туда, где вы, такая тут шумиха повсюду. (I.28. 07.03.1909, O)
- (18) Iz odanljen smo došli Rduka varošu, pak *Komarno*, pak Bobovka, Bože ali kako posudaj izgleda, vse zničeno, naništ spravno, vse popaleno, ljudi tako stoju tote s tim ča imaju na sebi. / Оттуда мы перешли в город Рдука, потом Комарно, потом Бобовка. Боже, но как теперь всё вокруг выглядит, всё уничтожили, с землей сравнивали, всё сожгли, люди остались в том, что имели на себе. (III.40. 10.07.1915, JS)

Вычленяются случаи, когда основным является хорватский вариант, коррелирующий с немецким. Так, топонимы с формантом *-dorf* (нем. *das Dorf* ‘деревня’) представлены в письмах в трех названиях окрестных деревень.

Только в хорватском варианте фигурирует в письмах соседний пункт *Rakindrof* (на территории сегодняшней Венгрии). Немецким названием села является *Ragendorf*, венгерским – *Rajka*, первичным является венгерское обозначение: топоним появляется в источниках как *Royka*. Слово предположительно представляет собой славянизм. В начале XX в. с. Райка представляло собой довольно крупный населенный пункт, в нем проживало 2 682 жителя, подавляющее большинство которых (2 215 человек) были немцами, венгерское население было здесь сравнительно немногочисленным (411 человек). В письмах село упоминается порядка 50 раз, преимущественно в сообщениях родителей об устройстве дел в Райке, где, помимо прочего, располагались почта и административные учреждения.

- (19) A utorak jutro sam šla *Rakindrof* a jako je pršalo... / А во вторник утром я пошла в Ракиндроф, но был сильный дождь... (I.73. 09.02.1910, M)
- (20) Nedilju večer je tako bura šla, da nam je na obloke nuter curilo i pandiljak jutro. Ali pak skoro vse selo je bilo *Rakindrofi*, a mi smo doma luzali prez pinez. / В воскресенье вечером была такая гроза, что у нас даже через окна протекало, и в понедельник утром. Но все равно почти все село было в Ракиндрофе, а мы оставались дома без денег. (I.116. 07.03.1911, M)

Также в хорватском варианте представлено в письмах название хорватского села *Jandrof*, нем. *Kroatisch Jahrndorf*, венг. *Horváttharfalu*.

Хорватский вариант здесь коррелирует с немецким, имеющим формант *-dorf* ‘деревня’, однако при этом уже у хорватов происходит метатеза; кроме того, хорватский вариант не имеет национальной маркированности, т. е. употребляется форма *Jandrof*, а не *Hrvatski Jandrof* (ср. ниже *Nimški Jandrof*). Венгерский вариант представляет собой кальку с немецкого: «Хорватская Яр-деревня», корень *Jar-* при этом заимствуется буквально, но не калькируется. В 1910 г. село было относительно окрестных населенных пунктов небольшим (667 жителей), преимущественно хорватским. Яндроф (сейчас – Яровце) – соседнее село, где проживали многие знакомые респондентов, поэтому упоминания его в письмах нередко связаны с посещением похорон (21, 22).

(21) Ja sam imala just gnjetik, sam se spravljala **Jandrof** na pogreb. Bankovička je umrla. / У меня все неплохо, я была в Яндрофе на похоронах. Госпожа Банкович умерла. (I.69. 25.01.1910, М)

(22) A i **Jandrofi** sam vidila kako su se te majke plakale nad tim Antonom. / А и в Яндрофе я видела, как эти матушки плакали над этим Антоном. (I.36. 14.05.1909, М)

Жители Яндрофа могут называться по модели «некто из Яндрофа» либо же *Jandrofac* / *Jandrofka*:

(23) Ovde pri nas je jako čuda pominaju za vas gor, da imate vuši, mi ja danas Radović z **Jandrofa** povidao. / У нас тут очень много говорят, что вы там имеее вшей, мне сегодня говорил Радович из Яндрофа. (II.24. 10.02.1913, М)

(24) ...kakov pogreb je to bio, tr sam se s **Jandrofku** Jankovičku pominala... / ...какие это похороны были, и я говорила с госпожой Янкович из Яндрофа... (I.13. 04.11.1908, М)

Лишь одно письмо (от 27.01.1915) в качестве места отправления маркировано официальным венгерским названием деревни *Horvath Jarfalu*.

Трижды упоминается *Pandorf*, хорв. *Pandrof*, венг. *Pándorfalu*, нем. *Parndorf* – австрийское село в Бургенланде. Хорватское и венгерское названия здесь заимствованы из немецкого, в хорватском варианте формант имеет вид *-drof*, а не *-dorf*, а венгерское наименование носит композитарный характер, формант со значением ‘деревня’ в топониме дублируется: сначала по-немецки *-dorf*, затем по-венгерски *-falu*. В обоих случаях немецкая форма основы сокращается до *Pan-*. В 1910 г. село было довольно крупным и преимущественно хорватским: из 2 782 жителей 2 019 были хорватами. В двух примерах обозначено не

само село, но его уроженцы, при этом литературный немецкий формант ‘деревня’ в названии сохраняется.

- (25) No pak vam na znanje dajem, da je ta *Pandorf* došao vas jedan pozdravit. / А еще я вам сообщаю, что приедет мой друг из Пандорфа вас навестить. (I.122. 04.04.1911, JS)

Еще в одном примере указан адрес, по которому следует писать респондентам. Название деревни здесь приводится с венгерским финальным компонентом *-falu*, при этом первая часть лексемы, согласно официально немецкому написанию, выглядит как *Parn-* (а не *Pan-*). Имя собеседника, к которому обращается автор письма (хорв. *Jandre*), в данном случае передано по-немецки – как *Andreas*:

- (26) Zbogom, doklje se vidili budemo, zbogom Andreas. Stefan Schuttrits, *Parndorffalu*... / Пока, увидимся, пока, Андреас. (I.111. 17.01.1911, ŠŠ)

Два раза в письмах упоминается *Nimški Jandrof* – нем. *Deutsche Jandorf* (современное село называется *Deutsch Jahrndorf* и находится на территории Австрии вблизи двух границ – австрийско-словацкой и австрийско-венгерской), венг. *Németjársfalva*⁴⁷. В письмах, как и в настоящее время, что было отмечено при полевом этнолингвистическом обследовании региона, прилагательное в названии передается именно по-хорватски, т. е. *Nimški*, а не *Deutsche*. В середине XVI в., после турецких набегов, село стало заселяться хорватами, однако впоследствии подверглось германизации. В 1910 г. это село, входившее в венгерскую часть империи, насчитывало 923 жителя и было преимущественно немецким, некоторую часть жителей составляли венгры. В первом примере указывается, что туда ходят на подработку жители с. Чуново (в данном случае – отец), во втором речь идет о новостях с фронта из местных газет.

- (27) Otac su ov tajedan *Nimškom Jandrofi*. / На этой неделе отец в Немецком Яндрофе. (I.80. 20.03.1910, M)

- (28) A druge novine ča povidaju, da ti Srbi ča ste onde, tako striljaju, 8 pionerov, da su najednoč *iz Nimškoga Jandrofa*, školnika sin jedini, da je onde jur rokojini. / А в других новостях пишут, что эти сербы, где вы сейчас, так стреляют, 8 человек, что напал единственного сына учителя из Немецкого Яндрофа убили, и он уже теперь покойный. (I.82. 29.03.1910, M)

⁴⁷ Официальные варианты наименований населенных пунктов на немецком, венгерском и хорватском языках приводятся в справочнике топонимов Бургенланда [Seedoch 2001].

Точно так же хорватский / немецкий вариант топонима является основным для обозначения ближайшего к с. Чуново села *Rosvar*. Хорватский / немецкий вариант при этом отличается от венг. *Oroszvár* отсутствием начального [o]. Венгерский топоним буквально означает «Русская крепость», ср. словацкий вариант названия – *Rusovce*, где отсутствует формант с семантикой ‘крепость’ (-*vár*). При этом в хорватском и немецком названии часть -*vár* до сих пор сохраняется, что свидетельствует о стертости внутренней формы исконного названия. В 1910 г. в селе проживало 1 802 жителя, из которых 1 268 были немцами и 439 – венграми. Кроме того, в Росваре находилась железнодорожная станция (обозначаемая германизмом *ponhof* или – сокращенно – *pon* < нем. *Bahnhof* ‘вокзал’), через которую осуществлялась связь местных жителей с внешним миром. В письмах село, как правило, именуется *Rosvar*, один раз – *Rosfar* (здесь может проследиваться влияние немецкого диалектного субстандарта) – и лишь в одном случае, в письме отца, – *Orosvar*, т. е. в венгерском, а не в немецком варианте, с начальным [o], при этом звук [s] передается по-хорватски, т. е. как *s*, а не диграфом *sz*, что соответствовало бы правилам венгерской орфографии. В большинстве случаев Росвар связан с отцом, который там работает, поэтому упоминания о селе часто имеют вид «отец находится в Росваре» (29, 30), см. также (31), где о работе в Росваре рассказывает сам отец.

(29) Drago dite tr smo bili vsi skupa pri nas, Štefac i teta Mare i teta Katica i Herlinovi a ćaća su **Rosvari** još sada. / Дорогое дитя, мы все были вместе у нас, Штефац и тетя Маре и тетя Кагица и Херлины, а папа все еще в Росваре. (I.13. 04.11.1908, M)

(30) ... ti na znanje dajem, da smo jur poseli vse naše a otac su jur fertik **Rosvari**, jur imaju dijel doma, oni su dostali 3 križiće jarca i 3 tr pol žita. Vse je to turobno po vsem stani, vsi kuti su prazni. / ...сообщаю тебе, что мы использовали все наше, а отец уже закончил в Росваре, у него еще полно работы дома, он получил три снопа ячменя, и три с половиной – жита. Всё это печально для всего дома, все углы пустые. (III.51. 29.07.1915, S)

(31) Kad sam jur doma ov tajedan **iz Rosvara**, ko sam si najprzeo veljen pisat. / Раз я на этой неделе уже вернулся домой из Росвара, я сам решил сразу написать. (I.25. 05.02.1909, O)

В (32) село называется *Rosfar*, в примере (33) – *Orosvar*.

(32) Otac su donesli **iz Rosfara** pus, no sada se već ne prauhamo bojat, da će bit boj... / Отец передает из Росфара привет, но теперь мы уже не будем бояться, что случится война... (I.82. 29.03.1910, M)

(33) Tr smo bili sada **va Orosvari** na tom pijeski ravno prik. / И сегодня мы были в Оросваре, чтобы с этим песком уже точно закончить. (I.109. 30.12.1909, O)

В ряде случаев основным является хорватский вариант, коррелирующий с венгерским. К этой группе относится название одного из сел, а также наименования всех окрестных городов.

Так, четыре раза в письмах упоминается *Bizonja* – записывается только в хорватском варианте, ср. официальное венг. *Bezenye* (< *Bezenyő* ‘печенег’). Немецкое наименование села выглядит совсем иначе: *Pallersdorf*. В 1910 г. в селе проживало 1 367 человек, преимущественно хорваты. В настоящее время село полностью венгерское.

(34) Za ljudi Pohter si je gor **Bizonju** morao po ljudi pojt, tr je morao vsaki dan domot vozit. / За людьми Похтер вынужден был обращаться в Бизонью и каждый день отвозить их домой. (I.136. 01.08.1911, M)

(35) ...me gor ništ ne veseli. Pak još i tomu, da nis tvojoj majki, niti našoj teti **Bizonji** gor nis godu hartu poslala. / ...ничто меня здесь не радует. До того дошло, что я ни твоей маме, ни нашей тете в Бизонье не отправила ни к одному дню рождения ни одной открытки. (I.139. 28.11.1911, MDv)

(36) Dragoljubljena ča si se pak tako prestrašila na to pismo **iz Bizonje** i da si bila va tom strahu, da ću ja dojt? / Дорогая моя, отчего ты так испугалась этого письма из Бизоньи, и отчего ты была в страхе, что я собираюсь приехать? (III.166. 28.04.1917, JS)

Точно так же модификацией венгерского варианта является топоним *Požon*, венг. *Pozsony*, нем. *Pressburg*, словац. *Prešporok* (наименование *Bratislava* было создано уже после образования Чехословацкой республики), при этом хорватский вариант заимствован из венгерского, а словацкий – из немецкого. В текстах писем название города фигурирует исключительно в варианте *Požon* (с конечным *n*).

(37) No a nedilju smo se takaj veselili, kad je Marica pričేశćala. Je bila s manom **Požoni** tr si je sama izbirala ča je htila. / А в воскресенье у нас тоже был праздник, у Марицы было причастие. Она была со мной в Пожони и сама себе выбирала, что хотела. (I.84. 05.04.1910, M)

(38) Ćemo tuh i mi koč imat, prosim nujte nek to zet **Požoni** tr platite. / И у нас будет сукно когда-нибудь, пожалуйста, возьмите его в Пожони и заплатите. (I.118. 13.03.1911, JS)

(39) Mi smo bile **Požoni** a otac je imaju vsakorjačko poslovanje. / Мы были в Пожони, а у отца всякая работа. (I.128. 15.06.1911, M)

В следующем примере друг Яндре рассказывает о своей работе в Пожони – характерно при этом дублирование названия места рабо-

ты (мебельный завод) сначала по-немецки, затем по-венгерски (*Möbel fabrika, Bútor gyár*).

- (40) Ako se znaš erinat, kad smo bili **Požoni** na mesopust va Esterhazi vrtu ja tr ti, Frencl tr Stee, od onde sam ja kraj 75 korakov, onde je ta fabrika, **Möbel fabrika, Bútor gyár**. Onde sam kočiš. / Можешь себе представить, когда мы были на Масленицу в Пожони в саду Эстерхази, я и ты, Френцл и Штее, от того места я проживаю в 75 шагах, там эта мебельная фабрика. Я там извозчик. (I.88. 23.04.1910, JiG)

Вместе с тем в случае, когда респонденты указывают в письме адрес, по которому с ними следует связаться, появляется запись *Požonj* с хорватской передачей конечного мягкого [nʲ] через *nj*, аналогично венгерскому *Pozsony*, где финальный звук также мягкий, хотя и обозначается другим сочетанием букв.

- (41) Adres: M. S. Goszthausz Mokplocz № 19 **in Požonj**. / Адрес: ... (I.17. 10.11.1908, MS)

- (42) Ovo je adres od Agneške: Herczercog Fridrig strasse № 24 bain Herrn Kristlbaua **Požonj**. / А вот адрес Агнешки: ... (I.22. 18.11.1908, KŠ)

Еще при одном указании адреса город фигурирует в венгерском написании *Pozsony*.

- (43) Ko ćete bit tako dobri cete nam adres pisat, da mu budemo mogli pisat, kad budemo jednoč va uredbi bi nas veselilo, kad bi došla Marica na par dan k nam. Adres Filip Gregoric № 48 Slosstrasn **Pozsony**, Familie Gregorich. / Не могли бы вы, будьте так добры, напишите нам адрес, чтобы мы ему смогли написать, когда будем в состоянии, чтобы порадоваться, когда Марица приедет на пару дней к нам. Адрес: ... (II.46. 25.05.1913, AG)

Наконец, один из друзей Яндре, проживающий в городе, вообще указывает его в адресе по-немецки, т. е. как *Pressburg*. Отметим, что автор письма сначала прощается с адресатом по-хорватски, а затем повторяет это же прощание по-немецки, причем сразу в нескольких вариантах формулы прощания (*serbus* < лат. *lebevol* < нем. *liebe Wohl, kudioht* < нем. *gute Nacht*), при этом свое имя он также указывает именно в немецком варианте, т. е. как *Andreas*, а не *Jandre* (хорв.) или *András* (венг.). Можно предположить, что это своего рода попытка показать другу грамотность и высокое положение в тогдашнем обществе (возможно, в шутку), поскольку немецкий язык выступает во всей переписке молодых людей как более престижный.

- (44) Zbogom doklje se vidili budemo nek glej, da ti takaj bolje poje, serbus, lebevol, kudioht a moj adres je **Andreas Gregorich**, Hainburggasse. H.Nr.

14 *in Pressburg, Serbus.* / Пока, до встречи, или, если тебе так больше понравится, а мой адрес: ... (I.47. 16.08.1909, JG)

Следующим по числу упоминаний в письмах является *Šopron*, название записывается по правилам хорватской орфографии, с диакритикой (в венгерском языке звук [sh] обозначается как *s*). Город только один раз фигурирует в письме родителей, остальные упоминания относятся к письмам Яндре и его друзей. Родители при этом сообщают о событиях скорее повседневного характера.

(45) No sada zbogom, naš školnik su morali ajnrukati *Šopron*, tr smo prez školnika, zbogom. / Что ж, пока, нашего учителя перевели в Шопрон, теперь мы без учителя, прощай. (I.133. 09.07.1911, M, O)

В подавляющем большинстве примеров город Шопрон предстает как транзитный узел, например:

(46) Nedilju u podne smo bili ovde Trstu, subotu jutro smo se odvezli *iz Šoprona*. / В воскресенье в полдень мы были здесь в Триесте, в субботу утром выехали из Шопрона. (II.6. 01.12.1912, JS)

Столь же большую группу примеров составляют сообщения о локализации либо об автолокализации в Шопроне – как правило, это связано с военными действиями:

(47) Forleifig smo još ovse *Šoproni*, ali je li ćemo dojt furt iz odavlje toga ne znam. / Пока что мы временно в Шопроне, но, куда нас отсюда отправят, я не знаю. (III.1. 03.08.1914, JS)

Наконец, в двух примерах появляется Шопронский военный округ, обозначенный при этом унгаризмом *varmeje* либо непосредственно в венгерском написании – *varmegyi* (венг. *vármegy*):

(48) ... človik je on *iz šopronske varmeje*, nimac, ali jako dobar / ... человек из Шопронского округа, немец, но очень хороший. (I.52. 19.09.1909, MP)

(49) ... *va Šopronskoj varmegyi* jur šteljaju. / ... в Шопронском округе уже стреляют. (II.30. 06.03.1913, JS)

Два раза в письмах встречается венгерский городок *Šomorjan* (венг. *Somorja*, нем. *Sommerein*, словац. *Šamorín*), название которого восходит к трансформированному лат. *Sancta Maria* – по названию церкви Святой Девы Марии, находившейся в городе. Хорватское наименование при этом в большей степени коррелирует с венгерским, т. е. имеет *-ja-* в финали, в то время как словацкое – с немецким. В письмах название города передается исключительно средствами хорватской орфографии, т. е. с диакритикой над *S* и финальным *n*, ср. венг. *Somorja*. В 1910 г. город на-

считывал 2 930 жителей, из которых большинство (2 699 человек) были венграми. Оба раза в письмах говорится о том, что мать и отец Яндре посещали данный населенный пункт по хозяйственным делам.

(50) A čer su bili otac *Šomorjani* tr su kupili par praset za 16 funat... / А вчера отец был в Шоморьяне и купил пару поросят за 16 фунтов. (I.116. 07.03.1911, М)

(51) Majka su bili *Šomorjani* s Štefacom i onde se je opio. / Мама была в Шоморьяне со Штефацом, и там он напился. (I.22. 18.11.1908, КŠ)

Пять раз в письмах упоминается *Pešt*. Здесь он фигурирует еще как отдельный населенный пункт, хотя объединение Буды и Пешта в единый город на тот момент уже состоялось, при этом сам топоним приводится в хорватской орфографии.

(52) ... vsi Gregorići su se jur raztegnuli, *Peštu* su prošli. / Все Грегориичи уже кто куда отправились, в Пешт уехали. (I.137. 28.08.1911, М)

(53) Bankovička je umrla. Čuda ljudi je bilo na pogrebi. *Iz Pešte* nje sestra i Mare je bila s nje mužem... / Умерла госпожа Банкович. Много людей было на похоронах. Приехала ее сестра из Пешта и Маре была с мужем... (I.69. 25.01.1910, М)

Далее рассмотрим топонимы с особой внутренней формой, когда населенный пункт именуется по его части.

Так, село может называться по одной из его улиц – сюда относятся в первую очередь топонимы с формантом *-hof* (< нем. *Hof* ‘двор’), обозначающие не села как таковые, а части сел.

Семь раз в письмах появляется топоним, относящийся к Гице / Киттзее, который фигурирует в двух различных вариантах – литературном *Najhof* / *Naihof* (< нем. *Neuhof* ‘новый двор’; четыре раза) и разговорно-диалектном *Najhuf* (три раза) – переход лит. [o] в [u] в целом характерен для немецких диалектов Бургенланда. Пять примеров из семи взяты из писем матери, один – из письма отца и один – из письма Яндре, который называет часть села согласно официальному его написанию. Таким образом, в узусе старшего поколения официальное и диалектное названия представлены в равной степени. Контексты, в которых фигурирует топоним, практически идентичны: во всех случаях речь идет о сезонных работах жителей с. Чуново в данной части села.

(54) No dragoljubni a pri pohteru još ni ništ, tote su jur Slovake a Čunovce su si najeli za žetvu *na tom gijeckom Najhofi*... / Дорогой, у Похтера пока нет работы, там уже словаки, а жители Чуново надеялись на жатву в Гице на Найхофе. (I.33. 07.05.1909, М)

- (55) Pri gospodi su jur Slovaki *na Najhofi* takaj. / А у господина уже словаки в Найхофе тоже. (I.32. 06.04.1909, O)
- (56) Ali ste, znam, jur poželi? Pak kako tim gre *na tom Najhofi*. / А что вы, жатву уже закончили? Или как там идет дело на этом Найхофе. (I.135. 21.07.1911, JS)
- (57) Dragoljubni kad biš ti sada vidio kako sada Čunovi cuj gre za ljudi 5-tera kola se *na Najhof* voziju, tr imaju žene funat za dan. / Дорогой, видел бы ты, как сейчас в Чуново, по пять повозок с людьми отвозят в Найхуф, женщинам платят по фунту в день. (I.128. 15.06.1911, M)
- (58) Dragoljubni, a ti *Najhufi* još djelaju, ali toga ti ne znam, ča ćeju si pridjelat. / Дорогой, а в Найхуфе еще работают, но не могу тебе сказать, будут ли дальше работать. (I.136. 01.08.1911, M)
- (59) A za žetvu još ništ ne znamo, velu, da *na Najhof* ne gredu i za Rosvar ništ ne znamo. / А про жатву еще ничего не знаем, говорят, в Найхуф не ездят, и про Росвар ничего не знаем. (II.31. 10.03.1913, M)

Следующие два топонима с формантом *-hof* отсылают к другому селу, *Nimški Jandrof*, которое здесь также не указывается прямо. При употреблении топонима *Karlhof* имеет место дублирование номинации – первая, *Kolhof*, отражает влияние разговорного узуса (неполное, так как мать пишет *Kolhof*, а не *Kolhuf*), вторая, *Karlhof*, соответствует официальному написанию. Этим названием обозначается часть села Нимшки Яндроф (географически ближайшая к Ракиндрофу / Росвару, ср. соответствующую улицу на карте современного села).

- (60) Čunovi je sada, da gor ništ ni, jedni hodu na Najhof, 3 kola puna, da gor nimaju ploca a jedni *na Kolhof (Karlhof)*... / В Чуново сейчас ничего нет, одни отправляются в Найхоф, три полных повозки, так что там мест нет, другие – в Колхоф (Карлхоф)... (I.37. 27.05.1909, M)

Дважды в письмах упоминается *Zeiselhof*, также часть села Нимшки Яндроф, ближайшая к с. Чуново, с официальным названием *Zeiselhof*. Оба раза наименование появляется в письмах матери, речь идет о сезонных работах, причем письма отсылают к разным сезонам. Характерно, что название села передается в них по-разному: в одном случае с опорой на официальное написание названия (*Zeiselhof*), в другом случае – на устный диалектный узус (*Cajzhuf*); ср. также передачу дифтонга [aj]: в первом случае через *ei*, согласно литературной норме, во втором случае – как *aj*, в соответствии с произношением. Начальное [с] при этом в обоих случаях передается согласно фактическому произношению, а не по официальному написанию, т. е. как *c*, а не *z*.

- (61) Od Božića va nikarkovoj zaslužbi nisam bio, nek ča sam drva djelao a sada smo ja tr Vindiš *na Ceizelhofi*, ledenicu pokrivamo. / С Рождества я не ездил ни на какие работы, только что рубил дрова, а сейчас мы с Виндишем в Цайзелхофе покрываем погреб. (I.74. 19.02.1910, O)
- (62) ... sada tamo *Cajzlhuf* hodiju, tr jim skuham, kad je predaleko van domom. / ... а сейчас они ездят в Цайзлхуф, и я им готовлю, поскольку до дома далеко. (I.76. 28.02.1910, M)

Село также может называться через имя богатого работодателя, в первую очередь это относится к Росвару, который часто обозначается в письмах как *pri Baderu* «у Бадера»:

- (63) Dragi sin, ti si pisao, da ča je to, da ča ti otac ništ ne pišeju, kad ti mati pišeju, ko ja nisam doma, kad sam još *pri Baderu* a kad sam nedilju doma, onda znaš kako je. / Дорогой сын, ты писал, что это такое, отчего тебе отец ничего не пишет, а мать пишет, это потому, что я сейчас не дома, а еще у Бадера, а когда я в воскресенье дома, сам знаешь, сколько дел. (I.16. 08.11.1908, O)
- (64) Ja sam bio *pri Baderu*, tr sam došao prekasno, jur ima druge. / Я был у Бадера, но пришел слишком поздно, у него уже другие. (I.32. 06.04.1909, O)
- (65) A žene se vsaki dan dobežu i te su dobro aufkljikt a *pri Baderu* su takaj Čunovci djelali. / А женщины каждый день прибегают, и все в порядке, а у Бадера тоже работали чуновцы. (I.136. 01.08.1911, M)

В следующем примере речь также идет о Росваре и работе на Бадера, упоминаемый локус здесь обозначается германизмом *Müllsont* ‘мельница’.

- (66) Meni je dao Bader mrvu dijela *na njihovom Müllsontu*, da ča daklje si načinjim. / Бадер мне дал небольшую работу на его мельнице, так что я еще кое-что сделаю. (I.28. 07.03.1909, O)

Конструкция с *pri* может содержать не конкретную фамилию, но гипероним со значением ‘помещик, господин’.

- (67) No a ljudi su tako porastezani, jedni na kurija, jedni na kanalju, jedni Rosvari. To sada vse furt *i pri pohтеру*. / А люди все заняты, одни в курии, другие на канале, третьи в Росваре. Многие и у Похтера. (I.57. 25.08.1909, M)
- (68) Dragoljubljeni brat, sada ti na znanje dajem, da su Čunovi Rusi 85. *Pri pohтеру* žanjeju, ali to već ni njigovo, to kera vse rosvarskoj gospodi. / Дорогой брат, сообщаю тебе, что в Чунове стоит 85 русских. Они собирают урожай у Похтера, но раз это все больше не принадлежит ему, то причитается господину из Росвара. (III.46. 14.07.1915, S)

- (69) Pak ti pišem, da imamo čuda Rusov **pri gospodi**. Kad pohter je furt, tr su **pri gospodi**, 100 ji je. / И еще пишу тебе, что у господ куча русских. Раз Похтер теперь все, они у господина, их 100. (III.42. 11.17.1915, KV).
- (70) **Pri gospodi** su jur Slovaki na Naihofi takaj. / А у господ сейчас словаки в Найхофе. (I.32. 06.04.1909, O)

Конструкция *pri gospodi* может также использоваться с уточняющими притяжательными прилагательными, образованными от названия соответствующего села, ср. *pri rosvarskoj gospodi*, *pri Rakindrofskom gospodinu*:

- (71) Pak je li ćeju i ljetos Čunovci **pri rosvarskoj gospodi** žet, ako bude znam tamo moguće dojt žet, ko bi mi bilo pravo... / Будут ли и в этом году чуновцы жать у росварских господ, если узнаю, то смог бы приехать на жатву, если мне позволят... (III.30. 06.03.1913, JS)
- (72) ... ti na znanje dajemo, da smo bili **pri Rakindrofskom gospodinu** zavolj prošnje, tr su nam rekli, da ćeju oni pisat črljenomu križu onda... / ... сообщаем тебе, что мы были у ракиндрофского господина с просьбой, и они нам сказали, что напишут в Красный крест... (III.68. 30.09.1915, S)

Соответственно, место, где работают чуновцы, может быть названо и через общее обозначение жителя данного села: *pri jednom Rakindrofcu*.

- (73) smo tako daleko s domaćom djelom fertik a sada **pri jednom Rakindrofcu** slamu rižemo na Veliki lapti a čas nimamo lip. / Домашние дела у нас далеко не в порядке, а сейчас мы у одного ракиндрофца режем солому на Большом лугу, а погода у нас плохая. (III.15. 28.10.1915, S)

В письмах встречается и микропонимика – ряд наименований, известных только самим односельчанам. Так, неоднократно появляется *crikvena lapti* ‘церковный луг (поле)’, т. е. луг, расположенный около церкви, где также работает отец, при этом название пишется то со строчной, то с прописной буквы.

- (74) A sada ću pojť panje kopat **crikvenim laptom**... / А сейчас хочу пойти корчевать пни на церковном лугу... (II.25. 14.02.1913, O)
- (75) A s domaćim smo tako, jarca smo posijali, to na kraj žita tr mrvu panja sam nakorao **pri crikveni lapti**. / А что касается домашних дел, мы посеяли ячмень и немного пшеницы, и я немного корчевал пни на церковном лугу. (II.28. 20.02.1913, O)
- (76) Ali nadalje će bit **pri Crikveni lapti** panja ča na kopat... / А дальше на Церковном лугу придется корчевать пни... (I.51.19.09.1909, O)

Различные места и участки вокруг с. Чуново могут перечисляться в письмах как микропонимы: *Pri ruški* «У груши», *Pri gušterni* «У

колодца» и *na Sridnjem* «на Среднем». Церковный луг здесь назван просто *Crikvena*.

(77) Mi ćemo znam na tajedan jur zet, *na Crikvenom* je žito, pak *Pri ruški*, a *Pri gušterni* je jarac a *na Sridnjem* je zob, a ja imam još kukoricu hajfljat. / Мы, я знаю, на этой неделе уже будем жать, на Церковном – пшеница, а также и “У груши”, и “У колодца” ячмень, а на Среднем – овес, а еще мне надо собрать кукурузу. (I.94. 15.06.1910, M, S)

Фигурирует в письмах и ближайшая к селу река – Дунай, топоним употребляется здесь исключительно в варианте *Dunaj* (при венг. *Duna*, нем. *Donau*). При сильном паводке, в том числе дождевом, Дунай разливается и подтопляет территорию села, о чем жители рассказывали нам во время экспедиции 2018 г.

(78) ... od pandiljka do četvrtka je snig šao a zatim veljen godina 2 dni i 2 noci tr imam sada od kaštela do naše gusterne sve jeden *Dunaj*... / С понедельника до четверга шел снег, а потом дождь два дня и две ночи, поэтому от усадьбы до нашего колодца сейчас один сплошной Дунай... (I.25. 05.02.1909, O)

(79) Pri nas je jako vruće, jako malo godine i jako malo vode. *Pri Dunaji* i va gušterna to je još čuda... / У нас тут очень жарко, нет дождей и поэтому мало воды. Возле Дуная и в колодце еще хватает... (I.137. 28.08.1911, M)

Наконец, рассмотрим, как представлена в письмах столица государства, т. е. Вена, которая в письмах обозначена как *Beč*. Она упоминается 45 раз, при этом члены семьи Яндре пишут о ней не так много: лишь семь упоминаний принадлежит матери Яндре, одно – его сестре. В остальных случаях про Вену пишет либо сам Яндре, либо его друзья и знакомые. Это могут быть новости об общих знакомых, сообщения о пребывании в Вене, постоянном или временном.

(80) Iz Čunova Hofschneiderov Feri je takaj jur umro *va Beči* va špitalju, prehladjen je bio. / Из Чуново Фери Хофшнайдер тоже умер в Бече в больнице, из-за переохлаждения. (I.18. 02.12.1914, S)

(81) Kad i kumi sam pisao *Beč* a takaj ništ ne pišu. / Я и куме писал в Беч, а в ответ тоже ничего не пишут. (III.125. 10.12.1916, JK)

(82) Dragoljubni i.t.d. mislim tamo blizu k Vsim svetim ću znam dojt *Beč* a odanlen ću jur dojt kako-tako domom. / Дорогие и все-все, думаю, ближе к Дню Всех Святых я попробую приехать в Беч, а оттуда как-то выбраться домой. (III.69. 10.10.1915, JS)

(83) Petak, 3.11.1916 na objed smo *Beči* objedvali. / В пятницу, 03.11.1916 мы днем обедали в Бече. (III.112. 03.11.1916, JS)

В следующих примерах Вена соотносится с Пожонью как альтернативный вариант места работы:

(84) I ti, ako štimaš mjesto pogledat ovde **Beći**, ne **Požoni**. / А ты, если намереваешься найти работу, лучше ищи в Бече, не в Пожоне. (III.76. 29.02.1916, JS)

(85) Dragi Jandre, novoga ti nemorem čuda pisat, to znaš i tako, da ja nikamor ne grem, nek da ćeju vse divičice projt služit. Jedne **Beč** a drugi **Požon**. / Дорогой Яндре, нового ничего тебе не могу написать, ты и так знаешь, что я никуда не уеду, тогда как все девушки хотят ехать служить. Одни в Беч, другие в Пожон. (III.76. 29.02.1916, KP)

Один раз приводится адрес в Вене, однако это не точный адрес, а напоминание, на какой улице данная семья может проживать.

(86) Baba Puhovičeva su sada **Beći pri Agneški**... teta su rekli, tako moreš nek pisat. To, da je *placa Johan Strauszgasse*. / Бабушка Пухович сейчас в Вене у Агнешки... тетя сказала, можешь им писать. Туда, по адресу площадь Йохан Штраусгассе. (I.29. 17.03.1909, M)

Речь может идти о жителях Вены, при этом, когда о них пишут, то имеют в виду не немцев, а хорватов, проживающих в Вене, ср. хорватскую фамилию у «венского» сослуживца Яндре, также «венцы» наряду с жителями градищанских деревень являются непременными гостями на свадьбах.

(87) ... ovo pismo šaljem po jednom tovarušu, **Bečanu**, ki gre iz odavlje **Beč** na 5 dan urlauba. / ... это письмо я отправляю с одним товарищем, венцем, который едет от нас в Вену в пятидневный отпуск. (III.66. 25.09.1915, JS)

(88) Pak je to bio ta **Bečan Krapić**, ča je bio s manom va kuhinji. Nam, još ništ ne pisao kade je. Žao mi je bilo kad je prošao od nas. / А это был тот венец Крапич, что работал со мной на кухне. Нам пока не написал, где он сейчас. Мне было жаль, когда он от нас уехал. (III.176. 03.07.1917, JS)

(89) **Bečani** su bili jako veseli a lip su se veselili. / Венцы были очень довольны и от души веселились. (I.52. 19.09.1909, MP)

Приведенные примеры показывают вариативность местных топонимов в рамках употребления (и смешения) трех языков, которыми владеют жители с. Чуново, – родного градищанскохорватского и двух доминантных – немецкого и венгерского. При этом доля немецких вкраплений в топонимическую лексику значительно выше, чем венгерских. Градищанскохорватские варианты и формы топонимов преобладают, а формальные звуковые особенности согласуются со славянской речью, отраженной в письмах: метатеза в форманте *-dorf* >

-drof, упрощение групп немецких согласных (*Jandrof, Pandrof* и др.). Иногда отмечаются в письмах при указании на топонимы и местные (диалектные) особенности немецкого произношения: переход [o] > [u] в конечном форманте *-hof* (*Najhuf, Kolhuf, Cajzlhuf*). Специфику имеет использование предлогов с топонимами: как правило, опускаются предлоги места и направления: *Ćunovi* «в Чуново», *Beći* (гораздо реже *va Beći*) «в Бече» и т. д. Предлог *pri* в совокупности с употреблением фамилии помещика или графа может указывать на место работы или службы сельских жителей: *pri Baderu, pri Limpeku* и т. д. (предлог *pri* в малом литературном градищанскохорватском языке полифункционален и имеет значения ‘у кого-л.’, ‘на’ и ‘в’ (с семантикой места), а также темпоральную характеристику ‘за время’, подробнее см.: [GHNR, 527]). Подобные конструкции в письмах могут функционировать как обозначения локусов, в том числе как микротопонимы, известные лишь узкому кругу лиц (ср. также конструкции *Pri ruški* «У груши», *Pri gušterni* «У колодца»).

III.4. ТЕРМИНОЛОГИЯ НАРОДНОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

При изучении традиционной народной духовной культуры анклава представляется немаловажным проследить пути ее трансформации на протяжении двадцатого столетия, и в этом плане полезными могут оказаться сохранившиеся письменные свидетельства. В данном разделе будет проанализирована терминология традиционной народной духовной культуры, которую мы соотносим с результатами наших собственных полевых записей, сделанных в Чуново в 2018 г. Отметим, что в письмах представлена только лексика календарной и семейной обрядности и совершенно не представлена народная демонология. Мифологическую лексику народной культуры отражает лишь специальное «святое письмо», оберег солдата (подробнее см. III.5).

В данном случае исследование терминологической лексики народной духовной культуры служит еще и своеобразным «входом» в мир обычаев, обрядов и традиционных представлений градищанской деревни. Поэтому по мере необходимости привлекается этнографический и фольклорный материал, без знания которого часто невозможно определить значение и употребление тех или иных лексем в контексте переписки. Для ее авторов мир своей деревни понятен и знаком с раннего детства, поэтому в письмах они не описывают тот или иной обряд или праздник, а лишь делятся впечатлениями о том, были ли

отступления от привычного хода событий, как они сами себя чувствовали на празднике и т. д. Кроме того, отдельные термины приобретают переносный и символический смысл в случаях, когда с помощью обозначения ритуала указывают на время того или иного события (например, «на красное яйцо», что значит «в субботу перед Пасхой») или при употреблении народного наименования ряженных указывают на свое эмоциональное состояние (например, «мы, как безумные “норцы”, сгорбленные, старые и страшные») и т. д.

Ввиду специфики языковой ситуации в селе, сложившейся в начале XX в., отдельный интерес представляет выявление возможных заимствований в терминологической лексике народной духовной культуры, для которой в целом не свойственно употребление неславянских лексем, возникающих в письмах ситуативно под влиянием статусных для кросскультурного сообщества событий. В следующих подразделах прослеживается, в каких контекстах представлена в письмах терминология календарного и семейного циклов, при этом во всех случаях оказывается необходимым знание местной народной традиции, о которой собраны этнолингвистические сведения авторами и которая отчасти представлена в имеющейся краеведческой литературе.

4.1. Далее будут специально рассмотрены те германизмы, которые появляются в письмах в контексте традиционной народной культуры: при рассказе о праздниках в рамках народного и церковного календарей, событиях из сферы семейной обрядности (рождение, свадьба, смерть).

4.1.1. Заимствованным из немецкого термином рождественского цикла является *Kriskindl* (от нем. *Christkind* досл. ‘Христос ребенок’). В частности, говорится о подарках *Kriskindl* / *Kristkindln*:

- (1) Ja vas pozdravljam kako krat morem iz dibine mojega veseloga srca i vam ovo *šaljem kriskindelna* koga sam vam obećao... / Я вас бесконечно приветствую от всей своей души и шлю вам обещанный рождественский подарок... (I.65. 19.12.1909, JS)
- (2) No a ti imaš sada dvoje ure, to *si kriskindl dostao*... / Теперь у тебя двое часов, это твой рождественский подарок... (I.68. 10.01.1910, M)
- (3) ... i mi se tužiš, da maloj ništ ne moreš kupit. Će jur *dostat Kriskindl* i vse ča prauhala bude, kot i ti. / ... и ты мне жалуешься, что ничего не можешь купить малышке. Она же получит свой рождественский подарок, и у нее будет все, что ей необходимо, как и у тебя. (III.201. 02.12.1917, JS)

В других случаях *Kriskindl* выступает синонимом к *Božić*, т. е. фигурирует в качестве наименования праздника:

- (4) Da si tako mi tebi ne moremo drugo **na *Kriskindl*** poslat nek ljubav. / Так что мы ничего не можем прислать тебе на Рождество, только любовь. (I.64. 17.12.1909, M)
- (5) ... Ali hofam da vam je vsim skupa **veselji *Kriskindl*** s njom nek lani. / Но я надеюсь, что вам всем вместе веселее с ней встречать Рождество, чем в прошлом году. (III.202. 06.12.1917, JS)
- (6) Dragoljubljena, **ni daleko od Mikule i od *Kristkindlna***... / Дорогая моя, уже близко св. Николай и Рождество... (III.201. 02.12.1917, JS)

Наконец, *Kriskindl* может относиться к обозначению персонажа, который тайно приходит в дом и приносит подарки (характерно при этом, что заимствованный термин обозначает именно персонажа (кто придет), в то время как собственно хорватский используется для обозначения временного ориентира (когда придет):

- (7) Mislite i na me, kad ***Kriskindl* dojde na badnjak vecer** mi ekstra kušni našu i to moju kćer. / Думайте и обо мне, когда вечером в Сочельник придет Крискиндл и крепко поцелуйте от меня нашу, мою дочь. (III.202. 06.12.1917, JS)

При этом сама многозначность заимствованного термина имеет немецкое / австрийское происхождение. Так, в работах А. И. Домашнева и В. А. Чукшиса указано, что *Christkindl* в значении 'рождественский подарок' является австрийской инновацией при общенемецком значении 'праздник' [Домашнев 1967: 31; Чукшис 2021: 65]. Южнонемецкой инновацией является также обозначение данным термином центрального персонажа рождественских обходов [Культурное наследие 2021: 79].

4.1.2. При описании праздника Тела Господня появляется германизм *umgang*, *umgong* 'обход (церкви)' от нем. *Umgang* 'обход': в речи матери (письмо от 15.06.1911) термин имеет форму *umgong*, а в письме Яндре от 17.06.1911 встречаются оба варианта – *umgang* при вопросе о прошедшем празднике в селе и *umgong* при описании праздника в воинской части.

- (8) Danas **smo imali umgong crikvi**. / Сегодня у нас был обход церкви. (I.128. 15.06.1911, M)
- (9) kako je bilo pri vas **na Tijelovu? Ste imali umgang?** / ... что у вас было на праздник Тела Господня? Был обход? (I.129. 17.06.1911, JS)
- (10) **Na umgong** do jednoga oltara su došli. / На обход к одному алтарю они ходили. (I.129. 17.06.1911, JS)

4.1.3. В письмах говорится о наличии в селе сразу двух храмовых праздников, один из которых называется *prvi kiritof* досл. ‘первый храмовый праздник’, а второй обозначается как *nohkiritof*, где первая часть композита восходит к немецкому *noch* ‘еще’, т. е. еще один храмовый праздник или *drugi kiritof* досл. ‘второй храмовый праздник’. Сам термин *kiritof* представляет собой германизм и восходит к немецкому *Kirchtag* (досл. ‘день церкви’), однако данное заимствование является общеградищанским (см., например, Плотникова 2016: 123). Письма отражают параллельное бытование германизма и термина с хорватским корнем, т. е. *noh* / *drugi*. Указывается, что второй храмовый праздник отмечали в день св. Михаила: *danas je Miholja* (15).

- (11) ... pišeš ***doslje je prvi kiritof***, da moreš doma sidit... / ... ты пишешь, что на первый храмовый праздник вынуждена оставаться дома... (III.190. 05.10.1917, JS)
- (12) Behan je einrukao ***na nohkiritof*** tr su ga opet poslali ženi, za tu Jandrofku, ča je bogata. / Бегана забрали перед вторым храмовым праздником, а потом его опять вернули жене, той самой богачке из Яндрофа. (I.12. 27.10.1908, JaG)
- (13) Dobro, ***češ si nohkiritof načinjiti***. / Хорошо, будешь праздновать второй храмовый праздник. (I.54. 29.09.1909, M)
- (14) Danas je jur Miholja a ***drugi kiritof***. / Сегодня уже день святого Михаила и второй храмовый праздник. (III.67. 28.09.1915, JS)

Далее рассмотрим германизмы в лексико-тематической сфере семейной обрядности.

4.1.4. Часть заимствований относится к терминологии свадебной обрядности – дружка жениха обозначается как хорватским термином *staćilo* (ср. 18), так и германизмами *praut fira*, *prautfirer* (ср. австр.-нем. *Prautfirer*, лит. *Brautführer* ‘дружка’). Функционирование германизма в письмах предполагает, как минимум, включенность свадебной церемонии в «городской контекст». Один раз термин *praut firer* появляется в тексте, написанном из Вены проживающим там хорватом, где подробно рассказывается о том, какая свадьба планируется и кто на нее будет приглашен. Второй раз обозначение *prautfira* находим уже в письме матери, в контексте подробного рассказа об уже состоявшейся свадьбе – отметим, что в первом варианте заметно влияние письменного стандарта, а во втором – разговорного узуса (*firer* / *fira*).

- (15) ***Praut firer*** će bit Karl Palešičev... ali morat ćeju pojt, kad ***zaručnjak*** dojde... / Дружкой будет Карл Палешич... но они поедут, когда приедет жених... (I.43. 06.08.1909, MP)

- (16) *Žene, ništ divičić a fermani kum je bio prautfira.* / Женщины, девушек не было, а кум был дружкой. (I.72. 04.02.1910, M)
- (17) *Šimac je bio staćilo, Behan jįgrać, takaj je bilo štrajt.* / Шимац был дружкой, Беган – музыкант, так было здорово. (I.90. 16.05.1910, M)

Также в письмах встретились словосочетания *nublj pir* и *nublj ženit* – от нем. *nobel* ‘знатный, благородный / шикарный’, т. е. речь, по всей вероятности, идет о свадьбах в кругу местного дворянства или обеспеченных жителей села и окрестностей, ср. *nobel* ‘отменный’, с синонимом *gospodski* в «Градищанскохорватско-немецком словаре» [GHN: 375], что отражает отношение к зажиточным и богатым семьям. Заимствованное прилагательное в письмах никак не согласуется с определяемым существительным (*nublj piri* ‘знатные свадьбы’), а при глаголе может выступать в функции наречия (*nublj ženit* ‘достойно жениться’). См. оба эти варианта в следующем примере:

- (18) *To znas tako ur vse dobro, to su bili jako nublj piri.* Ljetos su se ti *nublj ženili* a po vazmi će se ... *Marica Palešićeva za Fetlna, sam čula.* / Ты знаешь прекрасно, это были все благородные свадьбы. В прошлом году женились богатые, а после Пасхи собирается ... Марица Палешич за Фетлна, я слышала. (I.115. 05.03.1911, AS)

4.1.5. Наконец, в письмах также представлено два германизма с формантом *-tag* (нем. *Tag* ‘день’): *gepurctag* / *gepurstag* / *geburstag* ‘день рождения’ от нем. *Geburtstag* «день рождения», досл. ‘рождения день’ и *Namenstag* ‘именины’, от нем. *Namenstag* «именины», досл. ‘имени день’. В хорватской речи первый германизм представлен в трех вариантах, которые при этом последовательно варьируются в плане влияния письменной нормы (ср. лит. *geburstag*, но также представлены два написания с *p*, и в одном варианте немецкий показатель генитива – [s] передается как *c*). Характерно, что оба термина появляются исключительно в речи Яндре, причем уже в его поздних письмах; параллельно с *Geburstag* в значении ‘день рождения’ он употребляет хорватский термин *god*, при этом *geburstag* и *namenstag* появляются в письмах к жене в контексте «мой день рождения / день рождения моей дочери», а *god* – в письме к сестре («я забыл, когда твой день рождения»). В свою очередь, мать Яндре вообще не употребляет *Geburstag* и *Namenstag*, а *god* у нее в речи имеет также традиционное значение ‘годовщина смерти, день поминок’ (ср. аналогичные значения в современном словаре градищанскохорватского языка, где лексема *god* имеет значение ‘именины’, переводится на немецкий как

Jahrestag и *Namenstag*, но также и ‘задушки, день мертвых’ – *Dušni dan*, *Dan mrtvih*, *Allerseeling* [GHNR: 157]).

- (19) Na 3. je **moj gepurctag**, 29 ljet star, 4. maj Gott. / 3 числа мой день рождения, 29 лет, о, Боже мой. (III.74. 01.12.1916, JS)
- (20) Preljubljena, kratio bi vam maloj siroti **nje gepurstag**. Danas je nje prvo ljetu. / Дорогая, я бы встретил с вами день рождения моей сиротки. Сегодня ее первый день рождения, год. (III.209. 26.01.1918, JS)
- (21) A je to bila ta harta, ča sam **ti k geburstagu poslao**, pak si tu dostala ča sam va pismo nuter položio i kćerici na spominak... / А это была та открытка, которую я тебе посылал к дню рождения, ты же получила ту, которую я положил в письмо тебе и дочке на память... (III.156. 16.03.1917, JS)
- (22) Dragoljubljena ti oznanjujem da je 3.2. **moj gepurstag**, 30 ljet star a 4.2. **moj 30 ljetni Namenstag**, ovo jur sedmi pri vojski. / Любимая, сообщаю тебе, что 3.2. мой день рождения, 30 лет, а 4.2. мои именины, тридцатилетие, это уже седьмые как я в армии. (III.141. 27.01.1917, JS)
- (23) Predraga sestra, i tebi prosim za oproštenje, da ti **nisam tvomu godu ništ pisao**. / Дорогая моя сестра, прошу извинить меня, что я к твоему дню рождения ничего не написал. (III.210. 06.02.1918, JS)
- (24) ... **četvrtak je pokojne babe god**. / ... в четверг годовщина покойной бабушки. (I.60. 21.11.1909, M)
- (25) Drago dite, lipo je, veseli me, da **na pokojnu sestricu misliš, nje god je** va jeneri 19. ... A za kumu ne znam **kada je njihov god**. / Дорогое дитя, как я рада, что ты помнишь про покойную сестру, ее годовщина 19 января. А что касается кумы, я не помню, когда у нее годовщина. (I.74. 19.02.1910, M, O)

4.2. Отдельно мы рассматриваем переключение кодов, когда в рамках одного дискурса происходит смешение языковых идиомов, в следующих примерах оно носит ситуативный характер, когда говорящий не в состоянии подобрать хорватскую лексему⁴⁸.

Характерной чертой рассказов о традиционной культуре в том виде, в каком они представлены в письмах, является очень небольшое количество иноязычных (немецких) вкраплений, несмотря на то что сами письма ими крайне насыщены. Этот факт лишний раз свидетельствует о том, что при описании своей традиции информанты в полиязычном сообществе, как правило, переходят на язык внутрисемейного общения. По сути, мы имеем четкое противопоставление заимствованной и ав-

⁴⁸ На материале славяноязычного письменного дискурса подобные случаи рассматриваются, например, в работе [Пилипенко 2021: 443–445].

тохтонной лексики в письмах: огромное число германизмов встречается при описании городской (а также административной и военной) жизни, однако почти полное их отсутствие обнаруживается при описании реалий и действий, относящихся к традиционной народной культуре.

4.2.1. Во-первых, частотным является германизм *unterhojdat*, *untrhojdat* (нем. *unterhalten* ‘развлекаться’). Речь идет о доступных для жителей села развлечениях на праздник, в первую очередь о танцах с музыкой. В данном случае употребление германизма, возможно, связывается с желанием представить свою сельскую жизнь в праздники аналогичной венским развлечениям, отсюда – переход на более статусный язык общения.

(26) ... piši mi ča je novoga doma tr je li **ste se** dobro **unterhojdali** na Katarinu. / ... пиши мне, что нового дома, и хорошо ли вы провели день св. Катарины. (I.140. 28.11.1911, AS)

(27) ... na mesopust **smo se** meru bolje **unterhojdali**, ali nedilju ništ ni bilo... / ... на Масленицу мы немного развлеклись, но в воскресенье ничего не было... (I.112. 04.02.1911, ŠŠ)

(28) Draga Marica, ko **ste se** dobro **unterhojdali** na kiritof. Me samoga veseli, ako **ste se** mogli mrvu razveselit... / Дорогая Марица, как хорошо вы **отдохнули** на храмовый праздник. Меня самого радует, что вам удалось немного развлечься... (III.191. 11.10.1917, JS)

4.2.2. *Ceihen* (от нем. *Zeichen* ‘знак’), встречается при описании приметы (у беременной женщины болели зубы, и это был «знак» рождения ребенка женского пола). Поскольку неожиданно в данном контексте употребляется германизм, то можно предположить, что написанное имеет оттенок иронии:

(29) Vidiš zato su te pored zube bolili, to je bio **ceihen**, da će bit kćer. / Видишь, почему у тебя зубы болели, это был знак, что будет дочь. (III.149. 05.02.1917, JS)

4.2.3. *maj Gott* (нем. *mein Gott* ‘мой Бог’), словосочетание выступает в функции междометия, появляется в письме Яндре к жене:

(30) Na 3. je moj gerpurctag, 29 ljet star, 4. **maj Gott**. / 3 числа мой день рождения, 29 лет, о, Боже мой. (III.74. 01.12.1916, JS)

4.2.4. Также формульный характер носит заимствование немецкого благопожелания к Новому году, при этом благопожелание, обращенное к хорватским родственникам, проживающим в Вене, автор письма начинает по-хорватски, а заканчивает по-немецки:

- (31) Binčamo jim srično Novo ljetu *mit ksunthajt unt frolikajt...* / Поздравляем их и желаем счастливого Нового года, также здоровья и радости... (т. е.: *mit Gesundheit und Frölichkeit* ‘со здоровьем и радостью’) (I.106. 25.12.1910, M)

4.3. При анализе терминологической лексики календарной обрядности, представленной в переписке, целесообразно исходить из тех функций, которую конкретные термины выполняют в текстах писем.

4.3.1. Календарные термины, используемые для ориентации во времени.

Так, в письмах упоминаются день св. Николая *Mikule* (06.12), день св. Стефана (26.12) и день св. Ивана *Ivanja* (27.12) – характерно, что немецкий термин в значении ‘Рождество’ не выступает в качестве темпорального ориентира (в письмах употребляются исконные градицанскохорватские лексемы, обозначающие Рождество и Сочельник, соответственно – *Božić, Badnjak*).

- (32) Srično veselu polnoćicu i veseo *Božić* vam željim i ću vas prosit pišite mi... / Желаю вам счастливого Сочельника и веселого Рождества и прошу, пишите мне... (I.65. 19.12.1909, JS)

- (33) *Danas je Mikuljeva...* Preljubljeni, sada su zornice, hodite crikvu, se obdržavaju? Dohaja *Kriskindl*, ča će nam, Bože, donest? *Mikulja je prošao*, ništ ne donesao. / Сегодня день св. Николая... Дорогой, сейчас Адвент, в церковь ходите, <службы> есть? Приходит Рождество, Боже, что оно нам принесет? Николай прошел, ничего не принес. (III.203. 06.12.1917, JS)

- (34) Tvoje pismo smo dostali četvrtak, to je bilo *na Stefanju*, kad smo tako veselili i turobili. / Твое письмо мы получили в четверг, это было на Стефана, когда мы так радовались и грустили. (II.16. 28.12.1912, M)

- (35) A pak smo ti *tako na Ivanju poslali* a ti si stopr po Novom ljetu dostao. / Мы отправляли тебе на Ивана, а ты получил как раз после Нового года. (II.18. 07.11.1913, M)

Встречаются термины *Staro ljetu* ‘Старый год; Св. Сильвестр’ (31 декабря) и *Novo ljetu* (Новый год):

- (36) Novoga ti ne morem ništ pisat, nek da je Jive Babićev doma, *na Staro ljetu* će projt. / Ничего нового я тебе написать не могу, только что Иве Бабич дома, на Сильвестра уедет. (I.61. 27.11.1909, AS)

- (37) Ruža se odava, *po Novom ljetu bi radi pirovat*. / Ружа выходит замуж, после Нового года грядет свадьба. (I.64. 17.12.1909, M)

Обширную группу примеров составляют случаи упоминания Масленицы – *mesopust*. Речь идет о таких вещах, как совместные праздничные прогулки или приезд домой на Масленицу:

- (38) ... kad **smo bili Požoni na mesopust** va Esterhazi vrtu... / ... когда мы были на Масленицу в Пожони в саду Эстерхази... (I.88. 23.04.1910, JaG)
- (39) Miško Kristov **je bio doma sada na mesopust**. / Мишко Кристов был дома сейчас на Масленицу. (I.73. 09.02.1910, M)

Авторы писем часто сообщают собеседнику о том, были ли свадьбы в эти дни⁴⁹:

- (40) **Ženilo se je pred mesopustom** ... a po vazmi ću se ženit. / Были свадьбы на Масленицу ... а я женюсь после Пасхи. (I.70. 28.01.1910, JiG)
- (41) ... pak je li **nigdor ne ženi ov mesopust**, pak je li bala neće bit nek ljetos? / ... раз не было свадеб на эту Масленицу, то и не будет бала, только летом? (II.19. 12.01.1913, JS)

В одном из писем говорится о начале Масленицы, приводится устойчивое сочетание *mesopusni pandiljak*:

- (42) ... smo tvoje pismo stopr subotu dostali, to je bilo 8. a hartu, ča si Marici poslao, tu je **mesopusni pandiljak dostala**. / Мы твое письмо получили как раз в субботу, это было 8 число, а открытку, которую ты отправлял Марице, она получила на Масленицу в понедельник. (II.24. 10.02.1913, M)

В том же контексте, т. е. при обозначении времени свадебных церемоний и других значимых событий, может употребляться термин *vazam* ‘Пасха’:

- (43) **Jur od vazam** nisu iz prateži došli, ja sam takaj par puti do jutra bila... / Еще с Пасхи не переоделись, я тоже пару раз так до утра была... (I.84. 05.04.1910, M)
- (44) ... a **po vazmi ću se ženit**. / ... а женюсь после Пасхи. (I.70. 28.01.1910, JiG)

Любопытным следует признать случай употребления терминологического выражения, обозначающего ритуал сбора крашеных яиц на Пасху маленькими мальчиками, причем – в функции сообщения о времени важного события, в данном случае – рождения ребенка.

- (45) Još ti ča morem, su pri ujcju **na črleno jaje dičaka dostali. Na Veliku subotu** jutro. / Еще о чем должна тебе (написать), в семье дяди «на крашеное

---

⁴⁹ Свадьбы у градишанских хорватов традиционно справлялись во время Масленицы, подробнее о ритуальном порицании не женившихся или не вышедших замуж в этот период см. в разделе II.1.

яйцо» (букв. «красное яйцо») родился мальчик. В Великую субботу утром. (I.84. 05.04.1910, M)

Обычай собирать крашеные яйца утром в Великую субботу накануне Пасхи известен по всему хорватскому Бургенланду. Поскольку об этом знают все градищанцы, то специально писать об этом обычае в письмах друг другу жители Чунова не стали бы. Однако в данном случае, благодаря совпадению – рождение ребенка-мальчика и приход собирающих крашеные яйца детей в дом – обыгрывается выражение *dičaka dostali* (букв. «получили мальчика»).

Более ожидаемая информация в письмах касается получения из дома крашеных яиц на Пасху, а также реакции на это событие окружающих людей на чужбине:

(46) Je to naša šunka, jako mi šmeka. Da to ni bila vičera, vse je tako kot ste mi poslali, nek dvoja **jaja** su bila potučena. Draga sestrica **to črljeno** je bilo cijelo, ča si mi pisala za Štefu, da je njigovo, ali danas ni bio pri meni, on je va službi danas. / Это наша ветчина, какая она вкусная. Вот это был ужин, все как вы мне отправили, только два яйца оказались разбитыми. Дорогая сестрица, это крашеное яйцо осталось целым, о котором ты писала, что оно для Стефы, но сегодня его не было рядом, он пока на службе. (I.123. 15.04.1911, JS).

Вторичное употребление обрядового термина отмечено и в случае, когда авторы пытаются описать свое эмоциональное состояние, прибегая к знакомым реалиям традиционной народной культуры. Так, в одном из писем встретился термин *norci*, употребленный пожилыми родителями солдата для усиления особенностей словесного портрета:

(47) A mi stari **norci** ćemo hojt doklje budemo mogli. / А мы, старые безумцы, будем ходить, пока сможем. (I.131. 30.06.1911, M)

Как было записано во время полевого обследования с. Чуново, *norci* (*nuorci*) ‘умалишенные’ – это «страшные» ряженые на Масленицу, появление и действия которых призваны испугать окружающих (они одеты в лохмотья, целуют девушек, крадут съестное и пр., см. также [Maász, Mallinerits 2012: 54]). Следует отметить, что письмо было соответствующим образом воспринято сыном в армии; он пишет, что их письмо его так поразило, «будто кто-то нож в сердце всадил»:

(48) ... vam na znanje dajem, da sam... vašu hartu dostao, ka je mi tako na srce spala, kot bi mi gdo nož va moje srce zabol... / ... сообщаю вам, что я ... получил ваше письмо, которое так поразило мое сердце, словно в него кто-то нож всадил... (I.132. 03.07.1911, JS)

Название Троицы *Duhi* служит временным ориентиром в случае, когда речь идет о том, что кто-то приедет домой на Троицу, тогда как при указании на получение письма, открытки, посылки день указывается более точно, в данном случае – *duhovski pandlijak* ‘Троицкий (Духов) понедельник’:

- (49) Liza je debela, **na Duhe je bila doma...** / Лиза беременна, на Троицу приехала домой... (I.37. 27.05.1909, M)
- (50) Kad va to ča si nam va Maászovom poslao, je bilo, da **češ bit na Duhe doma.** / Судя по тому, что нам передал Маас, ты на Троицу приедешь домой. (I.36. 14.05.1909, M)
- (51) ... je Franci jur doma, ta **je pred Duhi došao...** / ... Францл уже дома, он приехал еще до Троицы (I.90. 15.06.1910, M)
- (52) **Do Duho smo** jur znam doma... / До Троицы мы должны быть уже дома... (II.39. 25.04.1913, JS)
- (53) To pismo smo **dostali pandiljak duhovski.** / Это письмо мы получили на Троицу в понедельник. (I.36. 14.05.1909, M)

Обширную группу случаев темпоральной отнесенности формирует упоминавшийся выше храмовый праздник *kiritof*, при этом чаще рассказывается о различных бытовых и хозяйственных делах, которые совершаются до / после храмового праздника:

- (54) **Kukoricu sam po kiritofu** tajedan **obirala...** / Кукурузу я собирала всю неделю после храмового праздника... (I.57. 25.10.1909, M)
- (55) Pak ne smiš štimat, da ti **nismo zavolj kiritofa** tako dugo **pisali.** / Не думай, что мы из-за храмового праздника так долго не писали. (I.55. 05.10.1909, M)

В одном случае упоминается *kiritofski pandiljak*:

- (56) ... i ti na znanje dajem, da sam tvoje pismo va radosti prijela **na kiritofski pandiljak** po podnevi... / ... сообщаю тебе, что твое письмо я с радостью получила вечером в понедельник на храмовый праздник... (I.56. 06.10.1909, TW)

Обозначение праздников и дней святых используются для ориентиров при сельскохозяйственных работах:

- (57) ... **je danas jur Petrova** i žetva pod vrati... / ... сегодня уже Петров день и жатва на носу... (II.55. 29.06.1913, JS)

Еще одним значимым праздником является День поминовения усопших *Vsi sveti*: как правило, говорится о посещении могил родственников в этот день, в одном примере упоминается приезд в ближайший крупный город (Вену):

- (58) *Na sam kiritof* su dićaka dostali. *Na Vse svete* smo ga pokopali... / На храмовый праздник ребенок у них родился. На день Всех святых мы его похоронили... (I.58. 07.11.1909, M)
- (59) ... *su i ti tužni Vsi sveti pominuli*... ja sam bila ali stopr nedilju na cimiteri. / ... вот уже и печальный день Всех святых минул... я была только в воскресенье на кладбище. (III.113. 05.11.1916, S)
- (60) Vam gor ne morem pisat kako veselo se sada vsaki vojak vojuje. Kad vsaki zna, da gre k zadnjemu. Vsaki računa, da će se moć domom povrnut. Bože, ko dočeka to veselje. Bože, ali zane tužne ki su krez ovu pogibel vse veselje zgubili: oni ki su morali ovu strašnu smrt upojit i je je dosegla: *dojt ćeju opet Vsi Sveti, tužni njihov spominak*. Ovo jur četvrti. / Не могу описать вам, с какой радостью сейчас воюет каждый солдат. Когда каждый знает, что идет к концу. Каждый рассчитывает, что скоро отправится домой. Боже, кто дождется этой радости. Боже, но есть несчастные, которые своей гибелью погубили всю радость: им пришлось принять эту страшную смерть: наступает день Всех святых, грустное воспоминание о них. Вот уже четвертый раз. (III.196. 27.10.1917, JS)
- (61) ... *blizu k Vsim svetim* ću znam dojt Beć... / ... ближе к дню Всех святых собираюсь приехать в Вену... (III.69. 10.10.1915, JS)

4.3.2. Даты календарной обрядности могут выступать как точки фиксации погодных условий в этот день, в данном случае большинство примеров относится к весеннему календарному циклу (в частности, к пасхальному периоду), когда погода неустойчива:

- (62) ... a *on tajedan je bio križevski tajedan*. Onda smo bili pandiljak pri Mariji a jutro je jur pršalo. Onda smo crikvi obvršili. / ... а на той неделе был крестный ход. Тогда в понедельник мы были у (скульптуры) святой девы Марии, а с утра уже шел дождь. Поэтому закончили в церкви. (I.90. 16.05.1910, M)
- (63) *Srijedu je bila Florianova, četvrtak Kristuševo na nebo stupljenje*, petak je pršalo. / В среду был день св. Флориана, в четверг Вознесение Христова, в пятницу шел дождь. (I.90. 16.05.1910, M)
- (64) Mi smo imali sada jako *lip čas, jur od vazam*. / У нас была в эти дни прекрасная погода, уже с Пасхи. (II.35. 26.03.1913, JS)
- (65) ... jako *lip čas* smo imali ve lipе *vazmene svetke*... / ... на эти пасхальные праздники была прекрасная погода... (II.35. 26.03.1913, JS)
- (66) ... nismo imali just vesela vazma i jako zima je bila pri nas, na *Zeleni četvrtak* večer je pri nas melo i *na Macicnu nedliju* je bila jako zima. / ... Пасха у нас была невеселая и очень холодно было, вечером на Зеленый

четверг у нас была метель, и на Вербное воскресенье было очень холодно. (I.84. 05.04.1910, M)

- (67) Nek **na tri kralje** je jako grmilo, tr liskalo. / На Трех Королей гремел гром, и молнии были. (I.118. 13.03.1911, JS)

4.3.3. Термины календарной обрядности могут выступать в контексте возможных развлечений в этот день.

Так, в письмах упоминается день св. Екатерины *Katarina* (25.11), говорится о том, что в этот день в селе устраивались танцы с музыкой:

- (68) Cigani su se bili ponuljat **na Katarinu igrat** tr je je krcmar furt zjogao. / Цыгане на Катарину приходили играть, и владелец корчмы был очень доволен. (I.19. 13.11.1908, KP)

- (69) Dragi Jandre piši mi ča je novoga doma tr je li ste se dobro **unterhojdali na Katarinu**. Je li ste imali muziku... / Дорогой Яндре, напиши, что нового дома, и хорошо ли вы повеселились на Катарину. Были ли у вас танцы... (I.140. 28.11.1911, AS)

Обширную группу случаев составляет упоминание Масленицы, причем речь может идти как о развлечениях, так и об их значимом отсутствии:

- (70) ... **na mesopust nam je Behan jigráo** meru... / ... на Масленицу нам Беган немного играл... (II.23. 09.02.1913, FB)

- (71) ... **na mesopust smo se** meru bolje **unterhojdali**, ali nedilju ništ ni bilo, dva dni je Behan igrao. / ... на Масленицу мы немного повеселились, но в воскресенье ничего не было, только два дня играл Беган. (II.26. 14.02.1913, FB)

- (72) Tako je vse prazno, gor **nismo mislili, da je mesopust**, tako je bilo turbno pri nas i mrazan čas je bio. Pršalo je, blata dost, gor nismo krčme vidili, tr ne znam pisat, je li je bilo veselo, to čēju ti drugi pisat. / Так было везде пусто, даже не подумать, что Масленица, так было грустно у нас, и к тому же на улице холодно. Дождь, грязь, до корчмы мы так и не добрались, и я не могу тебе сказать, какой был праздник, это пусть другие пишут. (II.24. 10.02.1913, M)

В двух письмах достаточно подробно описывается, как именно герои провели Масленицу:

- (73) No dragoljubni, za mesopust ti ne znam čuda pisat kako je bilo krčmi, kad nisam bila, nek ča sam htela na placi vidit ali čüt kad su vsi hteli jačit ... **Tako sam mesopust prebavila**, vina gor ne vidila, pak i mrazan čas je bio pri nas. Nedilju večer je taka bura šla, da nam je na obloke nuter curilo i pandiljak jutro. Ali pak skoro vse selo je bilo Rakindrofi, a mi smo doma

luzali prez pinez. / Дорогой мой, про Масленицу не смогу тебе много написать, какой был праздник в корчме, поскольку там я не была, только что на площадь ходила, чтобы увидеть и услышать, как поют. Так я Масленицу и провела, вина не пила, впрочем, было и холодно. В воскресенье поднялась такая страшная буря, что у нас внутрь с окон вода лилась, и в понедельник с утра. Но несмотря на это, почти все село отправилось в Ракиндроф, а мы остались дома из-за денег. (I.116. 07.03.1911, M)

- (74) Dragi Jandre, ti si mi pisao *za mesopust. To i tako znaš kako je doma*. Behan je cvilio vse tri dni. Nedilju nisam bila nigder, kad ništ ne bilo stana. Pandiljak tr utorak sam bila, unthojdala sam se dobro, tancala sam dost. / Дорогой Яндре, ты спрашивал меня про Масленицу. И сам знаешь, как дома. Беган пиликал все три дня. В воскресенье я нигде не была, поскольку шатры не выставили. В понедельник и вторник я сходила, на славу повеселилась и от души потанцевала. (I.116. 07.03.1911, M)

Наконец, речь может идти об уже прошедшей Пасхе, которую описывают, главным образом, с точки зрения веселого или грустного настроения у героев и их односельчан в этот праздник:

- (75) Tr *nismo imali jur vesela vazma...* / И не получилось у нас веселой Пасхи... (I.84. 05.04.1910, M)
- (76) Prošla su *ova lipa vazma...* / Прошли эти прекрасные пасхальные дни... (III.163. 10.04.1917, JS)
- (77) Preljubna, *kako su kod vas ova lipa vazma pominula?* / Дорогая, как у вас прошла эта светлая Пасха? (III.162. 09.04.1917, JS)
- (78) ... smo imali *turobne vazmene svetke*. / ... у нас были грустные пасхальные праздники. (III.27. 25.04.1915, KV)

Аналогичны контексты писем, связанные с Троицей:

- (79) Hofam se tamo *na ljetošnje Duhe će doma veseliti*. / Надеюсь в этом году порадоваться дома на Троицу. (III.216. 20.03.1918, JS)
- (80) Jako nas je neprijatelj imao, petak pred duhi ... *turobne Duhovske svetke* smo opet imali i dočekali. / Сильно нас враг потрепал, как раз в пятницу перед Троицей ... грустную же Троицу нам довелось встретить. (III.30. 28.05.1915, JS)

В ряде случаев фигурирует храмовый день *kiritof*, который герои писем тоже характеризуют с точки зрения удачного, радостного празднования или, наоборот, грустной встречи:

- (81) No a *kiritof je bio jako turoban*, meni se ništ ne vidilo. / Храмовый праздник у нас был грустный, я ничего и не видел. (I.59. 15.11.1909, FB)

- (82) Draga Marica, ko ste se dobro unterhojdali **na kiritof**. Me samoga veseli, ako ste se mogli mrvu razveselit i si tuge mrvu nadomjestit. / Дорогая Марица, как вы хорошо повеселились на храмовый праздник. Мне самому радостно, что вы смогли немного развлечься и ненадолго забыть про горести. (III.191. 11.10.1917, JS)
- (83) **No a s kiritofom** je bilo tako, da **nismo imali ništ gostov**. / Ну а с храмовым праздником вышло так, что гостей у нас совсем не было. (I.100. 23.10.1910, M)

4.3.4. Термины календарной обрядности также упоминаются в контексте благопожеланий к празднику, чаще всего на Рождество:

- (84) ... ti željim **srične Božične svetke i Novo ljeto**... / ... желаю тебе счастливых рождественских праздников и Нового года... (III.22. 18.12.1914, MDr)
- (85) ... Željim s malim Jezušem vas s ovim pismom prosit dojt pozdravit vse skupa i **sričan Božič**, lahku noć... / ... Я желаю с младенцем Иисусом с этим письмом прийти вас поздравить всех вместе, счастливого Рождества, спокойной ночи... (III.204. 20.12.1917, JS)
- (86) ... i vam željim srične i vesele Božične svetke i da bi vam gospodin Bog dao još čuda ljet ovi veseli **Božični svetak** doživit s manom skupa. Srično veselu polnoćicu i **veseo Božič vam željim**... / И вам желаю счастливых и веселых рождественских праздников, и чтобы Вам Господь Бог даровал еще много лет встречать это радостное Рождество, со мной вместе. Счастливой встречи праздника и веселого Рождества я вам желаю... (I.65. 19.12.1909, JS)

В письмах также речь идет о подарках к Рождеству, о желании героя провести Рождество вместе с семьей:

- (87) Preljubljeni roditelji, ovo vam šaljem 30 funat pinez, gvišno **će bit jur Božič** doklje je dostanete. / Дорогие родители, вот вам шлю 30 фунтов денег, наверняка уже наступит Рождество, когда вы получите. (III.23. ... 12.1914, JS)
- (88) To ča su **k Božiču donesli** je bilo 6 funat... / То, что доставили к Рождеству, было 6 фунтов... (I.75. 22.02.1910, M)
- (89) Željim vam vsim domaćim va najboljem zdravlji s malim Jezušem i za nas proseć, da bi i mi još koć s vami dočekat **mogli ta Božič prebavit**. / Я желаю вам всем, мои дорогие, с младенцем Иисусом этот праздник в наилучшем здравии встретить и чтобы я дождался того дня, когда мы встретим Рождество все вместе. (III.204. 20.12.1917, JS)

В сходном контексте благопожеланий регулярно упоминается Новый год *Novo ljeto*:

- (90) Ljubljени kum, mi vam **željimo srično Novo ljeto**... / Дорогой кум, мы вам желаем счастливого Нового года... (I.66. 28.12.1909, KM)
- (91) **Binčamo ti srično Novo ljeto**, da bi ti Bog i Marija i sveci Božji pomoćniki bili. / Желаем тебе счастливого Нового года, чтобы Господь Бог и Дева Мария и все святые тебе помогали. (I.106. 25.12.1910, M)

4.4. Теперь кратко рассмотрим упомянутую в письмах терминологическую лексику из сферы семейной обрядности.

4.4.1. Беременная женщина обозначается наименованиями *noseća* и *debela*, первый термин оба раза появляется в письмах самого Яндре, а второй – в письмах его друга и матери.

- (92) ... pak još ča ću sam, da se doma pominaju, da je Drkosićeva Agnjes **noseća od mene**, ako ste znam i vi ča čuli, nekate si znam to na vas zet i to vjerovat. / ... еще же узнал, что дома говорят, что Агнеш Дркосич беременна от меня, если и вы что-то такое уже слышали, даже не вздумайте этому верить. (II.29. 25.02.1913, JS)
- (93) I Marica, ča je zi tu? Je rihtig bila istina, **da je noseća**? Pal da je Štejevovj Agneski blazinju ukrala? / А Марица, что с ней? Правда ли, что она беременна? Должно быть, у Штеевой Агнешки перину ukrala?⁵⁰ (III.55. 05.08.1915, JS)
- (94) Novoga ne znam ništ, nek ča sam čuo, da je Drkosićeva Agneska **debela od tebe**. / Новостей никаких я не знаю, только разве что слышал, что Агнешка Дркосич беременна от тебя. (II.23. 09.02.1913, FB)
- (95) **Liza je debela**, na Duhe je bila doma... / Лиза беременна, на Троицу приезжала домой... (I.37. 27.05.1909, M)

4.4.2. Упоминаются крестины *krst*, а также крестная *krsna kuma* или просто *kuma*:

- (96) Marica Dvorničeva ima jur Lucu, **danas je bio krst**, to je pandiljak. / У Марицы Дворнич уже появилась Луца, сегодня были крестины, в понедельник. (I.76. 28.02.1910, M)
- (97) ... ja joj ne morem pojt, kad **sam joj krsna kuma**... / ... я к ней не могу пойти, поскольку я ее крестная... (I.83. 02.04.1910, M)
- (98) Dragoljubna te za jedno opomenjujem i te pitam, koga ćemo **za kumu zet**. Moje pofaljenje i prošnja bi bilo odzad Masovu Katicu za kumu zet, kad

⁵⁰ По всей видимости, здесь находят отражение народные представления (возможно, в шутивном контексте), которые связаны с контактной народной магией: через перину, на которой спала беременная, в народе лечат от бесплодия, ср. славянские поверья об этом, например, в [Плотникова 1995: 166].

moji starji su njihovej dicit vsoj kumi, a ja sam dičakom kum. / Дорогая, тебе напоминаю и спрашиваю у тебя, кого мы хотим взять в крестные. Мое предложение и просьба, чтобы взять кумой Катицу Мас, поскольку мои родители крестные у всех ее детей, а я у их мальчиков крестный. (III.117. 22.11.1916, JS)

- (99) ... *imaš sestru namisli za kumu*, je gonc dobro i lipo i pravo... / ... если ты хочешь, чтобы крестной была сестра, это совсем хорошо, и прекрасно, и правильно... (I.121. 01.12.1916, JS)

4.4.3. Лексика из сферы свадебной обрядности представлена в письмах достаточно разнообразно: это названия ряда ритуалов, действующих лиц и обрядовых предметов.

Так, речь может идти о помолвке – *poruka*:

- (100) ... na dvanajstoga u 4 ura *će bit poruka*. / ... 12-го числа в 4 часа будет помолвка. (I.43. 06.08.1909, MP)

Свадьба обозначается термином *pir*, что характерно именно для Северного Градища, откуда и происходит вся переписка.

- (101) Mate *će bit stolnik*, tr *bi rada na pir pojt*, ali to znaš, da ju praznu ne moremo poslat. / Мате будет предводителем на свадьбе, и она бы хотела поехать на свадьбу, но ты знаешь, что мы не можем отпустить ее с пустыми руками. (I.48. 30.08.1909, M)

- (102) A Feri *je imao srijedu pir*. / А у Фери в среду была свадьба. (I.27. 13.02.1909, M)

- (103) Pave ... *će imat pir* nedilju Rosvari. / У Паве ... будет свадьба в воскресенье в Росваре. (I.90. 16.05.1910, M)

- (104) No a za Maricu se ne prauhaš bojat. *Je bila na piru*, dobro je joj šlo. / За Марицу не беспокойся. Она была на свадьбе, все прошло хорошо. (I.50. 15.09.1909, M)

Употребляются также глаголы *pirovat* и *odavat se*:

- (105) *A Jive Gregorićev je minute subotu pirovao pri Paradajzovi*. Šimac je bio staćilo... / А Иве Грегориц в прошлую субботу праздновал свадьбу у Парадайза. Шимац был дружкой... (I.90. 16.05.1910, M)

- (106) *Ruža se odava*, po Novom ljeti *bi radi pirovat*. / Ружа выходит замуж, после Нового года ожидается свадьба. (I.64. 17.12.1909, M)

Свадебные обрядовые лица представлены в письмах только наименованиями лиц мужского пола, причем обозначения главных из них – славянского происхождения: *zaručnjak* ‘жених’, *stolnik* ‘распорядитель, старейшина на свадьбе’. Как уже упоминалось выше, для

обозначения дружки жениха употребляется и хорватский термин *staćilo*, и германизмы *praut fira*, *prautfirer*:

- (107) *Praut firer* će bit Karl Palešićev... ali morat ćeju pojt, kad *zaručnjak* dojde... / Дружка будет Карл Палешич... но отправиться они должны, когда жених приедет. (I.43. 06.08.1909, МР)
- (108) Mate *će bit stolnik*... / Мате будет предводителем на свадьбе... (I.48. 30.08.1909, М)
- (109) Šimac *je bio staćilo*, Behan jįgrać... / Шимац был дружкой, Беган – музыкантом... (I.90. 16.05.1910, М)

В письмах обнаруживается и обозначение важного свадебного ритуала, связанного со статусом и иерархией молодых парней в обществе: *štajer prosit* «выкупать у старейшины (распорядителя) свадьбы танцы с невестой» (букв. ‘просить налог’). Обычно это значимое действие (для которого необходимо знание традиционных свадебных приговоров и присловий), направленное на договор женихом о выкупе с родителями невесты (а также и со всеми местными родителями, имеющими своих невест – молодых девушек), поручается самому авторитетному и уважаемому среди местных парней, участвующих в свадьбе:

- (110) No a za Maricu se ne prauhaš bojat. Je bila na piru, dobro je joj šlo. Vese-li su bili vsi, Šimac je *štajer prosio*, bar je bio na piru a Flink je tropao. I gospodin i školnik su bili. / А за Марицу не беспокойся. Она была на свадьбе, все прошло хорошо. Веселыми были все, Шимац «налог просил», он был на свадьбе, а Флинк стучал⁵¹. И господин (хозяин), и священник были. (I.50. 15.09.1909, М)
- (111) A Jive Gregorićev je minutu nedilju pirovao pri Paradajzovi. Šimac je bio *staćilo*, Behan jįgrać, takaj je bilo štrajt. Ana ni dala *štajer prosit*. / У Иве Грегориича была в прошлое воскресенье свадьба у Парадайза. Шимац был дружка, Беган музыкант, так было договорено. Ана не разрешила, чтобы просили выкуп. (I.90. 16.05.1910, М)

В письмах фигурирует именно выражение *štajer prosit* (т. е. «просить выкуп»), хотя при описании чуновских свадебных народных обычаев в начале XXI века для этого устойчивого сочетания указан альтернативный вариант: *konac (vijenac) prosit* (т. е. букв. «просить нить (венки) невесты»: имеется в виду зеленый венки невесты – символ девичества)⁵². По тому же описанию из книги о Чуново, два

⁵¹ В данном случае юноше отводится роль пришельца, стучащего в двери дома невесты, см. [Maász, Mallinerits 2012: 73–74].

⁵² Подробнее см. [Maász, Mallinerits 2012: 73].

юноши с саблями, украшенными лентами, сильно стучат (чтобы все присутствующие на свадьбе это услышали) в двери дома, где сидят жених с невестой, после чего следует троекратный ритуальный диалог пришедших со всеми гостями свадьбы о разрешении войти в дом (после каждого вопроса «пришельцы»⁵³ делают несколько шагов вперед), а затем диалог переходит в просьбу о вине и танцах. При этом на вопрос, каким образом юноши вошли в дом, главный из них отвечает: *Niti po svili, niti po bumbaku, nego po zelenom vijenci / svilnom rupci* «Не по шелку, не по хлопку, а по зеленому венку / шелковому платку» (последнее проговаривается в случае, если невеста уже была замужем, овдовела и снова выходит замуж) [Maász, Mallinerits 2012: 74–75]. После разрешения потанцевать распорядитель (*stolnik*) торжественно завершал эти молодежные пляски словами: *Sada je dopušćano vašu pošćenu sablju van spuknut* «Сейчас допускается вашу почтенную саблю вон выкинуть» [Maász, Mallinerits 2012: 76]. На основании описания свадьбы из первого тома книги о селе можно понять столь необычайный интерес в письмах именно к этому моменту торжества (танцы с невестой и другими девушками; выбор авторитетных парней для торжественного ритуала, где один стучит в дверь, а второй производит ритуальные тексты; договор о выкупе).

4.4.4. Большое число упоминаний в текстах писем имеет похоронная терминология. Частотное обозначение похорон – *pogreb*. Нередко это короткие сообщения матери Яндре, кто из знакомых умер (досл. «имел похороны»), какие похороны она лично посещала:

(112) *Ja sam bila* Gijeci *na pogrebi*. ... Muzika – fajabergeri, kakov pogreb je to bio. / Я была в Гиеце на похоронах... Музыка – пожарные (играли), какие это были похороны. (I.13. 04.11.1908, М)

(113) *Sam bila* opet *na pogrebu*. / Я снова была на похоронах. (I.33. 07.05.1909, М)

(114) No a Seplj *je imao* petak *pogreb*. / А Сепля похоронили в пятницу. (I.90. 16.05.1910, М)

Мать может описывать похороны достаточно подробно: рассказывать о приметах, излагать подробности смерти и обстановки на похоронах, приводить фрагменты причитаний, спонтанно упоминать существующие поверья.

⁵³ В Северном Градище этот архаический фрагмент свадебной церемонии сохранился до недавнего времени в разных вариантах, и юноши всегда представлялись «пришельцами издалека», см. подробнее об обычаях на австрийской стороне (с. Климпух) [Плотникова 2016: 137–138].

- (115) ... sam se spravljala **Jandrof pogreb**. Bankovička je umrla. Večer se je zdrava legla, vsi kasno kad su klali. Agnes je s njoj ležala tr joj je rekla “majka pojte dalje” a jutro je bila majka mrtva. Dragoljubni, kako su ti kričali “draga nasa dobra majka nek još jednoč nas poglejte”. / Я была в Яндрофе на похоронах. Госпожа Банкович умерла. Вечером, когда ложилась спать, была здоровая, все поздно легли. Агнеш рядом с ней спала и потому сказала ей: «Мама, отодвиньтесь» (букв. «идите дальше»), а наутро мама не проснулась⁵⁴. Милый, как они кричали: «Дорогая наша, добрая мама, еще раз посмотрите на нас» (I.69. 25.01.1910, M)
- (116) Dragoljubljeni i rosvarski gospodin su umrli i još va Starom ljetu, ali zakopani su bili va Novom ljetu. I tote sam bila. **Jako lip pogreb je bio**. Crikvu su je, tr je bila maša, odanlje pak na simitor. / Дорогой мой, и господин в Росваре умер еще на св. Сильвестра, а похоронили его уже на Новый год. И там я была. Какие были прекрасные похороны. Сперва в церкви, и там было богослужение, оттуда уже на кладбище. (I.69. 25.01.1910, M)
- (117) Mi smo imali o 8 ura jutro takaj tu **nedilju pogreb**. ... Boze ča je ta človik djelao, kako je ta kričao nač je njemu cijel svit, kad njigovoga sina nima već... / У нас были утром в воскресенье в 8 утра похороны. ... Боже, что этот человек вытворял, как он кричал, зачем ему теперь жить, ведь сына его больше нет... (I.117. 09.03.1911, JS)
- (118) Neditlju pred mašom **je imao Mittendorfer pogreb**. Dičak mu je umro subotu jutro u 4 ura. A bohter je bubnjao, da dica do petnajsti ljet ne smiju nikamor blizu. / В воскресенье перед службой были похороны у Миттендорфера. Сын у него умер утром в субботу в 4 часа. А сторож ворчал, что дети до 15 лет ни в коем случае не могут приближаться к покойному. (I.55. 05.10.1909, M)

III.5. «СВЯТОЕ ПИСЬМО» В ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКЕ

На фоне всей переписки Яндре Стефанчича с родственниками и знакомыми особо выделяется так называемое «небесное письмо» (*nebesko pismo* [Maász, Mallinerits 2017: 158]), представляющее собой письмо-оберег, теоретически адресованное любому человеку, читающему по-градищанскохорватски. Оно написано накануне Первой мировой войны Яндре Стефанчичем и датировано летом 1913 г. Ха-

⁵⁴ В данном случае характерна поразившая внимание матери, пишущей письмо, отсылка живого человека в далекие места как символ его быстрого ухода на «тот свет».

рактерно, что в тексте письма отсутствуют заимствования, широко представленные в иных текстах данной переписки. Графика «магического» письма полностью хорватская, за исключением подписи в конце, где Яндре указывает сведения о самом себе: здесь появляется венгерский диграф *cs* (*rodzen z Csunova*). Жанровые особенности этого письма сильно отличают его от всех других текстов, опубликованных в книге, что позволяет рассматривать данный текст в ряду иных, так называемых святых писем (сегодня известных и как «письма счастья»). «Небесное письмо» солдата Яндре единственное из всех включенных в книгу писем содержит лексику народной мифологии: *Ta ki ovo pismo pri sebi nosi, on ne more bit poviškan* «Тот, кто при себе носит это письмо, не может быть подвержен порче (заколдован)» [Maász, Mallinerits 2017: 158], ср. гр.-хорв. *viška* – ведьма.

5.1. Письмо имеет типичные характеристики католических «небесных писем»⁵⁵: начинается с рассказа о том, как один граф хотел отрубить голову слуге, но не смог, потому что тот имел при себе такое письмо с буквами J и K, несколько раз повторенными; затем говорится, от каких недугов и несчастий может защитить ношение письма его обладателем (именно в этой части появляется народная мифологическая лексика, до сих пор в переписке не встречавшаяся: *on ne more bit poviškan* – «его не смогут одолеть ведьмы»); перечисляются ситуации, в которых спасет письмо (женщин при родах, солдат во время боя, любого человека – от огня, молнии, воды); приводится и способ проверить силу письма («кто не верит, тот может привязать его на шею собаке и выстрелить в нее – тогда увидит, что это правда» [Maász, Mallinerits 2017: 160]); говорится также об изначальном происхождении письма (было найдено в замке подвешенным и написанным золотыми буквами). В письме нет традиционных для такого жанра угроз в случае нераспространения письма (ср. предписания в подобных письмах с территории Российской Империи: переписать 3, 7, 9 раз [Бутов 2018: 17]), но есть угрозы и предостережения от несоблюдения богослужебных заповедей (в этом случае человек еще при жизни будет наказан болезнью и войной – “*s kugom i s vojskom*” [Maász, Mallinerits 2017: 160]). В рассматриваемом «небесном письме» указано лишь требование переписать письмо «от одного другому» (*Ovakvo pismo nek si jedan od drugoga odpiše* [Maász, Mallinerits 2017: 160]).

⁵⁵ О связи «святых писем» со средневековой нравоучительной литературой см., например, [Лурье 1993].

Весь текст пронизывает метафора крови – жизни («носящий при себе письмо не потеряет ни капли крови» и под.), заканчивается же письмо отдельной молитвой, которая приведена и на фото в книге в оригинальной орфографии автора (чуновский говор градицанскохорватского языка), где видно, что молитва (взявшая на себя функции заговора у католиков [Толстая 1999: 239]) старательно выписана на отдельном листке красивым почерком с выделением крупными буквами авторских данных: где, когда и кем написана (что не характерно для «писем счастья», имеющих нарочито анонимный характер). Еще раз подчеркнем, что «небесное письмо» лишено каких бы то ни было немецких заимствований, которыми в целом пестрит вся чуновская переписка.

5.2. Сам жанр этого религиозно-письменного фольклора известен очень давно, о чем писали А. Н. Веселовский, Н. В. Сумцов, в новейшее время – К. В. Чистов, К. Вроцлавский, В. Ф. Лурье, А. А. Панченко. Считается, что история жанра уходит в прошлое Востока и Европы, однако, как полагают исследователи начала XX в., «еще и теперь этот стих остается во многих отношениях загадочным, особенно в отношении происхождения, источников и среды, его создавшей» [Беляев 1921: 219]; подробнее об истории происхождения жанра см. [Лурье 1993]. Хождение подобных писем на Руси, осуждавшееся церковью, А. Н. Веселовский связывал с «Эпистолией о неделе» [Веселовский 1876: 11]. Думается, уместна приводимая В. Ф. Лурье аналогия со статусом письменного произведения в древнерусской культуре, о которой Д. С. Лихачев писал: «литература – священнодействие. Читатель был в каком-то отношении и молящимся. Он предстоял произведению, как иконе, испытывая чувство благоговения. Оттенок этого благоговения сохранялся даже тогда, когда произведение было светским» [Лихачев 1989: 117]. В силу написанных слов верят так же, как и в силу произнесенных в молитве. Учеными предложены классификации подобных писем (письмо-сказание, письмо-оберег, письмо-счастье и т. д.). Письмо из чуновской книги схоже с русскими аналогами: его можно классифицировать как «письменный текст, имеющий функцию и форму спасительной молитвы-оберега» [Лурье 1993: 145].

В структуре «святых писем» XX века фольклористами выделяются следующие составные элементы: «1. название; 2. молитва-заклинание; 3. легенда о происхождении и обретении “святого письма”; 4. тезис (и доказательство его) о сверхъестественной силе текста; 5. требование переписать и разослать письмо в определенный срок; 6. обещание удачи за своевременную отправку копий и кары, если письмо откажутся

распространять дальше. В вариантах структура письма остается неизменной или меняется несущественно. Действие письма, как утверждается в текстах, фатально, от него можно получить конкретную материальную выгоду. Собственно, все сводится к элементу второму (молитва-заклинание), все же остальное – его обрамление» [Лурье 1993: 145]. В чуновском письме, несмотря на кажущуюся территориальную удаленность места его создания, все эти компоненты присутствуют. Вероятно, и особое обрамление текста письма связано с тем, что солдат Яндре его оформляет как личный оберег от пули.

5.3. Что касается немецких аналогов «небесных писем», А. А. Панченко указывает на существование сходных «святых писем» в католических странах Европы. Таковы, например, польские *modlitewki*: «Все они чудесно найдены: либо в Риме, перед алтарем, либо Сам Господь послал ее с ангелом папе или королю и т. п.». Богата подобными памятниками и немецкая традиция: в Германии XIX – начала XX в. имели хождение различные версии «небесных писем» (*Himmelsbriefen*), «охранительных писем» (*Schutzbriefen*) и «круговых писем» (*Kettenbriefen*). Последние, рассылавшиеся «с настойчивой просьбой переписывать их и распространять среди друзей-знакомых», особенно близки бытовавшим (и бытующим) в России «святым письмам» и «письмам счастья» [Панченко 2002: 347].

А. А. Панченко обращает особое внимание на случаи проникновения подобных текстов в Россию, которые зафиксированы документально. И в этой цепочке возникает так называемое «Бракское небесное письмо» (*der Braker Himmelsbrief*), которое А. Н. Веселовский считал «крайней степенью разложения» Эпистолии о неделе: «Бракское письмо начинается рассказом, как один граф хотел казнить своего служителя, и казнь не могла быть исполнена, потому что меч не тронул осужденного. На вопрос графа служитель показывает ему рукописание, которое носил при себе, и на котором стояли буквы: В. I. Н. В. К. S. K. K. Когда граф прочел его, велел, чтобы всякий имел его при себе, потому что сила его велика» [Панченко 2002: 347].

В данном контексте очевидны следующие моменты, касающиеся чуновского письма: во-первых, как и большинство таких писем, оно появляется (распространяется) на этапе сложной (критической) социальной ситуации – в нашем случае предвоенный период в армии – и призвано служить оберегом от пули солдату, в первую очередь, но Яндре его послал и домой ради защиты родственников от разных недугов; во-вторых, написанное на градищанскохорватском письмо не

содержит никаких германизмов, т. е. если оно кем-то было переведено с «Бракского небесного письма» или одной из его немецких версий, то сделано это очень добротнo (и не исключено, что и дополнено собственными интервенциями переводчика, а также и переписчиков, учитывая специфику фольклорного жанра); в-третьих, значительная часть письма посвящена описанию наказаний тем, кто «будет работать в воскресенье», что все-таки связывает данное письмо с пресловутой «Эпистолией о неделе». «Бракское письмо» гораздо короче и в основном сводится к легенде о графе и слуге (первая часть) и защите писем солдат от ранений, любого – от колдовства, от врагов, от молнии или грома, огня или воды (вторая часть). В чуновском письме имеется и часть, рассказывающая, как письмо, написанное золотыми буквами, было найдено в замке, а также часть, связанная с проповедью о запрете работать в воскресенье. Возможно, перед нами расширенный (или контаминированный?) вариант условно говоря «бракского» письма, ср. публикацию Л. Стракеряном немецких писем XIX в. из гг. Ольденбург, Фехта и Браке в Нижней Саксонии [Strackerjan 1867].

* * *

Итак, на основе анализа писем как источника этнокультурной информации, выделим специфику подачи соответствующих сведений. Данные о календарных праздниках и корреспондирующей терминологической лексике чаще всего включаются в высказывания о времени приезда / отъезда / ожидания родственников или знакомых (например, *ta je pred Duhi došao* «приехал перед Троицей» [Maász, Mallinerits 2017: 101]) либо о времени получения письма, открытки (*mesopusni pandiljak dostala* «получила в понедельник на Масленицу» [Maász, Mallinerits 2017: 147]). Это могут быть также сообщения о погоде на тот или иной значимый день в календаре. В редких случаях можно обнаружить обстоятельное описание самого праздника, например, в случае заочного приобщения адресата к сельскому торжеству *kiritof* (здесь подробно описываются и подаваемые кушанья, и приглашенные музыканты, включая их «необычную» национальность – *slovaki*, и т. д.). Лексика семейной обрядности, как правило, связана с жизненными обстоятельствами, которые описываются в письмах от родителей и знакомых: «Агнешка от тебя забеременела» (у разных респондентов встречаются лексемы *debela* и *noseća* ‘беременная’); «предводителем на свадьбе был такой-то» (появляются термины *stolnik* ‘распорядитель, старейшина’ *staćilo* ‘друга’); «у него были

очень достойные похороны» (*jako lip pogreb je imao* [Maász, Mallinerits 2017: 129]) и т. д.

Особый случай представляют ситуации вторичного употребления обрядового термина в контексте, когда отправители подчеркивают свое эмоциональное состояние или реакцию на окружающие события, происходящие в значимые праздники. Понимание «человека пишущего» «человеком читающим» в данном случае возможно лишь между близкими людьми, из одного села, выросшими в сходных условиях и хорошо знающих свою народную традицию, см. выше о метафорическом употреблении обрядовой терминологии: *črljeno jajce* и *norci*.

Вопрос этнических стереотипов того времени также прослеживается в письмах. Кросскультурный контекст частной корреспонденции обусловлен местоположением села Чуново, и в письмах можно отметить особое мироощущение и пишущих, и читающих. Всё «немецкое» наделяется более высоким статусом, что проявляется не только в высказываниях о надеждах на получение работы в Вене, о возможности приехать домой в «немецкой одежде» и т. п., но и в стремлении употреблять в письмах большое количество немецких заимствований и калек, отмечаемых на разных уровнях языка (в лексике, морфологии, синтаксисе). С другой стороны, венгерский контекст очевиден во всех вопросах, касающихся школы, церкви, различных административных дел (от получения справок до подачи прошений), при этом черты венгерского языка прослеживаются лишь в орфографии писем, реже в морфологии, единичны случаи лексических заимствований. В этом плане важным становится и мироощущение самих градищанских хорватов, которым вне «своего» пространства приписывается статус «венгров». Например, солдат Яндре Стефанчич описывает в письме домой ситуацию, как к нему обратилась местная хозяйка в Требине, с вопросом, чувствуют ли они, венгры, себя как дома: “*Je ste li vi Ugri doma*” *su me pitali* («Ощущаете ли вы, венгры, себя здесь, как дома?», – меня спросили) [Maász, Mallinerits 2017: 121]. Примечательно, что этот эпизод попадает в письмо Яндре как экстраординарное событие во время празднования католической Пасхи (*pak lipa vazmasto imali* [Там же]): он угощает хозяйку посланными из Чунова домашними яствами. Подчеркнем, что автор письма⁵⁶ говорит на одном языке с хозяйкой, хотя и на ином диалекте.

⁵⁶ Напомним, что градищанские хорваты имели возможность говорить друг с другом по-венгерски, используя в лексике еще и германизмы, которых очень много в хорватских текстах их писем.

Заключение

На примере полевых исследований традиции градищанцев Венгрии и Словакии мы попытались показать, что в народных представлениях, связанных с традиционной народной духовной культурой, до последнего времени сохраняются архаические черты, показывающие, во-первых, общность «австрийских» и «венгерских» хорватов Градища, во-вторых, их связь с первичной территорией проживания (северо-западной и юго-западной Хорватией, Славонией), в-третьих, – со словенско-хорватским пограничьем в целом. Влияние соседствующих иноэтничных и иноязыковых традиций также очевидно, но не преобладает в силу многовекового стремления отстоять идентичность собственной славянской языковой и культурной традиций.

Следует учитывать факторы, которые затрудняют как выявление выделенных нами изоглосс, так и, возможно, их достоверность в настоящее время. В числе таких обстоятельств следует подчеркнуть воздействие литературного микроязыка на все группы градищанских хорватов, связанное с его нарастающим влиянием, и большую контактность всех групп Градища в Австрии, Венгрии, Словакии в последние десятилетия (часто это празднества, на которые съезжаются жители из разных областей и стран: фестивали, в том числе народной музыки и песен; общесельские праздники – *kiritofti* и т. д.). Несмотря на всё большее проникновение литературного языка во все сферы жизни градищанцев и влияние языка страны проживания на градищанскохорватский, ряд изолекс и изодокс, фиксируемых в начале XX столетия (как на основе полевых материалов, так и по данным опубликованных источников), всё еще можно выявить, см. карты, прилагаемые к главе II.

На примере частной переписки начала XX века представлены основные тенденции в языке (прежде всего, в лексике), связанные и с конкретными условиями проживания в окружении иноязычных приоритетных сообществ, и с типологически устойчивыми моделями развития «своего» языкового общения. В данном случае авторам был важен и исторически ограниченный период (обусловленный обстоятельствами нахождения хорватов на славяно-неславянском пограничье) в развитии языка и народной духовной культуры.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ ИМЕН

Информанты

- BB – *Bušić Bernard* (Бушич Бернард), 1959 г. р., с. Хорватский Жидан.
- BF – *Bódic František* (Бодич Франтишек) 1947 г. р., с. Чуново.
- BG – *Brosz Gertruda* (Брос Гертруда), 1932 г. р., с. Чуново.
- BJ – *Bosits Julianna* (Бошич Юлианна), 1972 г. р., с. Нарда.
- BK – *Bosits Krisztina* (Бошич Кристина), 1935 г. р., с. Нарда.
- BM – *Brosz Maria* (Брос Мария), 1968 г. р., с. Чуново.
- BMa – *Böhm Maria* (Бём Мария), 1945 г. р., с. Горни Четар.
- BMi – *Bauer Miklós* (Бауэр Миклош), 1947 г. р., с. Горни Четар.
- BŠ – *Brosz Štefan* (Брос Стефан), 1937 г. р., с. Чуново.
- BT – *Bódic (Valentić) Terézia* (Бодич Терезия), 1948 г. р., с. Чуново.
- FG – *Ferenčáková Gabriela* (Ференчакова Габриела), 1954 г. р., с. Чуново.
- FF – *Farkas Ferenc* (Фаркаш Ференц), 1932 г. р., с. Унда.
- FT – *Feigl Terezia* (Фейгл Терезия), 1949 г. р., с. Горни Четар.
- FM – *Fülop-Huljev Maria* (Фюлеп-Хулев Мария), 1950 г. р., с. Унда.
- CJ – *Csizmadia Julia* (Чизмадия Юлия), 1947 г. р., с. Хорватский Жидан.
- GK – *Glavanics Krisztina* (Главанич Кристина), 1975 г. р., с. Нарда.
- GM – *Glavanics Maria* (Главанич Мария), 1951 г. р., с. Нарда.
- DŠ – *Dumovich Štepan* (Думович Штепан), 1940 г. р., с. Хорватский Жидан.
- HJ – *Handler Judita* (Хандлер Юдита), 1947 г. р., с. Петрово Село.
- HK – *Hosch Krisztina* (Хош Кристина), 1935 г. р., с. Нарда.
- HM – *Horvath Maria* (Хорват Мария), 1933 г. р., с. Хорватский Жидан.
- HŠ – *Horváth Sándor* (Хорват Шандор), 1959 г. р., с. Нарда.
- HV – *Hergovich Vince* (Хергович Винце), 1956 г. р., с. Плайгор.
- HZs – *Horvath Zsuzsanna* (Хорват Зузанна), 1956 г. р., с. Хорватский Жидан.
- JM – *Jankovičová Maria* (Янковичова Мария), 1937 г. р., с. Яровце.
- KE – *Konczér Elek* (Концер Элек), 1942 г. р., с. Горни Четар.
- KrE – *Krizmanichné Elizabet* (Кризманичне Элизабет), 1931 г. р.,
с. Присика.
- KG – *Kovácsné Hamori Györgyi* (Ковачне Хамори Дьерди), 1957 г. р.,
с. Хорватские Шице.

- KI – *Koloszar István* (Колосар Иштван), с. Унда, 1957 г.р.
 KJ – *Kaušič Johan* (Каушич Йохан), 1952 г.р., с. Чуново.
 KK – *Konczer Katalin* (Концер Каталин), 1959 г.р., с. Горни Четар.
 KLa – *Kovács László* (Ковач Ласло), 1950 г.р., с. Хорватские Шице.
 KLu – *Kurtz Lucia* (Куртц Люция), 1940 г.р., с. Петрово Село.
 KŠ – *Koledić Štefan* (Коледич Штефан), 1941 г.р., с. Плайгор.
 MG – *Marics Gizella* (Марич Гизелла), 1945 г.р., с. Хорватские Шице.
 MJ – *Maasz Johan* (Маас Йохан), 1956 г.р., с. Чуново
 MŠ – *Miletič Štefan* (Милетич Штефан), 1930 г.р., с. Чуново.
 MV – *Mittl (Jušič) Valeria* (Миттл (Юшич) Валерия), 1940 г.р.,
 с. Хорватские Шице.
 NA – *Novák Anton* (Новак Антон), 1952 г.р., с. Яровце.
 NH – *Nováková Hedvig* (Новакова Гедвиг), 1951 г.р., с. Яровце.
 SA – *Skropits Ana* (Шкропич Ана), 1942 г.р., с. Петрово Село.
 SM – *Stefanich Maria* (Стефанич Мария), 1936 г.р., с. Хорватский Жидан.
 PA – *Puchovičová Anna* (Пухович Анна), 1938 г.р., с. Чуново.

Собиратели (авторы книги)

- АП – Анна Плотникова
 ДВ – Дарья Ващенко

Участники переписки из Чунова (глава III)

AG – Ana Gregorić	KV – Katarina Varoš
AS – Agneš Stefančić	M – мать JS, Lizlja Stefančić
FB – Ferenc Brdenić	MDr – Marica Drkosić
GL – Georg Lang	MDv – Marica Dvornić
JaG – Jandre Gregorić	MP – Mate Puhović
JiG – Jive Gregorić	MS – Marija Stee
JK – Jive Klemensić	O – отец JS, Jive Stefančić
JS – Jandre Stefančić	S – сестра JS, Marica Stefančić
KM – Katarina Maász	ŠK – Šime Kovačić
KP – Katica Puhović	ŠŠ – Štefan Šutrić
KŠ – Katarina Štefančić	TW – Terezia Windisch

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Агапкина 2002 – Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.
- Анисимова (Ващенко) 2012 – Анисимова Д. Ю. Этнолингвистические материалы из венгерской деревни Ипойфедемеш, Словакия // Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. 2009–2011. М., 2012. Вып. 2. С. 424–455.
- Белова 2005 – Белова О. В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005. .
- Беляев 1921 – Беляев М. В. Книги небесные // Известия Бакинского гос. ун-та. Баку, 1921. № 1, второй полутом. С. 219.
- Березович 2014 – Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М., 2014.
- Брой, Пила, Шольце 2017 – Брой В., Пила М., Шольце Л. Видовые приставки в языковом контакте (на материале молизкославянского, резьянского и верхнелужицкого микроязыков) // Rosanna Benacchio, Alesio Muro, Svetlana Slavkova (eds.), The role of prefixes in the formation of aspectuality: issues of grammaticalization. Firenze, 2015. С. 59–84.
- Будовская 1995 – Будовская Е.Э. Блуждать // Славянские древности: этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1995. Т. 1. С. 197–199.
- Бутов 2018 – Бутов И. С. Материалы о распространении «святых писем» в БССР в 1930–1950-е годы // Живая старина. 2018. № 1. С. 17–20.
- Вайнрайх 1979 – Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Киев, 1979.
- Валенцова 2016 – Валенцова М. М. Народный календарь чехов и словаков. Этнолингвистический аспект. М., 2016.
- Валенцова, Плотникова 1999 – Валенцова М. М., Плотникова А. А. Королевские обряды // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2. С. 609–612.
- Ващенко 2014 – *Ващенко Д. Ю.* Этнолингвистические материалы из села Шашка (западная Венгрия) // Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура. 2012–2013. М., 2014. Вып. 3. С. 278–307.

- Ващенко 2021 – *Ващенко Д. Ю.* Опыт виртуального обследования народной культуры градищанскохорватского села Кольноф (западная Венгрия) // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2021. Вып. 3–4. С. 93–103.
- Веселовский 1876 – *Веселовский А. Н.* Попыты по истории развития христианской легенды. Эпистолия о неделе // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1876, март (№ 184). С. 11.
- Виноградова, Гура 1995 – *Виноградова Л. Н., Гура А. В.* Бдение // *Славянские древности: этнолингвистический словарь*. М., 1995. Т. 1. С. 143–144.
- Виноградова, Плотникова 2009 — *Виноградова Л. Н., Плотникова А. А.* Ряжение // *Славянские древности: этнолингвистический словарь*. М., 2009. Т. 4. С. 519–525.
- Виноградова, Усачева 1999 – *Виноградова Л. Н., Усачева В. В.* Зеленъ // *Славянские древности: этнолингвистический словарь*. М., 1999. Т. 2. С. 308–312.
- Голант 2014 – *Голант Н. Г.* Обряды весенне-летнего цикла в Валахии: Очерки традиционной культуры. М.; СПб., 2014.
- Домашнев 1967 – *Домашнев А. И.* Очерк современного немецкого языка в Австрии. М., 1967.
- Грђић-Бјелокосић 1896 – *Грђић-Бјелокосић Л.* Народна гагања // *Glasnik Zemaljskog Muzeja*. Сарајево, 1896. Књ. VIII. С. 141–159.
- Гура 2012 – *Гура А. В.* Брак и свадьба в славянской культуре: Семантика и символика. М., 2012.
- Гура 2014 – *Гура А. В.* Свадебная традиция польского Спиша // *Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура*. 2013–2014. М., 2014. Вып. 3. С. 152–180.
- Гура 2019 – *Гура А. В.* О специфике свадебной традиции одной архаической славянской зоны: свадебный обряд словенского Прекмурья // *Славянские архаические ареалы в пространстве Европы*. М., 2019. С. 203–227.
- Домашнев 1967 – *Домашнев А. И.* Очерк современного немецкого языка в Австрии. М., 1967.
- Дуличенко 1981 – *Дуличенко А. Д.* Славянские литературные микроязыки: вопросы формирования и развития. Таллин, 1981.
- Ђорђевић 2002 – *Ђорђевић Т.* Животни круг. Рођење, свадба и смрт у веровањима и обичајима нашег народа. Београд, 2002.
- Козлова, Сандомирская 1997 – *Козлова Н.Н., Сандомирская И.И.* «Наивное письмо» и производители нормы // *Коллаж*. 1997. С. 7–31.

- Культурное наследие 2021 – Культурное наследие народов Европы. Сборник Музея антропологии и этнографии. СПб., 2021. Т. LVII.
- Левкиевская 2004a – *Левкиевская Е. Е.* Нищий // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 2004. Т. 3. С. 408–411.
- Левкиевская 2004b – *Левкиевская Е. Е.* Огни блуждающие // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 2004. Т. 3. С. 511–513.
- Лихачев 1989 – *Лихачев Д. С.* Первые 700 лет русской литературы. М., 1989. С. 117.
- Лурье 1993 – *Лурье В. Ф.* «Святые письма» как явление традиционного фольклора // Русская литература. 1993. № 1. С. 142–149.
- Никитина 2019 — *Никитина С. Е.* Взаимосвязь веры, культуры и языка в конфессиональной группе как коллективной личности // Понимая город: коммуникация с пространством, временем и людьми. Материалы XIX Международной школы по фольклористике и культурной антропологии. М., 2019. С. 52–57.
- ОЛА 2015 – Общеславянский лингвистический атлас (ОЛА). Серия лексико-словообразовательная. М.; СПб., 2015. Вып. 10: Народные обычаи.
- Панченко 2002 – *Панченко А. А.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002.
- Пилипенко 2019 – *Пилипенко Г.* Унгаризмы в лексике традиционной культуры у прекмурских и порабских словенцев // *Jezikoslovní zapiski*. 2019. L. 25. Št. 1. S. 7–34.
- Пилипенко 2021 – *Пилипенко Г. П.* Южноволынский диалект украинского языка в Аргентине (Мисьонес): дневник переселенца из межвоенной Польши Кирилла Вознюка. М., 2021.
- Пилипенко, Ясинская 2018 – *Пилипенко Г. П., Ясинская М. В.* Язык и культура словенцев в Прекмурье и Порабье // *Славяноведение*. 2018. № 6. С. 60–73.
- Пилипенко, Лагно 2021 – *Пилипенко Г. П., Лагно А. Р.* Дневник жителя Галиции Степана Федоровича Лагно как объект историко-филологического исследования // *Центральноевропейские исследования*. 2021. Вып. 4 (13). С. 359–387.
- Плотникова 1995 – *Плотникова А. А.* Бесплодие // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1. С. 166–168.
- Плотникова 1995a – *Плотникова А. А.* Вестись // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1. С. 355–357.
- Плотникова 1999 – *Плотникова А. А.* Кладбище // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2. С. 503–507.

- Плотникова 2003 – *Плотникова А. А.* Южнославянские персонажи типа вила в свете «балканского» на Балканах // Славянское и балканское языкознание. Человек в пространстве Балкан. Поведенческие сценарии и культурные роли. М., 2003. С. 228–249.
- Плотникова 2004а – *Плотникова А. А.* Могила // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 2004. Т. 3. С. 266–272.
- Плотникова 2004б – *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.
- Плотникова 2009 – *Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканского ареала. М., 2009.
- Плотникова 2012 — *Плотникова А. А.* Шерсть // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 2012. Т. 5. С. 576–579.
- Плотникова 2013 – *Плотникова А. А.* Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: Этнолингвистические очерки. М., 2013.
- Плотникова 2016 – *Плотникова А. А.* Славянские островные ареалы: Архаика и инновации. М., 2016.
- Плотникова 2018 – *Плотникова А. А.* «Водные хорваты» и специфика их традиции: обзор этнолингвистической экспедиции // Славянский альманах. 2018. № 3–4. С. 343–357.
- Плотникова, Ващенко 2019 – *Плотникова А. А., Ващенко Д. Ю.* Этнолингвистическая экспедиция в градищанскохорватские села Западной Венгрии (окрестности Сомбатхея) // Славяноведение. 2019. № 6. С. 88–98.
- Плотникова 2022 – *Плотникова А. А.* Об одном мифологическом мотиве у градищанских хорватов в сопоставлении с соседними традициями южных и западных славян // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 209–224.
- Ровнова 2015 – *Зайцев Д.* Повесть и житие Даниила Терентьевича Зайцева / подгот. к изд. О. Ровнова. М., 2015.
- Ровнова 2022 – *Ровнова О. Г.* Старообрядцы Южной Америки: очерки истории, культуры, языка. М., 2022.
- Скорвид 2013 – *Скорвид С. С.* О некоторых морфосинтаксических средствах передачи сообщения с чужих слов в славянских языках центральноевропейского ареала в сравнении с немецким // Сопоставительно езигознание / Сопоставительное языкознание / Contrastive Linguistics. 2013. Vol. XXXVIII. № 2–3. С. 192–204.
- Скорвид 2015 – *Скорвид С. С.* Центральноевропейский союз: границы и признаки в ретроспективном освещении // Славяне и Центральная Европа: языки, история, культура. М., 2015. С. 30–39.

- Терновская, Толстой 1995 – *Терновская О. А., Толстой Н. И.* Баба // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1. С. 122–123.
- Толстая 1995 – *Толстая С. М.* Беременность // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1. С. 160–164.
- Толстая 1999 – *Толстая С. М.* Заговоры // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2. С. 239–244.
- Толстая 1999а – *Толстая С. М.* Кража // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2. С. 640–643.
- Усачева 2008 – *Усачева В. В.* Карпато-балканский обряд «полазник» // Усачева В. В. Магия слова и действия в народной культуре славян. М., 2008. С. 9–83.
- Фасмер 1973 – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1973. Т. IV.
- Чукшис 2021 – *Чукшис В. А.* Этно- и социокультурный статус диалектов современного немецкого языка в Австрии. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. СПб., 2021.
- ЭССЯ 7 – Этимологический словарь славянских языков. М., 1980. Вып. 7.
- Ясинская 2021 – *Ясинская М. В.* Семантико-мотивационные параллели между лексикой зрительного восприятия и лексикой приема пищи в русских народных говорах // Славянская традиционная культура и современный мир. Слово. Время. Человек. Вып. 19. СПб., 2021. С. 265–273.
- Asbóth 1907 – *Asbóth O.* Szlav jövevényyszavaink. Budapest, 1907.
- Bálint 1989 – *Bálint S.* Karácsony, Húsvét, Pünkösd. Budapest, 1989.
- Balizs 2015 – *Balizs D.* Etnikai térstruktúra, asszímiláció és identitás a történelmi Vas megyében. PhD-értekezés. Szeged, 2015.
- Begović 2022 – *Begović B.* Općina Pitomača. Pitomača, 2022.
- Bellmann 1971 – *Bellmann G.* Slavoteutonica. Lexikalische Untersuchungen zum slawisch-deutschen Sprachkontakt im Ostmitteldeutschen. Berlin; New York, 1971.
- Benkő 1993 – *Benkő L.* Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Budapest, 1993.
- Bezljaj 2005 – *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. IV. (Š–Ž) / Ur. M. Snoj, M. Furlan. Ljubljana, 2005.
- Blažeka 2004 – *Blažeka Đ.* Rječnik germanizama u govoru Preloga (A–M) // Učitelj. 2004. Br. 4. S. 13–34.

- Boročov 2007 – *Boročov B.* Classical Text in Translation The Tasks of Yiddish Philology // Science in Context. 2007. Vol. 20 (2). P. 355–373.
- Bosits 1998 – *Bosits J.* Običaji u mojem rodnom selu u Nardi. Szombathely, 1998.
- Botík 1996 – Chorváti na Slovensku: Dejiny, jazyk, kultúra, súvislosti / Ur. J. Botík. Bratislava, 1996.
- Botík 1998 – *Botík J.* Etnokulturni razvoj Hrvata u Slovačkoj // Etnološka tribina. 1999. Vol. 28. Br. 21. S. 35–43.
- Botík 2001 – *Botík J.* Slovenskí Chorváti: Etnokultúrny vývin z pohľadu spoločenskovedných poznatkov. Bratislava, 2001.
- Brummer 2007 – *Brummer K.* Gyalókai krónika. Gyalóka, 2007;
- Bucolić 2018 – *Bucolić S.* Vile i viške kod Gradišćanskih Hrvatov // Etnografija Hrvata u Mađarskoj. 2018. Knj. 16. S. 7–28.
- Dani, Farkas 1991 – *Dani L., Farkas G.* Kisláng // Fejér Megyei Történeti Évkönyv. Székesfehérvár, 1991. Évf. 22. Old. 43–99.
- Danter 1995 – *Danter I.* Az emberi élet fordulóihoz fűződő szokások és hiedelmek Mohiban // Néprajzi Látóhatár. 1995. Évf. IV. № 1–2. Old. 122–127.
- DBKW – Deutsch-Burgenländischkroatisch-kroatisches Wörterbuch / Gradišćanskohrvatski rječnik / ur. N. Bencsics, B. Finka, A. Šojat, J. Vlasits, S. Zvonarich. Eisenstadt; Zagreb, 1982.
- DO – Dein österreichisches wörterbuch. URL: <https://www.oesterreichisch.net/wort/1079>
- Domaracká 2001 – *Domaracká J.* Pohrebná obradovosť v obciach s chorvátskym osídlením na Slovensku // Obyčajové tradície pri úmrtí a pochovávaní na Slovensku s osobitným zreteľom na etnickú a konfesionálnu mnohotvárnosť. Bratislava, 2001. S. 185–195.
- DWDS – Wörterbücher im DWDS [Толково-этимологический словарь немецкого языка]. URL: <https://www.dwds.de/wb>
- EKK – Enzyklopädie der slowenischen Kulturgeschichte in Kärnten. Koroška; Klagenfurt, 1942.
- ESZ 2006 – Etimológiai szótár. Magyar szavak és toldalékok eredete. Főszerk. Zaicz Gábor. Budapest, 2006.
- Fábiánkovits 2021 – *Huszár Attila Lászlóné Fábiánkovits E.* Többynnyelvűség, nyelvi asszimiláció, változó identitásépítési stratégiák a gradištyei horvátok egy magyarországi nemzetiségi településen. Doktori disszertáció. Budapest, 2021.
- Faragó 2014 – *Faragó I.* Földrajzi nevek. Budapest, 2014.

- Feigl 2008 – *Feigl P.* Horváth Iván néprajzkutató élete és munkássága. Szombathely, 2008.
- Franković 1990 – *Franković Đ.* Mitska bića u Podravskih Hrvata. Narodne predaје // Etnografija Južnih Slavena u Mađarskoj. Budimpešta, 1990. Br. 9. S. 1–195.
- Gaál 1965 – *Gaál K.* Angaben zu den abergläubischen Erzählungen aus dem südlichen Burgenland, Eisenstadt, 1965.
- GH – Gradišćanski Hrvati. Zagreb, 1973.
- GHNR – Gradišćanskohrvatsko-hrvatsko-nimški rječnik / Ur. N. Bencsics, B. Finka, I. Szucsich, A. Šojat, J. Vlasits, S. Zvonarich et al. Zagreb; Eisenstadt, 1991.
- GN – Gemeinde Neuberg. Nova Gora. Neuberg, 1994.
- Hantz 1876 – *Hantz Gy.* Zsuzsanna historiája // Magyar nyelvőr. 1876. V köt. III füz. Old. 131–140.
- HE – Hrvatska enciklopedija. URL: <https://enciklopedija.hr/natuknica.aspx?ID=58966>
- Horecký 1971 – *Horecký J.* Znovu o termínoch tehotnosť a ťarchavosť // Kul-túra slova. 1971. Roč. 5. Č. 4. S. 106–108.
- Horvat 1973 – *Horvat I.* Narodni običaji Gradišćanskih Hrvata // Gradišćanski Hrvati. Zagreb, 1973. S. 129–134.
- Horvat 1997 – *Horvat Š.* Godišnji običaji Gradišćanskih Hrvatov // Riječ. Časopis za književnost i kulturu Hrvata u Mađarskoj. Budimpešta, 1997. God. II. Br. 1. S. 89–95.
- Horvat 1997 (1896) – *Horvat R.* Narodni život i običaji južnih slavena. Koprivnica (pretisak). U Zagrebu 1896 // Podravski zbornik. 1997. S. 11–26.
- Horváth 1973 – *Horváth I.* Horvátzsidány hiedelmei. // Arrabona. Múzeumi közlemények. 1973. Évf. XV. Old. 169–198.
- Horváth 1977 – *Horváth I.* Praznični običaji i narodna verovanja čakavskih Hrvata u zapadnoj Madjarskoj // Etnografija Južnih Slovena u Madjarskoj. Knj. 2. Budimpešta, 1977. S. 62–78.
- Horváth 1978 – *Horváth I.* A naptári ünnepekhez füződő szokások és hiedelmek a nyugatmagyarországi horvátoknál // Folklór archívum. 1978. Évf. 10. Old. 7–101.
- Horváth 2005 – *Horváth S.* A grádistyei horvátok XVI–XX. századi asszimilációjának példái // Kisebbségkutatás. 2005. Évf. 14. Sz. 2. Old. 181–193.
- Horváth 2012 – *Horváth S.* A grádistyei horvátok jeles napi szokásainak interetnikus kapcsolatai. Néhány példa // Savaria a Vas Megyei Múzeumok Értesítője. 2012. Évf. 35. Old. 301–314.

- Horváthné 2021 – *Horváthné Szeregyi Zs.* A Fertőhomoki horvát nemzetiség kulturális értékei a 21. században. Sopron, 2021.
- Horvátlövő 2015 – Horvátlövő településtörténete és néprajzának értéktára. Szombathely: Szülőföld könyvkiadó, 2015.
- Houtzagers 1999 – *Houtzagers P.* The Kajkavian Dialect of Hidegség and Fertőhomok // *Studies in Slavic and General Linguistics*. 1999. Vol. 27. Amsterdam; Atlanta, 1999. P. 3, 5, 7–343.
- Houtzagers 2004 – *Houtzagers P.* O razvitku govora Vedešina i Umoka // *Kajkavci Vedešina i Umoka. Zbornik radova regionalne konferencije „Kajkavci med gradišanskimi hrvati”*. Zagreb, 2004. S. 15–36.
- Houtzagers 2008 – *Houtzagers P.* On Burgenland Croation izoglosses // *Studies in Slavic and General Linguistics*. 2008. Vol. 34. P. 293–331.
- HR – онлайн-база, основанная на словарях хорватского языка: Rječnik hrvatskoga jezika V. Anić (I. izdanje 1991, II. izdanje 1994, i III. izdanje 1998); Pravopis hrvatskoga jezika V. Anić – J. Silić (2001); Veliki rječnik hrvatskoga jezika V. Anić (2003, priredila Ljiljana Jojić); Kronologija – Hrvatska, Europa, Svijet (grupa autora, urednik I. Goldstein); Rječnik stranih riječi Anić – Goldstein (I. izdanje 1998, II. izdanje 2000); Hrvatski enciklopedijski rječnik (uređivački odbor: prof. dr. Vladimir Anić, prof. dr. Ranko Matasović, prof. dr. Ivo Pranjković, dr. Dunja Brozović Rončević, prof. dr. Ivo Goldstein, Slavko Goldstein, mr. Ljiljana Jojić, Ljiljana Cikota; 2003). URL: <http://hjp.znanje.hr/index.php?show=legenda>
- Hradsky, Mallinerits 2008 – *Hradsky J., Mallinerits J.* Jarovce. Villa Ban. Bratislava, 2008.
- Ilić 1846 – *Ilić L.* Narodni slavonski običaji. Zagreb, 1846.
- Ilk 2009 – *Ilk A. J.* Die mythoepische Erzählwelt des Wassertales Rolle und Funktion phantastischer Wesen im Leben der altösterreichischen Holzknechte, dargestellt in ihren mündlich überlieferten Erzählungen aus den Waldkarpaten. Dissertation. Wien, 2009.
- Ivanović 1981 – *Ivanović N.* Uzlop. Hrvatsko selo u Gradišću – Austrija. Omiš, 1981.
- Jordanić 2009 – *Jordanić M.* Narodni običaji Gradišćanskih Hrvatov. Das Brauchtum der Burgenlandkroaten. Filež; Nikitsch, 2009.
- Kálnási 2005 – *Kálnási A.* Deberceni civis szótár. Debrecen, 2005.
- Kamra – Digitalizirana kuturna dediščina slovenskih pokrajin. URL: <https://www.kamra.si/digitalne-zbirke/ivan-olifcic-1895-1917/>
- KH – Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnoga jezika. URL: <https://kajkavski.hr/rjecnik/?letter=i&page=1>

- Kinda-Berlakovich 2003 – *Kinda-Berlakovich A. Z.* Gradišćanskohrvatski prema hrvatskom standardu // Bosanski – hrvatski – srpski. Međunarodni skup “Aktuelna pitanja jezika Bošnjaka, Hrvata, Srba i Crnogoraca”. Wien, 2003. S. 111–122. (Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 57).
- Kis 1980 – *Kis L.* Földrajzi nevek etimológiai szótára. Budapest, 1980.
- Kiss 1979 – *Kiss J.* Mihályi tájszótár (Rábáköz). Budapest, 1979.
- KKSB – Kratek kranjsko-slovenski besednjak / Zostavil Nikomed Ravnikar. Zagreb, 1863.
- Kölbe, Völkel 2008 – *Kölbe W., Kölbe K., Völkel H.* Droschkau. Chronik eines Dorfes in der Grafschaft Glatz / Schleisen: Eine Zusammenfassung mit Bildern. Droschkau, 2008.
- Koschat 1978 – *Koschat H.* Die čakavische Mundart von Baumgarten im Burgenland. Wien, 1978 (Schriften der Balkankommission, Linguistische Abteilung; 24).
- Krek 1886 – *Krek G.* Česki Trut pa slovenski Trôt // Kres. Celovec, 1886. Letnik VI. S. 283–240.
- Kučerová 1998 – *Kučerová K.* Hrvati u Srednjoj Europi. Zagreb, 1998.
- Kuret 1970 – *Kuret N.* Praznično leto slovencev. Celje, 1970. D. III.
- Leopold 2013 – *Leopold A.* Gradišćanskohrvatske narodne price. Pinkovac; Güttenbach, 2013.
- Lončarić 2008 – *Lončarić M.* Uz novije istraživanje govora „Štoja” // Međunarodni kroatistički znanstveni skup. Pečuh, 2008. 1–9.
- Lončarić, Jozić 2003 – *Lončarić M., Jozić Ž.* Gramatička istraživanja hrvatskih govora u Slovačkoj // Tradícia a perspektívy gramatického výskumu na Slovensku. Bratislava, 2003. S. 119–129.
- Maász, Mallinerits 2012 – *Maász J., Mallinerits J.* Čunovo. T. I. Naše selo i naša obec. Bratislava, 2012.
- Maász, Mallinerits 2017 – *Maász J., Mallinerits J.* Čunovo. T. II. Sudbina Jan-dre Štefančiča osud Ondreja Štefancicha. Bratislava, 2017.
- Maresić 2004 – *Maresić J.* O leksiku gradišćanskohrvatskih kajkavaca // Kaj. 2004, 37, 47–62.
- MA – региональные словари венгерского языка. URL: <https://www.heol.hu/heves/kozelet-heves/az-emleke-sem-marad-meg-361630/> (словарь р. Хевеш)
- MB – Диалектний словарь австрійського Бургенланда. URL: <https://www.mundart-burgenland.at/woerterbuch.php>

- Mitzka 1963 – *Mitzka W.* Schlesisches Wörterbuch. B. I. Berlin. 1963 P. 153.
- MN – Magyar néprajz nyolc kötetben. Főszerk. Paládi-Kovács A. VII. köt. Népszokás, néphit, népi vállásosság. Budapest. URL: <https://mek.oszk.hu/02100/02152/html/07/index.html>
- MNySz 1863 – A Magyar nyelv szótára. Szerk. Czuczor G., Fogarassy J. Budapest 1863. <http://szojelentese.com/magyar/>
- Molnár 2009 – *Molnár Csikos L.* Bozsékol // Magyar szó. 2009. № 66/165. 24 old.
- Muhr 2015 – *Muhr R.* Die Herzenswörter der Österreicher. Wien, 2015.
- Népszámlálás 2013a – 2011 évi népszámlálás. 3. Területi adatok. 3.8. Győr-Moson-Sopron megye. Győr, 2013.
- Népszámlálás 2013b – 2011 évi népszámlálás. 3. Területi adatok. 3.18. Vas megye. Győr, 2013.
- NS – Slovenské nárečia a dialekty: Slovo komašňa. Nárečovo-slovenský slovník. URL: <https://www.narecie.sk/koma%C5%A1%C5%88a>; Východniarsky slovník. URL: <https://www.narecie.sk/vychodniarsky-slovník/pismoeno-v>
- Neweklowsky 1978 – *Neweklowsky G.* Die Kroatischen Dialekte des Burgenlandes und der angrenzenden Gebiete. Wien, 1978.
- Newerkla 2007 – *Newerkla S. M.* Areály jazykového kontaktu ve střední Evropě a německo-český mikroareál ve východním Rakousku // Slovo a slovesnost. 2007. Roč. 68. Č. 4. S. 271–286.
- Newerkla 2011 – *Newerkla S. M.* Sprachkontakte Deutsch-Tschechisch-Slowakisch Wörterbuch der deutschen Lehnwörter im Tschechischen und Slowakischen: historische entwicklung, Beleglage, bisherige und neue Deutungen. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien, 2011 (Schriften über Sprachen und Texte. Band 7).
- Nižnanský 2007 – *Nižnanský J.* Kar a s ním súvisiace názvoslovie // Tradícia v slove, slovo v tradícii. Inšpiratívny Jozef R. Nižnanský. Zost. Ľ. Dvornická, M. Smatana. S. 133–136.
- NJKL – Ku čemo si sad? Naše jačke kroz ljeto. Burgenländischkroatische Volkslieder im Jahreszyklus. Oberpullendorf; Oberschützen, 2013.
- ODEW – Wörterbuch: (Ober)österreichisch-Deutsch; (Ober)österreichisch-Englisch [Австрийско-немецко-английский онлайн-словарь]. URL: http://www.fim.uni-linz.ac.at/Woerterbuch_oesterr_deut_englisch.htm
- OS – Интернет-словари «австрийских слов»: Dein Österreichisches Wörterbuch. URL: <https://www.oesterreichisch.net/wort/31241/Bidlmann,%20Bidlsmann; NewsListeOED.pdf>; https://www.volkswoerterbuch.at/wort/19669/Zubraeutigam_Zubrautger

- Palkovič 1992 – *Palkovič K.* Reč staršej Bratislavy // Slovenská reč. 1992. Roč. 57. S. 351–360.
- Papp 2014 – *Papp A.* A Muravidék helye Penavin Olga néprajzi opuszában // Penavin Olga a Muravidéken. Lendva, 2014. Old. 39–66.
- Pawischitz 2014 – *Pawischitz S.* Burgenland-Croatian: first signs of language decay // Slavic and German in contact: Studies from areal and contrastive linguistics. Hokkaido, 2014. P. 59–80.
- Penavin 1983 – *Penavin O.* Néprajzi tanulmányok. Újvidék 1981.
- Perić 2016 – *Perić T.* Tradicijska glazba i običaje Sjeverozapadne Hrvatske. Diplomski rad. Čakovec, 2016.
- PKGH – Povijest i kultura Gradišćanskih Hrvata. Zagreb, 1995.
- Plotnikovová, Uzeňovová 2018 – *Plotnikovová A. A., Uzeňovová J. S.* Karpatké tradice v balkánské perspektivě: etnolingvisticke aspekty. Ostrava, 2018.
- Pócs 2004 – *Pócs E.* Néhány új szempont a regölés és a regösének kutatásához // Az Idő rostájában. Tanulmányok Vargyas Lajos 90. születésnapjára. II köt. Budapest, 2004. Old. 285–332.
- Pócs 2012 – *Hiedelemszövegek*, szerk. *Pócs Éva*. Budapest, 2012.
- PSS – Pohorelsko-slovenský slovník. URL: <https://www.pohorela.sk/obec/obec/pohorelske-narecie/pohorelsko-slovensky-slovnik-116sk.html>
- Rajković 1974 – *Rajković Z.* Narodni običaji okolice Donje Stubice // Hrvatski časopis za etnologiju i folkloristiku. 1974. Knj. 10. № 1. S. 153–214.
- Répece 1996 – A Répece mente meséi és mondái / Szerk. Sudár Lászlóné. Csepreg, 1996.
- SA – мифологические нарративы из Австрии. URL: https://www.sagen.at/texte/sagen/oesterreich/sagen_oesterreich.htm
- Sabolová 2004 – *Sabolová-Jelinková P.* Krátky slovník nárečia slovenského – strašćanskoho. Strážske, 2004.
- Seedoch 2001 – *Seedoch J.* Veiceihnis der burgenländischen Ortsnamen in deutscher, ungerischer, kroatischer und Roman-Sprache. Eisenstadt, 2001.
- Sekulović 2014 – *Sekulović M.* Hrvatska tradicijska kultura i književnost u Sinjskoj krajini. Diplomski rad. Split, 2014.
- Skok 1956 – *Skok P.* Novi prilozi proučavanju govora žumberačkih čakavaca // Hrvatski dijalektološki zbornik. Knj. 1. Zagreb, 1956. S. 215–278.
- SP – Slovníkový portál Jazykovedného ústavu Ľ. Štúra SAV. URL: <https://slovnik.juls.savba.sk/>

- SSK – Krátky slovník nářečia slovenského spišského: idze ftoškaj, neše čoškaj: ako sa rozprávalo v Spišskej Novej Vsi a v Smižanoch / podľa Dr. Antona Kreta. URL: <https://ru.scribd.com/doc/65798377/Spišsky-Slovník-Podla-Antona-Kreta>
- Strackerjan 1867 – *Strackerjan L.* Aberglaube und Sagen aus dem Herzogtum Oldenburg. Oldenburg, 1867.
- Szegedy 1921 – *Szegedy R.* Nyugatmagyarországi horvát lakodalmi szokások // *Ethnographia*. 1921. Évf. 32. Old. 60–68.
- Ščukanec, Čagalj 2018 – *Ščukanec A., Čagalj I., Skelin Horvat A.* Das Konzept der Muttersprache in Burgenlandkroatischen Gemeinschaften in Österreich und in der Slowakei: Einstellungen und Herausforderungen // *Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты*. 2018. № 1–2 (32–33). S. 168–182.
- Štefunko 1941 – *Štefunko F.* Z právnej terminologie. Vereneg-snúbenec // *Slovenská reč*. 1941. Roč. 8. № 5–6. S. 180–183.
- Tájszótár 1898 – *Magyar tájszótár.* A magyar tudományos akadémia megbízásából. Budapest, 1898. URL: https://archive.org/stream/magyartjszt01szinuoft/magyartjszt01szinuoft_djvu.txt
- Takač 2004 – *Takač F.* Rječnik sela Hrvatski Grob. Zagreb, 2004.
- Tátrai 2010 – *Tátrai Zs.* A pünkösdszék jeles napján. Pünkösöd a 19–20. századi magyar néphagyományban. URL: <https://mersz.hu/tatrai-a-punkosdszek-jeles-napjan/>
- Tótfalusi 2001 – *Tótfalusi I.* Magyar etimologiai szótár. URL: <https://www.arcanum.com/hu/online-kiadvanyok/Lexikonok-magyar-etimologiai-szotar-F14D3/eloszo-F14D4/>
- Ujváry 1990 – *Ujváry Z.* Folklor írások. Miskolc, 1990.
- Uzeňová 2013 – *Uzeňová E.* S. Slovenská ľudová tradícia v kontexte terénnych etnolingvistickej výskumov Karpát a Balkánu // *Jazyk a kultúra na Slovensku v slovanských a neslovanských súvislostiach*. Bratislava, 2013. S. 59–69.
- Vážný 1923 – *Vážný V.* Čakavské nářečí v slovenském Podunají. Bratislava, 1923.
- Vážný 1926 – *Vážný V.* Ikavismy a ekavismy v kajkavském charvatském nářečí Horvatského Gróbu na Slovensku // *Sborník Matice slovenskej*. 1926. Roč. 4. S. 65–70.
- Vážný 1927 – *Vážný V.* Čakavské nářečí v slovenském Podunají // *Sborník Filozofické fakulty university Komenského v Bratislave*. 1927. Roč. 5. S. 3–216.

- Vehrer 2016 – *Vehrer A.* A farsangi rönkhúzás mint interetnikus hagyomány // Polgári Szemle. 2016. 12. Évf. 12. Sz. 4–6. Old. 165–175.
- Vernaleken 1859 – *Vernaleken T.* Mythen und bräuche des volkes in Oesterreich. Wien, 1859.
- Viski 1913 – *Viski K.* A szalontai nép nyelvéből. Budapest, 1913.
- Vranješ-Šoljan 2005 – *Vranješ-Šoljan B.* Gradišćanski Hrvati: između tradicije i suvremenosti. Zagreb, 2005.
- Vulić, Petrović 1999 – *Vulić S., Petrović B.* Govor Hrvatskoga Groba u Slovačkoj. Zagreb, 1999. (Korabljica. Knj. 5.)
- Zádrovich 1999 – *Zádrovich B.* A peresznyei temető sírfeliratai // Vasi szemle. 1999. Sz. 5. Old. 693–703.
- Županić 2021 – *Županić S.* Germanizmi u varaždinskom govoru. Doctoral thesis. Disertacija. URL: <https://dr.nsk.hr/islandora/object/ffzg%3A4031/datastream/PDF/view>

УКАЗАТЕЛИ

Лексический указатель

боснийский

Baba Roga 131
vila 120

венгерский

áram 46
asszony 94
babona 46
bertáfol 112
bertákol 112
bíró 97
bolt 46
boszorkány 118, 119
bozsékol 113
bucsu 47
cinter 110
cinterem 110
danna 130
datya 114
dévla 130
disznótor 114
druzsba 97
duruzsba 97
elboronál 107
elföldel 107
(el)temet 107
falat 46
falva 180
fehér asszony 120
föld 107, 110
földi ördög 139
friss 61

garabonciás diák 125
gyertyás 129
hal 106
haldoklás 106
haló föld 109
halott haza 109
harcolni 106
hasas 102
hát 46
hátizsák 46
hídosó 98
hívogató 98
hozós 102
húséges falvak 44
iglic 139
ihlic 139
indzseller 129
jaj 113
jajgat 113
kebeles 102
kék 179
kisasszony 120
kiszebab 69
kiszi 69
kity-koty 57
koma 98
komatál 103

- koporsó 108
 körte 178
 koszorús koma 98
 koszorúslány 99
 koszorúslegény 98
 kotyolás 57, 59
 kozmás 95
 láda 108
 lámpás 129
 legalább 46
 legény 95
 lidérc 139
 lovaslegény 99
 lucaszék 57
 lüdérc 139
 mandli 139
 mátká 94, 95
 meghal 106
 menyasszony 94
 menyecske 94, 120
 mitmitke 139
 nanás 97
 násznagy 97
 nászoló lány 99
 nyoszolyó lány 99
 nyoszolyó legény 98
 ördög 130, 138
 palázolás 57, 58
 pereg 46, 87
 piritus 139
 pozsovícs 98
 Pünkösöd 68
 rege 76
 regölés 75–77, 81, 82
 regüs 75
 sárkány 123, 124
 sárkány kígyó 125
 sír 109
 szabad 180
 szépasszony 120
 szüreti (felvonulás) 47
 temet 110
 temetés 107
 temető 110
 temetőhely 110
 terhes 102
 töm 107
 tor 114, 115
 torok 114
 tündér 120
 tűnik 120
 tüzes ember 129
 tüzes mérnök 129
 vánkós 46
 várandós 102
 vármegye 188
 vastag 102
 vendéghiú 98
 verácsol 112
 vesz 113
 veszékel 113
 veszély 113
 virradat 112
 virrasztani 112, 113
 viselős 102
 vő- 95
 vőfély 97
 vőfény 97
 vőlegény 95

градищанскохорватский

- abnemanje 151
 abnemat(i) 151
 ainrukati(i) 173
 ainšteljat(i) 156, 157
 ajnkafat(i) 156
 ajnpakirat(i) 155

- ajnperufung 157
 ajnpitat(i) 165
 ajnreihat(i) 156
 ajnrhtunga 157
 ajnrukat(i) 188
 alarm 175
 andjel 29, 67, 79
   andjeli kruh pečū 122
 angelegenheit 154, 175
 aram 46
 arct 174
 auf 166
   auf dojt(i) 151
   bit(i) auf 165, 166
 aufcigat(i) 152
 aufcvikat(i) 152
 aufdat(i) 163
 aufendhold 153
 aufferat(i) 152
 aufkljikt(i) 153, 191
 aufnemat(i) 152
 aufšibat(i) 152
 ausceihnung 154, 155
 ausfertigat(i) 153
 ausfoljat(i) 153
 aushojdanje 164
 auskenat(i) 153, 154
 auskunft, auskunst 155
   auskunft/auskunst dat(i) 155
 ausrihtat(i) 154
 ausrukat(i) 154
 ausseng 155
 aussiht 155
 ausšteljat(i) 154
 ausvondrat(i) 154
 auzrikat(i) 154
 baba 101, 102
   babe idu 85
 babac 88, 90–92, 96
 babona 46
 Badnjak 65, 197, 202
 Badnji večer 80, 197
 bahaujit 160
 baril 89
 batica 88
 batika 87
 befel 175
 benčanje 60
 betežan 160
 betlehemska štalica 71
 bijele vile 121, 122
   bijele vile kru(h) pekli 121
 binčat(i) 165
 blazinja: blazinju ukrala 210
 boftat(i) 111, 113
 bogati: bogati kot si vrazi 129
 bohtat(i), boktat(i) 105, 111, 113
 bolta 12, 46
 bor 53
 bor vleč 73
 bosorka 118, 119, 139
 bosorkovat(i) 119
 Božić 60, 77, 79, 80, 156, 191,
   197, 202, 209
   Božić mali 60
 Božićni:
   božićne jačke 82
   Božićni svetak 209
 buča 46
 bučura 47
 bunda 82
 cajdunga, cejdunga, ceidunga
   155, 174
 campice 85
 ceignis 154
 ceihen 174, 201
 celt 151
 Cigani 85
 cimiter, cimitir, cimitor 109,
   110, 206, 214

- cimitorski 109
 cimljih 168
 cinter, cintir 109
 coprnica 118
 crikva 90, 197, 202
 crikveni: crikvena lapta 192
 cug 174
 čani 26
 čas 160, 162, 172
 čemeran 162
 čista 89
 črljeni: črljeno jaj(c)e 204, 219
     na črleno jaje 203
 čuda 171
 ćaća 145
 ćet 168
 Dan mrtvih (martvih, mertvih)
     106, 200
 dari 88, 89
 daska: na daski 165
 debela 102, 205, 210, 218
 demolirat(i) 175
 devendirat(i), deventirat(i) (se) 175
 dičak: dičaka dostat(i) 203, 204,
     206
 dite 101
 djed 63, 70
 djede-babe 63
 draga braća 60
 dragoljubljeni 144–146, 152,
     153, 158–160, 168–173, 186,
     189–191, 193, 197, 200, 207,
     210, 214
 drugi kiritof 198
 drut 135
 družba 90, 97
 družica 88, 90, 99
 Duh Sveti 67
 Duhi 64, 67, 68, 205, 208, 210, 218
 Duhovske svetke 208
 duhovski pandiljak 205
 dumhojd 174
 Dušni dan 200
 dvorenje 104
 dvorit(i) 104, 105, 111
 einkafat(i) 156
 einkvartirat(i) 155, 156
 einperufat(i) 156
 einpokat(i) 156
 einpütat(i) 165
 einreihat(i) 156
 einrukat(i) 198
 einšteljat(i) 156, 157
 eintaljat(i) 156, 157
 einteljat(i) 156
 erinat(i) 174
 erklerat(i) 174
 espereš 177
 falat 46
 falit(i) 166
 farlongat(i) 161
 farnik 67
 Fášenki 73
 Faš(i)njak 62, 73
 fercogat(i) 161, 162
 fergunat(i) 161
 ferheltnise 162
 ferholdnunge 162
 ferker 162
 ferlongat(i) 161
 ferlust 162, 163
 fermanni kum 199
 fernemat(i) 162
 fersogat(i) 162
 ferštendigat(i) 162
 ferštosat(i) 162
 fertehtig 169
 fertig, fertik 169, 176, 185, 192
 firštesat(i) 162
 fist 158

- flajsig, flajsik, fleisig, fleisik 169
 Florianova 206
 frolikajt: mit ksunthajt unt froli-
   kajt 202
 forfalj 174
 forleifig 169, 170, 188
 forligat(i) 175
 foršteljat(i) 169, 174
 forštos 175
 forvurf 174
 frainčoft 170
 frei, fraj 170
   frei hofat(i) 165
 freinšoft 170
 freišprehat(i) 175
 frišcat(i) 62
 frišisun 62
 friškánje 61
 friškat(i) 61
 friško 170
 friškovanje 61
 frižak 61
 frižicun, frižuncun 62
 fro 170
 garaboncijaš 125
 geborn 175
 geburstag 199, 200
 gefeht 175
 genau 170
 gepurctag, gepurstag 176,
   199–201
 gešpreh 174
 gesuh 175
 getuldig 170
 glavoša ognjeni 123, 127
 gmajna 154
 gnjavit(i) 133
 gnjetig, gnjetik 170, 171, 176
 god 199, 200
 godina 160, 164, 167, 193
 gospoda 192
 gospodar 60
 gospodarica 60
 gospodin 67, 89, 146, 166
 gospodski 199
 grabancijaš, grebencijaš 125
 gređa 88
 grob 106, 108, 109
 gruss 154
 halinga 106
 harta 146, 151, 153, 154, 163,
   168, 179, 186, 200, 203, 204
 Hrvat (Harvat, Hervat) 46
 hat 46
 hatižak 46
 hauptmon 153, 175
 haus 175
 hižna družica (družka) 32
 hofat(i) 168, 174
 hofen(d)lih 171, 176
 hofnunga 171, 174
 hogy 12
 hrast 53
 huta, hutica 64
 ibahaupt 160
 iber 166
   imat(i) iber 166
 iberceigat(i) 159, 160
   bit(i) iberceigan 159
 iberdat(i) 163
 iberhaupt, iberhaupt 160
 iberlegat(i), iberligat(i) 159
 ibung 158, 175
 intšont 159
 iper 162, 166
 Ivanja 202
 jačenje 60
 jačka:
   božična jačka 71, 82
   novoljetna jačka 60

- jaj 113
 jandrofski purhi 38
 jaukat(i) 113
 javkat(i) 114
 Jezuš Kristuš 145
 kabao 60
 kara 115
 karmina (karmine, karminja)
     105, 114, 115
 karst 46, 105
 kaštigan 163
 Katarina 201, 207
 kerčma 29
 kerst 29, 46, 105
 Kerstni patron 145
 kerv 46
 kimpet 102, 103
 kimpetarica, kinpetarica 102
 kipič 145
 kiritof 47, 164, 198, 201, 205,
     206, 208, 209, 218
     prvi kiritof 198
 kiritofski pandiljak 205
 Kiseg 27
 koláč 87
 Kolhof, Kolhuf 190, 195
 Koljnof 25
 kolo 91, 92
 konac: konac prosit(i) 91, 212
 korbač 62, 74
 korizma 169
 kra(l)jica 29, 67
 krampusi 61
 krava: usunut(i) kravi mliko 119
 krčma 29
 kris(t)kindl, kriskindel 196, 197,
     202
 kriskinglin 47
 Kristoševo narodjenje 61
 Kristuševo na nebo stupljenje 206
 križevski:
     Križevski dani 64
     Križevski tajedan 206
 krsni: krsna kuma 210
 krst 29, 46, 210
 ksunthajt: mit ksunthajt unt
     frolikajt 202
 kudioht 187
 kuglihop 86
 kuglof 87
 kugom 215
 kum 211
     fermani kum 199
 kuma 210, 211
     krsna kuma 210
 kumić 145
 kuvert 163
 kuzovi 26
 lauter 171
 legalab 46
 lererica 147, 174
 lis 107, 108
 livici 45
 ločesti: ločesti oči 100
 lokanje 100
 lokat(i) 100
 lucijin stolac 56
 lucosiek 56
 lustig, lustik 171, 172
 macice 64, 67, 73
 Macicna nedilja 67, 206
 maj gott 200, 201
 majpam, majpan 47, 72
 majuško drivo 47, 72
 Markova 63
 marš 175
 martinska šiba 65
 merkat(i) 89
 Mertinja 65
 mertinska batica (palica) 66

- mesopusni:
 mesopusni djed 62, 63
 mesopusni pandiljak 203, 218
 mesopusno vrime 70
 mesopust 62, 158, 181, 187,
 201, 203, 207, 208
 metla: na metli letu 117
 Miholja 198
 mikule 61, 72
 Mikulja 202
 Mikuljeva 202
 mitmohat(i) 175
 mladenci 94
 Mladenci 61, 72
 mladenka 85
 mladenkinja 60, 89
 mladina 87
 mladoženja, mladuženja 85, 95
 mliko: usunut(i) kravi mliko
 119
 monšoft 175
 mrak 101, 132
 mrazan 163
 Mrtvi (Mertvi) dan 106
 Mrtvih dan *см.* Dan mrtvih
 Mrtvi (Mertvi) god 105
 nagradit(i) 89
 najjirih 163
 najslamnji 70
 namenstag 176
 naricat(i) 113
 naseča 101
 Nekriva dičica 74
 nobel 199
 noh 159, 198
 nohkiritof 164, 198
 nohriht 166
 norci 72, 204, 219
 noseća 101, 172, 210, 218
 notvendig 172
 Novo ljeto 61, 202, 209, 210, 214
 novoljetni: novoljetna jačka 60
 nublj:
 nublj pir 199
 nublj ženit(i) 199
 obabit(i) se 102
 obaštujrichter 174
 obmarš 175
 obnemat(i) 151, 152
 dat(i) obnemat 151
 oči:
 jaki oči 100
 ločesti oči 100
 zločesti oči 100
 odavat(i) se 202, 211
 od zloga 53
 ognjeni 126, 127, 139
 glavosa ognjeni 123, 127
 ognjeni človik 126, 139
 ognjeni zmaj 123
 ognjivi muž 126
 okno 131
 ondenken 158
 onfong 158
 ongelegenheit 175
 ongenem 172
 ongrif 158
 onpelongat(i) 157
 onrihtat(i) 158
 onsiht 159
 onštond, onštont 159
 onštrenгат(i) 158
 onteng 158
 ontvort 175
 onunga 175
 onvajcunga 165, 175
 orsag 177
 ortnung 175
 otac 145
 pirovni otac 90

- panj vleč 73
 pastiri 71, 72, 76, 78–82
   pastiri gredu 72
 pastirska igra 77, 78, 81, 83
 pauer 174
 pefel 175
 pelaidigat(i) (se) 174
 pentorogram 133
 Pepelnica 64
 perjac 46, 85, 87
 petajtat(i) 174
 petorokrug 133
 Petrova 205
 pinez 161, 166, 167, 182, 208
 pir 84–87, 90, 179, 180, 211,
   212
 pirec 87
 pirjac 46, 87
 pirovat(i) 202, 211, 212
 pirovnjaki 90
 pirovni:
   pirovna mati 90
   pirovni otac 90
 pitat(i) 165
 pitgesuh 175
 plavijenke 67
 pletenica 59
 počivat(i) 32, 39–42, 49–51
 pofergunat 161
 pogreb 106, 107, 180, 183, 189,
   213, 214, 219
 poharaj 86
 pohvaljen 145
 pojt(i) zgrunt 167
 pokojni 184, 200
 pokop 106, 115
 pokopat(i) 106, 206
 polnočica 202
 pon 163, 173, 175, 185
 ponhof 175, 185
 porodit(i) 102
 poruka 180, 211
 pošlekat(i) 175
 posnašnica 85, 88, 89, 92, 99
   prva posnašnica 85, 99
 postfrau 167, 174
 post freila 174
 posvečenka 59
 potprdac 90
 potprnja (potpernja, potpornja,
   poprnja) 88, 90, 92, 99
 potprnjak (potpornjak) 90, 97
 po ugersku 146
 poviškan 215
 pozivač 85, 87, 96
 pozivat(i) 90
 pozivnik 87, 96, 97
 pratež 162
 prauhat(i) 157, 166–168, 170,
   172, 173, 185, 196, 211, 212
 prautfira 176, 198, 199, 212
 prautfirer 176, 198, 212
 pravi: pravi šarkanj 125
 prefriško 169
 preljubljeni 146, 151, 152, 154–
   156, 161, 167, 168, 182, 200,
   202, 209
 preljubni 208
 presni 26
 preštimat(i) 159
 pričešcat 186
 prisek 84, 85, 87
 prlje 29, 136, 152, 158, 159,
   162, 165
 probirat(i) 144
 prvi:
   prvi kiritof 198
   prva posnašnica 85, 99
   prvi stačilo 85, 97
 prvo 29

- prže 29
 rakva 108
 regimen(a)t 158, 175
 reht 172
 rihtat(i) se 175
 riht(e)r 174
 rihtig, rihtik 172
 rit zašit(i) 55
 rodit(i): rodi Bože, rodi 88, 89
 rosa: rosu bere po polju 119
 ruml 144, 174, 182
 samodruga 101
 segiranje 174
 segirat(i) 171, 174
 selo 178
 serbus 187, 188
 Se sveti, Sesevete, Si sveti 105,
 106; *см. также* Vsi sveti
 sforligat(i) 175
 siher 173
 siherni 173
 siherno 173
 slama: slamu šicat 56
 slamnji:
 slamnji djed 70
 slamnji djed i baba 70
 slamnji ostal 70
 Slovaki 218
 spričanje 105
 spričat(i) 113
 sprohod 106, 107
 sprovod 107
 srce 46
 srića: sriću odnise 55
 srp 46
 staćilo 85, 88, 198, 199, 211,
 212, 218
 Staro ljeto 202, 214
 statilo 88, 90, 92, 97
 Stefanja 202
 stelja 103
 stolac: lucijin stolac 56
 stolnik 90, 96, 211–213, 218
 stražarit(i) 111
 sura baba 131
 sureti 47
 svadba 84, 85, 131
 svat 85, 88
 svećenik 77, 79
 svetak 153
 sviće 139
 svodba 84
 svodišće 79
 šarkanj 123–125, 139
 šestonedelka 102
 školnik 157, 165, 178, 184, 188, 212
 škrebetaljka 64
 škrebetari 64
 škrinja 107, 108
 šlekati 175
 šlingel 174
 šlomperaj 174
 šrift 175
 štacion 175
 štağlička 45
 štajer 91
 štajer prosit(i) 91, 212
 Štefanja 55, 61
 šteljinga, štel(j)unga 175
 štoji 7
 štokrle 105
 štrajt 199, 212
 štrofati 175
 štujrihter 154, 174
 šubari, šubre 74
 švindel 174
 švindljat(i) 174
 švora 127
 tajtlih 175
 takaj 144

- tancat(i) 86, 87
 tegobna 101
 Tijelova 64, 197
 traufcoljat(i) 175
 tri kralje 207
 trud 132, 136, 137
 truhla 108
 trut 132–137, 139
   trut gnjavi 134
   trut me je zmučil, gnjavil 134
   ideš ko trut, došal je ko trut 137
 tumheit 174
 ubrus 66
 Ugri 219
 ugrica 147
 ukop 106
 umendrat(i) 174
 umgang 176, 197
 umgebung 174
 umgong 176, 197
 unengeldlih 173
 unferšenft 173
 ungereht 172
 unkibung 174
 unreht 172
 untaholjdung 164, 165
 unter 166
 unterhaltunk 165
 unterhojdat(i), untrhojdat(i) 152,
   164, 201, 207–209
 unterholjdunga 164, 165
 untersit 175
 unterštitcunga 161
 untersuhat(i) 160
 untr 167
 urek, urok, uroki 100
 urlaub 144, 162, 166, 168, 173,
   175, 182
 usunut(i) kravi mliko 119
 vabac (vabec) 88, 96
 vafenštilštanđ 175
 vánkostánc 47
 vankuš 46
 varmeja 188
 varoš 181, 182
 vaserčan 130
 Vazam 199, 203, 206, 208, 219
 vazmeni:
   vazmene bapke 60
   vazmene svetke 206, 208
   vazmeno drivec 67
   vazmeno stablo 67
 Velika subota 203
 veliki stačilo 89
 verestovanje 105
 verestovat(i) 105, 111, 113
 verfintat 163
 versendunga 163
 vertanj 29, 59, 86, 87, 89
 veseljaki 90
 vese(l)je 61, 84, 85, 87, 88, 90,
   165
 vijenac 63
   vijenac prosit(i) 212
 vila 116, 120, 139
 vino 90
 višac 119
 viška 56, 100, 116–119, 133,
   134, 136, 139, 215
   stara viška 119
   viška gnjavi 117
   viške idu 117
   viške letu 117
 viškac 119
 viškar 120
 viškarit(i) 119
 vleći 53
 vonunga 175
 vosačantil 130
 voserčank 130

- vračka 117
 vrag 104, 129, 130
   bogati kot si vrazi 129
   svi su vrazi u njemu 129
   pojt(i) k vragu 129
   kej vrazy češ? 130
   si vrazi znado 130
 vrime čuvanja 103
 vrtanj 29, 87, 89–92
   vrtanj prosit(i) 91
 vsenek 159
 Vsi sveti 193, 205, 206; *см.*
   также Se sveti
 vugrica 120
 vosáčantil 130
 zabosorkarit(i) 119
 začarat(i) 119
 začarovat(i) 119
 zakapat(i) zimsko vrime 69
 zakopat(i) 106, 214
 zaruček 95
 zaručit(i) 91
 zaručnica 85, 93, 94
 zaručnja 71, 85, 91, 93–95
 zaručnjak 91, 94, 95, 198, 211, 212
 zaruke 91, 94
 zašvindljat(i) 174
 zaviškat(i) 117
 Zeleni četvrtak 206
 zglajhe 173
 zgrunt: pojt(i) zgrunt 167
 zidan 28
 zločesti oči 100
 zmaj 123, 139
 zmaj ognjeni 126
 zornice 202
 želizna baba 101, 131, 139
 ženit(i) se 179, 181, 203
 žganci 26
 žito 28, 63, 65, 193
 život 28
 žuža 63

латинский

- lebevol 187
 sarcophagus 108

немецкий

- Abmarsch 175
 abnehmen 151
 Alarm 175
 Allerseeing 200
 anbelangen 157
 anbieten 165
 Andenken 158
 Anfang 158
 Angelegenheit 175
 angenehm 172
 Angriff 158
 anrichten 158
 anschauen 159
 Ansicht 159
 anstrengen 158
 Antwort 175
 Anweisung 175
 Arzt 174
 Aufenthalt 153
 auffahren 152
 aufgliedern 153
 aufnehmen 152
 aufschreiben 152
 aufziehen 152

- aufzwicken 152
ausfallen 153
ausfertigen 153
auskennen 153
Auskunft 155
ausrichten 154
ausrücken 154
aussehen 155
Aussicht 155
ausstellen 154
auswandern 154
Auszeichnung 154
Bahnhof 175, 185
Bauer 174
Baum 178
bedeuten 174
begraben 107
Begräbnis 107, 115
beleidigen 174
Bidlmann 97
Bidlmo 97
Bittermann 97
brauchen 167
Braut 94, 95
Brautara 95
Brautführer 176, 198
Bräutigam 95
Bretze 46, 87
Burg 141
Christkind 196
Christkindl 47, 197
defendieren 175
demolieren 175
Dorf 182
Druck 133
drücken 133
Druschma 99
Dummheit 174
einberufen 156
Einberufung 157
einkaufen 156
einpacken 156
einpackiren 155
einreichen 156
Einrichtung 157
einstellen 156
erklären 174
fertig 169
Feuermännchen 126
fleißig 169
frei 170
freisprechen 175
Freithof 110
Freundschaft 170
Friedhof 110
frisch 62
frisch 61
früten 110
frithof 110
geborn 175
Geburtstag 176, 199
Geduld 170
geduldig 170
Gefecht 175
genau 170
Gespräch 174
Gesuch 175
gleiche 173
gnädig 170
Grab 109
gute Nacht 187
Hauptmann 175
Haus 175
Hexendruck 135
Himmelsbrief 217
Himmelsbriefen 217
Hochzeit 94, 95
Hochzeiter 95
Hochzeiterin 94, 95
Hochzeit(s)bitter 88, 97

- Hochzeit(s)lader 88, 97
 Hof 189
 hoffen 174
 hoffentlich 171
 Hoffnung 174
 Huchzichpiter 97
 Jahrestag 200
 jammern 113
 Kettenbriefen 217
 Kindbett 102
 Kirchtage 198
 Kirtage 47
 lauter 171
 Lehrer 174
 Lei(c)h 107
 Leutbitter 97
 liebe Wohl 187
 Lockvogel 88
 lustig 171
 Maibaum 47, 72
 Mannschaft 175
 Marsch 175
 mein Gott 201
 Mitbräutler 99
 mit Gesundheit und Fröhlichkeit
     202
 mitmachen 175
 Namenstag 176, 199, 200
 nobel 199
 noch 198
 notwendig 172
 Ordnung 175
 Postfrau 174
 Prautfirer 198
 Preze 46, 87
 recht 172
 Regiment 175
 richten 175
 Richter 174
 richtig 172
 Rummel 174
 Sarg 108
 schlagen 175
 Schlamperei 174
 Schlingel 174
 Schrift 175
 Schutzbriefen 217
 Schwindel 174
 sekkieren 174
 sicher 173
 Sorg 108
 staatlich 175
 Station 175
 Stellung 175
 Steuer 91
 strafen 175
 Tag 199
 Todeskampf 106
 Tou 114
 Trauzeugin 99
 Trud 133, 135
 Truhe 108
 Trute 135
 überhaupt 160
 überlegen 159
 überzeugen 159
 Übung 175
 umändern 174
 Umgang 176, 197
 Umgebung 174
 unentgeltlich 173
 un(ge)recht 172
 unterhalten 201
 Unterschrift 175
 Unterstützung 161
 untersuchen 160
 unverschämt 173
 Urlaub 175
 vawochtn 111
 verfinstern 163

- vergönnen 161
verhalten 162
Verhältnis 162
Verkehr 162
verlangen 161
Verloben 91
Verlobung 91
Verlust 162
vernehmen 162
versenden 163
versorgen 162
verständigen 162
verstetig 169
verstoßen 162
verzogen 161
Vorfall 174
vorläufig 169
vorlegen 175
Vorstoß 175
Vorwurf 174
Waffenstillstand 175
Wasserkroaten 38
Wassermannl 130
Wohnung 175
zaubern 118
Zeichen 174
Zeihen 201
Zeitung 174
ziemlich 168
zollen 175
Zubräuka 99
Zubräutigam 99
Zug 174
zugrunde gehen 167

польский

- mernik 129
modlitewki 217

русский

- погост 109
пожирать глазами 100
храмовый праздник 198

сербский 120

- rozivač 98
Баба Пога 131
даћа 114
краљице 68
кућа 109
лазарице 68
рака 108

сербскохорватский

- inženjer 128
šarkanj 124
ладекарице 68

словацкий

- bosorka 118
 bože(n)kať 113
 brajdiljan 96
 brajdír 96
 bralta 94
 brauta 94
 byť niekomu recht 172
 cinter 110
 cintorín 110
 cug 174
 družba 98, 99
 družica 99
 fertig 169
 fertik 169
 fraj 170
 frajla 174
 frajle 174
 hostina 114
 hrob 109
 hrobitov 110
 hrubá 102
 chramba 107
 chranba 107
 kara 114, 115
 karmina 114, 115
 komašna 114
 lada 108
 matka 94
 mladá 94
 mladica 94
 mladucha 94
 mladý 96
 mlody 96
 nakara 114
 napodušie 114
 nariekať 113
 nevesta 94
 obecný úrad 37
 oddavač 99
 okotiť sa 102
 ordnunk 175
 ordunk 175
 pochovať 107
 pochrániť 107
 podušie 114
 pohreb 107, 115
 poprdajna 99
 rakva 108
 richtig 172
 rihtar 174
 rihter 174
 samodruhá 102
 sekirovať 174
 smrteľný zápas 106
 snúbenec 96
 snúbenica 94
 strážiť 112
 svadba 90
 šlamperaj 174
 štráf 175
 švindeľ 174
 švindl 174
 ťarchává 102
 tehotná 102
 truhla 108
 truna 108
 umorky 114
 vachtaric 112, 113
 verenec 96
 vykladať 113
 zádušnie 114
 zvač 99
 ženich 96, 196

словенский

brezglávjek 127
 cajtenge 174
 džilér 127
 frej 170
 inžinér 127
 kodakanje 59
 lušten 172
 mérar 127
 méraš 127
 narekovat 113

perec 87
 polažič 58, 59
 rihtek 172
 svéčnik 127
 truta 135
 truta-mora 135
 unterholjtat se 165
 unterholjtenga 165
 verestüvati 111

хорватский

alarmeranje 175
 alarmerati 175
 auf 166
 Baba Roga 131
 banhof 175
 bdjenje 111, 112
 befel 175
 cajtlingi 174
 cajtungi 174
 cejtungi 174
 cimiter 109
 čuvanje 111
 djever 97
 djeverbaša 97
 djeveruša 99
 đuvegija 95
 fertig 169
 fertik 169
 forštelunk 174
 frajla 174
 frej 170
 gedult 170
 glejh 173
 glih 173
 gnedige 170
 grob 109
 groblje 109

hauptman 175
 hetman 175
 Hrvat 46
 iber 166
 inđeler 128, 129
 kapetan 97
 karmina 114
 krst 46
 krv 46
 Ksunthajt gnedige frau 170
 lustik 172
 mernek 128, 129
 mlada 94
 mladenac 95
 mladenec 95
 mladuženja 95
 mlodo 94
 momak 95
 narekovat 113
 neva 94
 nevesta 94
 ognjeni čovek 128
 pobratim 97
 posnašica 99
 pratilica 99
 richtig 172
 rihter 174

ruml 174
 rumpl 174
 sekerati 174
 starešina 97
 stari svat 97
 svadba 87
 svat 97
 sv(j)ečkar 127
 svijećnjak 127
 škrinja 108
 šlagerati 175
 šlamperaj 174
 štacija 175
 šteling, štelung 175
 šticung 161
 stolnik 97
 štrofanje 175

чешский

byt někomu recht 172
 cug 174
 fertig 169
 fertik 169
 frajla 174
 frajle 174
 hřbitov 110
 ordnunk 175

štrofati 175
 švindla 174
 švindlanje 174
 švindlati (se) 174
 unterhaltanje 165
 unterhaltati 165
 unteršrift 175
 urlaub, urlaup 175
 vatreni čovek 127
 verestovati 111
 vila 120
 vojčin 97
 zaručnica 94
 zaručnik 95
 zicer 173
 ženih 95
 ženik 95

ordunk 175
 rihtar 174
 rihter 174
 sekýrovať 174
 šlamperaj 174
 štráf 175
 švindel' 174
 švindl 174

Указатель топонимов**венгерский**

- Alsócsatár 45
 Bécs 143
 Besenyő 186
 Bezenye 186
 Borisfalva 180
 Bútor gyár 187
 Csún 141
 Duna 193
 Dunacsún 34
 Dunavcsún 141
 Felsőcsatár 17, 42, 45, 47
 Fertőhomok 10, 15, 25, 31, 68
 Hidegség 10, 15, 25, 31
 Horvát Jارفalu 34, 182, 183
 Horvátlövő 17, 42, 45, 48, 135
 Horvátzsidány 10, 25, 28
 Kisbarom 180
 Komárom 181
 Köpcsény 179
 Kópháza 10, 25, 30
 Körtvélyes 178
 Kőszeg 27
 Kurthuel 178
 Lajta 178
 Lajtakörtvélyes 178
 Moson 178, 179
 Mosonkörtvélyes 178
 Mosonújfalú 178, 179
 Nagybarom 180
 Narda 11, 17, 42, 45, 47
 Németjارفalu 184
 Németlövő 45
 Ólmod 10, 25, 28
 Oroszvár 12, 34, 142, 185
 Pándorfalu 183
 Paraznya 27
 Peresznye 10, 25, 27
 Pornóapáti 12, 44
 Pozsony 143, 186, 187
 Prezена 27
 Rajka 34, 142, 182
 Royka 182
 Somorja 188
 Sopron 143, 146
 Szabadbáránd 180
 Szentpéterfa 11, 17, 42, 48
 Tömörd 12, 29
 Und 10, 25, 27
 Vaskeresztes 12, 44
 Vörös kereszt korház 147
 Wašuti Internatus Segedin 147
 Zsira 27

градишанскохорватский

- Babin kut 39
 B(i)jelo Selo 177, 178
   Beloselac 178, 179
   bijeloselski 178, 179
 Bizonja 186
 B(j)eč 36, 153, 166, 193–195, 206
   Bečani 180, 194
 Borištof 180, 181
 Cajzlhuf 190, 191, 195
 Ceizelhof 190, 191
 Crikvena 193
 Čunova, Čunovo 34, 38, 141,
   152, 178, 190, 191, 193, 195,
   215
   Čunovci 153, 189, 191, 192
 Dolnji Četar 45
 Dunaj 193
 Dunavčun 141

- Esterhazi vrt 187, 203
 Gijeca 179, 180
   Giječani 180
   gijecki 189
 Gornji Četar 17, 42, 45, 47
 Homok 25
 Hrvatske Šice 17, 42, 45, 48
 Hrvatski Grob 34
 Hrvatski Jandrof 183
 Hrvatski Židan 25, 78
   Židanci 26
 Jandrof 34, 178, 182, 183, 195,
   214
   Jandrofac 180, 183
   Jandrofka 181, 183
 Karlhof 190
 Kis Narda 45
 Kojnof 25
 Komarno 181, 182
 Komarnov 181, 182
 Mađjarska 87
 Mali Borištof 180
 Müllsont 191
 Na hradzi 38
 Naihof 189, 190, 192
 Najhof 189, 190
 Najhuf 190, 195
 Namenstag 199, 200
 Nimške Šice 45
 Nimški Jandrof 183, 184, 190
 Novo Selo 178, 179
   Novoselac 179
   Orosvar 34, 185, 186
   Osteraj 87
   Pandorf 183
     Pandorfac 184
   Pandrof 164, 183, 195
   Parndorffalu 184
   Pešt 189
   Petrovo Selo 17, 42, 48
   Plajgor 25
   Požon 178, 180, 186, 187, 194,
     203
   Požonj 152, 187
   Pressburg 187, 188
   Pri bohu 36
   Prisika 25, 78
     Prisičani 26
   Rakindrof 34, 157, 158, 177,
     178, 180, 182, 207
   Rosfar 185
   Rosvar 12, 34, 142, 158, 180,
     185, 190, 191
   Šomorjan 188, 189
   Šopron 146, 169, 188
     Šopronska varmeja 188
   Timérje 29
   Umok 25
   Unda 25
   Vedešin 25
   Velika Narda 45
   Veliki Borištof 180

ЛАТИНСКИЙ

- Gerulata 36
 Posonium 143
 Sancta Maria 188
 Scarbantia 143
 Terra Sydan 28
 Villa Camarum 181

немецкий

- Bleigraben 28
Deutsch Jahrndorf 184
Donau 193
Eisenburg 141
Frankenau 26
Grossdorf 12, 44
Grossvarasdorf 180
Güttenbach 11
Karlsburg 34
Kitsee 35
Kittsee 179
Kleinvarasdorf 180
Kolbenhof 30
Komom 181
Kroatisch Geresdorf 10, 26, 121
Kroatisch Jahrndorf 182
Kroatisch Minihof 10
Leithe 178
Möbel fabrika 187
Najhuf 189
Neudorf 179
Neudorf bei Parndorf 179
Neuhof 189
Nikitsch 10
Nowendorf 179
Ödenburg 141, 143
Pallersdorf 186
Pama 35, 178
Pammern 178
Parndorf 183
Pernau 12, 44
Pleigraben 28
Pressburg 143, 186
Ragendorf 34, 142, 182
Sarndorf 141
Schachendorf 18
Schandorf 18
Sommerein 188
Trausdorf an der Wulk 14
Wien 143
Wieselburg 141
Zeiselhof 190

словацкий

- Bratislava 143, 186
Chorvátsky Grob 34
Čunovo 34
Jarovce 34, 144
Komárno 181
Kopčany 179
Prešporok 186
Rusovce 12, 34, 142, 144, 185
Šamorín 188

Тематический указатель

- агония 103, 106, 115
 Адвент 54, 55, 202
 алтарь 217
 амбар 58
 ангел 67, 83, 122, 217
 Андраш 31
 Анна св. 31, 48
 апельсин 81
 армия 177, 200
 баба 39, 69, 85, 101, 131
 бабушка 23, 33, 121
 бдение 103, 104, 110–112, 115
 бег 72
 безумие 72
 белый цвет 62, 63, 66, 68, 69, 71, 72, 74, 86, 89, 104, 120, 121, 178
 белье 54, 108
 береза 65, 66
 беременность 86, 89, 100–102, 108, 172, 201, 210, 218
 бесчинства 55, 56, 72
 битва 136
 битье посуды 85
 битье ритуальное 61, 62, 74
 бич 72; *см. также* кнут
 благопожелания 30, 57–62, 65, 66, 67, 71, 72, 74, 76, 82, 83, 201, 209, 210
 благословение 60, 63, 89
 благосостояние 53, 54, 76, 83
 блуждать 127–129, 134–136
 блюдо 54, 65
 Бог 32, 50, 58, 59, 61, 76, 89, 121, 201, 209, 210
 богатство 53, 54, 60, 65, 82, 86
 Богородица 30, 45, 47, 71, 122, 188, 206, 210
 болезнь, болеть 62, 65, 101, 117, 119, 132, 201, 215, 217
 болото 127
 бороться 106, 121
 бочка 58
 брак 70, 76, 85, 89
 бракосочетание 84, 85
 брови 100
 бросать 101
 будить 104
 буквы 215–218
 булочка сладкая 122
 буря, ураган 39, 63, 125
 бык, вол 60
 былички 16, 17, 120, 121, 123, 126, 130, 133, 138
 Варвара св. 54–56
 вдова 213
 ведьма 17, 38, 54–57, 71, 100, 116–120, 126, 133–136, 138, 139, 215
 Великая пятница 55
 Великая суббота 204
 Великий пост 73
 Великий четверг 64
 венки 63, 67, 68, 89, 98, 99, 104, 105, 212, 213
 венки свадебные 85, 86
 венчание 84–87
 верба 62, 64, 66, 72, 73
 вербальные клише 145, 146
 Вербное воскресенье 67, 69, 73, 207
 веревка 56, 66
 вертеть(ся), крутить(ся) 69, 83
 веселье, радость 60, 61, 72, 165, 202, 209
 весна 69
 вести, плодиться 65, 66, 69

- ветер 117
ветки 54, 62, 64–67, 72, 73
вечер 105, 122
вила 17, 116, 120–123, 131, 138
вилы (инструмент) 119
вино 26, 58, 61, 66, 72, 89–92,
104, 208, 213
виноград 47
виноградник 45
висельник 39
висеть 215
вихрь 117
внутренний – внешний 105,
134–137
вода 38, 54, 58, 62, 66, 86, 103,
104, 119, 130, 141, 215, 218
водяной 130, 139
Воздвижение Креста Господня 47
воздух 55, 120
Вознесение 64, 206
война 136, 138, 177, 215
волосы 58, 59, 94
волшебник 125
волшебство 76
ворона 132
ворота 56, 64
воск 132
воскресенье 64, 67, 69, 73, 105,
191, 201, 206, 218
враг 218
вредить 116
Всех святых день 105, 193, 205,
206
вслед 119
встреча 49, 72, 119
втыкать 119, 133
вывешивание 54, 63
вызывать непогоду 125
выкуп 86, 88, 91, 92, 212, 213
выпас скота 72, 82
высокий 45, 72
гадания 55, 56, 57
«гарабонциаш» 124, 125
гвоздь 57, 121
глаза 100
гнездо 66
голова 58, 59, 63, 67, 68, 71, 86,
89, 104, 105, 123, 124, 127
головные уборы 72, 74, 86
голошение 105, 113
гора 88, 121, 131
город, городской 27, 37, 43, 87,
142, 143, 181
гость 22, 26, 55, 59, 68, 70, 71, 83,
85–90, 98, 194, 209, 212, 213
град 39, 63, 124, 125
граница 11, 43, 120, 121, 127, 132,
133, 143
грех, грешный 129
гроб 103–105, 107, 108
гром 64, 67, 73, 207, 218
Громницы 103
грудь 89, 102, 104, 133–135, 137
груша 178
гусь 58, 73
давить 133–137
дать, давать 114
два 16, 25, 30, 44, 45, 47, 56, 198
дверь 55, 56, 89, 103, 119, 133–
135, 212, 213
двоедушник 135
двор 56, 58, 59, 63, 65–68, 72, 103,
105, 110, 133, 171, 189
девичество 86, 91, 212
девочка 29, 67, 68
девственность 89
девушка 29, 56, 57, 60, 61, 63,
67–69, 72, 74, 76, 85, 88–90,
99, 104, 117, 120, 121, 123, 199,
204, 212

- дед 62, 63, 66, 69, 70, 137
делить, наделять 65
деньги 58, 65, 68, 72, 80–82, 86,
88, 91, 92, 123, 130, 167, 209
День мертвых 106
день Невинных Младенцев 61,
72, 74, 83
дерево 39, 57, 67, 69, 72, 73, 107,
131, 132, 178
дерево ритуальное 47, 67, 72
дети 27–29, 31, 33, 37, 47, 48, 58,
61, 62, 64, 71, 78, 80, 81, 92,
101, 120, 130, 131, 204, 214
дети некрещеные 128, 129
диалог-ритуал 92, 213
дождь 55, 73, 86, 125
доля, судьба 83
дом 23, 32, 55–58, 64–68, 71–73,
76, 81, 82, 85, 86, 89, 91, 99,
101, 103–105, 109, 117, 121,
125, 131, 135–137, 157, 164,
175, 185, 204, 212, 213
домовой 117
драка 134, 136
дракон 123, 124, 125
дрова 58, 59, 191
дружка 85, 88–90, 92, 97–99, 176,
198, 199, 211, 212, 218
дуб 53, 131
Дунай 5, 11, 20, 35, 37, 38, 120,
130, 131, 139, 141, 144, 193
дух-обогадитель 123, 130, 138, 139
душа 103, 104, 123, 127, 129, 138
душить 117, 134, 136
души умерших 126, 127
дым 131
дымоход 117, 131
дышать 117
Екатерина св. 207
ель 47, 71
железная баба 101, 131, 132
железный зуб 131, 132
жена 33, 40, 41, 48–51, 142
жених 57, 60, 72, 74, 85–92,
95–97, 99, 198, 211–213
женщина 36, 50, 55, 59, 71, 73, 79,
86, 88, 94, 101–104, 108, 117,
119, 120, 125, 133, 134, 136,
137, 144, 191, 199, 201, 215
жертва 130
жечь, сжигать 64, 68–70, 73, 103
живот 102
жизнь – смерть 60–62, 216
жито 63, 185
забор 56
завязывать 100
заговор 216
загробный мир 61
зад 55, 73
задушки 206
закапывать 68, 69
заклинание 216, 217
замок 37, 215, 218
запреты 54, 55, 67, 73, 83,
100–102, 104, 119, 130, 214,
215, 218
затыкать 56, 132
заход солнца 101, 121, 122, 132
заяц 100
звезда рождественская 72
звуки 64, 82
здоровье, здоровый 53, 54, 60–62,
65, 72–74, 100, 202
зеленый цвет 55, 63, 88, 119, 130,
212, 213
Зеленый четверг 206
зелень 64, 66
землемер 127–129
земля 107, 109, 110, 119, 127, 129,
132, 138

- зеркало 103, 104
зерно 58, 65, 66
зима 66, 68, 69, 71, 72, 75, 83
злые силы 53, 55, 61, 64, 66, 82,
100, 101, 117, 129, 133, 135,
138
змея летающий 123, 124, 126,
127, 139
знак, предзнаменование 201
знамя 63
золото 121
золотой 132, 215, 218
зуб, зубы 100, 101, 131, 132, 201
Иван св. 202
измерение 138
измерять 127, 129, 138
Иисус 51, 60, 61, 70, 88, 196, 209
икона 216
именины 176, 199, 200
имя 28, 31–33, 40, 48, 50, 52, 63,
89, 147, 148, 184, 187, 191, 199
иноверец 120, 121
Иоанн Креститель 28
искры 117, 123, 126, 127
казнь 217
калач 59, 87, 89, 91, 92
календарная обрядность 16, 17,
19, 23, 37, 39, 53, 54, 66, 68, 69,
73, 75, 82, 83, 105, 195, 196,
202, 206, 207, 209, 218
канун 54, 55, 61, 65, 91, 111, 121,
204
каравай 59, 87, 89, 92
карлик 138
Катарина св. 201, 207
кладбище 16, 29, 31, 35, 40–42,
45, 48, 103–106, 109, 110, 206,
214
кнут, плетка, бич 62, 72, 74
кожа, кожаный 71, 72
кожух, тулуп 72, 82
колдовать 117–119
колдовство 215, 218
колдун 76, 119
колесо 57–59
колесо 69, 91, 92
колодец 58, 131, 193
«колодка» 53, 69, 73, 83
колокольчик 72, 82
колядники 71, 75
комар 38
конь, лошадь 73, 99, 119, 126
кормление ритуальное 131
корова 61, 66, 100, 119
«королева» 67, 68
«королевские» обряды 29, 67, 68
корчма 73, 75, 126, 207, 208
корыто 69, 133
костер 106
костер пасхальный 29
кость, костяной 101, 131, 132
кошка 100, 119, 134
кража 56
кража ритуальная 63, 66, 69, 85,
204, 210
красивый, красавица 120
красный цвет 68, 86, 100, 119,
121, 122, 196, 204
крендель 46, 87
крест 63
крестины 101, 210
креститься 58
крест (надмогильный) 105
крестные родители 97, 104, 145,
210, 211
крестный ход 206
крест (сооружение) 36
крест (фигура) 104, 133
крещение 101
кривой 100

- кровь 216
кропить 119
крошки 130
круг 56, 66, 69, 83
крыша 56, 72, 101, 131
кузнец 121
кукла 69, 70, 83
кукуруза 19, 54–56, 59, 65, 66, 70, 80, 160, 193, 197, 202
кум, кума 86, 98, 103, 104, 199, 210, 211
купание 130
курица 55, 56, 58, 59, 63, 66, 69, 72, 73, 85, 102, 138
кучер 127
лавка 104
лампа 129
легенды 17, 37, 121
лента 85, 92, 100, 213
лепешка 66, 121, 123
лес 36, 39, 83, 88, 116, 120, 127
летать 55, 117, 120, 127
листья 65, 66
лить 92
лицо 48, 59, 63, 67, 68, 72, 76, 83, 85, 90, 97
лодка 38, 141
лопата хлебная 86
луковый календарь 55
лук (растение) 55, 100
луч 127
любовник 123
любственные игры 56
любовь 62, 72
Люция св. 19, 54–59, 74, 83
лягушка, жаба 73, 119
май 47, 72
мальчик 57–59, 71, 203, 204
Марк св. 63, 64
Мартин св. 28, 65, 66
маска 59, 69, 72, 76, 83
Масленица 39, 53, 62, 63, 65, 66, 68–70, 72–74, 83, 158, 181, 187, 201, 203, 204, 207, 208, 218
матица 88
мать 23, 50, 70, 90, 94, 100, 142, 179, 189, 190
мельница 191
металлы 28
метла 55, 85, 87, 89, 117, 119
мех 71, 72, 82
мешок 131
мифология народная 16, 17, 37, 44, 69, 75, 100, 116, 118, 120, 124, 126, 130, 138, 195, 215
Михаил св. 198
могила 105, 106, 108, 109, 205
молитва 216, 217
молиться 104–106, 111, 121, 123, 135
молния 63, 64, 67, 207, 215, 218
молодежь 61, 69, 87, 187
молодожены 84–86, 88, 92, 94
молодой – старый 117, 118
молоко 54, 66, 119
молоко грудное 133
молчание 67
монах 121
монета 54, 65, 123
мора 117, 134, 135, 137
мрак (мифологический персонаж) 101, 132
муж 32, 50, 52, 56, 63, 105
мужской – женский 55, 62, 73, 134–137, 201
мужчина 70, 72, 73, 104, 117, 126, 130, 134–137, 144
музыка 73, 74, 201, 207, 208, 213, 220
музыкальные инструменты 39

- музыкант 72, 171, 180, 199, 212, 218
мыться (о душе) 104
мышь 43, 131
Мясопуст 70
награда 89
надгробие 14, 18, 31–33, 39–42, 48, 50–52, 105
наизнанку 71, 76, 78, 82
наказание 72, 129, 203, 215, 216, 218
наоборот 119
начало – конец 121
небесное письмо 214–217
небо 61, 121, 122
невеста 62, 68, 71, 74, 85, 86, 88, 89, 91–96, 98, 99, 120, 121, 212, 213
ненастье 63, 67, 125
несчастье 55, 73, 132, 134, 138, 217
Николай св. 48, 54, 61, 71, 197, 202
нить 91, 100, 119, 212
нищий 70, 74, 80, 83
новолуние 135
новорожденный 60, 61, 71, 100,–103, 117, 132, 133, 135
Новый год 54, 55, 60, 61, 73, 76, 201, 202, 209–211, 214
ноги 65, 85, 105, 106
нож 86, 101, 132, 133
носилки 105
ночь 38, 73, 103, 117, 119, 120, 126, 127, 129, 134, 135, 137
обед 105
обереги 53, 63–66, 101, 111, 119, 133, 134, 195, 214–217
обмен ритуальный 101, 123, 131, 132
обмывание покойника 103
обнимать(ся) 69, 126
оборотничество 71, 117, 119, 134, 135
обувь 26, 83, 126
обходы 14, 29, 55, 57–59, 61–69, 71–83, 176, 197
овца 61, 82
огненный человек 17, 126
огонек 126–129, 139
огонь 17, 100, 117, 123, 126–129, 215, 218
одаривать 89, 121, 123
одежда 46, 62, 66, 68, 69, 72, 74, 82, 85, 86, 88, 89, 104, 120, 121, 130, 134, 204, 219
ожог 126
озеро 37, 130, 131
окно 55, 103, 104, 157
окуривание 119, 135
оплакивание 105
оповещать 88
орехи 59, 71
оружие 217
освящать 63, 64, 66, 67, 73, 103, 104, 119, 135
оседлать 125
останавливать 126
остров 38
отбирание молока 54, 119
отец 23, 50, 90, 104, 126, 142, 145, 184, 189, 192
палка, посох 63, 66, 71, 72, 76, 85, 87–89, 91, 92
пастух 65, 66, 71, 72, 78–83, 117
Пасха 17, 29, 30, 55, 59, 60, 64, 73, 196, 199, 203, 204, 206, 208, 219
пахарь, пахота 121, 123
певец 75

- пеленки 101, 132
пепел, зола 64
Пепельная среда 64
первый – последний 55, 73, 101, 103, 114, 131, 132
перекресток 100
переступить 89
перья 104
песни 30, 60, 61, 67, 68, 74, 76, 79, 81–83, 91, 92, 208, 220
пестрый 92
Петров день 205
печенье 130
печь, выпекать 91, 121–123, 130, 138
печь, очаг 121, 131
плакать 68, 86, 100, 105, 113, 117
платок 29, 59, 67, 68, 71, 86, 172, 213
плечо 101, 131, 132
плодовитость 53, 56, 57, 65, 66, 82
плодородие 53, 54, 58, 60, 65, 68, 73, 76
повариха 86
поверья 16, 44, 89, 100, 123, 127, 130, 132, 210, 213
повитуха 100, 102
поговорки 137
погребальная процессия 103, 107
погребение 103, 106
подарок, дар 61, 64, 65, 72, 74, 76, 81, 83, 86, 88–90, 101, 102, 106, 196, 197, 209
подкова 121
подмена 88
подушка 46, 47, 104
пожар 64, 67
пожарные 213
пожирать 100
покойник 32, 70, 71, 100, 103–106, 108–110, 113, 214
полазник 55, 57–59
поле 32, 53, 63–65, 73, 119–121, 123, 127
полночь 80, 86, 100, 127
полотенце 103
полотно 104
поминальные дни 105, 200
поминки 103, 105, 114, 115, 199, 200
помогать (о мифологическом персонаже) 116, 120
помолвка 91, 94, 180, 211
порог 56, 57, 75, 85, 89, 101, 132
порча 100, 215
посевы 54, 55
постель 103
посуда 85, 103, 104
похоронно-поминальная обрядность 14, 17–19, 103, 106, 110, 111, 115, 213
похороны 19, 39, 104–107, 110, 114, 115, 179, 180, 183, 189, 206, 213, 214, 219
похороны вторичные 39
правый – левый 68, 130
праздник 19, 47, 54–56, 59, 61, 63, 64, 66, 69, 70, 72, 103, 106, 114, 152, 153, 164, 186, 195–198, 201, 205, 207–209, 218–220
превращение 121
предводитель 88–92, 96, 97, 211, 212, 213
предзнаменование 174
привидение 133
приглашение ритуальное 87, 88, 90, 97–99
приговоры 62, 74, 92, 212
приметы 55, 86, 201, 213

- приплод 58, 59, 61, 65, 71, 73
присловья 212
причастие 104
причитания 105, 114, 213
проклинать, проклятие 125, 127, 130
просить 212, 213
прощание с зимой 68
прутья 61, 62
прятаться 72
птица 132
птица домашняя 53, 54, 57, 59, 66, 71–73
пугать 69, 120, 131, 204
пуля 217
пуловина 100
путь, дорога 56, 76, 121, 125, 135, 214
пшеница 54, 55, 61, 63–67, 168, 171, 192, 193
радуга 73
рай 104
распознавать, распознавание 56, 57, 59, 71, 85, 133
распорядитель 212
рассвет 122
растения 135
ребенок 81, 100–103, 119, 125, 131–133, 196, 201, 203, 206
ребро 38
река 17, 35, 45, 69, 130, 144, 178
Рим 217
рисовать, рисование 133, 134
родинная обрядность 100
родины 101, 103
родители 31, 32, 56, 80, 89, 104, 154, 209, 212
родственники 26, 55, 62, 65, 70, 89, 91, 104, 105, 142, 144
роды 100, 102, 103, 215
рождение 29, 36, 37, 101–103, 132, 196, 199, 200, 201, 203, 204
Рождество 17, 39, 47, 54–57, 59–61, 65, 66, 70–72, 75–77, 79, 80, 82, 83, 91, 121, 130, 156, 191, 196, 197, 202, 209
роженица 102, 103, 133
роза 68
розмарин 74, 75, 86, 89, 92, 104
розыгрыш, шутка 26, 37, 38, 119
роса 119
рубашка 63
рубить 72
ругательство 119, 125, 130
руки 67, 86, 119
ручей 56
рыба 62, 100, 130
рыбак 38
рыть, копать 106, 107, 115
ряженые 61, 62, 63, 66, 69, 70, 72, 74, 76, 82, 83, 85, 86, 120, 131, 196, 204
сабля 213
сад 38, 54, 56
сажа 76
сапоги 130
сарай 56
свадебная обрядность 17, 30, 46, 47, 59, 84, 87, 89, 93, 198, 211, 213
свадебная процессия 86, 88, 90, 91
свадебное застолье 26, 65, 66, 72, 74, 81, 85, 86, 88, 102, 103, 204
свадьба 19, 26, 37, 59, 63, 73, 84–92, 94–97, 131, 181, 194, 196, 198, 199, 202, 203, 211–213, 218
свадьба вторичная 53, 63
сват, сваты 85, 86, 88, 90, 92

- свет 14, 32, 123, 127, 129
свеча 54, 103–106, 127, 129
свинья 61, 65, 66, 114
свой – чужой 39, 83, 219
священник 6, 22, 26, 63, 65, 67,
78, 79, 81, 82, 89, 105, 154, 157,
212
сглаз 54, 100
сезонные работы 13, 44, 142, 144,
189, 190
сельскохозяйственная обрядность
37
семейная обрядность 16, 19, 23,
75, 84, 89, 115, 195, 196, 198,
210, 218
сердце 91, 92
сестра 142, 145
сидеть 105
Сильвестр св. 54, 202, 214
синий цвет 67
сказка 17, 76, 121, 124
скатерть 29, 66, 67
скот 53, 54, 57, 65, 66, 72, 119
служба, месса 57, 65, 67, 80, 106,
147
слушать, слышать 213
слюни 100
смерть 33, 37, 41, 61, 65, 103, 106,
109, 117, 123, 127, 138, 196,
199, 213
смех 67
смотреть 86, 89, 100, 119, 132,
159
снег 55, 125, 164
собака 119
солдат 136, 195, 215, 217–219
солнце 105
солома 56, 57, 61, 63, 66, 69, 70,
72–75, 83, 120, 192
«соломенная баба» 69
«соломенный дед» 69, 70
соль 55
сон 214
соревнование 26, 121
сорняки 65
сосед 10, 17, 26, 27, 29, 34–38, 43,
54, 58, 59, 64, 71, 72, 90, 92,
103, 117, 120, 126, 133, 138,
142, 144, 183, 220
сосна 53, 73
Сочельник 19, 202
спать 111, 117, 134–137, 214
спина 132
старая дева 70, 203
старейшина 90, 96, 99, 211, 212,
218
старуха 59, 88
старый 196
ствол 72, 73
стеклянный 121
Стефан св. 55, 61, 75, 76, 83, 202
стирать (белье) 54
стол 26, 55, 65, 70, 88–90, 96, 105
столб 127
сторожить 111, 112
стрелок 45
строительство 28
стружка 104
стульчик 56, 57
стучать 88, 89, 212, 213
суббота 196
сундук 107
сухофрукты 59, 71
счастье 60, 85, 100, 215, 216
тайком 26, 66, 197
танец 46, 47, 57, 62, 65, 68, 73,
85–87, 91, 120, 126, 164, 201,
207, 208, 212, 213
тарелка 54, 70, 105
Тела Христова праздник 64, 197

- телега, повозка 56, 72, 126, 127, 139
тело 135
тесто 59
ткань 63
топить 130
«тот свет» 83, 214
травы 64, 66
трапеза поминальная 114
Трех Королей 72, 207
три 213
Троица 17, 29, 64, 66–68, 70, 83, 205, 208, 210, 218
труба печная 117, 123, 126
трут (мифологический персонаж) 132–138
туча 73, 124
убивать 73, 114, 121
увечья 218
угол 103
угощение 87, 130
угроза 215
украшать 213
улица 134
ум, разум 73, 100
урод, уродство 72
урожай 54, 55, 64, 68, 89, 191
успех 54, 83
усы 76
утварь 86
утварь печная 123
утро 38, 56, 80, 106, 119, 204
учитель 146, 147, 157, 178
ущерб 125
фата, вуаль 62, 68, 86, 89
Флориан св. 206
халат 130
хвалить 88, 100
хлеб 66, 87, 121–123, 138
хлеб обрядовый 39, 59, 60, 91
хлеб поминальный 106
хлеб свадебный 29, 46, 85–87, 90–92
хлев 45, 66, 119
хлопок 213
хозяин 57, 60, 65, 66, 76, 83, 138, 212
хозяйка 60, 68
холостяк 53, 69, 70, 73, 136, 137, 203
хоровод 121
хоронить 107, 110
храмовый праздник 164, 198, 201, 205, 206, 208, 209, 218, 220
цветы 89
целовать(ся) 63, 70, 204
цепь 76
церковь, костел 6, 23, 28, 30, 31, 38, 45, 47, 48, 57, 64, 67, 76, 80, 82, 85–91, 105, 106, 110, 192, 197, 198, 202, 206, 214, 219
цыган 85, 131, 207
человек 130
чердак 64, 101, 131
черешня 54
чернокнижник 125
черный цвет 100, 104, 119, 134, 138
черт, дьявол 54, 61, 104, 125, 129, 130, 138
чеснок 55, 119
четверг 64
четыре 17, 25, 26, 59, 60, 63, 64, 156
чины свадебные 14, 92, 93, 211
числа 57, 61, 67, 68, 70, 85, 100–104, 106, 124, 132, 215
чистота ритуальная 89
чудо 217
чума 215

- чучело 69, 72
шаги 213
шапка 71, 82
шелк 213
шерсть 82
шествовать 107
шить 55, 73
школа 6, 22, 23, 219
шкура 54
шуба 71, 76, 78, 82
шум ритуальный 69, 76
шутка 86, 187
Эгидий св. 28
эпистолярный жанр 142, 144, 145,
177, 200, 201, 220
эротика 137
этимология народная 28
юноша 26, 56, 62, 72–77, 85, 87,
90–92, 95, 98, 99, 104, 117, 121,
123, 134, 136, 137, 212, 213
яблоко 62, 65, 66
яблоня 38, 54
язык тайный 36
яйцо 60, 64, 138, 196, 204
яйцо пасхальное 67, 203, 204
ясли 71
ячмень 185, 192, 193
ящик 107, 108

СПИСОК КАРТ

Карта 1. Принятое членение Градища	6
Карта 2. Распределение групп градищанских хорватов	8
Карта 3. Села, обследованные в экспедициях	21
Карта 4. Обследованные села в Среднем Градище	25
Карта 5. Обследованные села в Северном Градище (Словакия).....	35
Карта 6. Обследованные села в Южном Градище.....	43
Карта 7. Наименования невесты.....	93
Карта 8. Наименования подружки невесты.....	98
Карта 9. Наименования бдения над покойным.....	112
Карта 10. Наименования ведьмы.....	118
Карта 11. Вила и мотивы выпечки хлеба / сообщения об урожае у южных славян.....	122
Карта 12. Наименования змея летающего и ареал лексемы * <i>šarkan</i> ' ...	124
Карта 13. Семантика огненного персонажа, его ипостаси	128

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Экспедиция в Среднее Градище

1. Вид на с. Хорватский Жидан от дома священника и церкви. Фото Д. Ю. Ващенко, 2017 г.
2. Дом для действующего священника в с. Хорватский Жидан. Фото Д. Ю. Ващенко, 2017 г.
3. Улица в сторону бывшего хорватского села Тёмёрд, с. Хорватский Жидан. Фото Д. Ю. Ващенко, 2017 г.
4. Табличка с названиями улиц, где слово «улица» дается на двух языках, с. Хорватский Жидан. Фото Д. Ю. Ващенко, 2017 г.
5. Кладбище в с. Хорватский Жидан. Фото Д. Ю. Ващенко, 2017 г.
6. Кладбище в с. Хорватский Жидан. Фото Д. Ю. Ващенко, 2017 г.
7. Село Присика. Фото Д. Ю. Ващенко, 2017 г.
8. Старый дом и парк в Присике. Фото Д. Ю. Ващенко, 2017 г.
9. Дорога в с. Плайгор из с. Хорватский Жидан. Фото Д. Ю. Ващенко, 2017 г.
10. Главная улица в с. Плайгор. Фото Д. Ю. Ващенко, 2017 г.
11. Церковь св. Мартина в с. Плайгор. Фото Д. Ю. Ващенко, 2017 г.
12. Кладбище при церкви св. Мартина и вид на лесной массив Фратровац, с. Плайгор. Фото Д. Ю. Ващенко, 2017 г.
13. Вид на с. Унда. Фото Д. Ю. Ващенко, 2017 г.
14. Вид на церковь св. Мартина в с. Унда. Фото Д. Ю. Ващенко, 2017 г.
15. Кладбище в с. Унда. Фото Д. Ю. Ващенко, 2017 г.
16. Надгробие в с. Унда. Фото Д. Ю. Ващенко, 2017 г.
17. Один из четырех алтарей, подготовленных жителями села для праздника Тела Господня (*Tjelova*), с. Унда. Фото Д. Ю. Ващенко, 2017 г.
18. Начало праздника Тела Господня (*Tjelova*): богослужение в церкви села Унда. Фото Д. Ю. Ващенко, 2017 г.
19. Жители в традиционной одежде, собравшиеся на праздник Тела Господня (*Tjelova*) в с. Унда. Фото Д. Ю. Ващенко, 2017 г.

20. Процессия во главе с Иштваном Думовичем делает обход села от одного алтаря к другому на праздник Тела Господня (*Tijelova*), с. Унда. Фото Д. Ю. Ващенко, 2017 г.
21. Сжигание соломенных кукол, из архива Ференца Фаркаша, с. Унда. Опубликовано в книге [Jordanić 2009: 35].
22. Троицкие «королевские обходы», с. Унда. Опубликовано в книге [Jordanić 2009: 74].
23. Пасхальные яйца из дома Иштвана Колошара, с. Унда. Фото Д. Ю. Ващенко, 2017 г.
24. Свадебные караваи *vrtanji*. Из архивов информантов, с. Хорватский Жидан. Фото А. А. Плотниковой, 2017 г.

Экспедиция в Северное Градице (Словакия)

25. Разрушенная барская усадьба в с. Чуново. Фото Д. Ю. Ващенко, 2018 г.
26. Дунай с островом, с. Чуново. Фото А. А. Плотниковой, 2018 г.
27. Сельская архитектура, с. Чуново. Фото А. А. Плотниковой, 2018 г.
28. Придорожный ресторан (чарда) в с. Чуново. Фото А. А. Плотниковой, 2018 г.
29. Церковь Архангела Михаила, XVIII век, с. Чуново. Фото А. А. Плотниковой, 2018 г.
30. Указатель пограничных улиц, с. Чуново. Фото А. А. Плотниковой, 2018 г.
31. Тупик в направлении словацко-венгерской границы, с. Чуново. Фото А. А. Плотниковой, 2018 г.
32. Надпись на трех языках на здании пожарной охраны, с. Чуново. Фото А. А. Плотниковой, 2018 г.
33. Надгробие в с. Чуново. Фото Д. Ю. Ващенко, 2018 г.
34. Кладбище в с. Чуново. Фото Д. Ю. Ващенко, 2018 г.
35. Беседа с информантами Франтишком Бодичем и Терезией Бодич (Валентич) в с. Чуново. Фото Д. Ю. Ващенко, 2018 г.
36. Беседа с информантами Марией Брос и Штефаном Милетичем в с. Чуново. Фото А. А. Плотниковой, 2018 г.
37. Музей народной культуры, с. Чуново. Фото Д. Ю. Ващенко, 2018 г.
38. В музее народной культуры с его основателем Йоханом Маасом, с. Чуново. Фото А. А. Плотниковой, 2018 г.

39. Йохан Маас показывает обрядовые кнуты («корбачи»), с. Чуново. Фото А. А. Плотниковой, 2018 г.
40. Старинная мужская одежда, Музей народной культуры, с. Чуново. Фото А. А. Плотниковой, 2018 г.
41. Штефан Милетич, потомок Яндре Стефанчича, с. Чуново. Фото Д. Ю. Ващенко, 2018 г.
42. Указатель в с. Яровце. Фото А. А. Плотниковой, 2018 г.
43. В кабинете у старосты Павла Шкодлера (рядом со старостой – манекен в традиционной народной хорватской одежде), с. Яровце. Фото А. А. Плотниковой, 2018 г.
44. Кладбище в с. Яровце. Фото Д. Ю. Ващенко, 2018 г.
45. Надгробие в с. Яровце. Фото Д. Ю. Ващенко, 2018 г.
46. Кладбище в с. Яровце. Фото Д. Ю. Ващенко, 2018 г.
47. Обрядовое «майское деревце» в центре с. Русовце. Фото А. А. Плотниковой, 2018 г.
48. Указатель при входе в парк села Русовце, фото А. А. Плотниковой, 2018 г.

Экспедиция в Южное Градище

49. Майское дерево в с. Нарда. Фото Д. Ю. Ващенко, 2019 г.
50. Улица и церковь Воздвижения Святого Креста в с. Нарда. Фото Д. Ю. Ващенко, 2019 г.
51. Табличка с надписями в с. Нарда. Фото Д. Ю. Ващенко, 2019 г.
52. Кладбище в с. Нарда. Фото А. А. Плотниковой, 2019 г.
53. Церковь Скорбящей Девы Матери в с. Малая Нарда. Фото Д. Ю. Ващенко, 2019 г.
54. Многоязычная надпись при выезде из с. Нарда, фото Д. Ю. Ващенко, 2019 г.
55. Беседа с Шандором Хорватом в музее сельской народной культуры, г. Сомбатхей. Фото Д. Ю. Ващенко, 2019 г.
56. Чердачное окно в старом сельском доме, музей под открытым небом в г. Сомбатхей, фото А. А. Плотниковой, 2019 г.
57. Двухязычная надпись при въезде в с. Горни Четар. Фото Д. Ю. Ващенко, 2019 г.
58. Вид на с. Горни Четар. Фото А. А. Плотниковой, 2019 г.

59. «Майское дерево» в с. Горни Четар. Фото А. А. Плотниковой, 2019 г.
60. Табличка на церкви св. Миклоша о «верных селах» в с. Горни Четар. Фото А. А. Плотниковой, 2019 г.
61. Информант Элек Концер с обрядовым кнутом, с. Горни Четар. Фото А. А. Плотниковой, 2019 г.
62. Масленичный обход «розмарин собирать» (из фотоархивов информантов), с. Горни Четар. Фото А. А. Плотниковой, 2019 г.
63. В гостях у информантов Гизеллы Марич и Дьерди Хамори Ковачне, с. Хорватские Шице. Фото А. А. Плотниковой, 2019 г.
64. По селу Хорватские Шице с Дьерди Хамори Ковачне, супругой Ласло Ковача (автора книги о селе). Фото Д. Ю. Ващенко, 2019 г.
65. Градищанскохорватская церковь св. Петра и Павла и прилегающее к ней кладбище в с. Петрово Село. Фото Д. Ю. Ващенко, 2019 г.
66. Крестный путь в с. Петрово Село. Фото Д. Ю. Ващенко, 2019 г.
67. Таблички с надписями в с. Петрово Село. Фото А. А. Плотниковой, 2014 г.
68. Пасхальное деревце в с. Петрово Село. Фото А. А. Плотниковой, 2014 г.

Научное издание

*Дарья Юрьевна Ващенко
Анна Аркадьевна Плотникова*

ЯЗЫК И НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА
ГРАДИЩАНСКИХ ХОРВАТОВ ВЕНГРИИ
(XX–XXI вв.)

*Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН
(Протокол № 2 заседания Ученого совета ФГБУН
Института славяноведения РАН от 01.10.2024)*

Оригинал-макет: М. Н. Толстая

Корректор: И. С. Пекунова

Дизайн обложки П. К. Донского

*В оформлении обложки использованы
фотоматериалы из личных архивов авторов*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Институт славяноведения РАН
119334 Москва, Ленинский проспект, 32-А

Подписано в печать 10.12.2024. Формат 60×90 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Объем 17 п.л. Заказ № 101. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ООО «ПОЛИМЕДИА»
143001, Московская обл., г. Одинцово, ул. Западная, д. 13